

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

«Третий мир»: спустя полстолетия

Москва
ИМЭМО РАН
2013

УДК 339
ББК 65.5'7
Трет 665

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Ответственные редакторы: д.и.н. В.Г. Хорос, д.полит.н. Д.Б. Малышева

Рецензенты: д.э.н. А.В. Акимов, д.п.н. И.С. Семененко

Трет 665

«Третий мир»: спустя полстолетия / Отв. ред. – В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. –
М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 262 с.

ISBN 978-5-9535-0378-5

Прошло примерно полстолетия, когда в зарубежной и отечественной литературе появилась проблематика так называемых развивающихся стран и концепций развития (development studies), а также отношений Центра и Периферии, стран Севера (Запада) и Юга (Востока). С тех пор конфигурация миропорядка в значительной мере изменилась, и изменения вызваны, прежде всего, процессами глобализации. Авторы, ученые ИМЭМО РАН поставили задачу выявить основные тренды этих изменений в экономической и культурной сферах, в международных отношениях. Вносятся также коррективы в трактовку таких понятий, как «третий мир», «развивающиеся страны», «догоняющее развитие» и другие, выработанные десятилетия назад и еще продолжающие употребляться по инерции. Изучение данной проблематики важно для понимания места и роли России в контексте центрo-периферийных отношений.

Third World: half century later. It took about half a century when problematic of the so-called developing countries and development studies, as well as relations between the Center and the Periphery i.e. the North (the West) and the South (the East) in the foreign and domestic literature appeared. Since then, the configuration of the world order has changed significantly, and the changes are caused primarily by globalization. The authors, scholars of IMEMO RAS aimed at the identification of the main trends of these changes in the economic, political and cultural spheres, and also in international relations. Besides, adjustments were made to the interpretation of such notions as "third world", "developing countries", "catch-up development" and others. These concepts developed decades ago have continued to be used by inertia. The study of these problems is important to understand the role and place of Russia in the context of center- periphery relations.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>
(<http://new.imemo.ru>)

ISBN 978-5-9535-0378-5

© ИМЭМО РАН, 2013
© В.Г. Хорос, 2013
© Д.Б. Малышева, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Г. Хорос ВВЕДЕНИЕ.	4
РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ	
В.Г. Хорос Центро-периферийные отношения за полвека: основные тренды изменений.	9
А.Я. Эльянов Развивающиеся страны в тенетах глобализации.	29
А.А. Рогожин Глобализация и регионализация в Азии (внешнеторговый аспект).	46
С.И. Лунев Дифференциация стран Востока в современном мире.	64
А.Г. Володин Средний класс в незападных обществах – тенденции развития.	85
Е.А. Брагина Теневая занятость в экономике стран Юга как вызов развитию.	98
Н.Г. Рогожина Экология и развитие.	111
Д.Б. Малышева Юг и Восток в формирующемся многополярном мире.	129
Н.П. Скороходова Интернет и политика.	144
В.И. Пантин, В.В. Лапкин Динамика различных политических и социально-экономических моделей в современном мире: попытка прогноза.	153
В.В.Сумский «Революции» наших дней и ход истории (тезисы).	160
Е.Б. Рашковский Религиозная динамика в эпоху глобализации.	164
РАЗДЕЛ II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	
Г.И. Мирский Арабский Восток в XX – начале XXI вв.	177
В.А. Красильщиков Латинская Америка: трудное избавление от зависимости.	199
А.И. Салицкий, В.В. Таций Китайский опыт развития: сравнительные аспекты и значение.	215
И.В. Подберезский ЮВА как проблемный регион.	230
Э.Е. Лебедева Субсахарская Африка в поисках путей развития.	243
В.Г. Хорос ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.	257

В.Г. Хорос

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый сборник статей нацелен на достаточно объемную и непростую задачу – провести, если можно так выразиться, инвентаризацию основных понятий и концептов той проблематики, которая связана с изучением развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, регионов мирового Юга и Востока, Периферии и Полупериферии и их отношений со странами Центра – Севера (Запада). Именно в этой отрасли знания получила права гражданства тема развития (development studies), утвердившаяся в международных исследованиях более полувека назад. Ее терминами, категориями и опорными идеями мы пользуемся и сегодня, зачастую по инерции, поскольку с той поры, – особенно учитывая возросший темп исторической эволюции, – мир во многих отношениях изменился, что создает необходимость поиска новых подходов.

Конец колониализма и появление на карте мира десятков новых независимых государств естественно стимулировали актуальность проблематики развития как преодоления отсталости, слаборазвитости. В 50-х, 60-х и отчасти 70-х годах была создана обширная литература, определившая научные параметры изучения данной сферы. Ее авторами стали ученые как из развитых, так и развивающихся стран, среди которых можно назвать труды С. Амина, Дж. Бэке, Р. Болдуина, Дж. Барнета, П. Барана, Б. Хиггинса, Э. Хагена, А. Хиршмана, Х. Лейбенштейна, Г. Мейера, Х. Мьюинта, Г. Морса, Г. Мюрдаля, Р. Пребиша, Я. Тинбергена, А.Г. Франка, А. Эмманюэля и др.¹

В этих трудах был дан разносторонний и значимый для своего времени анализ ситуации в развивающихся странах. Проблематика их развития и преодоления отсталости рассматривалась не только в экономическом, но также социологическом, политическом и культурно-психологическом аспектах. Исследователи фиксировали внутренние факторы и препятствия для развития – демографический рост, сложные климатические условия, недостаток или недоиспользование природных ресурсов, слабые возможности капиталообразования, низкая производительность труда и неадекватная профессиональная подготовка кадров, дуализм традиционных и современных институтов и пр. Среди внешних факторов отмечалось негативное воздействие и наследие колониализма, незаинтересованность бывших метрополий

¹ J.N. Boeke. Economics and Economic Policy in Dyal Societies. N.Y., 1953; H. Leibenstein. Economic Backwardness and Economic growth. N.Y., 1957; G.M. Meier and R.E. Baldwin. Economic Development. Theory, History, Policy. N.Y., 1957, The Economics of Underdevelopment. L., 1958; A.G. Hirshman. The Strategy of Economic Development. N.Y., 1958; B. Higgins. Economic Development. N.Y., 1959; P. Baran. The Political Economy of Growth. N.Y., 1960; W.W. Rostow. The Stages of Economic growth. N.Y., 1960; J. Tinbergen. Lessons from the Past. Elsvier Publishing company, 1963; J. Barnett and G. Morse. Scarcity and Growth. The Economies of Natural Resource Availability. Baltimore, 1963; H. Miynt. The Economics of Developing Countries. L., 1964; Leading Issue in Development Economies. Ed. by G.M. Meier. N.Y., 1964; I.L. Horowitz. Three Worlds of Development. The Theory and Practice of International Stratification. N.Y., 1966; A.M. Kamark. The Economics of African Development. N.Y., 1967; A.G. Frank. Sociology of Underdevelopment and Underdevelopment of Sociology – “Catalyst”, University of Buffalo, 1967, № 2; Гуннар Мюрдаль. Современные проблемы «третьего мира» (перевод его книги Asian Drama, 1968). М.: 1972; Р. Пребиш. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? (перевод на русский язык более ранних текстов латиноамериканского экономиста). М.: 1992; Samir Amin. Accumulation on a World Scale: a Critique of the Theory of Underdevelopment. N.Y., 1974. и др.

в развитие мировых окраин, выкачивание ими доходов с бывших колоний и зависимых территорий и т.п.

Разумеется, относительно моделей и перспектив развития между авторами существовал большой разброс мнений. Некоторые считали оптимальным разделение на сырьевые и промышленные страны в рамках международного разделения труда. Большинство, однако, исходило из необходимости индустриального развития отсталых стран Юга и Востока. При этом одни полагали такое развитие возможным лишь при технологическом и финансовом содействии передовых стран. Другие же считали это малореальным и доказывали осуществимость развития прежде всего при опоре на собственные силы, через импортозамещающую индустриализацию. Последнее подразумевало повышенные функции и организующую роль государства.

Расхождения имели место и при оценке роли социокультурных традиций в процессе развития. Многие смотрели на них как на серьезное препятствие экономическому прогрессу. Другие (к примеру, Ш. Эйзенштадт и его последователи) говорили о важности мобилизации культурных традиций в процессе развития, выборочного или частичного их использования.

К development studies примыкала разрабатывавшаяся параллельно в тот же период теория модернизации (У. Ростоу, С. Липсет, Э. Шилз, Д. Эптер, Д. Лернер, С. Блэк и др.), для большинства представителей которой развитие (модернизация) означало вестернизацию, достижение отставшими обществами экономических, социальных и политических стандартов развитых стран усилиями прозападно настроенных элит. В контекст научной литературы по проблематике развития можно включить также работы И. Валлерстайна и его сторонников (Дж. Арриги, К. Чейз-Данн, Т. Скокпол и др.), где «мир-система» капитализма рассматривалась как центр-периферическая конструкция, в которой капиталистический Центр был заинтересован в сохранении и эксплуатации Периферии. Школа Валлерстайна ввела также в оборот понятие Полупериферии – страны, зависимой от Центра, но самой являющейся центром в том или ином регионе.²

Свой вклад в изучение развивающихся стран внесла и отечественная наука. С некоторым запозданием по сравнению с зарубежными исследователями (в 70-х годах) в Советском Союзе появляются аналогичные работы, среди которых выделялись коллективные труды Института мировой экономики и международных отношений и Института востоковедения Академии наук СССР.³ Используя материалы зарубежной науки, советские авторы вместе с тем, естественно базировались на марксистской методологии формационного анализа (теория многоукладности развивающихся стран, принципы классовой стратификации и пр.) Другой особенностью советских исследований стран Азии, Африки и Латинской Америки был особый акцент на так называемом некапиталистическом развитии или

² См. Осмысливая мировой капитализм. (И. Валлерстайн и миросистемный подход в современной западной литературе). М.: ИМЭМО РАН, 1997, с.10 – 55.

³ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Мысль, 1974; Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. В. 3-х томах. М.: Наука ГВРЛ, 1980. Нельзя не отметить также книгу «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (1984), где была дана схема формационной эволюции стран Востока в сравнении с регионом Запада (Н.А. Симония), оказавшая влияние на советское «третьемироведение». Были марксистские исследования и за пределами нашей страны – например, книга венгерского автора Тамаша Сентеша («Третий мир» Проблема развития. М.: Прогресс, 1974), в которой, в частности, рассматривалась роль госкапитализма в развивающихся странах и возможность его поворота на некапиталистическое развитие.

социалистической ориентации – феномене, который, действительно имел достаточно широкое распространение в странах Периферии в то время (во многом в результате примера и под влиянием СССР) и прекратил существование после разрушения социалистической системы в конце 80-х – начале 90-х годов.

Конечно, спустя полвека не так уж трудно зафиксировать те или иные просчеты или не оправдавшиеся предположения тогдашних исследований, посвященных развивающимся странам, что выявила сама реальная эволюция данных регионов. Но делать на этом упор вряд ли целесообразно. Напротив, стоит сказать, что в целом development studies выполнили свое назначение – привлечь внимание к проблемам мировой Периферии и определить какие-то контуры путей преодоления исторической отсталости. Тем более, что речь шла о сравнительно новой отрасли знания, подходы к которой надо было нащупывать.

Изучение развивающихся стран прошло несколько этапов, которые выделяют историки данной области науки и которые определялись как изменениями самой изучаемой реальности, так и тенденциями мировой теоретической мысли. Наиболее плодотворным и «урожайным» на исследования был период 50 – 70-х годов, когда данная научная отрасль была сформирована. В это время в мировой экономической мысли преобладало кейнсианство, которое в теориях развития явилось обоснованием стратегий импортозамещения.

Затем пришла эпоха гегемонии неоклассической теории и монетаристских постулатов в духе Ф. Хайека и М. Фридмана. Новый «мейнстрим» переключался на проблематику деэкономизма – не только в плане теоретических подходов, но и практических рекомендаций МВФ, МБРР и других мировых финансовых центров. В результате само понятие развития стало употребляться все реже, его заменили другие термины – «приспособление», «адаптация» (к мировому экономическому порядку). На первый план выдвигается фактор рынка, что предполагало дерегуляцию экономической сферы и ограничение функций государства, сокращение социальных расходов. Позднее эта теория и практика получила название «рыночного фундаментализма», который особенно активно внедрялся именно в странах мирового Юга и Востока, но принес там по меньшей мере противоречивые и не слишком убедительные результаты.

Поэтому, как показано в книге Дж. Рэпли, автора книги по истории development studies, следующим этапом изучения проблематики развития стала критика неоклассических подходов. Она способствовала выдвижению теории «государства развития» (developmental-state theory), которая сложилась в 90-х годах в группе ученых из Института проблем развития Сассекского университета Великобритании (Ч. Джонсон, Г. Уайт, М. Бинефельд, А. Амсен). Главная идея данной концепции состояла в том, что дирижистские функции государства должны быть направлены на поддержку рыночной экономики. В подтверждение своих взглядов авторы теории ссылались на давние идеи Фридриха Листа о необходимости «выращивания» еще молодой, неокрепшей экономики в условиях доминирования на мировом рынке более развитых хозяйств (infant-industry model), а также на опыт восточно-азиатских «тигров» (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.). Хотя здесь имело место определенное противоречие: идеи Ф. Листа были ближе к стратегии импортозамещения, тогда как «тигры» и «драконы» представляли экспортоориентированную модель развития.

Так или иначе, developmental-state theory проповедовала политику модернизаторского авторитаризма. При этом оговаривалось, что глобализация ослабила автономию национальных государств и время «государства развития», возможно, ушло. К тому же developmental-state theory была поколеблена азиатским

кризисом 1997-1998 гг. Поэтому указанная теория уступила место тому, что Дж. Рэпли называет идеями «постразвития» (postdevelopment thought), что образует четвертый, и последний на сегодня этап проблематики развития.

Этот этап характеризуется как весьма неопределенный. В нем смешались различные течения и идеи – критика неоклассических теорий, антиглобализм, постмодернизм. Последний, как и подобает постмодернизму, отрицает какие-либо универсальные «метанарративы» развития. Высказываются некоторые экстравагантные идеи – вроде того, что развитие не обязательно означает повышение уровня жизни населения, но скорее, включение неформальных экономик в хозяйственную среду (into the network of commodity circulation). Поэтому, как считает автор, литература «постразвития» «больше противостоит чему-то, чем предлагает что-то» и никак не влияет на реальную практику. Высказываются сомнения и по поводу выдвинутой ООН и широко разрекламированной концепции «устойчивого развития» с ее требованиями учитывать экологические факторы. Во-первых, потому, что, с точки зрения многих представителей развивающихся стран, эта теория предназначена для того, чтобы ограничить их развитие; во-вторых, потому, что схема «устойчивого развития» до сих пор во многом остается декларацией, научно не разработанной. В итоге автор приходит к выводу о необходимости «новой парадигмы развития», которую еще только предстоит выработать применительно к условиям глобализации.⁴

С этим выводом Дж. Рэпли, пожалуй, можно согласиться. Не только потому, что сегодня действительно существует дефицит идей по проблемам развития стран Юга и Востока, но и потому, что – сравнительно с временами возникновения «третьемироведения» и developmental studies – в мире произошли серьезные изменения. Главное изменение связано, разумеется, с глобализацией, которая принесла новые отношения между странами Центра и Периферии, изменившую конфигурацию самой Периферии, создала новые условия и проблемы развития и модернизации для этих регионов.

Сегодня уже нет былого «третьего мира» – и потому, что нет «второго», и потому, что нынешний «третий мир» трудно определять как некое единство, и общее понятие «развивающиеся страны» можно применить к нему не иначе, как с немалыми оговорками. Современная мировая Периферия состоит из различных групп стран, и различия эти иные, нежели те, которые имели место среди регионов Азии, Африки и Латинской Америки полвека назад.

Нуждается в пересмотре и уточнении понятие «догоняющего развития» – для достижения Китаем или Индией уровня потребления США просто не хватит мировых ресурсов. Да это и не нужно, ибо заданный западными стандартами культ потребительства изживает себя. Точно также вряд ли работает сегодня категория «вестернизации»: опыт показывает, что успешные модели развития в странах Периферии опираются на синтез традиционного и современного, приспособление или учет цивилизационных социокультурных традиций.

Переход развитых стран на постиндустриальную стадию вносит определенные коррективы и в понятие модернизации, иначе ориентируют ее векторы. Не говоря уже о том, что постиндустриальная эпоха накладывает отпечаток на отношения стран Центра и Периферии. Все это побуждает потребность осмыслить опыт эволюции того, что мы десятилетиями называли «третьим миром», по-новому взглянуть на то, что казалось знакомым и привычным.

⁴ John Rapley. Understanding Development. Theory and Practice in the Third World. Boulder (Col.) and London: Lynne Rienner Publishers, 2007, p. 83, 84, 87 – 91, 96, 155, 171, 173, 196 и др.

Для авторов, большинство которых представляет Центр проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН (ЦПРМ) данная работа является и своеобразным подведением итогов изучения развивающихся стран, предпринятого нами в предшествующие годы.⁵ Кроме того, с 2006 г. ЦПРМ организовал постоянно действующий семинар «Современные проблемы развития» с привлечением специалистов из других научных центров. На семинаре рассматриваются как теоретические проблемы процессов развития и модернизации в странах Юга и Востока, так и различные модели развития Китая, Индии, исламского мира и т.д.⁶ Наконец, Центр регулярно выпускал ежегодники «Север – Юг – Россия» (2007 – 2013), где также отслеживал знаковые события и тенденции в центрo-периферийных отношениях. Все это послужило подготовкой предлагаемого исследования.

⁵ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996; Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М.: УРСС, 1998; Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2001; Восток – Запад – Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002; Глобализация и крупные полупериферийные страны. М.: Международные отношения, 2003 и др.

⁶ См. Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Раздел I.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В.Г. Хорос

ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЗА ПОЛВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Амбивалентность глобализации. Глобализация в последние десятилетия стала одним из наиболее «ходовых» и обсуждаемых сюжетов в аналитике мировых проблем. Речь идет о нарастающей интенсификации многосторонних контактов между государствами, народами, хозяйственными субъектами различных стран и регионов, неформальными организациями и пр. Эти процессы имеют свое историческое протяжение (по крайней мере со времен Великих географических открытий), в связи с чем можно выделить различные этапы глобализации. Существуют некоторые показатели, определяющие ее уровень. В экономической сфере это, например, доля экспорта товаров и услуг в ВВП, доля притока прямых иностранных инвестиций в валовых капиталовложениях и некоторые другие. Сегодня уровень глобализации мировой экономики оценивается в целом примерно в 14-16% (по развитым странам 27-29%, по развивающимся 8-10%)⁷. Эти цифры могут показаться не слишком впечатляющими, поскольку на предыдущем этапе глобализации (1880-1914 гг.) какие-то показатели, в частности, масштабы вывоза капитала, были выше⁸. И тем не менее нынешний этап глобализации дает более высокую степень «мировизации» (термин В.К. Ломакина), обладает качественно новыми характеристиками.

Современный процесс глобализации происходит на базе «электронной» (информационно-коммуникативной) технологической революции, что способствовало широте и скорости его распространения. Так, за сравнительно короткий период (1980-2010 гг.) вклад экспорта в рост глобального ВВП почти удвоился, достигнув по развитым странам 49-51%, по развивающимся – 36-38%⁹. Но дело не только в количественных показателях. Сформировалось единое («рыночное») мировое экономическое пространство, что стало особенно заметно после встраивания в мирохозяйственную среду бывших стран социализма, обретших статус так называемых переходных экономик. На этом пространстве действуют более или менее общие «правила игры», поддерживаемые и контролируемые международными субъектами (МБРР, МВФ, ВТО и др.). Лидирующая роль в мирохозяйственной деятельности принадлежит стремительно выросшим за последние десятилетия транснациональным корпорациям. На несколько сотен самых крупных из них приходится контроль за почти 70% мировой торговли и половина прямых иностранных инвестиций.

Глобализация является, с одной стороны, объективным процессом растущего взаимодействия между государствами и нациями, что в принципе создает новые возможности для углубления их сотрудничества и взаимопонимания. Но, с другой стороны, процесс этот пока идет преимущественно в односторонней форме

⁷ В. Мельянцев. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? – «Мировая экономика и международные отношения», 2009, №12, с. 4.

⁸ Л.Н. Федякина. Международные финансы. М. и др.: Питер, 2005, с. 19.

⁹ В.А. Мельянцев. Страны Запада, Востока и Россия. Долгосрочные тенденции..., с. 4.

«западнизации» (используя выражение А.А. Зиновьева) – «вменения» западными политическими, экономическими и культурными элитами (прежде всего США) своих стереотипов сознания, политического устройства, рыночных механизмов, культурных ценностей другим, незападным обществам. Это – форма глобализации, в которой она протекает, что порождает и не может не порождать конфликты и осложнения, не вызывая контрреакции. Конечно, нельзя сказать, что в этом процессе менее развитые незападные страны играют лишь пассивную роль, являются лишь объектами внешнего воздействия – особенно стремительно набирающие в последнее время экономический и геополитический вес Китай, Индия, Бразилия, некоторые новые азиатские и латиноамериканские страны. Но в целом глобализация создает то, что испано-американский ученый М. Кастельс назвал «фундаментальной асимметрией»¹⁰, добавляя к издавна существовавшей разнице между более менее развитыми государствами различия между ними по принципу большей или меньшей встроенности в глобализацию, получения выгод или проигрышей от нее.

Поэтому, наряду с достижениями, глобализация несет с собой проблемы и противоречия. Среди них – ослабление национальных государств и их возможностей экономического регулирования; усиление экономической и политической нестабильности в масштабах планеты, учащение различного рода кризисов и конфликтов; обострение неравномерностей социально-экономического характера – не только между развитыми и отстающими странами, но и внутри них. Можно назвать также феномен так называемой «негативной глобализации» – международной преступности, наркотрафика, терроризма.

Глобализация не существует отдельно, сама по себе. Она встроена в другие направления мировой эволюции, накладывается на них, видоизменяет их содержание. Для нашей задачи наиболее важны два таких процесса. Это, во-первых, отношения между странами Центра и Периферии, Севера (Запада) и Юга (Востока). И. Валлерстайн приравнял бы эту тему к прослеживанию эволюции капитализма как такового – ибо капитализм, согласно его построениям, всегда «играет» на контрасте между «центром» и «периферией» и (в тенденции) – в мировом масштабе. Во-вторых, планетарный процесс модернизации, в который глобализация вносит существенные коррективы.

Ступенчатый характер модернизации. Модернизация – это всемирно-исторический процесс перехода от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Он занимает длительный исторический период – примерно с XVI в. по настоящее время, и для многих стран он еще не завершен. По своему значению модернизационный сдвиг сопоставим с эпохой неолитических революций, сменой собирательства и пастушества земледелием.

Модернизация – это комплексный процесс. Она захватывает все сферы общества – экономику, социальную жизнь, политику, право, культуру. Изменения в этих областях тесно связаны между собой и могут «взаимоподталкивать» друг друга. Но могут и отставать одно от другого, и в таком случае развитие наталкивается на препятствия, а модернизация оказывается частичной, неполной.

В экономике модернизация означает прежде всего индустриализацию (включая существенное повышение производительности труда в сельском хозяйстве), развитие транспорта и коммуникаций, создание национального воспроизводственного комплекса и расширяющееся участие в мировом хозяйстве, научно-технический прогресс и распространение рыночной экономики. В социальной

¹⁰ Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2001, с. 73.

сфере модернизация несет с собой качественно новый уровень социальной мобильности, рост городов за счет сельского населения, формирование системы различных общественных служб (образования, здравоохранения и др.). Политическая модернизация состоит в значительном расширении функций государства (проведение экономической политики), разделении властей и дрейфе – в той или иной степени – в сторону демократии. Наконец, модернизация приводит к трансформации традиционных культурных ценностей, развитию личности, секуляризации, замещению социальных функций религии идеологией, а с другой стороны, – наступлению на религию научного знания.

Модернизация проходила неравномерно как в мировом пространстве, так и в историческом времени. Ее инициатором, первым эшелонам стал регион Запада. Внутри него, конечно, можно выделить разновидности, отражающие особенности конкретной страны или группы стран и различия в сроках развертывания модернизации (Англия, континентальная Западная Европа, США, переселенческие колонии типа Австралии или Канады). Но все они были связаны геополитическим и историко-культурным единством, что привело примерно к одному и тому же типу индустриального общества.

Первый эшелон модернизации отличает прежде всего длительное постепенное становление новых общественных институтов, предпосылок буржуазной формации – экономических, социальных, политических, идейных и культурных. В плане идейно-культурных факторов большую роль сыграли два процесса. Возрождение сформировало идеалы гуманизма и человеческого достоинства. Реформация при помощи религиозных аргументов обосновала принцип автономии личности, при этом – в отличие от Возрождения – овладела массовым сознанием. Наконец, как показал М. Вебер, «протестантская этика» стимулировала предпринимательство. Вызревание формационных предпосылок капитализма облегчалось географическим, хозяйственным и культурным единством европейских стран и народов.

Европейская модернизация протекала не только более или менее постепенно, но и органично. Иначе говоря, новые институты вырастала из традиционных добуржуазных отношений, обладали социально-исторической преемственностью. Этому способствовали особенности феодального общества в Европе: сравнительная мягкость феодальных пут, раннее разложение феодального землевладения, переход к денежной форме ренты, развитие частной собственности. Характерное для средневековья соперничество различных общественных групп (королевской власти, церкви, феодалов, бюргеров и др.) проложило дорогу буржуазно-демократическому плюрализму. Из средневекового суда, в котором приговор подсудимому выносился «пэрами», т.е. людьми, равными по своему социальному статусу, вырос суд присяжных. То же самое относится к идейно-культурной сфере. Достаточно указать на принципы римского права, интенцию личности, заложенную в христианской религии, традиции городской демократии (имевшие истоки еще в античном полисе), рационалистические тенденции схоластики, способствовавшие складыванию логики и научного знания, и тому подобное.

Это, разумеется, не означает, что буржуазная модернизация в Европе шла плавно и бескризисно. Напротив, она двигалась методом проб и ошибок – через различные конфликты, революционные взрывы, экономические замедления, войны, периодические наступления реакции, уничтожавшие плоды предшествующих усилий. Но здесь-то и помогали длительность и постепенность процесса, которому было с избытком «отпущено» исторического времени; его органичность, благодаря

чему факторы, стимулировавшие буржуазную эволюцию, воспроизводились снова и снова; социокультурное единство европейских народов.

А вот в других странах и регионах модернизация проходила с запозданием и обладала существенными отличиями по сравнению с первым эшелоном. Дело не только в сдвинутых на столетия сроках развертывания модернизации, но и в меньшей степени ее органичности. Импульс развития теперь уже в значительной степени исходил извне – от Центра, ушедшего вперед Запада (Севера), который стал для отставших стран не только примером, но и угрозой. Правда, Периферия могла использовать уже имеющиеся технико-организационные достижения более развитых стран. Но надо было приспособить местные традиционные структуры и ценности, чтобы воспринять и воспроизвести эти достижения, причем в короткий исторический срок.

Среди обществ запоздалой модернизации можно выделить второй эшелон – крупные незападные страны, осуществлявшие модернизацию на независимой национальной основе (Россия, Япония, Турция). Это – Полупериферия, если использовать термин миросистемной теории И. Валлерстайна. Ее модернизационный старт начинается на более позднем историческом рубеже – примерно от начала XVIII до середины XIX вв.

В странах второго эшелона, конечно, складывались самостоятельные внутренние предпосылки модернизации – рост товарно-денежных отношений, развитие купеческого капитала и другие. Но выражены они были гораздо слабее, чем в первом эшелоне. Модернизация второго эшелона диктовалась прежде всего необходимостью противостоять растущей экспансии Запада. Играли роль также политические амбиции, стремление правящих слоев достичь потребительских стандартов развитых стран. Отсюда форсированный характер модернизации, что создавало различные диспропорции – отставание аграрной сферы от индустриальной, расслоения в доходах, конфликты в обществе.

Есть и другие отличия второго эшелона от первого. Мануфактурный период здесь значительно сокращен, индустриальный старт практически начинается с машинного производства. Такие источники первоначального накопления как внешняя торговля и эксплуатация колоний ограничены. Более того, складывающийся Центр затрудняет проникновение второго эшелона на внешние рынки. Надо изыскивать другие источники накопления – усиленное налоговое обложение, внешние и внутренние займы, ужесточение эксплуатации трудящегося населения.

Еще одна особенность модернизации во втором эшелоне – повышенная роль государства. Стадия классической свободной конкуренции как бы пропускалась, ее место занимала та или иная разновидность государственного капитализма – насаждение «сверху» крупной промышленности, банков, строительство железных дорог. Роль государства оказывалась двойственной. Давая толчок освоению технико-организационных достижений более развитых стран, оно одновременно консервировало традиционные политические институты, притормаживало процесс демократизации и становление гражданского общества.

Поэтому в странах второго эшелона политическая модернизация зависела от двух факторов. Во-первых, от гибкости политического поведения верхов, их умения в той или иной мере амортизировать социальные конфликты и уступать требованиям времени. Во-вторых, от революционного движения снизу, направленного на модернизацию политических институтов.

Наконец, большое значение имела способность национальной традиционной культуры приспособиться в весьма короткий срок к процессу изменений. Речь идет

не только о менталитете культурной элиты, но и о социально-психологической перестройке массового сознания. Здесь имели значение как уровень и зрелость традиционной культуры, так и сплоченность общества вокруг национальных символов. Немаловажной была также связь, степень взаимопонимания между элитой и остальным населением.

Так или иначе, модернизация в странах второго эшелона проходила более трудно и противоречиво, менее органично, в условиях больших социальных антагонизмов, нежели в странах Центра. Этим во многом объясняется то обстоятельство, что именно во втором эшелоне наряду с буржуазным типом модернизации возникает ее альтернативный, социалистический вариант (Россия).

Наконец, третий эшелон модернизации – страны Азии, Латинской Америки и Африки, где начало перехода от традиционного общества к современному еще более сдвинуто во времени – примерно от середины XIX до середины XX вв. Это – мировая Периферия, которая изначально интегрировалась в процесс модернизации через различные формы колониализма и зависимости, в качестве сырьевого «придатка» к Центру. Разделяя со вторым эшелоном ряд черт запоздалого развития, эти регионы обладают вместе с тем большой спецификой.

Эта специфика связана не только с проблемами преодоления последствий колониализма и зависимости, продолжавших и после политического освобождения определять место новых государств на мировом рынке. Модернизация в третьем эшелоне осуществляется в эпоху глобализации, в частности, в период обнаружения и обострения глобальных проблем. Демографический, продовольственный и экологический кризисы становятся для стран Периферии объективными ограничителями развития или во всяком случае факторами, на которые приходится делать поправки в планах преобразований.

В странах третьего эшелона довольно быстро обозначилась большая дифференциация по уровню развития и результатам модернизации. Меньшинство составили так называемые новые индустриальные страны (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг и вслед за ними Малайзия, Индонезия и некоторые другие), которые постепенно переходили в статус Полупериферии, а отдельные из них по своим показателям стали приближаться к Центру наряду с окончательно преодолевшей «полупериферийность» в послевоенный период Японией. Для большинства других государств в Азии и Латинской Америке оставались характерными структурные дисбалансы и социальные контрасты. В последнее время набирают темп страны-гиганты (Китай, Индия, Бразилия), ставшие индустриальными центрами в незападных регионах и образовавшие новую Полупериферию. Наконец, существует несколько десятков так называемых наименее развитых стран (преимущественно в Африке), которые пребывают в состоянии стагнации или даже деградации, где трудно найти какие-либо значительные признаки прогресса.

Поначалу в третьем эшелоне шел активный поиск альтернативных, социалистических или «некапиталистических» путей модернизации (Китай, Куба, Вьетнам, Алжир, Танзания и др.) – во многом под влиянием модели СССР. Однако кризис советской системы снял эту модель и в странах Периферии.

В первом эшелоне модернизация, создание индустриального общества массового потребления, в общем и целом была завершена (примерно к концу 70-х гг.), после чего начался переход к постиндустриальному обществу. В остальном мире, за немногими исключениями, процесс модернизации продолжается, что

создает новые обстоятельства и проблемы в центрo-периферийных отношениях, между странами Севера (Запада) и Юга (Востока)¹¹.

Постиндустриальная стадия. Термин «постиндустриальный» оставляет желать лучшего, – как все характеристики с приставкой «пост». Тем не менее, он прижился. Выделяются такие черты постиндустриального общества как формирование «экономики знаний» (на основе компьютерного программирования и Интернета), уменьшение за счет этого значения и доли в ВВП индустриального производства (при совершенствовании индустриальных технологий), рост так называемого третичного сектора, сектора услуг. В развитых странах этот сектор сегодня абсорбирует почти три четверти занятого населения, тогда как в 1950 г. его доля была порядка 40%¹². При этом к данному сектору причисляются финансовая сфера, научная деятельность и некоторые другие высококвалифицированные «услуги». Экономика знаний означает складывание «креативного класса», обеспечивающего обилие научно-технических разработок. Доля квалифицированных кадров в США сегодня превышает три четверти работающего персонала¹³.

Появление постиндустриальной тематики вызвало большой энтузиазм. Открывалась перспектива не только бесконечного совершенствования технических средств и удобств, но и социального и интеллектуального прогресса человечества. Труд приобретал творческий характер, терял присущие ему в прошлом черты монотонности и рутины. Приобщение к знаниям должно было сблизить социальные позиции людей в обществе, смягчать неравенство между ними. Все это напоминало идеи К. Маркса о том, что знание, ставшее общедоступным, устранил социальное отчуждение и необходимость общаться друг с другом на основе товарных отношений. Кстати говоря, основоположник постиндустриальной теории Дэниел Белл причислял себя к марксистской традиции в широком ее понимании.

Но тот же Дэниел Белл, сравнивая индустриальное и постиндустриальное общество, определял основной принцип первого как «рациональность и прогресс», а для второго... «страх и трепет» (fear and trembling)¹⁴. И это предчувствие было не случайным.

Экономика знаний действительно создавалась. Но одновременно в развитых странах постепенно возникали и усиливались экономические и социальные проблемы. Почти три послевоенных десятилетия в ареале Запада продолжался период устойчивого экономического роста, что позволило создать там welfare state, государство благосостояния. Казалось, что так будет всегда. Но уже в 60-х годах в США на рынках массовой стандартизированной продукции обрабатывающей промышленности начали наблюдаться признаки насыщения. Все более обнаруживался дисбаланс между предложением и спросом – в автопроме, самолетостроении, химической промышленности, производстве бытовой электроники, компьютеров, индустрии лекарств и т.д. Отсюда хроническая недогрузка производственных мощностей в соответствующих отраслях (например, в гражданском авиастроении США – до 50%)¹⁵. Отсюда снижение доходности обрабатывающей промышленности. Отсюда падение темпов роста ВВП в странах

¹¹ Подробнее см. В.Г. Хорос. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1995, с. 6-19.

¹² В. Мельянцеv. Сдают ли..., с. 7.

¹³ В.А. Мельянцеv. Страны Запада, Востока и Россия..., с. 4.

¹⁴ D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976, p. 154.

¹⁵ См. Экономика США. Под ред. В.Б. Суляна. М. и др.: Питер, 2003. William Greider. One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon a. Schuster, 2011, p. 104, 111, 112, 116, 117.

Запада в 2-3 раза – с 5,4% в 1950-1973 гг. до 2,6% в 1973-1990 гг. и 1,9% в 1990-2007 гг.¹⁶

Эти проблемы имеют социальные последствия – сокращение занятости, падение доли заработной платы в условно-чистой продукции¹⁷. Отчасти это может быть объяснено технологическим прогрессом, сужающем потребность в наемном труде, отчасти – переносом индустриального производства за рубеж в поисках дешевого труда и сокращения издержек производства (что будет специально рассмотрено далее). Но и то, и другое связано с главной проблемой – несоответствия спроса и предложения в современных обществах Запада. Результатом является тенденция размывания среднего класса и в целом заметное усиление социального неравенства. Достаточно сказать, что в 1976-2007 гг. 3/5 роста ВВП США происходило за счет доходов лишь 1% самой богатой части населения¹⁸.

Переход к постиндустриальному типу общества на Западе принес стремительный рост транснациональных корпораций. Активы некоторых из них сравнимы с бюджетами средних по масштабу государств. Они находятся как бы над рынком (национальным и мировым), который они – прямо или косвенно – в большой степени контролируют. Так, 40% экспорта и 50% импорта США движутся не в рамках открытого рынка, а по внутрифирменным каналам ТНК¹⁹. Это уже не «экономическая демократия» свободного обмена. Как заметил современный американский экономист, в случае глубокого погружения той или иной страны в мировые экономические связи ее внутренняя политика «сжимается до выбора лишь между Coke и Pepsi»²⁰.

Но это не значит, что мы имеем дело с мутацией капитализма. Наоборот. Еще такой знаток капитализма, как Ф. Бродель, не ставил знак равенства между капитализмом и рыночной экономикой. Уже в ранних формах европейского капитализма он разглядел тенденцию к «противорынку», монополии, «неэквивалентному обмену», т.е. к таким операциям, в которых конкуренция, являющаяся основным законом рыночной экономики, не занимает определяющего места²¹. И чем более зрелым является капитализм (а нынешний капитализм, наверное, «перезрелый»), тем сильнее проявляется в нем стремление к монополии, которое, по-видимому, в принципе неискоренимо.

Оказались преувеличенными надежды на новый творческий постиндустриальный труд. Многие профессии, связанные с работой за компьютером, стали сегодня вполне рутинными. Да и воздействие новых электронных технологий на те или иные сферы хозяйственной и иной деятельности сложилось весьма различно. Наиболее они, что называется, пошли в дело в секторе финансов, СМИ и шоу-бизнесе, гораздо меньше – собственно в производстве (что было отмечено еще в «парадоксе Солоу»). Кроме того, после основной волны прорывных изобретений (компьютеры, мобильная связь, Интернет), похоже, наступило относительное затишье. По мнению некоторых специалистов, число значительных изобретений в расчете на 100 млн. человек сегодня примерно то же, что было в XVII-XVIII вв.²²

¹⁶ В. Мельянцева. Сдают ли..., с. 5.

¹⁷ William Greider, op. cit., p. 74, 75, 90, 91 и др.

¹⁸ В. Мельянцева. Страны Запада, Востока и Россия..., с. 6.

¹⁹ William Greider, op. cit., p. 22.

²⁰ Dani Rodrik. The Globalization Paradox. Democracy and the Future of the World. Economy. N.Y.: W.W. Norton a. Comp., 2011, p. 189.

²¹ Ф. Бродель. Динамика капитализма. М.: 1993, с. 50, 57, 58.

²² См. В.С. Цаплин. Постиндустриализм: оправданы ли претензии – «Социо», 2006, №4.

Странным образом на фоне пестования «экономики знаний» в развитых странах ухудшается качество образования. Это показали, в частности, обследования школ в Великобритании, Франции и США²³. Во многих случаях низок культурный уровень и студентов, образование которых ориентировано лишь на приобретение некоторых ограниченных знаний и навыков. Это, по-видимому, соответствует курсу на специализацию, «частичность» знаний, принятому сегодня на Западе. Россия ощутила это в полной мере, поскольку ее чиновники от образования бездумно копируют не лучшее из западного опыта (а бывший министр образования даже проговорился, объясняя, что советская система образования стремилась воспитывать в учащихся творческое начало, но сегодня нужны только «хорошие исполнители»). Исследователи констатируют сегодня падение престижности труда не только в сфере образования, но и науки – особенно «на фоне галопирующего роста доходов в финансовом секторе экономики»²⁴.

«Финансомика». Эта диспропорция не случайна. Именно в постиндустриальную эпоху произошло беспрецедентное разбухание финансовой сферы. Появился даже термин «финансомика» (Ю.М. Осипов), смысл которого состоит в том, что «телега» (финансовый сектор) оказывается впереди «лошади» (реального производства), «везет» ее. Классическая экономическая формула $D - T - D'$ заменяется формулой $D - D'$. Но если раньше, в том числе и во времена К. Маркса, основным способом добывания «денег из денег» было банальное ростовщичество, то современная эпоха продемонстрировала гораздо более изощренные формы финансовых «игр».

Предпосылками «финансиализации» мирового хозяйства явились различные факторы – информационная революция, результатом которой стало появление электронных денег и единой мировой банковской системы, позволявшей за считанные секунды перебрасывать денежные массы в любую точку планеты; отказ правительства США от золотого стандарта доллара в начале 70-х гг. прошлого века, что объективно способствовало возможности неконтролируемой эмиссии главной мировой валюты, и некоторые другие. Но главным толчком стал, по мнению ряда аналитиков, опять-таки растущий лаг между предложением и спросом в производстве индустриальной продукции, недогрузка производственных мощностей. Снижение доходности реального сектора стимулировало перетекание средств в финансовую среду.

Общая направленность финансовых операций (биржевых, валютных и других) смещается с текущих доходов на будущие – или такие, какими они рекламируются финансовыми игроками. Происходит взрыв разных форм жизни в кредит – потребительский, автомобильный, ипотечный и пр., что было призвано встряхнуть любой ценой уменьшающийся спрос. Жизнь в долг становится как бы нормой для всех – как для самих финансовых игроков, так и для их клиентов. Риски финансовых операций (расчеты на будущие доходы) возрастают, требуются какие-то формы их страховки, что порождает так называемые финансовые деривативы (фьючерсы, форварды, опционы, свопы), – что фактически означает дальнейшее расширение кредитного «плеча». Финансовые рынки разбухают настолько, что отрываются от реального производства – их объем превосходит мировой ВВП во многие разы. По данным Банка международных расчетов, к началу 2008 г. объем денежной массы достиг 530 трлн. долларов при мировом ВВП в 32 трлн. долларов. Иначе говоря, на

²³ См. Г.Е. Скоров. Франция 2006 – реформа или революция? – «МЭМО», 2006, №11.

²⁴ В. Мельянцев. Сдают ли..., с. 8.

каждый доллар прироста реального мирового продукта печаталось 40 виртуальных («бумажных») долларов²⁵.

Аналитики фиксируют «спекулятивную лихорадку», «эпидемию моральных рисков», охватившую западный (а отчасти и незападный) мир где-то с начала 80-х годов. В результате в финансовой сфере заметно возросла ситуация неопределенности. Колебались акции, прибыли, назначаемые проценты, курсы валют. К примеру, курс между долларом и иеной за последние десятилетия то опускался со 120 до 80, потом вырос почти до 150, затем опустился ниже 110 – и все это при относительно небольших количественных изменениях в базовых показателях реальной экономики²⁶.

Что двигало всю эту странную динамику? Если ответить коротко, – стремление к быстрому и как можно большему обогащению. Финансовые службы корпораций сосредоточились на выплате дивидендов (для этого даже стали прибегать к приобретению акций своих же компаний за счет прибыли корпораций). Сделки по кредиту физическим лицам и учреждениям поощрялись щедрыми премиальными. Топ-менеджеры корпораций и банков получали гигантские бонусы. Так, чистые выплаты дивидендов американскими корпорациями увеличились с 38 млрд. долларов в 1979 г. до 584 млрд. долларов в 2006 г.²⁷ Общая сумма премиальных за продажу долгов и сделки с ипотечными бумагами в США с 2003 по 2008 гг. (именно эти сделки стали спусковым крючком мирового финансово-экономического кризиса 2008 г.) составили порядка 2 трлн. долларов²⁸. А сама доля корпоративной прибыли, полученной за счет финансового сектора, стала заметно расти. Если в начале 80-х годов на нее приходилось примерно 10% всей прибыли частных корпораций, то в 2007 г. – уже 40%.²⁹

Субъектами этой погони за наживой выступили не только биржи и банки, но и финансовые структуры крупных корпораций (порой действовавшие в ущерб производственным интересам собственных фирм), а также различные фонды и учреждения (например, страховые или пенсионные фонды), которые «работали» под банки, не являясь таковыми, т.е. не имея страхующих механизмов и не подпадая под наблюдение контрольных органов. Образовывалась некая «теневая банковская система»³⁰. Далее, немалая роль принадлежала всевозможным рейтинговым агентствам и аудиторским компаниям, которые осуществляли так называемые «игры с доверием», т.е. демонстрировали финансовую надежность весьма сомнительных акций и предприятий ради временных выгод или, как выражается американский экономист Дж. Кротти, давали «абсурдно высокие рейтинги» неликвидным, непрозрачным финансовым структурам³¹. В этих играх могли принимать участие и международные финансовые организации, и даже представители каких-то национальных министерств финансов. В итоге сложилась узкая элита международных финансов – порядка 200 тысяч «спецов» во всем мире, говорящих

²⁵ Л. Мясникова. От глобального кризиса к катастрофе миросистемы. – «Мировая экономика и международные отношения», 2011, №2, с. 107-108. См. также The Rise and Fall of Neoliberalism. The Collapse of Economic Order? L., N.Y.: Zed books, 2010, p. 13; Арсений Фельдман. Гипотеза финансовой ренты. – «Свободная мысль», 2010, №11, с. 184.

²⁶ Пол Кругман. Возвращение Великой депрессии? М.: Эксмо, 2009, с. 109, 110, 172.

²⁷ Federal Reserve Bank. Flow of Funds Tables. 8 March 2012, Table F. 102 "Nonfinancial Corporate Business".

²⁸ J. Crotty. Structural causes of the global financial crisis. – Cambridge journal of economics. L. etc, 2009, vol. 33, №4, p. 565.

²⁹ М.В. Черников. Капитализм на марше. Близок ли финиш? – «Полис», М., 2010, №2, с. 185.

³⁰ Пол Кругман, указ. соч., с. 248.

³¹ J. Crotty, op. cit., p. 566.

на одном языке и объединенных взаимными клановыми интересами, несмотря на соперничество³².

В финансовом мире участились случаи откровенного мошенничества – не просто ошибок в расчетах или превышения грани допустимого риска, но сознательные нарушения, подпадающие под уголовную статью, – сокрытие реальных данных, обман клиентов, создание финансовых пирамид, элементарное хищение средств и пр.³³ Эти нарушения не выглядели исключениями – скорее они становились правилом, своеобразной нормой. И, в общем, закономерным результатом политики дерегулирования финансовой сферы, которая с самого начала была провозглашена как один из принципов неолиберального идеологического «мейнстрима». Для сравнения можно представить на минуту, к чему привело бы «дерегулирование» сферы охраны общественного порядка (пусть члены общества сами устанавливают порядок без помощи полиции) или правовой сферы вообще.

Но даже если оставить в стороне прямые нарушения и незаконные обогащения (хотя и то, и другое наносит обществу как материальный, так и моральный урон), главным негативным «продуктом» доминанции финансовой сферы в экономике являются постоянно возникающие финансовые «пузыри», пирамиды и долговые шлейфы, отвлекающие средства от реального производства и ломающие его ритм. Именно эти перекосы привели в конце концов к мировому финансово-экономическому кризису 2008-2009 гг., который называют первым кризисом эпохи глобализации (хотя на самом деле он не первый, о чем ниже). Но способ преодоления этого кризиса выбран вполне в духе «финансомики»: взамен накопившихся «плохих» денег и долгов идет массированное накачивание банков новыми деньгами. Можно, наверное, согласиться с Л. Мясниковой, что после прежних финансовых пузырей идет «образование нового пузыря – дотации банкам и массовой эмиссии долларов»³⁴. Сегодня эта политика изящно называется «количественным смягчением».

В последние годы все чаще раздаются голоса о необходимости выработки новой мировой финансовой архитектуры – регулирования деятельности финансовых институтов, введении новых правил финансового бизнеса, упорядочивания валютных соотношений и пр. Но все попытки принять какие-либо конкретные решения (например, на встречах «двадцатки») ни к чему не приводят. Неолиберальный подход (надежды на самокоррекцию рынка, в том числе финансового) по-прежнему остается «мейнстримом» как экономической мысли, так и политики в странах Запада. Показательна в этом плане недавно вышедшая книга бывшего председателя Федеральной резервной системы США Алана Гринспена «Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы». Маститый автор считает кризисы неотъемлемой частью рыночной экономики, связывает их просто с «причудливыми проявлениями человеческой натуры» и не видит никакой реальной альтернативы (в плане регулирования финансово-экономической деятельности) тому, что есть сегодня³⁵.

Глобализация и отношения Север-Юг. Сдвиги в развитом мире, стимулировавшие процесс глобализации, не могли не оказать воздействие и на остальной мир – воздействие, результаты которого также были неоднозначными.

³² William Greider, *op. cit.*, p. 245-246.

³³ См. Дж. Стиглиц. Крутое пике. М., 2011, с. 17, 204-209, 325-327, 350, 387-389 и др.

³⁴ Л. Мясникова, указ. соч., с. 104.

³⁵ См. обзор книги А. Гринспена в журнале «МЭиМО», 2011, №3.

В первые послевоенные десятилетия между странами более развитого Центра и освободившимися от колониализма и зависимости регионами Периферии существовало определенное взаимопонимание и даже некоторый параллелизм в подходах к экономической стратегии и политике развития. Кейнсианство с его идеей государственных интервенций и денежного подпитывания национального хозяйства в целях поддержания его динамики проникло и в штудии, посвященные проблемам менее развитых стран. Конечно, здесь имели место различные направления и школы мысли. Структуралисты (Р. Пребиш, Х. Зингер, Р. Нурксе, С. Фуртадо и др.) доказывали необходимость изменения структуры отсталой экономики, роста индустриальных отраслей за счет первичного (сырьевого) сектора, допуская при этом инвестиции и технологическое содействие со стороны развитых стран. Сходную позицию занимали теоретики модернизации (начиная с У. Ростоу), обосновавшие роль модернизаторских (прозападно настроенных) элит и возможность «догоняющего развития». В противовес им возникли теории зависимости (П. Баран, А.Г. Франк), которые исходили из того, что «первый мир» заинтересован в сохранении отсталости «третьего мира», и последнему надо выбираться из отсталости своими силами. Близкие к этому взгляды высказывались сторонниками теории «периферийного капитализма» (С. Амин). Но все эти течения отличала ориентация на индустриализацию и уверенность в том, что государство должно стать организатором процесса. Здесь можно усмотреть также некоторую перекличку «государственничества» в странах Азии, Африки и Латинской Америки с «государством благосостояния», утверждавшимся в послевоенный период на Западе.

Специфика государственного дирижизма на Периферии заключалась в стратегии импортозамещения. Его ранние формы были опробованы еще в Турции времен Ататюрка, в Бразилии в годы президентства Ж. Варгаса, в Аргентине в период Х. Перона и др. В послевоенный период эта модель так или иначе имела место во многих освободившихся странах Азии и Африки (Индии, Гане, БСК, Индонезии и др.), включая так называемые государства социалистической ориентации. У этой стратегии были определенные достижения, особенно в социальной сфере (улучшение условий жизни населения – продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, повышение грамотности и пр.). Основной ее слабостью была недостаточная экономическая эффективность, связанная с недооценкой или подавлением рыночных стимулов со стороны национальных государств, стремившихся форсировать процесс развития и преодоления отсталости.

Но не только (а, может быть, и не столько) внутренние проблемы способствовали отходу от курса на импортозамещение, принципа «опоры на собственные силы» и прочих составляющих политики «девелопментализма» в периферийных странах. Большую роль сыграла «перемена декораций» в странах Запада и воздействие этого на «третий мир». Почти все авторы, рассматривающие эту тему, соглашались в том, что историческим рубежом, «моментом истины» явились 70-е годы прошлого века. Здесь многое сошлось: отказ от золотого стандарта доллара, нефтяной кризис, вызванный демаршем нефтедобывающих стран против Запада и способствовавший стагнации в развитых странах, нарастание там правоконсервативной ориентации, первые волны распространения электронных технологий, означавшие начало глобализации.

В плане идейной или идеологической ориентации этот поворот выразился в переходе от кейнсианского подхода и *developmental studies* к неоклассической теории. В последней, восходящей еще к идеям Адама Смита, на первый план

выдвигается саморегулирующийся рынок, государству же отводится минимальная роль («чем меньше, тем лучше»). Поначалу неоклассический подход обосновывался теоретически (Ф. Хайек, М. Фридман). Но затем, с приходом к власти консервативных правительств М. Тэтчер и Р. Рейгана в Великобритании и США этот подход с акцентом на монетаристские методы был внедрен в международные финансовые организации (прежде всего МБРР и МВФ), которые проводили финансовую политику Запада в отношении развивающихся стран.

Впрочем, и в самих развивающихся странах появились рьяные сторонники неоклассических взглядов, которые выдавали рекомендации даже «круче» своих патронов из стран Центра (Дж. Бхагвати, Х. Джонсон, В. Корден, А. Крюгер и др.). Индийский экономист Д. Лал, например, провозглашал, что «ошибка (failure) рынка всегда предпочтительнее ошибки государства». Бывшим колониям и зависимым территориям предлагалось «стать богатыми» через продажу сырья развитым странам, как было при колониализме, который вообще-то не сделал ничего плохого странам Периферии и не ответственен за низкий уровень жизни там³⁶.

В этом контексте надо оценивать такое ключевое событие, как отказ от программы Нового мирового экономического порядка. В этом документе, первоначально принятом в рамках ООН, периферийные страны предлагали странам развитого Центра расширить и диверсифицировать импорт из развивающихся стран и повысить цены на сырье в целях роста накоплений на процесс развития. Однако в конце 70-х годов эти предложения были отвергнуты развитыми странами. Взамен были разработаны программы «структурной адаптации» (structural adjustment programmes – SAP), выполнение рекомендаций которых для периферийных стран стало обязательным условием для получения займов и инвестиций извне. «Большинство стран третьего мира стали лабораторией грандиозного эксперимента в духе неоклассической теории»³⁷.

Программы «структурной адаптации» были стимулированы серьезным долговым кризисом, охватившим с начала 80-х годов многие страны Периферии (особенно в Латинской Америке и Африке). Причины, ход и последствия этого кризиса весьма симптоматичны. В конце 70-х годов в результате нефтяного кризиса в западных банках скопилась масса нефтедолларов, которые надо было куда-то девать, и на весьма льготных условиях они были предложены периферийным странам. Безусловно, зачастую использование этих средств было не слишком рачительным. Но дело не только в этом. Не случайно в мировой научной литературе помимо понятия «долг» (debt) употребляется также термин *endebting* – «обременение долгом», чтобы затем это обстоятельство к выгоде использовать. По-видимому, какой-то расчет у финансовых кругов Запада в долговой политике был. Так или иначе, после щедрого отпуска займов и кредитов была дважды значительно повышена процентная ставка, и страны-должники Юга и Востока предсказуемо «не выдержали резкого сокращения притока и увеличения оттока финансовых ресурсов в начале 80-х гг.»³⁸. Из большого внешнего долг этих стран стал неподъемным.

Эта ситуация во многом и вызвала к жизни политику «структурной адаптации». Согласно ей, периферийным странам предоставлялись «займы помощи», но под определенные жесткие условия. А именно: либерализация внешнеэкономической деятельности, девальвация национальной валюты, приватизация госпредприятий, сокращение социальных расходов (замораживание зарплат, урезание прав

³⁶ John Rapley. *Understanding Development. Theory and Practice in the Third World*. Boulder (col.) a. L.: Lynne Rienner Publishers, 2007. p. 70-72.

³⁷ Ibid., p. 84.

³⁸ Л.Н. Федякина, указ. соч. с. 353.

профсоюзов, дотаций на социальные нужды). Какие-то из этих мер имели смысл в плане экономии государственных трат. Но цель их была другая и отнюдь не ориентированная на задачи развития: ограничение прерогатив национального государства по проведению самостоятельной экономической политики, дирижирование этой политикой извне. Логика этого дирижирования (признававшаяся, кстати, обеими сторонами) была проста и заключалась в лозунге «развитие ради выплаты долгов».

Эксперт ЮНИСЕФ Ева Педерсен, рассмотрев 24 SAP для африканских стран, пришла к выводу, что в большинстве случаев в результате использования займов экономическая ситуация в этих странах ухудшилась либо по крайней мере не улучшилась.³⁹ В Мексике после нескольких лет следования предписаниям SAP разразился финансовый кризис 1995 г. Аналогичная политика в Гане держалась на щедрых финансовых вливаниях извне, которые изрядно увеличили внешний долг страны. В Нигерии результатом SAP был лишь рост сырьевого экспорта.⁴⁰

В свое время Б.М. Болотиным в ИМЭМО РАН были произведены сравнительные обследования результатов «структурной адаптации». Из его расчетов следовало, что страны, активно прибегавшие к внешним заимствованиям ради обеспечения экономического роста, не имели в своем развитии каких-либо преимуществ перед теми государствами, которые полагались в основном на внутренние ресурсы. Скорее наоборот – страны, которые были меньше вовлечены в «игры» с международными финансовыми организациями и другими иностранными заемщиками (например, Китай), демонстрировали более убедительную динамику хозяйственного развития. Даже в тех случаях, когда зарубежные займы и кредиты поначалу стимулировали некоторые экономические подвижки, затем увеличение бремени обслуживания внешнего долга (возврата его основной части и выплаты процентов) приводило к существенному уменьшению инвестиций и текущего потребления, к замедлению развития, консервации бедности и нищеты в странах-должниках. Во всех без исключения странах, где высокими темпами возрастала внешняя задолженность, наблюдалась тенденция усиления социальной дифференциации, рост разрыва в доходах. Происходило также снижение в ряде случаев такого ключевого показателя экономического развития, как ВВП на душу населения. Если же имело место его повышение, то оно было значительно меньшим соотносительно с растущим бременем долга.⁴¹

Наконец, рос и сам внешний долг. С 80-х по начало 2000-х годов этот долг вырос в странах Африки в 2,5 раза, Азии – в 2,5 раза, Латинской Америки – более, чем в 2 раза.⁴² Можно сказать, что задолженность превратилась в новую форму зависимости Периферии от Центра. Поскольку полная отдача долгов являлась практически нереальной, странам-должникам нередко приходилось расплачиваться своими активами. Например, в Латинской Америке в конце 80-х – первой половине 90-х годов западные ТНК приобрели на 30 млрд. долларов местные госпредприятия, используя для этой цели конвертированные долговые обязательства. Точно также в форме конверсионных процедур по использованию внешних долгов осуществлялись инвестиции (в 1988-1995 гг. порядка 13,5 млрд. долларов)⁴³.

Стратегия «структурной адаптации» в последнем десятилетии XX века привела почти к повсеместному осуществлению неолиберальных реформ в духе так

³⁹ The Case Against the Global Economy. San Francisco, 1996, p. 287

⁴⁰ John Rapley, *ibid.*, p. 87-91.

⁴¹ См. Постиндустриальный мир и Россия, с. 264-267.

⁴² Л.Н. Федякина, указ. соч., с. 367-368.

⁴³ Там же, с. 410.

называемого «Вашингтонского консенсуса». Эта система мер, разработанная американским экономистом Дж. Уильямсоном, поначалу предназначалась западными экспертами для Латинской Америки, но затем стала рекомендоваться без разбора любым странам⁴⁴. Суть ее заключалась во всемерной открытости рынков периферийных стран, либерализации экспорта и импорта, финансовой сферы, приватизации государственных предприятий, значительном сокращении функций государства в экономике по принципу «рынок сам решит все проблемы» и т.п. Такая чрезмерная открытость не способствовала развитию национальных экономик и приносила краткосрочные дивиденды лишь иностранным партнерам из развитых стран и узким группам местного бизнеса. (Именно по рецептам «Вашингтонского консенсуса» проводились реформы и в России 90-х годов).

Еще одним проявлением или следствием неолиберальной политики Центра по отношению к Периферии, помимо «структурной адаптации» и проблемы внешней задолженности, но тесно связанным с ними, стали финансовые кризисы как результат чрезмерной, бесконтрольной либерализации финансовых рынков. За четыре десятилетия (начиная с конца 70-х годов) зафиксировано 124 банковских кризиса, 208 валютных сбоев и 83 национальных долговых кризиса, большинство которых произошло в странах Юга и Востока⁴⁵. Наиболее крупные из них имели место в Мексике (1994-1995), Юго-Восточной Азии (1997), России (1998), Бразилии (1999), Аргентине (2000-2001), Турции (2001) и другие.

Эти кризисы были результатом банковских и иных операций по формуле Д – Д'. К реальному производству они имели мало отношения. Например, так называемому «кризису текилы» в Мексике в середине 1990-х годов предшествовал финансовый бум, наплыв средств извне. Но, по свидетельству мексиканского экономиста Карлоса Эредиа, лишь четверть этих средств (capital inflows) шла на производственные инвестиции, а три четверти – на финансовые операции, связанные с использованием крупных внешних заимствований и продажей государственных активов. Занимая деньги за рубежом под низкий процент, финансовые игроки покупали на них государственные активы под более высокий процент, который в разгар бума доходил до 80% и даже 130%⁴⁶. Затем эта финансовая пирамида, естественно, обрушилась.

По сходной схеме развертывался крупный финансовый кризис в Юго-Восточной и Восточной Азии (Таиланд, Индонезия, Малайзия, Южная Корея, Филиппины). Начиналось с притока – по настойчивым рекомендациям международных финансовых организаций – иностранных инвестиций (в основном портфельных), наращивания финансовой пирамиды; затем последовал резкий отток этих средств, спекулятивные атаки на национальные валюты, истощение резервов, банкротство банков и фирм, инфляция, предоставление «пакетов помощи» и т.д. Негативные последствия кризиса были не только финансовые (в том числе контроль над ослабевшими национальными корпорациями зарубежных компаний), но также экономические (спад производства, снижение душевого ВВП) и социальные (безработица, расширение социальных контрастов)⁴⁷.

⁴⁴ Один индийский экономист даже сравнивал рецепты в духе МВФ, МБРР и других международных финансовых организаций со «средневековым доктором, у которого есть одно стандартное лекарство – пустить пациенту кровь, какова бы ни была болезнь; причем, чем хуже чувствует себя пациент, тем больше крови из него выпускают» (J. Mehta. IMF and Indian Economy. – “Mainstream”, New Delhi, 1991. July, vol. XXIX, №40, p. 10).

⁴⁵ Dani Rodrik, op. cit., p. 260-265.

⁴⁶ William Greider, op. cit., p. 260-265.

⁴⁷ Л.Н. Федякина, указ. соч., с. 450-451.

«Третичная» индустриализация. Постиндустриальная эпоха принесла еще одно крупное изменение в мировой экономике – индустриализацию ряда стран Периферии. Если после политического освобождения эти страны еще какое-то время производили и экспортировали в страны Центра сырье и низкотехнологичные материалы, то постепенно развитые государства, переходя к экономике постиндустриального типа, были заинтересованы в передаче каких-то индустриальных отраслей (или хотя бы части этих отраслей) в страны Юга и Востока. Это означало «третичную» индустриализацию (по сравнению с таковой в первом и втором эшелонах модернизации) и одновременно новый сдвиг в международном разделении труда.

«Третичная» индустриализация, таким образом, получает импульс извне, связана с технологическими и экономическими процессами в развитых странах. В этих странах, как считают специалисты по экономической истории, в последней трети XX века происходит третья промышленная революция. Если первая, «текстильная» революция в Англии в конце XVIII в. открыла эпоху механизации и фабрики, вторая, через полтора века – эпоху конвейера и массового производства, то третья промышленная революция существенно сокращает трудовые затраты в производстве, передавая их функции сложным технологическим автоматическим комплексам. Отрасли, в которых массовый рабочий труд еще требуется, становятся менее прибыльными и «созревают» для передачи их более отсталым странам.

Данная «эстафета» индустриализации осуществлялась по-разному. Во-первых, некоторые страны Периферии, накопившие какой-то индустриальный опыт в предшествующий период (Китай на коммунистическом этапе, Индия в первые десятилетия после независимости и др.) включаются в данный процесс самостоятельно. В этом плане определенной подготовкой «третичной» индустриализации явилась также фаза импортозамещения в целом. Во-вторых, индустриальное развитие некоторых стран стимулировалось Центром по геополитическим причинам (Южная Корея, Тайвань и другие «тигры»), дабы противопоставить их опыт советскому блоку. Этот вариант даже получил в научной литературе свой термин – *development by invitation* (развитие по приглашению). Разумеется, этим «приглашением» (т.е. передачей технологий, открытием рынков, субсидий) надо было еще воспользоваться, и указанным странам, прежде всего, первым четырем «драконам» (кроме названных – еще Сингапур и Гонконг) это блестяще удалось.

Но поскольку, несмотря на начало третьей промышленной революции на Западе, трудоемкие производства там еще оставались в немалом объеме, резон переводить соответствующие предприятия, где трудовые издержки несравненно меньше, а экологические нормы значительно ниже, становился все более очевидным. Особенно активно за дело взялись транснациональные корпорации. Уже в конце 70-х годов продукция филиалов и дочерних компаний ТНК составляла, например, до 40% в экспорте Бразилии и Аргентины⁴⁸. Процесс переноса индустриального производства с Севера (Запада) на Юг (Восток) быстро набирал обороты. В Мексике появился обширный комплекс оборочных предприятий (так называемые «макиладорас») – филиалов ТНК, выпускающих разнообразную продукцию главным образом для экспорта в США. Особенно быстро шла индустриализация экспортного назначения в Китае. Уже в 1994 г. здесь появилось порядка 165 тысяч совместных предприятий с участием иностранных инвесторов и

⁴⁸ Л.Н. Федякина, указ. соч., с. 341.

организаторов производственного процесса, уже в 90-х годах промышленные товары из КНР составляли половину долларového импорта США⁴⁹.

Хотя процесс перемещения индустриальных отраслей с Севера (Запада) на Юг (Восток) идет достаточно давно, как ни странно, до сих пор нет каких-то серьезных обобщающих работ и данных, которые могли бы дать точную картину происходящего. О масштабах этого процесса можно судить лишь по некоторым показателям. Тем не менее, есть основания считать, что ряд стран Периферии и Полупериферии стали ведущими поставщиками дешевого ширпотреба – одежды, обуви, спорттоваров, игрушек и т.п. Но также – видеоманитофонов (60% мирового экспорта), телекоммуникационного оборудования (45%), оптических инструментов и приборов (72%), компьютерного оборудования (где лишь доля одного Китая составляет 30%) и другой высокотехнологичной продукции⁵⁰.

В качестве примера возьмем ситуацию в швейном деле. В производстве одежды доминирует Азия – главным образом Китай с занятостью в 2,7 млн. человек в этой отрасли, Индия, Индонезия, Вьетнам, Таиланд, а также Мексика, Бразилия и некоторые страны Восточной Европы. У США и ЕС громадный торговый дефицит в производстве одежды. Характерен, скажем, случай известной американской компании по пошиву джинсов Леви Страус. Если в 1980 г. LS производила у себя дома 90% продукции, то в 2003 г. она объявила о закрытии последних четырех фабрик в Северной Америке – все производство было перенесено в страны Периферии⁵¹.

Может быть, не столь показательна ситуация в автопроме. Но и здесь, например, США более чем вчетверо сократили производство автомобилей у себя дома по сравнению с временами полувековой давности. Сходные тенденции характерны для Германии, Великобритании и Японии. Так, концерн Honda в 2005 г. более половины автомобилей производил за пределами страны, Nissan – почти половину, Toyota – 36%. Их примеру следует южнокорейский Hyundai (30% производства за пределами страны). Крупными автосборщиками становятся Китай, Бразилия, Мексика, Индия и другие страны.⁵²

В полупроводниковой отрасли, которая долгое время была в основном сосредоточена в США, производство стало постепенно смещаться в сторону стран Восточной Азии – Тайваня, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Китая. В последнем темпы роста полупроводниковой промышленности составляют до 20% в год. Практически все ведущие американские производители этой отрасли перевели свои сборочные предприятия в этот регион.⁵³

Конечно, полный «сброс» производственных мощностей за рубеж происходит не часто, на других предприятиях или в других отраслях часть мощностей в собственной стране остается. Но общая тенденция «освобождения» от индустриального, особенно трудоемкого и экологически проблемного производства в развитых странах несомненна.

Каковы же результаты и последствия данного трансферта как для «передающей», так и для «принимающей» сторон? Что касается первой, то в выигрыше оказываются прежде всего транснациональные корпорации, создающие свои филиалы и производственные звенья в странах Периферии. Ведь сюда

⁴⁹ William Greider, *op. cit.*, p. 159, 161.

⁵⁰ Н.Н. Цветкова. Страны Востока и догоняющее развитие. – В кн. Что догоняет догоняющее развитие. М.: Институт Востоковедения РАН, 2011, с. 330.

⁵¹ См. Peter Dicken. *Global Shift. Mapping the changing contours of the World Economy*. N.Y. – L.: The Guilford press, 2007, p. 250-254.

⁵² *Ibid.*, p. 280 – 283, 299, 304 и др.

⁵³ *Ibid.*, p. 319 – 321.

переносятся главным образом трудоизбыточные производства с низкой оплатой труда, а звенья с высокой добавленной стоимостью (маркетинг, НИОКР, дизайн, юридическое обслуживание, реклама, не говоря уж о финансовых подразделениях) сохраняются «дома». Так, в компании Intel научные изыскания, разработка и дизайн в основном производятся в США (штаты Аризона, Калифорния, Орегон и Вашингтон). 70% своих плат – ведущего компонента продукции – также выпускается «дома». Сборочное же производство размещено в Китае, Коста-Рике, Малайзии, на Филиппинах, строятся новые заводы во Вьетнаме.⁵⁴ В итоге прибыли ТНК за последние десятилетия возросли многократно. К примеру, компания General Electric за 15 лет (со второй половины 80-х годов) утроила свои доходы⁵⁵.

Но не все то, что хорошо для GE, хорошо для американцев. Ибо за этот же период персонал корпорации уменьшился вдвое (с 435 до 220 тысяч человек) – как за счет перевода тех или иных предприятий за рубеж, так и благодаря замене людского труда новыми высокотехнологичными системами. Сегодня доля индустриальной продукции в ВВП США составляет всего 11%, хотя этой продукции в долларовом исчислении столько, сколько дает Китай, но используя в 10 раз меньше рабочей силы⁵⁶. Это, естественно, приводит к сокращению возможностей занятости и снижению доходов американского персонала. В 2005 г. средняя реальная зарплата американского рабочего (nonsupervisory worker) была на 8% ниже, чем в 1973 г., хотя производительность труда выросла на 85%. Доля зарплаты снизилась в ВВП стран ОЭСР повсеместно⁵⁷. Эксперты говорят о размывании среднего класса, бывшего гордостью западных стран во времена welfare state.

В последние годы в США обозначился противоположный тренд – возвращение части перемещенных в свое время мощностей обратно на родину. Тот же GE восстанавливает свернутый было и перенесенный в Китай технопарк в штате Кентукки, где разворачивается модернизированное производство водонагревателей, высокотехнологичных холодильников, посудомоечных машин. Так же поступают некоторые компании по производству литейной продукции, элеваторов и другие. Причины различны: рост цен на нефть, что увеличивает транспортные издержки; удешевление газа в США по сравнению со странами Азии; постепенное поднятие зарплат в Китае и пр.⁵⁸ Однако процесс инсорсинга (на смену аутсорсингу) наталкивается на немалые сложности и препятствия.

Взять известную компанию Apple, которая почти все свои производственные мощности вынесла за рубеж. Когда президент Б. Обама спросил главу компании С. Джобса, реально ли возвращение рабочих мест в США, ответ был такой, что для этого уже нет возможностей. И дело не только в том, что американскому персоналу пришлось бы платить значительно больше, чем китайскому. Как выразился один из менеджеров Apple, «США перестали производить людей с необходимыми навыками», так сказать, отвыкли от массового сборочного производства⁵⁹.

Теперь о том, что дает такого рода трансфер индустриализации периферийным странам. Плюсы от этого для данных стран, несомненно, есть.

⁵⁴ Ibid., p. 338

⁵⁵ William Greider, op. cit., p. 216.

⁵⁶ The Economist, L., April 25-27 2012, p. 5.

⁵⁷ См. E. Kapstein. Workers and the World Economy. – "Foreign Affairs", N. Y., 1996, vol. 75, №3; R. Pollin. Global Outsourcing and the US Working Class. – "New Labour Forum", N.Y., 2007, vol. 16, №1.

⁵⁸ См. Charles Fishman. The Insourcing Boom. – "The Atlantic", December 2012.

<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2012/12/the-insourcing-boom/309166>.

⁵⁹ "New York Times", January 29, 2012. Эти и некоторые другие материалы, содержащие данные по переносу индустриального производства с Севера (Запада) на Юг (Восток) были предоставлены для этой статьи Н.П. Скороходовой.

Некогда отсталая экономика имеет шанс превращаться в «мастерскую мира» (как сейчас называют Китай), приобщаться к пятому технологическому укладу, ядро которого составляют информационные технологии. Индустриальный бум приносит новые культурные ценности, изменения в системе образования. Сегодня Китай и Индия ежегодно выпускают в полтора – два раза больше инженеров и специалистов, чем все страны Запада вместе взятые⁶⁰. Но есть и оборотные стороны.

Прежде всего, далеко не все периферийные страны оседлали волну «третичной» индустриализации. Преуспели здесь немногие – помимо НИС первого и второго «выпуска» (Южная Корея, Тайвань, Малайзия, Таиланд и др.), подымающиеся страны-гиганты (Китай, Индия, Бразилия), сумевшие реализовать преимущества своей «крупности». Но и эти лидеры в большинстве своем далеко отстают от развитых стран по условиям и оплате труда. В Китае, например, в индустриальных зонах вокруг Шанхая официальный минимум зарплаты составляет 24 доллара в месяц. Индийский инженер примерно одинаковой квалификации с американским получает в 8 раз меньше. Вьетнамский рабочий зарабатывает в 47 раз меньше, чем французский и т.п.⁶¹ Продолжительный рабочий день (12-14 часов), использование женского и детского труда, тяжелые бытовые условия проживания наемных мигрантов, фактическое отсутствие профсоюзных прав – все это достаточно типично для «третичной» индустриализации. Не именно эти условия труда и привлекают зарубежные ТНК (и, по сути, диктуются ими).

Наконец, в ряде случаев индустриальные функции в странах Юга и Востока ограничиваются по большей части сборкой. Вот, например, что показывают расчеты расходов на выпуск 16-гигабайтного iPad модели 2010 г. фирмы Apple, производимого в Шеньчжэне (Китай). Из общей его цены 499 долларов более половины составляет прибыль компании и оплата персонала ее центрального офиса, 154 доллара уходят на материалы и компоненты из различных стран (более 150 поставщиков), а на оплату труда остается 33 доллара, из которых лишь 8 долларов приходится на долю китайского персонала⁶². Правда, уровень оплаты труда в Китае сейчас постепенно повышается, но все равно остается несравнимо меньшим в сопоставлении с развитыми странами.

Нельзя при этом сказать, что эта разница в оплате пропорциональна разному качеству труда в странах Центра и Периферии (или Полупериферии). Скажем, в Бразилии на производство тонны стали требуется 5,8 часов трудозатрат, а в США – 3,4 часа, т.е. разница меньше, чем 1:2. Но в оплате разница составляет 1:10⁶³. Такая «недоплата» не только социально несправедлива, но в экономическом плане становится фактором, сужающим внутренний рынок и возможности развития в этом направлении.

К этому можно добавить, что такое неравенство является отражением сохраняющегося технологического превосходства Центра над Периферией. И тем не менее «асимметричная» индустриализация как бы вписывает соответствующие страны в процесс глобализации, оставляет им возможность в той или иной мере перенять технико-организационные достижения более развитых стран, уменьшить расстояние от них. Другие же страны Юга и Востока за некоторыми исключениями (например, нефтедобывающие страны) фактически остаются на обочине. Таким образом, бывший «третий мир» распадается на сравнительно небольшое число

⁶⁰ В.Н. Уляхин. Дорожная карта «догоняющего развития». – В кн. Что догоняет догоняющее развитие..., с. 249.

⁶¹ William Greider, op. cit., p. 63, 64 и др.

⁶² "The Economist", April 25-27th, 2012, p. 7.

⁶³ William Greider, op. cit., p. 75.

новых индустриальных стран и поднимающихся гигантов (Китай, Индия, Бразилия, Малайзия и др.); стран Юга преимущественно традиционной сырьевой ориентации (среди которых особая группа нефтедобывающих государств); наконец, наименее развитые страны Юга и Востока (большинство из них в Африке), а также так называемые проблемные (fragile) государства, «четвертый мир непризнанных, разделенных и угнетенных наций».⁶⁴

«Третичную» индустриализацию ряда стран Юга и Востока можно назвать новой формой зависимости Периферии от Центра – хотя бы уже потому, что импульс для этой индустриализации по преимуществу исходит извне, от развитых стран и в немалой степени управляется ими. Вместе с тем новизна состоит не только в масштабах промышленного роста некогда отсталых стран и изменившемся формате международного разделения труда, но и в том, что зависимость в каких-то отношениях перерастает во взаимозависимость. Об этом свидетельствуют значительный торговый дефицит и внешняя задолженность стран Центра в отношениях с наиболее продвинутыми странами Периферии, проблемы, возникающие в связи с этой ситуацией у первых и безостановочный (пока) экономический и технологический прогресс вторых.

* * *

Амбивалентность глобализации применительно к центрo-периферийным отношениям проявляется не только в экономической или социальной сфере, но также в политике и культуре. В политическом плане можно говорить об усиливающемся размежевании (иногда в настоящем расколе) политических элит в странах Юга и Востока под «облучением» глобализации: размежевании на адептов глобализации, прозападно настроенных деятелей, разделяющих принципы неолиберализма, – и национально ориентированных политиков или представителей бизнеса. Первые уверены в том, что рыночная среда, единая для всех субъектов мирового хозяйственного пространства при минимальном вмешательстве национальных государств и умелом дирижировании со стороны международных финансовых центров, наднациональных экономических организаций (МБРР, МВФ, ВТО) и саммитов ведущих государств обеспечит всему миру процветание, хотя порой и перемежающееся с кризисами и сбоями. Вторые полагают, что отдельные государства или регионы имеют свои особенности и интересы, которые нельзя унифицировать в едином своде некоторых общих «правил игры», которые к тому же выработаны – по своим лекалам, для себя и в своих интересах – наиболее развитыми государствами.

Таково, к примеру, размежевание между так называемыми «новыми правыми» и «новыми левыми» в КНР, которое возникло еще со времен Дэн Сяопина – сначала в экспертной среде, а затем, в латентной форме, и в эшелонах высшего руководства. «Новые правые» выступают за дальнейшее углубление рыночных реформ, принимают «третичную» индустриализацию в стране и методы ее осуществления. «Новые левые», не отрицая рыночной экономики, настаивают на коррекции проводимых реформ и придании им большей социальной направленности, улучшении положения широких масс города и деревни, учете особенностей Китая⁶⁵. Противостояние между «либеральным» и «национально-

⁶⁴ А.И. Трейвиш. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый Хронограф, 2009, с. 6.

⁶⁵ Подробнее об идейном размежевании в современном Китае см. книгу американского автора Марка Леонарда «О чем думают в Китае?» (М.: АСТ, 2010, с. 27, 38, 51-53, 58-62, 67-69, 79 и др.).

патриотическим» или «государственническим» направлением совершенно очевидно в современной России – внутри власти, в сфере бизнеса, в науке и СМИ. Сходные процессы можно обнаружить в той или иной мере в любой стране Юга и Востока⁶⁶.

В идейно-культурном плане воздействие глобализации на незападный мир также противоречиво. Лозунги демократии, свободы, прав человека и т.д. зачастую компрометируются действиями правящих элит самих западных стран – двойными стандартами их применения, прессингом в отношении «несогласных», далеким от действительной демократической толерантности, наконец, прямыми силовыми методами в отношении тех или иных «непокорных» стран (Югославии, Ливии, Сирии и других) – методами, которые в последнее время, к сожалению, все более становятся нормой в противовес международному праву.

Но достаточно сомнительны и те ценности, которые со стороны нынешнего Запада глобализация несет миру, так сказать, в позитивном плане – гипертрофированный индивидуализм, культ денег и богатства, потребительство как смысл жизни. Это вступает в противоречие с национально-цивилизационными традициями многих стран и регионов, так же как унифицирующе-нивелирующий пафос глобализации с ее лозунгами «единой мировой цивилизации» и «общечеловеческих ценностей».

Запад продолжает оставаться лидером в глобализирующемся мире – в экономике, технологиях, политической сфере, военном деле, информационном поле. Неолиберальная структурная адаптация, *endebtting*, направляемая индустриализация в странах Юга и Востока, различного рода санкции и эмбарго, осуждающие резолюции и угрозы, не говоря уж о силовых методах решения международных проблем в обход ООН – все это формы доминирования Западной коалиции. Здесь нет ничего нового – реализуется право сильного, только на смену мифа о «бремени белого человека» приходят лозунги о необходимости утверждения во всех городах и весях демократии и прав человека. А для периферийных стран, испытывающих этот прессинг на себе, это – своеобразная плата за отсталость.

Но такая асимметрия не вечна. Не случайно С. Хантингтон в своем нашумевшем опусе о цивилизациях предупреждал Западный мир об опасности чрезмерного геоэкономического и геополитического высокомерия. Да и сам Запад, по-видимому, уже прошел пик своего могущества и вступает в эпоху собственной нестабильности, о чем достаточно явно отзвонил «колокол» 2008 года. Всякое действие рождает противодействие, и рано или поздно страны Периферии и Полупериферии будут создавать собственные коалиции, способные уравновесить давление извне. Попытки такого рода уже налицо. И, возможно, эти усилия, а также проявление благоразумия со стороны развитых стран проложат путь к более справедливому, действительно демократическому и безопасному миру, от чего мы сегодня, к сожалению, пока далеки.

⁶⁶ Не надо, думаю, пояснять, кого поддерживают в этом размежевании правящие политические круги стран Центра. В связи с этим представляется, что популярное понятие «золотого миллиарда» (разумеется, это фигуральное выражение) иногда упрощенно отождествляют со странами Севера (Запада). На самом деле в него входит часть политических элит Юга и Востока и того меньшинства населения соответствующих стран, которым при глобализации в ее нынешних формах «жить хорошо». С другой стороны, отнюдь не все население развитых стран фактически входит в «золотой миллиард».

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ В ТЕНЕТАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Несмотря на множество публикаций, посвященных проблемам экономической глобализации, суть этого основополагающего феномена современности, похоже, ясна еще не совсем. Коль скоро ее начало зачастую увязывается со степенью охвата мирового экономического пространства, либеральная составляющая – с политическим выбором, подразумевающим возможность иного варианта, а реальное содержание – лишь с семантикой слова глобализация. С отсутствием необходимой ясности во всех этих и ряде других вопросов так или иначе связано немало проблем и недоразумений, включая просчеты в экономической политике и сбои в развитии многих стран. Не исключено, что этим же отчасти объясняется и необычайная пестрота в рядах так называемых антиглобалистов.

У истоков глобализации. Всего полвека назад между понятиями глобальная и мировая экономика практически не было никакой разницы. С тех пор, однако, многое изменилось. И ныне те же словосочетания по смыслу во многом между собой разнятся, хотя подчас еще используются и как синонимы, причем не всегда случайно. Иногда в таком их смешении отражается отсутствие необходимой ясности в различиях между глобальной и мировой экономикой, а, стало быть, и в содержании того, что ныне называется глобализацией.

Как бы то ни было, налицо недопонимание реальной сути этого важнейшего феномена современности, его истоков, движущих сил, содержания, форм проявления, стало быть, и наиболее вероятных результатов. И самым, быть может, убедительным свидетельством недостаточной ясности в этом вопросе является спорадическое возрождение идеи реиндустриализации, не миновавшее, кстати говоря, и России. Справедливости ради, следует отметить, что какая-то невнятица в трактовке глобализации и глобальной экономики встречается и в зарубежных исследованиях.

Если судить по высказываниям некоторых политологов, отчасти это недопонимание может быть связано с восприятием глобализации через призму геополитических сдвигов, обусловленных развалом Советского Союза и крахом мировой системы социализма. Между тем развал этот, как и сопутствовавшая ему новая расстановка экономических и политических сил в мире, если и имеет отношение к глобализации, то лишь как следствие неспособности социалистической экономики адаптироваться к требованиям современного научно-технического прогресса и следовать его императивам.

Однако прежде чем коснуться научно-технических достижений, изменивших мир, как бы обойдя стороной советскую экономику, следует, думается, поддержать предложение С. В. Жукова – «говорить о глобализации в широком и узком смыслах»⁶⁷. То есть постигая основы глобальной экономики, отстраиваемой и функционирующей на иных, нежели прежде, началах, которая наряду со всеми сопутствующими ей благами вызвала к жизни немало новых проблем и противоречий и оказалась в эпицентре нескончаемых дискуссий, не следует забывать об интенсификации трансграничного экономического взаимодействия, отражающей общую направленность мирового развития.

⁶⁷ Жуков С. В. Центральная Азия: императивы экономического роста в условиях глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2005. С. 9.

Глобализация в узком смысле этого слова (оказавшаяся в роли *terra incognita*), вокруг которой собственно и ломаются ныне копыта, восходит своими истоками к информационно-коммуникационной революции (ИКР), обернувшейся переходом стран мирового экономического авангарда на принципиально новые, микроэлектронные технологии. Облегчив решение экологических и ряда других жизненно важных проблем, переход этот во многом изменил облик лидеров мировой экономики и наложил глубокий отпечаток на развитие остального мира, побуждая и вынуждая отстающие в своем развитии страны как-то адаптироваться к новым реалиям.

Заложив основы нового технологического уклада, информационные технологии проторили дорогу в так называемую постиндустриальную эпоху, где на роль основной движущей силы развития наряду с обрабатывающей промышленностью претендует и неразрывно с нею связанный наукоемкий сегмент сферы услуг. Основательно увеличив информационную и научную насыщенность индустриально развитых экономик, как и производимых на их основе товаров и услуг, информационные технологии радикально расширили и облагородили традиционную область машинного (механизированного) производства за счет подключения к ней сферы умственного труда, создав при этом предпосылки для перевода немалой его части в автоматический режим работы. Возросла его совокупная производительность, особенно если учитывать ресурсосберегающую и природоохранную компоненту новых технологий, расширился ассортимент, повысилось качество, оптимизировались габариты и вес выпускаемых на их основе промышленных изделий, а также набор и качество оказываемых при их содействии услуг.

Последним решающим толчком к такому обновлению технологического фундамента стран мирового экономического авангарда послужили сдвиги в системе потребительских предпочтений, обусловленные ростом душевого дохода. Их наглядным отражением может служить начавшееся в 1960-е годы падение доли обрабатывающей промышленности в ВВП этой группы стран при дальнейшем повышении и без того уже перевалившей за половину доли услуг.

Переход на информационные технологии, как и сопутствовавшее ему расширение всевозможных международных деловых и культурных контактов, был подготовлен и стимулирован необычайными успехами (благодаря той же индустриализации) в развитии транспорта и связи, существенно «сократившими» расстояние между странами. Особую, ничем незаменимую роль сыграло создание Интернета, который вместе со спутниками связи, обеспечил возможность практически неограниченного круглосуточного общения между самыми отдаленными уголками планеты и принятия в случае необходимости назревших решений.

Однако на пути полномасштабного использования новых технологий, как это нередко бывает в подобных случаях, оказалась, помимо прочего, сложившаяся ранее система мирохозяйственных связей. Система, которая в основе своей опиралась на множество всевозможных ограничений, призванных содействовать становлению и развитию национальных экономик, защищая процесс их индустриализации от непосильной конкуренции с иностранными товарами и капиталами. Вокруг назревшей либерализации этой системы разгорелась острая политическая борьба.

Особенно сложной, как и следовало ожидать, оказалась либерализация развивающихся экономик. И не только из-за их несравненно более низкого уровня развития, но и вследствие огромных различий между ними. Для решения этой актуальной проблемы МВФ совместно с Всемирным банком буквально вынудил

отставшие в своем развитии страны провести так называемые структурно-адаптационные реформы, которые обернулись для основной их массы фактическим демонтажем ранее укоренившихся там социально-экономических систем. Особенно ощутимо пострадали при этом страны Латинской Америки, оказавшиеся первопроходцами в промышленном развитии мирохозяйственной периферии, и замыкавшие его страны Африки.

Под напором растущих внутренних экономических диспропорций и вышедшей на авансцену мирового развития неолиберальной идеологии все или почти все страны с развивающимися (и переходными) экономиками в конечном счете вынуждены были принять на себя обязательства по обеспечению свободного обмена национальных валют и либерализации трансакций по текущему счету платежного баланса, что в сочетании с либерализацией внутренних цен вовлекло местных производителей в глобальную конкуренцию по издержкам и качеству выпускаемой ими продукции.

Стремительной экспансии информационных технологий способствовала необычайная гибкость опирающихся на них производственных систем. Гибкость, позволяющая осуществлять быструю и безболезненную переналадку производства в соответствии с изменяющимися запросами рынка, обеспечивая тем самым огромную экономию финансовых, энергетических и других ресурсов на единицу конечной продукции. Такому ходу событий, очевидно, помогла и имманентная информационным технологиям возможность деления («разрезания») оснащаемых ими производственных цепочек на сколь угодно количество сегментов и размещения их по всему миру в целях минимизации совокупных издержек производства конечной продукции и максимизации прибыли.

С распространением более совершенной (в сравнении с индустриальной) информационной технологии центр тяжести в рыночной конкуренции в значительной мере сместился от цены к качеству реализуемой на рынке продукции. А это в свою очередь вкупе с приспособляемостью к потребностям и возможностям рынка создает по сути дела непреодолимые конкурентные преимущества перед аутсайдерами.

Глобальная экономика (как и мировая) сложилась благодаря развитию международного разделения труда, которому изначально принадлежит огромная, ничем незаменимая роль в ускорении мирового экономического роста и в повышении его качества. Хотя бы потому что международный экономический обмен в основе своей опирается на сравнительные преимущества стран-участниц в обеспеченности различными факторами производства и (или) в издержках их созидания.

Однако в отличие от мировой экономики, которая сформировалась на основе регулярного межотраслевого товарного обмена, в основе глобальной экономики лежит *внутриотраслевое международное разделение труда*, полагающее выпуск любого конечного продукта (готового к потреблению) в качестве целой отрасли. Толчком к его развитию послужило феерическое снижение затрат на транспорт и связь при одновременном повышении их качества и радикальном улучшении (благодаря Интернету) системы координации и контроля бизнес-процессов. В итоге в каналы международной торговли наряду с промышленными изделиями конечного спроса во все возрастающей степени стала поступать и продукция промежуточного спроса, создаваемая на основе пооперационного, поузлового и подетального международного разделения труда, обеспечивающего снижение совокупных издержек производства, а подчас и экономию на масштабах производства.

Если субъектами международной торговли в ее традиционных формах наряду с фирмами изначально выступали и страны, как суверенные участники

международных экономических отношений, то торговля полуфабрикатами осуществляется фактически на внутрифирменной основе. Притом что для выполнения тех или иных операций нередко привлекаются – на подрядных и субподрядных началах – и другие фирмы, прежде всего из стран, на территории которых дислоцируются «частичные» производства. Таким образом, глобальная или, как называет ее ЮНКТАД, разъясняя суть дела, «транснациональная»⁶⁸ экономика представляет новую историческую реальность. И, как подчеркивает известный американский исследователь информационной эпохи М. Кастельс, глобальная экономика в отличие от мировой «способна работать как единая система в режиме реального времени в масштабах всей планеты»⁶⁹.

Основным и поначалу единственным объектом глобализации, благодаря своим структурным особенностям, стала обрабатывающая промышленность. Однако спустя всего несколько лет в орбиту глобализации в связи с очевидными ее выгодами, несмотря на ограниченную «торгуемость» (tradability), оказалась втянутой и сфера услуг. Прежде всего и в основном в той ее части, которая сама является продуктом ИКР.

Радикальные улучшения в сферах транспорта и связи при неуклонном нарастании и без того глубоких квалификационных различий в сфере труда, как и в исторически сложившихся стандартах его оплаты, благодаря стремительной экспансии информационных технологий обернулись серьезными изменениями в размещении мирового производства, внесшими свои коррективы в ранее сложившуюся конфигурацию мировой экономики. В условиях обостряющейся конкуренции за потребителя в целях экономии на оплате дорожающего труда, различные фазы и сегменты производства, основанного на информационных технологиях, стало выгоднее размещать в разных странах, играя на различиях в квалификации и стоимости их рабочей силы.

Все это, вместе взятое, создало мощные стимулы для развития так называемого глобального производства под эгидой ускоренно множащихся транснациональных корпораций нового поколения (профильный бизнес которых сосредоточен в обрабатывающей промышленности и в сфере услуг), существенно ускорив рост их зарубежных инвестиций⁷⁰, организацию филиалов и развитие разного рода подрядных отношений с фирмами принимающих стран. Рост глобального производства в свою очередь обернулся взрывным ускорением мировой торговли и облагораживанием ее товарной структуры за счет включения в товарооборот огромной массы промышленных изделий промежуточного назначения. Так, уже в 1990-е годы в сравнении с 1970-ми так называемая воспроизводственная открытость (при измерении ее суммой экспортной и импортной квот) промышленно развитых и развивающихся стран возросла в 1,4 и в 1,6 раза, соответственно⁷¹.

Воздействуя на структуру экономического роста и размещение мировых производительных сил, глобализация модифицирует и ранее сложившуюся систему экономического регулирования. Расширяя и уплотняя сферу мирохозяйственных связей при значительном повышении роли ТНК и усилении взаимозависимости между странами, она подрывает регулятивные возможности национального государства, вынуждая его во все возрастающей степени считаться с теми же ТНК и положением дел в других странах. В итоге растет зависимость решений государства

⁶⁸ UNCTAD. Trade and Development Report, 1997. P. 70.

⁶⁹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. ГУ ВШЭ, 2000. С. 105 (выдел. авт.).

⁷⁰ UNCTAD World Investment Report 1992, 2006.

⁷¹ Подсчитано по статистике национальных счетов. Источник UNCTAD Handbook of Statistics 2008.

от международных сил, что никоим образом, однако, не освобождает его от задач, связанных с распределением ресурсов и институциональным строительством, равно как и от необходимости политического выбора⁷².

О глобализации промышленности в первом приближении можно судить по торговле продукцией промежуточного спроса, развитие которой собственно и было обусловлено становлением *транснационального* производства, известного также и как международное разделение производственного процесса – МРПП. Между тем из расчетов, предназначавшихся для Доклада о мировом развитии, ежегодно издаваемого Всемирным банком⁷³, следует, что в 2006 г. на долю промежуточной продукции в торговле промышленными изделиями при пятизвенном уровне статистического агрегирования приходилось уже 27%, а при трехзвенном – 44%⁷⁴.

Другим источником информации по этому вопросу служит доля ТНК в мировом валовом продукте, рассчитываемая и публикуемая ЮНКТАД в ежегодных докладах о мировых инвестициях⁷⁵. См. Рисунок 1.

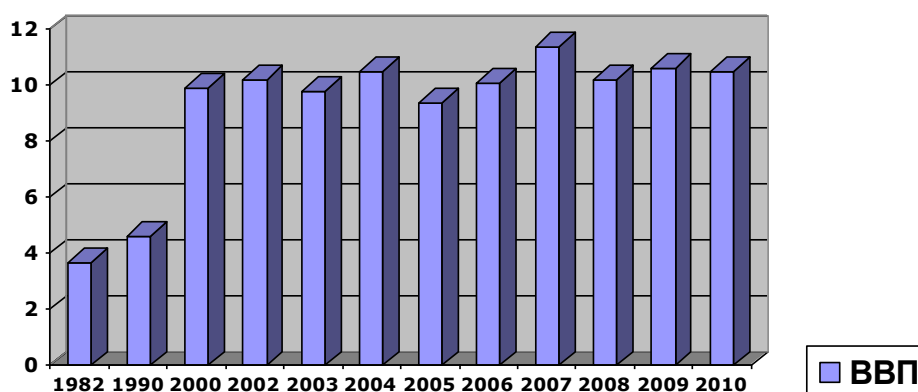

Рисунок 1. Доля продукции ТНК в мировом ВВП (% в текущих ценах).

Первый кризис эпохи глобализации, а, быть может, и самой глобализации, как таковой (во всяком случае в ее исходном, непомерно финансиализированном варианте), оказал столь гнетущее воздействие на экономику лидеров техногенной цивилизации, что основной вклад в прирост мирового ВВП в первом десятилетии XXI века был сделан развивающимися странами. Между тем в сложившейся после кризиса ситуации (возросшая безработица, разбухание государственной задолженности при общем ослаблении государственных финансов, углублении различий в понимании роли и задач государства, парализующий страх инфляции и т.п.) назревшие изменения в системе глобального управления, похоже, толком еще не осмыслены, и по ряду ключевых вопросов не достигнуто согласия.

Глобализация (при всех достоинствах породивших ее технологий) из-за нестыковки имманентных ей императивов с реальной действительностью, вопреки утверждениям своих апологетов, не ослабляет, а напротив, усиливает неравномерность и общую неустойчивость мирового развития. И дело здесь не

⁷² UNCTAD Trade and Development Report 1997. P. 70.

⁷³ World Development Report 2009. Reshaping Economic Geography. Washington, 2009.

⁷⁴ Brulhart M. An Account of Global Intraindustry trade 1962-2006. Background Paper. University of Lausanne, Febr. 2008.

⁷⁵ UNCTAD WORLD INVESTMENT REPORT за 2000-е годы.

только, а быть может и не столько в аномальном отрыве финансового сектора экономики от реального и (или) в огрехах преждевременной, по сути дела насильственной либерализации большинства развивающихся экономик, сколько в основополагающих характеристиках самой глобализации, равно как и оказавшихся в ее тенетах стран. Начиная с географического положения каждой страны и кончая социально-экономическим и культурным наследием ее прошлого. В результате страны, по каким-либо причинам не вписывающиеся в параметры, задаваемые глобализацией, вынуждены оставаться на обочине мирового развития, лишаясь доступа ко многим его благам.

Изменяющаяся география промышленности. О возросшей неравномерности в развитии стран Юга свидетельствуют сдвиги в размещении мировой обрабатывающей промышленности, изначально выступающей в качестве системообразующего ядра жизненно необходимой им индустриализации (Таблица 1). В 1970–2010 гг. доля обрабатывающей промышленности в экономике как промышленно развитых, так и большинства периферийных стран не росла, а падала. И только в четверке НИС (Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), это падение было сопряжено с завершением индустриализации, в преобладающем же большинстве остальных стран развивающегося мира – с ее свертыванием.

Таблица 1.

Мировая обрабатывающая промышленность (% , долл. США, текущие цены).

	Размещение по странам и группам стран, %					В расчете на душу населения, долл.		
	970	980	990	000	010	980	000	010
Мир	100	100	100	100	100	917	1006	1560
Развитые страны	67.8	68.2	77.2	70,8	55,8	2385	4727	5839
США	28,6	21,0	22,7	15,5	18,5	2598	5420	5971
Страны с переходной экономикой	18.8	12.9	5.1	3,4	3,0	1321	284	1146
Россия	-	-	-	0,7	0,7	-	392	1698
Развивающиеся страны	13.4	18.9	17.3	25,8	41,2	172	328	792
Восточная и Юго-Восточная Азия	5.0	7.0	7.7	14.6	25,9	117	481	1141
4 НИС	0.5	1.4	3.0	4.3	4,5	644	3380	5742
АСЕАН-3*	0.3	0.7	1.2	1.9	2,9	94	382	942
КНР	3.8	4.5	2.9	7.8	17,3	115	388	1410
Южная Азия	1.4	1.5	1.6	1.9	3,2	48	75	233
Индия	0.9	1.0	1.1	1.3	1,5	45	71	200
Западная Азия	0.5	0.8	1.6	1.6	2,2	245	556	726
Турция	0.4	0.4	1.2	0.9	1,2	252	858	1746
Африка	1.9	3.3	1.7	1.2	1,6	208	35	167
ЮАР	0.5	0.6	0.5	0.4	0,5	583	562	929
Латинская Америка	4.6	6.3	4.7	6.4	7,5	490	509	1378
Бразилия	1.5	2.5	1.7	1.8	3,1	589	636	1693
Мексика	0.8	1.4	1.2	2.2	1,7	583	1362	1611

* Индонезия, Малайзия, Таиланд

Рассчитано и составлено по национальным счетам отдельных стран и групп стран. Источник: UNCTAD, UNCTADstat: GDP by type of expenditure and Value Added by kind of economic activity, annual, 1970-2010, <http://unctad.org>.

Если в 1970 г. на долю 12 наиболее продвинутых в промышленном отношении стран развивающегося мира приходилось около 3/5 совокупного производства, то в 2010 г. – уже 4/5. За вычетом же четверки НИС, которые благодаря на редкость искусной промышленной политике еще в 1990-е годы достигли экономической зрелости и пополнили ряды мирового экономического авангарда⁷⁶, доля остальных восьми стран из этой дюжины превышала 3/4 совокупного промышленного производства развивающегося мира.

Их состав свидетельствует, что, несмотря на радикальные подвижки в сфере транспорта и связи, роль географического фактора в развитии не уменьшилась, а быть может, даже возросла. И свой шанс обрели прежде всего страны, жители которых из-за скудости природных ресурсов и хронической перенаселенности отличаются на редкость высокой трудовой этикой в смысле готовности к напряженному, кропотливому труду за весьма скромное вознаграждение, прилежной учебе и всевозможным заимствованиям, помогающим ускорить освоение современных научно-технических достижений и необходимого для этого жизненного обустройства.

Наглядной демонстрацией такого хода событий может служить социально-экономический прогресс некоторых стран Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Особого внимания в этой связи заслуживают Китай и Индия. И не только из-за их поистине уникального демографического потенциала, но и связанных с ними культурных ареалов.

Между тем возросшая неравномерность развития с выдвиганием на передний план демографических гигантов – это лишь одна сторона перемен, обусловленных глобализацией. Вторая, неразрывно связанная с первой заключается в крайней ограниченности общего числа бенефициаров глобализации в развивающемся мире⁷⁷ при необычайно быстром (по историческим меркам) вытеснении обрабатывающей промышленности сферой услуг. За четыре последних десятилетия доля обрабатывающей промышленности в совокупном ВВП этой группы стран (без НИС) уменьшилась чуть ли не вдвое – с 29 до 14,7%⁷⁸.

На наш взгляд, такой ход событий не столько облегчает, сколько осложняет промышленный, а тем самым и общеэкономический подъем основной массы развивающихся стран, оказавшихся на обочине глобализации. Тем более что разрыв в технико-технологической оснащенности промышленности лидеров и аутсайдеров мирового экономического развития, представленных развитыми и развивающимися странами, несмотря на определенные позитивные подвижки, продолжает расти. И если в 1995 г. по доле высокотехнологичной промышленной продукции в производстве вторая группа стран отставала от первой на 10,8 п.п. (33,1% против 43,9%), то в 2009 г. это отставание чуть ли не вдвое возросло и достигло 20,6 п.п.

⁷⁶ См. IMF. World Economic Outlook. May 1997. P. 119-121.

⁷⁷ Речь здесь идет только о прямых, непосредственных бенефициарах глобализации, выгоды которых статистически зафиксированы в виде повышения их доли в общем объеме производства обрабатывающей промышленности и сферы услуг, также отчасти ставших объектом глобализации.

⁷⁸ Handbook of International Trade and Development Statistics 2008–2011.

(43,0% против 63,6%)⁷⁹. Такой ход событий, очевидно, чреват новыми проблемами и противоречиями. Причем не только в экономике и политике, но и в морально-нравственной сфере.

Кстати, нынешняя динамика вытеснения обрабатывающей промышленности сферой услуг, с которым собственно и связана частичная ее передислокация в развивающиеся страны, у некоторых авторитетных экономистов вызывает беспокойство. Среди них и главный экономист журнала «Business Week» М. Мэндел⁸⁰. И это при том что в конце рассматриваемого периода на долю обрабатывающей промышленности приходилось 12,9% ВВП США против 11,5% в той же Англии и 11,6% во Франции, хотя в начале 1990-х гг. ситуация была прямо противоположной.

В сложившихся условиях перспективы индустриализации развивающихся стран в традиционном значении этого слова, как неперменного условия модернизации и экономического возвышения, если и просматриваются, то с очень большим трудом. Ведь со времени структурно-адаптационных реформ 1980-х годов доля обрабатывающей промышленности в экономике основной массы развивающихся стран, несмотря на крайне низкий исходный уровень, не растет, а неуклонно падает. За три последних десятилетия эта доля повысилась чуть более чем в двух десятках стран⁸¹. Причем основная их масса находится еще в самом начале современного экономического роста. И этот их успех связан с началом первичной переработки добываемого там сырья. За исключением, быть может, Вьетнама и Филиппин, где развитие обрабатывающей промышленности неразрывно связано с участием в интеграционных процессах Восточной и Юго-Восточной Азии.

Рассматривая изменения в пространственной структуре мировой обрабатывающей промышленности, необходимо отметить еще ряд моментов. Во-первых, несмотря на сдачу ведущих позиций в системе мирового экономического роста, продуктивность этой критически важной отрасли для развития продолжает расти, и по этому показателю промышленность по-прежнему основательно превосходит сферу услуг. Во-вторых, по общему объему промышленного производства в среднечеловеческом исчислении развивающиеся страны все еще чуть ли не вдвое уступают среднемировому показателю и более чем в 7 раз отстают от экономического авангарда. И если применительно к странам Латинской Америки, наверное, можно говорить хотя бы о пробных шагах в части сокращения этого разрыва, то отставание стран Африки по-прежнему неуклонно растет. Обращают на себя внимание также подвижки в Бразилии и Турции, которые, несмотря на все сбои и потери, заметно прибавили и в 2010 г. по величине среднечеловеческого производства практически сравнялись с некогда блиставшей Россией.

Об экономическом возвышении Китая. В 2010 г. на долю Китая приходилось около 38% добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности развивающихся стран, при том что еще в 1990 г. эта доля не достигала 17%. Столь высокая степень ее территориальной концентрации вызывает смешанные чувства, в том числе и опасения относительно возможности какого-либо

⁷⁹ Industrial Development Report 2011, UNITED NATIONS INDUSTRIAL DEVELOPMENT ORGANIZATION 2011. P.144.

⁸⁰ См. В. И. Марцинкевич. Социально-экономическая модель США: особенности и глобальная роль. США в поисках ответов на вызовы XXI века (социально-экономический аспект). Под ред. Э. В. Кириченко. М., ИМЭМО РАН, 2010. С. 290.

⁸¹ См. UNCTAD Handbook of Statistics 2011, Table 8.3.1.

ущемления интересов других стран и прежде всего соседей по региону. Между тем в реальной жизни все оказалось много проще и одновременно сложней.

Начало либеральных реформ послужило сигналом для китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, контролирующей весомую часть тамошнего бизнеса, о возможности вложения капиталов на исторической родине. А несколько позже, благодаря серьезной либерализации торгово-политического режима, обусловленной помимо прочего стремлением руководства страны ускорить вступление в ВТО, в Китай буквально хлынул мощный поток иностранных капиталов, с лихвой восполнивший нехватку инвестиционных ресурсов. При этом немалая их часть была вложена в развитие обрабатывающей промышленности, сулившей хорошую и быструю отдачу.

Так, фактически, было положено начало созданию и развитию в этой стране современной обрабатывающей промышленности, значительная, если не преобладающая часть которой получила путевку в жизнь, благодаря глобализации и в связи с ней. Не следует только забывать, что заметное место в ее составе занимает государственная промышленность, фактически еще функционирующая в особой системе координат, установленных государством. Остальная промышленность является по сути дела частной и развивается по законам рынка. Поэтому и вопрос о том, много ее или мало, представляется едва ли уместным.

Курс на индустриализацию (которая изначально ассоциируется с развитием обрабатывающей промышленности) в Китае, как в свое время в Японии и в НИС, был помимо всего прочего продиктован редкой скудостью природных ресурсов в сочетании с неизбывным аграрным перенаселением. Между тем успеху такого курса – что зачастую также упускается из виду – наряду с более высокой продуктивностью (в сравнении с сельским хозяйством и добывающей промышленностью) обрабатывающей промышленности способствовала и несравненно более высокая эластичность спроса по доходу на промышленные изделия.

Наглядной иллюстрацией непреходящей значимости исходных различий в запросах рынка (потребностях, поддерживаемых платежеспособным спросом) может служить сравнительная динамика основных компонентов мирового материального продукта. По данным ВТО, за 60 лет, истекших в 2010 г., физические объемы производства в обрабатывающей промышленности выросли втрое больше, нежели в сельском хозяйстве и в 2,7 раза больше в сравнении с добывающей промышленностью. Причем в последние 40 лет, в общем и целом совпадающих с нынешним этапом экономической глобализации, восходящей своими истоками к информационно-коммуникационной революции, это опережение несколько увеличилось.

Таблица 2.

Динамика мирового материального продукта и его основных компонентов, в усл. ед.

Период	Весь продукт	Сельское хозяйство	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность
1950-1970	285	173	268	367
1970-2010	300	242	175	346
1950- 2010	854	419	468	1267

Рассчитано и составлено по: WTO International Trade Statistics, 2011, Appendices, Table A1.

Как явствует из таблицы, результаты этих пересчетов однозначно свидетельствуют о том, что, несмотря на эпохальный технологический прорыв и глобализацию мировой экономики, исходные различия в эластичности спроса по доходу на материальную продукцию практически не изменились. И это при том, что сама глобализация наложила неизгладимый отпечаток на структуру и качество современного экономического роста.

Самым, быть может, важным и неожиданным ее следствием стало замедление мирового экономического роста, которое не в последнюю очередь связано с повышением доли и роли сферы услуг в экономике. Сферы, которая, несмотря на масштабную модернизацию и появление множества новых высокопроизводительных ультрасовременных услуг, по совокупной производительности по-прежнему заметно уступает вытесняемой ею промышленности.

Между тем, благодаря переходу самой обрабатывающей промышленности на информационные технологии и выдвигению на передний план сферы услуг, наметилась тенденция к снижению общей материалоемкости мирового экономического роста, которую, как представляется, можно идентифицировать с началом давно назревшей экологизации мирового экономического роста, представляющей неотъемлемую составную часть общего обустройства жизни в планетарном масштабе. С другой стороны, процесс «сервисизации» мировой экономики неразрывно связан с возросшим благосостоянием стран мирового экономического авангарда, благодаря их успешной послевоенной реиндустриализации.

Как показывает послевоенный опыт стран Западной Европы, а также Японии и четверки НИС, форсировать повышение общей динамики экономического роста можно только при так называемом внешнеориентированном развитии (подразумевающим активную интеграцию в международное промышленное разделение труда) *и при наличии надежного тыла в виде нормально развивающегося сельского хозяйства*. Кстати говоря, в Китае современные преобразования начались фактически с давно назревшей *аграрной реформы*.

А эластичность спроса по доходу чуть ли не интуитивно использовалась в качестве одного из критериев при разработке первого, основополагающего пятилетнего плана реструктуризации японской экономики на послевоенную перспективу⁸². Аналогичным образом определялись фактически отраслевые приоритеты индустриализации на Тайване, в Южной Корее и в Сингапуре, представляющих ту самую трицу из четверки НИС, по образу и подобию и при поддержке которых развернулось промышленное развитие Индонезии, Малайзии и Таиланда, а чуть позднее и ряда других стран Юго-Восточной Азии, включая Китай.

Однако трудно отделаться от мысли, что в использовании высокой эластичности спроса по доходу на промышленные изделия, Китай пошел несколько дальше своих предшественников. Обусловленные ею возможности активно использовались Китаем для всемерной экспортной экспансии, сыгравшей далеко не последнюю роль в поддержании беспрецедентно высокой динамики его промышленного и общеэкономического роста. Правомочность такого объяснения поразительных экономических успехов Китая подтверждается на редкость высокой динамикой его экспортной квоты, характеризующей меру включенности в международное разделение труда. И если до начала реформ на внешних рынках

⁸² Wade R. *Governing the Market. Economic Theory and the Role of Government in East Asia Industrialization*. Princeton. Princeton University Press, 1991. P. 25.

реализовалось всего 3% китайского ВВП, то в 1990 г. – уже 18%, а в 2005 г. при особенно активной внешнеторговой экспансии – почти 37%⁸³.

Курсу на всемерное развитие обрабатывающей промышленности в Китае предшествовал роспуск коммун одновременно с ослаблением прессы обязательных государственных поставок, повышением закупочных цен и с разрешением свободной продажи остающейся у крестьян продукции, как, впрочем, и других видов экономической деятельности. Беспрецедентная либерализация деревенской жизни обернулась развитием так называемой сельско-волостной промышленности, которая, помимо всего прочего, способствовала некоторому улучшению занятости в деревне и, быть может, притормозила отток сельского населения в города. Особый порядок был установлен для государственной промышленности, поддержавшей курс на экспортную экспансию, которая в свою очередь способствовала расширению и укреплению позиций Китая на мировом рынке при явно недостаточном внимании к положению дел на национальном рынке. Как это ни странно, но нечто подобное в 1990 – начале 2000-х годов наблюдалось и в России. Но отнюдь не с обрабатывающей, а с добывающей промышленностью, развитие которой не в последнюю очередь зависит от конъюнктуры мировых цен на сырье.

По мере промышленного возвышения Китая ширились масштабы и модифицировались формы его экономического взаимодействия со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Япония и НИС, уже совершив прорыв в индустриальный мир, оказались в роли технологических доноров и поставщиков современной промышленной продукции, включая промежуточную, для ее «переработки» и последующего экспорта. Страны же, находящиеся на сходной или более низкой ступени развития, превратились, помимо прочего, в площадку для размещения различных сегментов промышленного производства, перемещаемых к ним по мере экономического возвышения самого Китая.

Недооценка всех этих подвижек в начале 2000-х годов обернулась ошибкой в оценке реальных достижений Китая на экономическом поприще и обусловленных ими позитивных сдвигов в платежном балансе и в реальной платежеспособности китайской национальной валюты – юаня. А в апреле 2007 г. этот казус послужил темой одного из наиболее, если не самого интересного выступления на конференции, организованной Международным валютным фондом, которая посвящалась глобальным последствиям торговли, инвестиций и экономического роста Китая. В совместном материале сотрудников МВФ Ли Суй и Муртаза Хусейн Саида, выступавших в личном качестве, был раскрыт реальный механизм этого, во многом неожиданного его возвышения⁸⁴, которое помимо всего прочего способствовало формированию и укреплению материальной базы для развития регионального экономического сотрудничества.

Суть этих сдвигов сводилась к реструктуризации китайского импорта через сокращение на 1/5 (с 50 до 40%) импорта частей и компонентов и замены его продукцией местного производства. В поисках новых сфер приложения капитала китайские компании, как бы нарушив общепринятый при глобализации порядок, перекупили у прежних владельцев часть основанных на территории страны сборочных производств вместе с соответствующими технологиями и передислоцировали эти производства в соседние страны.

⁸³ UNCTAD Handbook of Statistics 2012, Table 8.3.1.

⁸⁴ Is China Changing Its Stripes? The Shifting Structure of China's External Trade and Its Implications in Global Implications of China's Trade, Investment and Growth Conferences Research Department Friday, April 6, 2007.

В итоге доля сборочных операций, отличающихся минимальным вкладом в добавленную стоимость, в 2006 г. сократилась до 10% в сравнении с более чем 30% в 1990 г., и соответственно повысилась роль местного производства. А за десятилетие, истекшее в 2005 г., доля частей и компонентов в китайском экспорте выросла с 49,5 до 54,7%, тогда как в импорте, напротив, сократилась с 44,2 до 41,5%.⁸⁵ Другим немаловажным результатом такого маневра, очевидно следует считать подготовку почвы для всемерного развития регионального экономического сотрудничества.

Так, создавая условия для всемерного притока иностранного капитала и по мере возможности прибирая к рукам привнесенные им технологии, Китай чуть более чем за четыре десятилетия, истекших с начала реформ, стал крупнейшим в мире производителем и экспортером промышленных изделий, выпуск которых во все возрастающей части опирался на благоприобретенные технологии. Этот пример, наряду с другими фактами (упомянутыми в том же выступлении), свидетельствует о необычайном многообразии мер, использовавшихся (и надо полагать, продолжающих использоваться) Китаем, чтобы по возможности форсировать процесс своего экономического возвышения и, будучи глобализуемым, одновременно добиваться статуса глобализатора.

Дело, однако, далеко не только в самой на удивление высокой динамике экономического роста и возвышения Китая через промышленное развитие. Одновременно со всемерным наращиванием его промышленного потенциала и продвижением вверх в мировой экономической таблице о рангах росли и потребности Китая в различных видах сырья, важная, зачастую решающая роль в производстве и поставках которого на мировой рынок принадлежит развивающимся странам. Так, за последние двадцать лет (1990-2010 гг.) расходы Китая на импорт сырья (не считая продовольствия) в текущих ценах выросли более чем в 70 раз и в 2010 г. достигли без малого 430 млн. долл.⁸⁶ При этом по затратам на импорт сырья для металлургической промышленности (металлических руд и металлов) Китай в 2,5 превзошел США, в 3,3 раза – Японию и в 3,4 раза - Германию, не дотянув до совокупной стоимости импорта всех этих, следующих за ним по величине таких расходов стран, всего 2 млн. долл.⁸⁷

Кстати говоря, особая, причем неизменно возрастающая роль в поставках сырья для стремительно развивающейся китайской промышленности принадлежит китайским же ТНК сырьевой специализации. Помимо солидных прямых инвестиций в разработку полезных ископаемых стран Африки и Латинской Америки китайский капитал при всесторонней поддержке государства развил бурную деятельность по скупке и аренде сельскохозяйственных угодий и месторождений полезных ископаемых. Но это уже другая история

Таким образом, развернувшаяся в последней четверти XX века реиндустриализация Китая во многом блокировала и едва не повернула вспять наметившуюся (благодаря ИКР) тенденцию к снижению общей ресурсоемкости мирового экономического роста, создав серьезные стимулы к оживлению уже начавшего было хиреть производства сырья. А после тяжелой и долгой раскочки признаки реиндустриализации обозначились и в Индии, что в случае их реализации могло бы подкрепить ранее возникшие предпосылки для общего оживления рынков сырья.

⁸⁵ Ibid. P.13.

⁸⁶ Подсчитано по: UNCTAD Handbook of Statistics, Table 3.1, 2003 and 2011.

⁸⁷ По данным того же источника.

Как бы то ни было, но наряду с лидерами промышленного роста недостающие импульсы к развитию обрели и многие страны, экономика которых опирается на производство и экспорт сырья. По расчетам сектора прогнозирования ИМЭМО, о которых говорилось выше, в выборке из 100 развивающихся стран в первом десятилетии 21-го века по сравнению с 1951-1980 гг. общее число стран с темпами прироста душевого ВВП в 3% и более увеличилось более чем в три раза (с 13 до 43), а стран, где темпы не превышали и 2%, сократилось более чем на четверть – с 39 до 29 стран.

Все это, вместе взятое, позволяет говорить об известной модификации возможностей и механизмов развития периферийных стран со стороны спроса, что при определенных обстоятельствах могло бы расширить общий круг стран с более или менее приемлемой динамикой экономического роста. Но из этого вовсе не следует, что глобализация (в ее нынешнем виде) может облегчить участь наименее развитых стран и тем более способствовать решению проблемы догоняющего развития, как утверждают некоторые безоглядные ее апологеты.

Вместо заключения. Чтобы составить более полное представление о воздействии глобализации на динамику сырьевых цен, не следует забывать и о том, что наряду с необычайно благоприятной конъюнктурой, созданной стремительным промышленным возвышением громадного по численности населения Китая, их росту в истекшем десятилетии способствовало также использование биржевых цен на сырье в качестве финансовых деривативов. При сложившихся к началу 2000-х обстоятельствах динамика их рыночной стоимости по своей направленности совпадала с потребностями реальной экономики. Но такое совпадение случается далеко не всегда. И с этим нельзя не считаться. Да и конъюнктура сырьевых цен по самой своей природе крайне неустойчива.

Но дело далеко не только и не столько в этом, сколько в необычайной избирательности самой глобализации, наглядной иллюстрацией которой могут служить сдвиги в размещении мировой обрабатывающей промышленности за шестьдесят лет (см. Табл.1). Нельзя не учитывать также и огромной разницы в исходных посылах и основополагающих условиях (порядках) индустриализации и глобализации, восходящих своими истоками к различиям в потребностях на разных уровнях развития, и, в частности, в задачах национального государства как института развития.

Непременным условием так называемого догоняющего развития испокон веков служила *промышленная политика* государства. Политика, которая, исходя из реальных возможностей каждой, отдельно взятой страны, была направлена на создание недостающих *условий и предпосылок* для всемерного развития обрабатывающей промышленности, как наиболее динамичного сегмента и системообразующего ядра индустриализации. Особую, ничем незаменимую роль при этом играла внешнеэкономическая и, в частности, таможенная политика, которая ныне регламентируется правилами ВТО, изначально нацеленными на всемерное снижение барьеров, сдерживавших международное движение товаров и капиталов. Ограничивая регулирующие возможности государства, это во многом осложняет, а то и вовсе блокирует становление новых более или менее целостных народнохозяйственных комплексов.

В том же направлении действуют и принятые в связи с глобализацией меры по укреплению прав на интеллектуальную собственность. Ни в коей мере не подвергая сомнению само это право, как и необходимость его соблюдения, представляющего неотъемлемую составную часть мер, направленных на поддержку

и стимулирование научно-технического прогресса, не следует забывать и того, что это также осложняет индустриализацию развивающихся стран. Ведь не секрет, что при общем соблюдении правил обращения с интеллектуальной собственностью появлению НИС отчасти способствовало и использование в ряде случаях «реверсивных» методов освоения новых технологий.

Но, быть может, самый серьезный барьер на пути индустриализации (реиндустриализации) отставших в своем развитии стран создает высочайшая конкурентоспособность транснациональных промышленных комплексов, обеспечиваемая благодаря оптимизации размещения их различных компонентов. При том что наиболее техно- и наукоемкие компоненты размещаются обычно в странах мирового экономического авангарда, где, как правило, находятся и штаб-квартиры ТНК, владельцев соответствующих технологий.

А пока суд да дело, можно подвести первые, самые общие итоги глобализации, обратившись к показателям ВВП и ВВП в расчете на душу населения более чем 150 наиболее значимых стран мира, рассчитанным, как было отмечено выше, сектором Прогнозирования мировой экономики ИМЭМО РАН. Для большей наглядности эти расчеты, как и по обрабатывающей промышленности, сведены в аналогичную по группировке стран таблицу, где, однако данные по четырем новым индустриальным странам (НИС) за 2000 и 2010 гг. перенесены в группу стран мирового экономического авангарда, как в связи с переходом в постиндустриальную эпоху ныне принято называть индустриально развитые страны.

Таблица 3.

География мировой экономики в 1950-2010 гг.

	1950	1970	1980	1990	2000	2010	1950-1970	1970-2010
Развитые страны	64.8	65.3	62.0	61.9	62.4*	51.0*	+1.0	-14.8
Страны с переходной экономикой	16.5	19.6	17.1	13.3	7.1	7.8	+3.1	-11.8
Развивающиеся страны	18.7	23.1	20.8	24.7	30.6**	41.2**	+4.4	+18.1

* Включая НИС

** Исключая НИС

Источник: Расчет по данным Сектора прогнозирования мировой экономики ИМЭМО РАН.

Суть зафиксированных приведенными расчетами изменений настолько очевидна, что в комментариях не нуждается. Не следует, однако упускать из виду, что 35% совокупного прироста доли развивающихся стран в мировом ВВП в 1991–2000 гг. обеспечили Китай и Индия, а в 2001–2010 гг. на долю двух этих гигантов пришлось уже 45% этого прироста. Особенно значима доля и роль Китая, уже несколько лет являющегося вторым по ВВП государством мира и самым крупным

экспортером промышленных изделий, на долю которого в 2010 г. приходилось свыше 12%(!) их совокупного экспорта⁸⁸.

Благодаря явному превосходству в темпах экономического роста над двумя другими группами стран развивающиеся страны как бы вобрали в себя, обратив себе на пользу все понесенные ими потери. Но из-за огромной, с трудом поддающейся осмыслению исходной разницы в уровнях развития и различий в общей численности населения положение дел в этой части мирового сообщества по-прежнему вызывает серьезную тревогу. Поэтому для уточнения реальной значимости достигнутых группой развивающихся стран экономических успехов следует обратиться к среднестатистическим показателям трех основных групп стран.

Таблица 4.

**ВВП на душу населения основных групп стран, тыс. долл.,
в ценах и по ППС 2010 г.**

	1950	1970	1980	1990	2000	2010
ВЕСЬ МИР	3.4	5.6	6.7	7.5	8.8	11.1
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	9.8	19.2	24.1	30.4	36.6	39.3
СТРАНЫ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ	4.8	11.4	13.2	12.9	9.2	14.8
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ	1.0	1.2	1.9	2.2	3.8	6.2
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	4.0	5.9	8.7	8.1	9.3	11.4
Бразилия	2.8	4.9	8.3	8.1	8.9	11.1
Мексика	5.4	6.5	12.1	11.6	14.0	15.2
ВОСТОЧНАЯ И ЮГО- ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	0.7	0.8	1.2	2.1	3.9	7.8
4 НИС	2.2	3.9	7.5	14.7	23.8	34.0
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	1.2	1.3	1.9	2.7	3.7	5.4
АСЕАН-3	1.0	1.3	2.1	3.1	4.3	6.2
КНР	0.4	0.5	0.6	1.2	2.9	7.5
ЮЖНАЯ АЗИЯ	0.7	0.8	1.0	1.4	1.9	3.2
Индия	0.4	0.9	1.0	1.4	2.0	3.6
ЗАПАДНАЯ АЗИЯ (БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК)	4.7	7.8	9.8	9.1	9.8	12.8
Турция	4.3	6.2	8.0	9.8	11.2	14.7
АФРИКА	1.8	2.00	2.4	2.4	2.3	2.9
ЮАР	4.9	7.6	8.7	8.3	8.5	10.5

Источник: Расчеты Сектора прогнозирования мировой экономики ИМЭМО.

Из данных таблицы, подводящей итоги экономического роста за шесть послевоенных десятилетий, когда благодаря развалу колониальной системы как бы конституировался так называемый третий или развивающийся мир, который в 1990-е годы пополнился за счет большинства постсоциалистических стран, можно сделать по меньшей мере три взаимосвязанных и заслуживающих внимания вывода. Основной вклад в рост мировой экономики в первом десятилетии

⁸⁸ Подсчитано по: Handbook of Statistics 2011, Table 2.2.A; 3.1.

нынешнего века, ознаменовавшемся мировым финансово-экономическим кризисом, внесли развивающиеся страны во главе с Китаем. Что же касается обусловленных кризисом потерь, то преобладающая их часть пришлась на долю стран мирового экономического авангарда, которые собственно его и спровоцировали, перегнув палку с либерализацией.

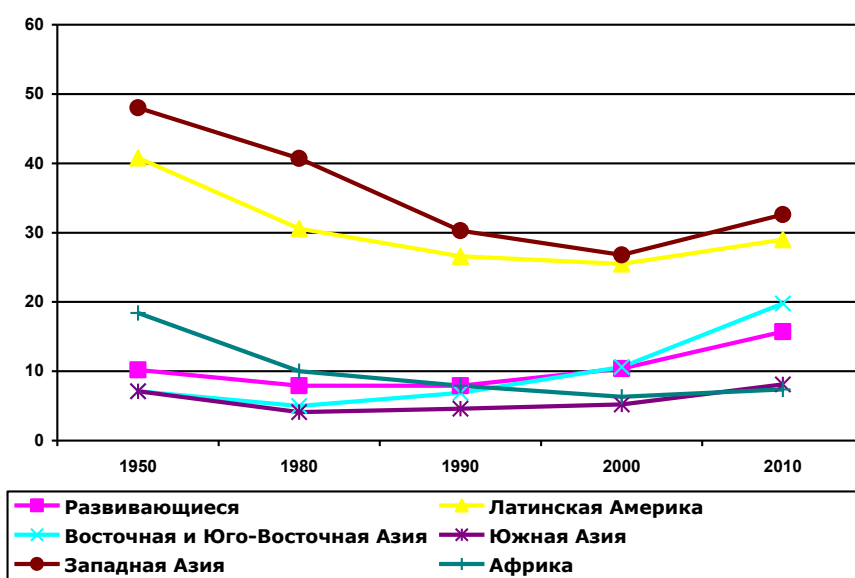
И последнее по счету, но не по реальной значимости: несмотря на почти пятикратное превышение темпов прироста подушевого дохода в развивающемся мире в сравнении с развитым разрыв между ними по этому ключевому показателю практически не изменился. За исключением одного только Китая, который по темпам прироста среднедушевого дохода в этом десятилетии чуть ли не в 12 раз превосходил лидеров мировой экономики. В итоге разрыв между ними в уровнях развития сократился без малого на 1,9 тыс. долл.

В общем, третий мир с Китаем и без него заметно различаются. И если Китаю, а быть может и Индии, еще что-то «светит», то отставание остальных стран развивающегося мира от развитого представляется едва ли преодолимым. Тем более что и так называемая помощь развитию концентрируется не на создании условий для развития, а на решении хотя и очень важных, но все-таки сугубо частных вопросов. К тому же немалая ее часть элементарно разворовывается.

Чтобы осознать это грустное обстоятельство, быть может, достаточно внимательно и непредвзято взглянуть на шестидесятилетние траектории движения среднедушевого ВВП всех выделенных нами групп развивающихся стран и заодно вспомнить, что и лидеры мировой экономики тоже не могут и не будут стоять на месте. Как это в свое время фактически произошло с уже основательно подзабытым лозунгом о преодолении отставания России от Португалии.

Рисунок 2.

Отношения развивающихся стран к развитым по ВВП на душу населения (показатель развитых стран =100), %.

Источник: Расчеты сектора прогнозирования мировой экономики ИМЭМО РАН.

Как бы то ни было, мировая элита, похоже, уже давно осознала несбыточность мечты, не то что о преодолении, но и о радикальном сокращении нынешнего вопиющего разрыва в уровнях развития развивающихся стран с лидерами мировой экономики. Очевидным подтверждением этого может служить, думается, как огромное множество программ борьбы с бедностью, так и то значение, которое придается этим программам ООН.

Как следует из двух последних таблиц, как бы подводящих общие итоги послевоенного развития (включая глобализацию, фактически сделавшую самые первые шаги еще в 1960-х годах), в первом десятилетии нынешнего века заметных, хотя и несравненно меньших, чем развивающиеся страны, успехов добились также страны с переходной экономикой. Несмотря на то, что по уровню душевого дохода эта группа стран в среднем более чем вдвое превосходит развивающиеся страны, всем входящим в ее состав государствам приходится сталкиваться с такими же, если не с еще более сложными проблемами. Поскольку основная масса стран с переходной экономикой без малого три четверти века жила при командно-административной системе, после распада которой они вынуждены были постигать азы жизни в условиях спонтанного рынка. А это, как свидетельствуют три истекших десятилетия, увы, далеко не так просто, как могло показаться в тиши кабинетов реформаторов.

Учитывая это обстоятельство, вызывает недоумение та поспешность, с которой Всемирный банк одним росчерком пера (ранжировав все страны мира по величине среднедушевого дохода) отказался от вполне оправданного традиционного их деления на три основные группы, восходящие своими истоками ко времени их образования в нынешнем качестве. И сделано это, судя по высказываниям его приверженцев, исходя из не выдерживающей критики псевдоидеи о мнимом равенстве всех перед глобализацией, поскольку она будто бы предоставляет всем странам равные шансы для развития.

Ну а если попытаться отвлечься от какой бы то ни было идеологии, откроется необычайно сложная и противоречивая картина современной мировой экономики, поднявшейся до своих нынешних высот прежде всего благодаря громадному, поистине эпохальному прогрессу в обрабатывающей промышленности, испокон веков служившей основной сферой изобретательства и главным мотором научно-технического и экономического прогресса. А ныне в связи с информационно-коммуникационной революцией и глобализацией, обернувшихся дальнейшим ростом благосостояния в развитых странах, а в известном смысле и их пресыщением промышленной продукцией, доля обрабатывающей промышленности в мировом ВВП продолжает падать. Очевидным исключением из этого падения являются всего несколько развивающихся стран во главе с громадным Китаем, благодаря которому сводный показатель по развивающимся странам и по миру в целом, пока еще поддерживается на более или менее приемлемом уровне.

Информационно-коммуникационная революция вкупе с порожденной ею глобализацией основательно повысила общую эффективность обрабатывающей промышленности, но при этом, вопреки ожиданиям, сузила географию ее размещения, как бы облегчив, но в известном смысле и усложнив доступ к ее реальным благам. Ибо сама нацеленность на оптимизацию размещения в основе своей несовместима со всемерным расширением охватываемого ею круга стран.

Одни страны из числа давно пребывающих на вершине современной цивилизации, несмотря на массу собственных проблем, в известном смысле страдают от пресыщения. Другие же, несмотря на появление в некоторых из них собственных миллиардеров, все еще пребывают в состоянии необустроенности и

бедности. А немалая их часть никогда из бедности в сущности и не выбирались. Между тем обрабатывающая промышленность, которой изначально принадлежит особая, ничем незаменимая роль в мировом экономическом, социальном и культурном возвышении современного человечества продолжает терять свой вес и былую значимость.

При этом множество стран, представляющих весомую долю человечества, по тем или иным причинам не могущих приспособиться к требованиям глобализации, в основе своей нацеленной на минимизацию издержек производства и его оптимизацию, осталось на обочине этого всемирно исторического процесса в качестве своеобразных «подносчиков патронов» в виде поставщиков сырья и неизбывного источника всевозможных талантов. Думается, что при таких обстоятельствах говорить о грядущем подтягивании развивающихся стран к мировому экономическому авангарду по меньшей мере не совсем серьезно.

А.А. Рогожин

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В АЗИИ (внешнеторговый аспект)

В наступившем веке основной сферой экономических отношений между всеми странами мира, остаётся внешняя торговля. Здесь, как ни в одной иной сфере межстрановых экономических контактов, активно взаимодействуют процессы глобализации и регионализации, которые, как показывает практика, всё чаще выступают не как разнонаправленные и, тем более, не как противоположные антагонистичные движения.

Как тонко подметил известный российский востоковед А. Д. Воскресенский, "регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации", более того, "понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчёркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут – в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм ("макрорегионализм" или "миниглобализация" выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, локальный или страновой уровень, но в региональных рамках"⁸⁹.

Развитие торговых отношений в наиболее быстро развивающемся регионе мира – Азии убедительно подтверждает начало перехода от некогда конфронтационного к взаимосогласованному развитию процессов глобализации и регионализации. Азия относительно поздно присоединилась к процессу заключения соглашений о свободной торговле (ССТ); однако за последнее десятилетие количество ССТ с участием хотя бы одной страны из региона резко увеличилось⁹⁰. К январю 2013 г. количество ратифицированных ССТ увеличилось более чем втрое – с 36 соглашений в 2002 г. до 109. Ещё 148 ССТ находятся на различных стадиях

⁸⁹ Воскресенский А. Д. Регионализация в современных международных отношениях // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 11, 14.

⁹⁰ С целью привлечения наиболее полной статистики мы берем на вооружение весьма распространённое определение термина "Азия", используемого Азиатским банком развития (см. ADB. Asian Economic Integration Monitor. March 2013. P. 9, table 2).

разработки, и когда они вступят в силу, общее количество ССТ достигнет 257 (см. график 2).

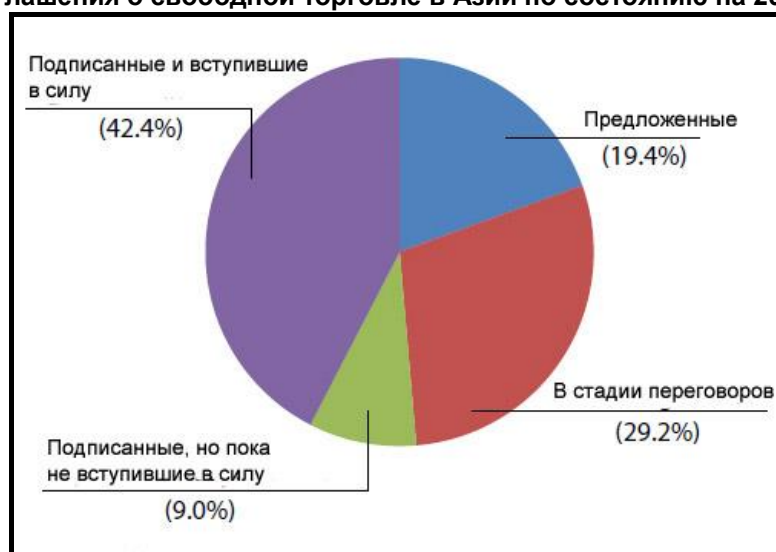
Сегодня активность в области ССТ в Азии выше, чем в любом другом регионе мира. Темпы подписания ССТ в Азии велики, и этот процесс свойственен как крупным, так и малым азиатским странам. Сотое соглашение было подписано между Японией и Перу, а уже через две недели было заключено следующее – между Республикой Корея и США, странами уже являющимися членами 47-ми ССТ, из которых 23 – действующие. Даже небольшой Лаос, устав, по-видимому, от более чем десятилетнего безрезультатного процесса "приспособления" к правилам ВТО, заключил 13 ССТ, 8 из которых уже действуют.

Очевидно, что задержка в завершении многосторонних переговоров в рамках Дохийской повестки развития Всемирной торговой организации стимулировала активность в области двусторонних ССТ. В данной статье не ставится под вопрос выбор, сделанный азиатскими политиками, и не пересматриваются аргументы в пользу того или иного пути либерализации торговли. Вместо этого делается попытка дать ответ на вопрос: "К чему идёт Азия и как ей пройти этот путь?".

С одной стороны, можно заявить, что существует ограниченный набор краткосрочных вариантов, учитывая текущую ситуацию. С другой стороны, отмечается растущее признание – в том числе и сторонниками ССТ – того факта, что распространение соглашений о свободной торговле стало слишком запутанным и противоречивым, приведя к образованию так называемого "азиатского клубка соглашений", образно именуемого Asian noodle bowl⁹¹.

График 1

Соглашения о свободной торговле в Азии по состоянию на 2013 г.

⁹¹ В дополнение к сложности администрирования, большее количество ССТ порождает существенные различия в правилах определения страны происхождения товара, различные даты вступления в силу и истечения одних и тех же соглашений, схемы сокращения тарифов, списки исключений временных и постоянных) и многие других вопросов, являющихся предметом переговоров в рамках процесса либерализации.

Примечание

Предложенные (proposed) – ССТ, о предстоящем подписании которых объявили правительства стран-участниц и создали соответствующие рабочие группы или комиссии для анализа условия ССТ и их последствий

В стадии переговоров (under negotiation) – ситуация, при которой стороны через уполномоченные министерства обсуждают содержание рамочного соглашения, которое впоследствии становится предметом официальных переговоров, или объявление сторон о начале такого рода

Подписанные, но пока не вступившие в силу (signed but not yet in effect) – стороны подписали соглашение об ССТ, но оно ещё не вступило в законную силу

Подписанные и вступившие в силу (signed and in effect) – соглашения, вступившие в силу после одобрения законодательными или исполнительными органами стран-участниц

Источник: ADB. Asia Regional Integration Center FTA database (по состоянию на январь 2013 г.)

Итак, куда же движется Азия? Количество ССТ будет увеличиваться, учитывая количество соглашений, находящихся на различных уровнях подготовки и принятия; при этом новые предложения такого рода остаются наиболее быстрорастущим компонентом активности в этой сфере. Теоретически успешное завершение глобальных многосторонних переговоров, скорее всего, значительно снизит мотивацию к заключению новых ССТ. Оно также лишит преимуществ многие из существующих ССТ, тем самым снизив их воздействие на торговые и иные потоки.

График 2

Примечание

Двусторонние (bilateral) ССТ – соглашения. участниками которых являются только две страны

Многосторонние (plurilateral) ССТ – соглашения, в которых участвуют более двух стран

Источник: ADB. Asia Regional Integration Center FTA database (по состоянию на январь 2013 г.)

Однако успешное завершение глобального процесса переговоров, не говоря уже о его сроках, остаётся под большим вопросом⁹². В любом случае, текущее состояние ССТ позволяет предположить, что одна лишь Дохийская повестка развития или её вариации могут оказаться недостаточными для нейтрализации сложившейся сегодня сложной и искажённой торговой среды, поэтому потребуются дополнительные усилия. Каким же образом это сделать? Было разработано несколько предложений по распутыванию этого клубка. Они в целом могут быть распределены по двум категориям: консолидация и расширение многосторонности преференций.

Консолидация предполагает сжатие двусторонних ССТ в более широкое общерегиональное ССТ, в рамках которого внутрирегиональные ССТ будут сокращены. Многосторонность преференций, или просто многосторонность, предусматривает предоставление недискриминационных преференций нечленам, ликвидируя любые преференциальные скидки. Из этих двух подходов наиболее идеальным представляется многосторонность.

Тем не менее, как явствует из дискуссий в рамках Дохийской повестки развития, есть несколько крайне сложных проблем, решение которых потребует много времени. При этом есть целый ряд промежуточных шагов, которые позволят подготовить основание для принятия этого подхода – таких как гармонизированное сокращение внешних тарифов и ослабление правил определения страны происхождения товаров.

Соглашения о свободной торговле в Азии – состояние дел сегодня. За последнее десятилетие количество ССТ с участием хотя бы одной азиатской страны выросло более чем втрое – с 70 в 2002 г. до 257 соглашений по данным на январь 2013 года (см. таблицу 1). Этот всплеск активности в области заключения ССТ оказался обусловлен значительным увеличением количества предполагаемых или обсуждающихся ССТ. В 2002 г. четверть ССТ в регионе находились на стадии разработки или переговоров. К началу с. г. эта доля увеличилась почти до половины от общего числа соглашений. Из 257 ССТ, о которых было заявлено на январь с. г., 132 соглашения было уже подписано, 109 – вступило в силу; 75 – обсуждалось в ходе переговорного процесса и 50 – находились в стадии разработки (см. график 2).

⁹² Кроме того, необходимо упомянуть возобновление дискуссии о секторальных соглашениях по облегчению торговли и другим вопросам, которые могут стать заместителями подобного более комплексного раунда многосторонних переговоров. Метод заключения секторальных соглашений, получивший название "снятие вишенки с торта", представляется наиболее вероятным путём по выходу из тупика Дохийской повестки развития, предусматривающей подход единого шага, основанного на принципе "всё или ничего".

Таблица 1

Соглашения о свободной торговле в Азии и АСЕАН+6 в 1975-2013 гг.

Год	Предложено заключить ССТ		В процессе переговоров				Соглашение подписано, но не вступило в силу		Подписано и вступило в силу		Всего	
			Подписано рамочное соглашение		Начаты переговоры							
	Азия	АСЕ-АН+6	Азия	АСЕ-АН+6	Азия	АСЕ-АН+6	Азия	АСЕ-АН+6	Азия	АСЕ-АН+6	Азия	АСЕ-АН+6
1975	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1
1976	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1
1980	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	2	2
1981	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	2	2
1982	0	0	0	0	0	0	1	0	2	2	3	2
1983	0	0	0	0	0	0	1	0	3	3	4	3
1989	1	1	0	0	0	0	1	0	3	3	5	4
1991	1	1	0	0	0	0	2	1	5	5	8	7
1992	1	1	0	0	0	0	6	2	5	5	12	8
1993	1	1	0	0	0	0	2	1	14	6	17	8
1994	1	1	0	0	0	0	5	1	16	6	22	8
1995	1	1	0	0	0	0	12	1	19	6	32	8
1996	1	1	0	0	0	0	15	1	24	6	40	8
1997	2	2	0	0	0	0	17	1	25	6	44	9
1998	2	2	0	0	0	0	16	2	28	6	46	10
1999	4	3	0	0	1	1	16	2	29	6	50	12
2000	3	3	0	0	6	5	16	3	30	6	55	17
2001	2	2	0	0	8	8	15	1	33	8	58	19
2002	8	6	2	2	8	8	16	1	36	10	70	27
2003	18	14	4	3	9	8	22	4	41	14	94	43
2004	31	26	14	9	15	13	24	7	48	18	132	73
2005	43	35	18	13	28	24	24	7	56	25	169	104
2006	48	41	18	13	37	31	20	6	69	33	192	124
2007	46	39	18	13	42	38	23	7	75	38	204	135
2008	46	39	16	11	42	38	22	9	85	44	211	141
2009	53	43	16	11	45	41	22	9	91	50	227	154
2010	57	47	17	12	47	41	23	10	97	56	241	166
2011	60	49	17	12	47	42	23	8	104	63	251	174
2012	50	41	14	9	61	54	24	9	108	66	257	179
2013	50	41	14	9	61	54	23	8	109	67	257	179

Примечание:

Предложенные (proposed) – стороны рассматривают ССТ; правительства или соответствующие министерства сделали совместное заявление о желательности соглашения или создании совместной рабочей группы для проведения исследований осуществимости соглашения.

Подписано рамочное соглашение (framework agreement signed) – стороны, через соответствующие министерства, обсуждают содержание рамочного соглашения, обеспечивающего дальнейшие переговоры.

Начаты переговоры (negotiation launched) – стороны через соответствующие министерства объявили об официальном начале переговорного процесса или о старте первого раунда переговоров.

Подписанное, но не вступившее в силу (signed, but not in effect) – стороны подписали соглашение после завершения переговоров, однако оно ещё не вступило в силу.

Подписано и вступило в силу (signed and in effect) – положения ССТ начали действовать после ратификации законодательным или исполнительным органом власти.

Источник: ADB. Asia Regional Integration Center FTA database (по состоянию на январь 2013 г.)

Почти три четверти из 189 соглашений на январь 2013 г. являлись двусторонними ССТ (с участием двух стран), и лишь 68 ССТ были многосторонними (с участием более двух сторон).

В пределах Азии количество ССТ с участием стран АСЕАН+6 (десяти стран-членов АСЕАН плюс Австралия, КНР, Индия, Япония, Республика Корея и Новая Зеландия) росло даже более быстрыми темпами, чем количество ССТ по Азии в целом, увеличившись в шесть раз: с 27 в 2002 г. до 179 в январе с. г. *К настоящему времени на долю стран АСЕАН+6 приходится 70% всех ССТ в Азии.*

График 3

Примечание

АСЕАН+6 – условная группировка в составе стран-членов АСЕАН, Австралии, КНР, Индии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии.

Источник: ADB. Asia Regional Integration Center FTA database (по состоянию на январь 2013 г.).

Из 179 ССТ с участием стран АСЕАН+6, большинство являются двусторонними соглашениями (130 ССТ). Лишь треть (42) этих двусторонних ССТ включают две страны АСЕАН+6; остальные заключены со странами за пределами этой группы; 67 соглашений включают страну АСЕАН+6 и её торгового партнёра за пределами Азии (см. таблицу 2). Растущая важность неазиатских торговых

партнёров отражается в членстве в соглашениях о свободной торговле с участием нескольких сторон.

Таблица 2

Двусторонние ССТ – АСЕАН+3 и АСЕАН+6	
Регион	Количество ССТ
Внутри субрегиона	
ASEAN+3	19
ASEAN+6	42
Внутри азиатского континента	
ASEAN+3 + Non-ASEAN+3	34
ASEAN+6 + Non-ASEAN+6	21
С неазиатскими партнёрами	
ASEAN+3 + Non-Asia	51
ASEAN+6 + Non-Asia	67
Всего	
ASEAN+3	104
ASEAN+6	130

Примечание

АСЕАН+3 – АСЕАН + КНР, Япония и Республика Корея.

АСЕАН+6 – условная группировка в составе стран-членов АСЕАН, Австралии, КНР, Индии, Японии, Республики Кореи и Новой Зеландии.

Внутри субрегиона означает, что оба участника соглашения входя в состав группировки АСЕАН+3/АСЕАН+6.

Внутри азиатского континента означает, что один из участников соглашения входит в группировки АСЕАН+3/АСЕАН+6, а другой – азиатская страна в эти группировки не входящая.

Источник: ADB. Asia Regional Integration Center FTA database (по состоянию на январь 2013 г.).

Не удивительно, что стремительное увеличение количества ССТ в Азии оказалось обусловлено усилиями Сингапура, Индии и крупных экономик Восточной Азии – КНР, Японии и Республики Корея. По данным на январь 2013 г. Сингапур имел 37 соглашений, из которых 18 являются действующими в настоящее время. Индия заняла второе место с 34 ССТ и 13 действующими. Южная Корея имеет 32 ССТ, тогда как Китай и Япония – 27 и 26 ССТ соответственно. Пакистан заключил 27 ССТ, из которых действующими являются шесть соглашений. В АСЕАН Малайзия, Таиланд и Индонезия также не слишком сильно отстают от лидеров с 26, 26 и 21 ССТ соответственно.

Почему ССТ так популярны, особенно двусторонние?⁹³ Одной из важных причин этого является разочарование в ВТО. Сложности, связанные с завершением Дохийской повестки развития, укрепили эту точку зрения. Многие стали

⁹³ Подробнее см. Menon, J. Bilateral Trade Agreements // Asian-Pacific Economic Literature. 2007. Vol. 21. № 2. Pp. 29-47.

рассматривать ССТ в качестве способа дальнейшего продвижения процесса глобализации торговли и её либерализации, не связанного с процессами ВТО.

ССТ в целом предстают способом укрепления благосостояния, по крайней мере, для их участников. Степень улучшения благосостояния зависит от масштабов усиления торговли между сторонами ССТ за вычетом потерь в торговле с третьими странами, которые, в свою очередь, зависят от целого ряда факторов, включая степень, ширину и скорость либерализации торговых отношений в рамках преференциального режима.

Существуют также более долгосрочные динамические эффекты, которые могут проявиться в отношении членов ССТ через конкурентные и связанные с ними эффекты, которые возможно, но очень сложно измерить каким бы то ни было способом. ССТ потенциально могут стать стимулом для более быстрого заключения более глубоких соглашений в целом ряде сфер, особенно по проблемам нетарифного регулирования торговли, особенно когда в переговорах участвует лишь два партнёра.

Преференциальные соглашения с включением в них нетарифных мер – например, в сфере услуг – могут быть достигнуты с большей лёгкостью как на региональном, так и на двустороннем уровне, нежели в рамках более масштабного многостороннего процесса с большим количеством участников. Реформы в этих сложных секторах и ещё более сложной сфере нетарифных бартеров на многостороннем уровне фактически застопорились, тогда как некоторые ССТ оказались вполне успешным инструментом в реализации целей этой повестки.

Положения о глубокой интеграции в рамках ССТ между Южной Кореей и ЕС и между Сингапуром и США являются яркими тому подтверждениями. ССТ между Южной Кореей и США, которое включает в себя положения о поощрении и защите инвестиций, также содержит механизм разрешения конфликтов между инвестором и государством.

Хотя большинство ССТ с участием хотя бы одной азиатской страны остаются относительно поверхностными, потенциал их углубления со временем существует и даже увеличивается на фоне затягивания интеграционного процесса на многостороннем уровне. Положительное воздействие ССТ на благосостояние оказываются очевидным экономическим мотивом для заключения всё новых соглашений о свободной торговле и, что вполне объяснимо, является их ключевым экономическим результатом.

Однако от ССТ есть и неэкономические выгоды. Нет никаких сомнений в том, что политические соображения также имеют место в случае с ССТ, поскольку ССТ могут способствовать укреплению международных связей, выходящих за пределы чисто экономических отношений между двумя или группой стран. Действительно, нередко звучат заявления, что за большинством – если не за всеми – ССТ стоят политические или стратегические мотивы.

Тот факт, что ЕС получил Нобелевскую премию мира в 2012 г., является последним и явным признанием того, как региональное соглашение о сотрудничестве может оказаться чем-то большим, чем просто выражением экономических интересов. Аналогичным образом, успех АСЕАН проявился как на экономическом, так и на внеэкономическом фронте. Всё это позволяет предположить, что *ценность ССТ выходит далеко за пределы их прямого экономического эффекта*.

ССТ могут также оказаться более осуществимыми с политической точки зрения, поскольку они привлекают к себе меньше внимания, в том числе и со стороны СМИ. Поэтому давление со стороны политической оппозиции внутри страны

(например, со стороны лобби, выступающего против свободной торговли, или особенно "чувствительных" отраслевых групп) либо из-за рубежа (например, традиционных торговых партнёров или членов другой региональной группы), скорее всего, будет низким. Это позволит увеличить скорость переговорного процесса и, соответственно, заключение ССТ.

Эффект снежного кома, или эффект домино также стал одной из причин бурного роста количества ССТ. Очевидно, что многие страны просто не хотят оказаться на обочине этого процесса роста ССТ. В ситуации бурного распространения ССТ бездействие имеет свои издержки, поскольку может привести к ограничению доступа на традиционные рынки. Более пяти лет назад в одном из исследований было предсказано, что этот эффект может сыграть значительную роль в распространении ССТ в Азии: "если история может послужить кому-то примером, то эффект домино в Восточной Азии распространится на многие другие страны по соседству. В Европе, например, после ряда волн эффектов домино ЕС получил соглашения о преференциальной торговле практически со всеми членами ВТО, кроме девяти стран. Поэтому вполне допустимо предположить, что тринадцать членов группы АСЕАН+3 в ближайшие годы подпишут множество двусторонних соглашений о свободной торговле"⁹⁴.

Эти прогнозы, судя по всему, подтвердились.

И последняя причина предпочтения двусторонних соглашений перед многосторонними связана с абсолютными возможностями (или максимальным количеством) заключения новых соглашений, которые технически возможны. В теории могут быть заключены тысячи ССТ – куда больше, чем соглашений с несколькими участниками и многосторонних – поскольку в них будет всего по два участника. На членство в подобных соглашениях нет географических (региональных) ограничений.

Действительно, любые две страны, расположенные в любой точке Земного шара, руководствуясь любыми причинами, могут заключить двустороннее ССТ. Если n – это количество стран в мире (а этот показатель сегодня приближается к 200), технически возможно заключение $(n \times n - 1)/2$ двусторонних ССТ, или более 18 тыс. соглашений. Разумеется, это отнюдь не объясняет того, почему двусторонние ССТ столь популярны. Однако можно предположить, что эти соглашения могут распространиться весьма широко и практически неконтролируемо.

Несмотря на свою огромную популярность, а также на значительные выгоды, которые они несут своим членам – как экономические, так и внеэкономические – переговоры по ССТ и их реализация имеют свои издержки. Издержки ССТ всё активнее проявляются через данные о показателях использования преференций, согласно которым многие ССТ пока что не оказали существенного влияния на реальные торговые и другие потоки. Хотя существуют расхождения в оценках степени используемости ССТ в странах АСЕАН и Восточной Азии в целом в рамках различных исследований, большинство из них фиксирует эти показатели на уровне 10-20%, и лишь изредка они превышают 30%.

Тем не менее, последние опросы по предпринимательской активности, проведённые Азиатским банком развития (Asian Development Bank, ADB) и Институтом Азиатского банка развития (Asian Development Bank Institute, ADBI) в семи странах, позволяют предположить, что показатели использования ССТ могут начать улучшаться по мере того как компании, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, будут в большей степени осведомлены о ССТ – 32% компаний,

⁹⁴ Baldwin, R. E. Managing the Noodle Bowl: The Fragility of East Asian Regionalism. The Singapore Economic Review. Vol. 53. № 3. P. 474.

опрошенных в рамках одного исследования, сообщили, что они воспользовались преференциями ССТ при экспорте своих товаров⁹⁵. Несмотря на рост полезности этих соглашений в последнее время, показатели их использования, составляющие одну треть и менее, низки по любым стандартам – в том числе и в сравнении с ситуацией в Европе или Северной Америке⁹⁶.

Как объяснить эти низкие показатели использования ССТ? Исследования Азиатского банка развития показали, что хотя отсутствие информации о ССТ была названа наиболее значимой причиной, также упоминались низкие преференциальные льготы, задержки и административные издержки, связанные с правилами определения страны происхождения товара в качестве значимых барьеров на пути более широкого использования преференциальных режимов торговли. Поскольку издержки на соответствие правилам определения страны происхождения и другим требованиям кажутся более высокими, чем получаемые в результате выгоды, импортёры предпочитают игнорировать преференциальные тарифы и использовать тарифные ставки страны наибольшего благоприятствования.

Как показывает практика, большая часть торговых операций осуществляется по тарифным ставкам страны наибольшего благоприятствования, несмотря на распространение ССТ. Предыдущие оценки ССТ предполагали полное использование преференций, однако когда в расчётах были использованы более реалистичные показатели использования ССТ, положительное воздействие этих соглашений на экономическое благополучие оказалось практически нейтральным.

Помимо недоиспользования дорогостоящих ССТ, ещё одним источником экономических потерь является усиление разветвлённости торговли. Это хорошо известное следствие роста числа ССТ. Однако, возможно, наибольшие издержки от распространения ССТ оказываются обусловлены их воздействием на глобальную систему торговли. Хотя ССТ могут принести значительные выгоды их участникам, существуют и болезненные побочные эффекты, которые не могут быть проигнорированы.

Хотя крупнейшие торговые партнёры, исключённые из действия ССТ, могут в индивидуальном порядке нести убытки, что влечёт за собой риски претензий о возмещении потерь, общее торговое пространство, в которое вовлечены все страны, также испытывает на себе негативное воздействие ошибки переноса свойств частного на целое. Согласно одному из исследований система преференций, встроенная в двусторонние и даже многосторонние ССТ, разрушает принцип недискриминационности торговли, поскольку ССТ выступают скорее препятствиями, нежели строительными блоками торговой системы⁹⁷. Ключевой вопрос, с которым сталкиваются политики в кратко- и среднесрочной перспективе, звучит следующим образом: что ещё может быть сделано? И этот вопрос остаётся открытым.

Дохийская повестка развития: компромисс или кома? Сложность согласования амбициозной программы Дохийской повестки развития очевидна; в последнее время внимание сместилось в сторону поиска компромисса с участием

⁹⁵ Kawai M., Wignaraja G. Dealing with the Noodle Bowl of Asia's Free Trade Agreements. // Asian Pathways. 24 April 2012 (<http://www.asiathways-adbi.org/2012/04/dealingwith-the-noodle-bowl-of-asias-free-trade-agreements/>).

⁹⁶ Для сравнения – в рамках европейских соглашений о преференциальной торговле показатель использования соглашения ниже 50% считается низким (см. Augier P., Gasiorek M. and Lai-Tong C. The Impact of Rules of Origin on Trade Flows // Economic Policy. Vol. 20. № 43. Pp. 567–624).

⁹⁷ См. Bhagwati J. Termites in the Trading System: How Preferential Agreements Undermine Free Trade. New York: Oxford University Press. 2008.

секторальных соглашений, в том числе и тех, которые направлены на облегчение торговли. Главы всех многосторонних банков развития недавно подписали петицию в поддержку подобного соглашения. Вдохновлённые этой перспективой, эксперты The Economist сформулировали эту идею в рамках Глобального раунда восстановления (Global Recovery Round)⁹⁸.

Заключение секторальных соглашений может стать одним из способов выхода из тупика и вывода Дохийской повестки развития из длительной комы. Однако существует обеспокоенность по поводу того, что этот путь может в действительности снизить стимулы к заключению комплексной многосторонней сделки. Это вполне может быть гарантировано, поскольку секторальные соглашения размывают силу доступных компромиссных вариантов, тем самым снижая способность сторон с разнящимися интересами договариваться.

Хотя многосторонние переговоры остаются наилучшей формой согласования либерализации чувствительных секторов или сложных вопросов, это преимущество базируется на одном ключевом факторе – способности обмениваться уступками между большим количеством стран с различными интересами. Эта возможность перекрывает все издержки отказа от защиты чувствительных секторов, таких как, например, сельское хозяйство, обеспечивая новые выгоды в результате увеличения рыночного доступа в тех секторах, где страны-участники имеют сравнительное преимущество, например, в результате изменения правил инвестирования, защиты интеллектуальной собственности или сферы услуг.

Секторальное соглашение может ограничить переговорные позиции и варианты в пределах ВТО. Аналогичным образом, каждый раз, когда ССТ позволяет той или иной стране обойти этот компромисс – просто с помощью выбора индивидуального партнёра – и добиться соответствующих выгод без принятия на себя сопутствующих издержек, задача либерализации чувствительных секторов становится более сложной.

Недавнее заявление о разработке ССТ между ЕС и США высвечивает то, как общий интерес – ограничение либерализации в сельскохозяйственном секторе – может способствовать выработке второго по размерам соглашения, уступающего по своим масштабам лишь самой Дохийской повестке развития, одновременно с этим серьёзно омрачая перспективы решения проблем наиболее сложного сектора мировой торговли.

Проблема, однако, заключается в том, что достижение двустороннего соглашения оказывается легче и практичнее – сопровождаясь неквантифицируемыми выгодами с точки зрения политической экономии – в сравнении с заключением секторального соглашения с участием нескольких стран, не говоря уже о действительно многостороннем многосекторном соглашении.

При этом, учитывая вероятность заключения единого соглашения в рамках Дохийской повестки развития, выгоды от успешного заключения секторальных договорённостей по облегчению торговли не должны недооцениваться. Действительно, выгоды будут вполне существенными, и перспективы заключения подобного соглашения к моменту Министерской встречи ВТО на Бали в декабре 2013 г. становятся всё более реальными.

В среднем, взвешенные с учётом объёмов внешней торговли тарифы составляют около 5% всех торговых издержек, тогда как логистические и другие издержки, связанные с облегчением торговых отношений, достигают порядка 10%. Торговые переговоры на базе ВТО призваны снизить эти логистические издержки наполовину, или до 5%, что эквивалентно отмене всех тарифов. Эти потенциальные

⁹⁸. Goodbye Doha, Hello Bali // The Economist. 8 September, 2012.

выгоды достаточно существенны, чтобы заслуживать серьёзного рассмотрения, и, возможно, они уравнивают обеспокоенность по поводу снижения стимулов для заключения более общего комплексного соглашения.

В зависимости от сроков и формы, которую со временем примет эта многосторонняя сделка, необходимость и срочность других мер поддержки могут быть снижены, хотя и не исчезнут полностью. Чем больше потребуется времени для заключения многосторонней сделки и чем слабее получится эта сделка, тем больше будет необходимости в срочном принятии других мер. Если всё, что удастся добиться в рамках Дохийской повестки развития, сведётся к одному или нескольким секторальным соглашениям, то восстановление порядка в многосторонней системе торговли потребует выбора иного пути.

Консолидация. Учитывая проблемы, которые несёт распространение CCT, консолидация предполагает сжатие внутрирегиональных соглашений в более широкое региональное CCT, делая ненужными двусторонние соглашения между странами-участниками или отменяя их.

Консолидационный подход уже завоевал популярность в деле распутывания того клубка CCT, что сложился в мире⁹⁹. Действительно, существуют примеры отмены двусторонних CCT после того, как ЕС доказал эффективность этого подхода. Так, например, создание Центральноевропейской зоны свободной торговли (Central European Free Trade Area, CEFTA) в 2006 г. успешно заменило 32 двусторонних соглашения между членами CEFTA.

Кроме того, CCT между США и Канадой было отменено после заключения Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA). В случае успеха консолидация может рассматриваться как мультилатерализация двусторонних соглашений на региональном уровне, или как "региональная многосторонность".

В Азии Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство. (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), движущей силой которого является AСЕАН, может стать основой для консолидации CCT стран-членов АСЕАН в рамках единого регионального соглашения¹⁰⁰. Изначально RCEP будет включать в себя всех членов группы АСЕАН+6.

Каков вероятный благоприятный эффект RCEP? Пока ещё рано говорить об этом, учитывая, что процедура реализации и другие важные детали этой инициативы остаются неясными. Так, например, сможет ли RCEP повлиять на существующие CCT между членами или послужит лишь образцом для дальнейших переговоров? Как бы то ни было, аналитические рамки оценки CCT и их расширения дают нам некоторые полезные указатели.

Расширенное до общерегионального уровня CCT будет в большей степени способствовать росту благосостояния стран-участниц, если выльется в существенное улучшение условий торговли там, где масштаб имеет значение. Если CCT достаточно велико, оно может привести к улучшению коллективных условий торговли в рамках CCT за счёт сокращения импортных и экспортных поставок из

⁹⁹ См., например, Park I., Park S. Consolidation and Harmonization of Regional Trade Agreements (RTAs): A Path Toward Global Free Trade // Paper presented in the International Conference on Globalisation, Growth and Development in Asia. Kuala Lumpur. 14–15 January 2009.

¹⁰⁰ Концепция АСЕАН относительно RCEP была официально подписана на XIX-ой встрече АСЕАН на высшем уровне (ноябрь 2011), а соответствующие переговоры были начаты 20 ноября 2012 г. в кулуарах Восточноазиатской встречи на высшем уровне в Пномпене (Камбоджа).

остальных регионов мира. Это предполагает значительный масштаб перенаправления торговых потоков. В рамках этого сценария прибыль от улучшения условий торговли внутри региона окажется достаточно большой, чтобы компенсировать потери, связанные с перенаправлением торговых потоков.

RCEP может проложить путь для консолидации ССТ АСЕАН в рамках единого регионального соглашения, однако говорить об этом пока ещё рано. Хотя речь идёт о расширении ССТ в целом, распределение выгод в результате этого расширения между членами этой группы может существенно различаться. Учитывая, что в рамках этой инициативы подчёркивается центральная роль АСЕАН – речь идёт о Зоне свободной торговли АСЕАН (ASEAN Free Trade Area, AFTA) с включением в него дополнительных участников инициативы RCEP – вопрос распределения выгод может быть оценён с помощью исследования того, как это расширение может повлиять на AFTA. Другими словами, может ли расширение AFTA до RCEP привести к образованию более весомых выгод, нежели изначальные рамки AFTA.

Если расширение AFTA приведёт к существенному увеличению торговли, это может повлечь за собой некоторое ухудшение условий торговли, поскольку часть итогового увеличения реального дохода выльется в увеличение спроса на импорт из остальных регионов мира. В рамках этого сценария потери благосостояния, связанные с ухудшением условий торговли, будут меньше, чем прирост благосостояния в результате увеличения торговли и создания новых торговых связей внутри региона. В конечном итоге, однако, ответ на вопрос о воздействии на благосостояние, будет получен эмпирическим путём.

Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) является другой крупномасштабной инициативой в области преференциальной торговли, которая включает в себя несколько членов RCEP. Тем не менее, ТТП нельзя однозначно назвать консолидационной инициативой. Если RCEP изначально будет включать в себя страны, уже связанные действующими двусторонними ССТ, то сеть двусторонних ССТ между потенциальными членами ТТП ещё далека от завершения.

Вместо этого ТТП следует по пути экспансии – партнёрство предполагает пункт о вступлении, и страны из числа потенциальных членов, не включённые в сети двусторонних ССТ, также могут присоединиться к этой инициативе. Повестка ТТП весьма широка и предъявляет достаточно высокие требования, которые оказываются выше, чем в рамках большинства наиболее совершенных ССТ, не говоря уже о требованиях Дохийской повестки развития. Неясно, смогут ли многие члены ТТП выполнять эти жёсткие требования.

Ещё одна проблема связана с текущим ограниченным членством, которое не распространяется на страны "+ три": КНР, Японию и Южную Корею. Хотя Япония уже выразила желание вступить в ТТП, а Южная Корея и КНР присматриваются к возможности присоединиться к переговорам по ТТП (как и некоторые другие азиатские экономики), необходимо *значительное* расширение членства азиатских экономик в этой инициативе, чтобы она стала серьёзной альтернативой RCEP.

Если многие азиатские страны всё же примут участие в этой инициативе, и если исключений из выполнения всех её требований будет немного, то результаты с точки зрения прироста благосостояния участников будут значительными. *Однако, как и в случае с RCEP, вероятное воздействие может быть определено лишь эмпирически – поэтому пока рано с определённой уверенностью говорить о результатах.*

Несмотря на это, консолидация существующих ССТ через RCEP или расширение ТТП, скорее всего, продолжится, учитывая те трудности, которыми сопровождается процесс завершения многосторонних переговоров. Тем не менее, консолидация порождает свой собственный набор проблем.

ССТ представляют собой весьма гетерогенную группу соглашений. Они неизменно содержат в себе различные ставки тарифов, различные количественные ограничения, секторальные исключения (и, зачастую, различные "поэтапные" показатели расчёта этих исключений), правила определения страны происхождения, варьирующиеся в зависимости от группы продуктов, а также множеству других условий, варьирующихся от определённых правил либерализации сферы услуг до положений о трудовых отношениях и стандартах.

Если консолидация будет осуществляться, то наиболее вероятным итогом станет "гонка уступок" для достижения консенсуса, в результате чего соглашение будет сведено к наименьшему общему знаменателю, что будет означать весьма незначительные изменения к лучшему, а порой – и отказ от уже проведённых реформ. Последняя тенденция, заключающаяся в попытках связать региональные блоки на глобальном уровне, может ещё больше усилить эти трудности, поскольку подобные связи увеличат как количество членов, так и общее их разнообразие, а также степень гетерогенности соглашений, которые должны быть гармонизированы.

Даже если окажется возможным реализовать консолидированное или расширенное региональное ССТ, крайне важно будет изучить стимулы, побуждающие политиков выступать за присоединение своих стран к этой инициативе. Если положения двусторонних ССТ будут преобладать над положениями регионального ССТ, то показатель использования регионального соглашения будет низким.

Одним из примеров этого является торговля между Индией и Шри-Ланкой. Южноазиатская зона свободной торговли (South Asia Free Trade Area, SAFTA) начала действовать с 2006 г., но к тому времени уже существовал целый ряд внутрирегиональных двусторонних ССТ, включая и ССТ между Индией и Шри-Ланкой. Как и большинство двусторонних ССТ, соглашение между Индией и Шри-Ланкой имело более выгодные условия, нежели SAFTA, практически по всем параметрам. В результате 93% экспорта Шри-Ланки в Индию идёт в рамках бесполовинного режима в рамках двустороннего ССТ.

Таким образом, вместо консолидации и отмены индийско-шриланкийского и других ССТ, стало ясно, что использование SAFTA оказалось весьма ограниченным в сравнении с существующими двусторонними ССТ. Исследования показали, что SAFTA оказывает лишь незначительное влияние на региональные торговые потоки. Программа либерализации торговли в рамках SAFTA повлияла на региональные торговые потоки лишь в виде увеличения экспорта и импорта Индии в отношениях с Бангладеш и Непалом. Разумеется, можно сказать, что в данном случае необходимо учитывать фактор времени, поскольку полноценная реализация всех положений SAFTA запланирована лишь на 2016 г.

Сторонники двусторонних соглашений обычно заявляют, что более глубокие соглашения могут быть достигнуты быстрее в целом ряде сфер лишь в том случае, когда в переговорах участвуют двое или несколько партнёров, но не больше. Однако многие из этих же экспертов выступают за консолидацию ССТ, не уточняя при этом, каким образом эти более широкие соглашения могут быть достигнуты в случае участия более широкой группы стран. Фактически, консолидация двусторонних ССТ – для создания регионального соглашения – может оказаться более сложным делом, чем работа с чистого листа, особенно если потенциальные члены не имеют вообще или имеют лишь несколько ССТ друг с другом.

И хотя инициатива RCEP выглядит многообещающе, интересно отметить, что большинство азиатских двусторонних ССТ заключены со сторонами вне пределов региона. Поэтому RCEP, скорее всего, консолидирует лишь треть двусторонних

ССТ, не затронув значительную часть подобных соглашений, заключенных участниками инициативы¹⁰¹.

Существует также системная обеспокоенность, связанная с консолидацией двусторонних ССТ. Региональные блоки могут рассматриваться как источники фрагментации системы мировой торговли. Хотя RCEP вполне справедливо может являться азиатским ответом на создание NAFTA – особенно с учётом готовящегося ССТ между США и ЕС – консолидированная азиатская зона свободной торговли может рассматриваться как ещё один крупнейший торговый блок. Таким образом, крайне важно координировать отношения по линии Юг-Юг, а также Север-Юг, чтобы избежать превращения региональных блоков в торговые бастионы.

Если консолидированное ССТ воспринимается так или иначе как изоляционистское или дискриминационное соглашение, оно может дать толчок новой волне двусторонних ССТ, поскольку традиционные торговые партнёры за пределами региона начнут искать возможности сохранить доступ к торговле с членами нового ССТ. Восприятие и реальность могут отличаться друг от друга, однако в этом контексте восприятие будет играть более значимую роль в конечном итоге.

Весьма вероятно, что новый, большой и консолидированный блок может быть воспринят как угроза традиционным торговым партнёрам стран-участниц, не входящим в него, насколько бы открытым не планируемое ССТ. Если подобное восприятие имеет место быть – причём среди большего количества стран за пределами региона, нежели внутри него – то существует вероятность, что количество двусторонних ССТ может в действительности увеличиться.

Это может произойти и в том случае, если сокращение внутрирегиональных ССТ в результате заключения консолидированного соглашения будет компенсировано увеличением количества двусторонних межрегиональных ССТ, спровоцированных консолидированным соглашением. Это едва ли станет средством исправления проблем, с которыми сталкиваются азиатские экономики или мировая система торговли. Напротив, это лишь ещё больше запутает существующий клубок.

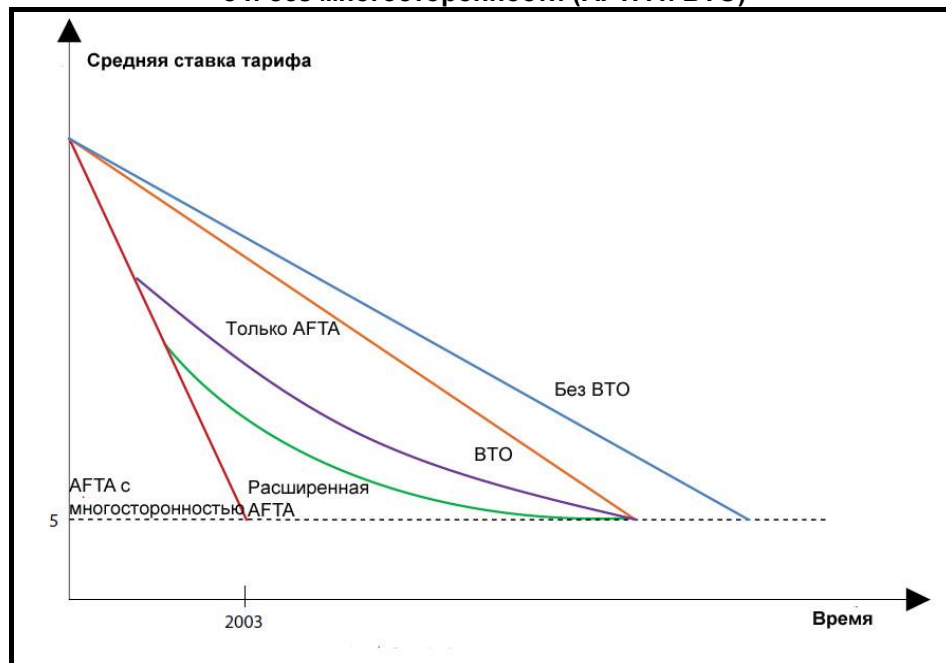
Тем не менее, как и в случае с распространением ССТ, консолидация является относительно новым явлением, которое должно быть изучено. Поэтому консолидацию не следует рассматривать как логическое завершение процесса, а скорее, как средство подготовки основания для большей либерализации в некоторых нетарифных областях, если рассматривать его как путешествие, а не как прибытие в пункт назначения.

Многосторонность преференций. В исправлении проблемы "клубка" и вызванных им перекосов многосторонность может быть достигнута двумя способами: движением вперёд после консолидации или действиями в одностороннем порядке. Первый путь вытекает из консолидационного подхода, когда гармонизированные условия консолидированного ССТ предлагаются нечленам на недискриминационной основе. Этот подход позволяет реализовать все выгоды от консолидации, ликвидировав возможность искажения торговых потоков и избежав издержек, связанных с реализацией правил определения страны происхождения товаров, снизив при этом риск новой волны ССТ.

¹⁰¹ Menon J. How to Multilateralise Asian Regionalism. East Asia Forum. 6 January 2013 (<http://www.eastasiaforum.org/2013/01/06/how-to-multilateralise-asian-regionalism/>).

График 4

**Скорость наступления результатов либерализации тарифов
с и без многосторонности (AFTA и ВТО)**

Источник: Menon J. 2007a. Building Blocks or Stumbling Blocks? The GMS and AFTA in Asia // ASEAN Economic Bulletin. 2007. Vol. 24. № 2. P. 260.

Так, когда страна заключает ССТ с большинством, если не со всеми, ведущими торговыми партнёрами, то для неё затем имеет смысл (а) выровнять преференции во всех имеющихся ССТ и (б) предложить их странам, не охваченным ССТ на условиях наибольшего благоприятствования. Вместо ограничения гармонизирующих процедур для своих членов, как это происходит в региональных блоках, этот подход предусматривает на один шаг больше по пути повышения их многосторонности.

В дискуссии о практической консолидации ССТ были выявлены трудности, связанные с встраиванием многочисленных и отличающихся друг от друга ССТ в единое гармонизированное соглашение. Однако консолидация отнюдь не является необходимой предпосылкой многосторонности. Даже без консолидации или в том случае, если попытка консолидации не сработала, многосторонность всё равно может быть достигнута в одностороннем порядке. Более того, необходимость именно в этом пути становится всё более насущной с точки зрения благосостояния.

Многосторонность может быть достигнута консолидацией региональных ССТ, либо же экономики могут независимо стремиться к многосторонности; в обоих случаях им необходимо преодолеть конфликт интересов, вытекающий из ослабления преференций.

И хотя всё это может показаться привлекательным в теории, насколько реалистичным будут эти действия на практике? Существуют прецеденты добровольного придания многосторонного характера преференциальным

соглашениям. ССТ АСЕАН является тому примером – и действия его первоначальных членов подтверждают это.

Когда многосторонность преследуется попутно с активной преференциальной либерализацией, как это было в случае с АФТА, цель в виде свободной недискриминационной торговли может быть достигнута быстрее. В качестве иллюстрации можно рассмотреть график 4, в котором отражены результаты либерализации торговли в рамках АФТА – как с многосторонностью, так и без нее. В графике также приводятся результаты, которые должны быть достигнуты в рамках многостороннего соглашения на базе ВТО, целью которого является свободная и открытая торговля (в рамках которой средний уровень тарифных ставок составляет 0-5%).

Как может быть использована АФТА для того, чтобы подвинуть его членов к конечной цели? Если АФТА реализуется на чисто минималистской основе (см. кривую "Только АФТА" в графике 4), либо без какой-либо многосторонности тарифных преференций, тогда время, необходимое для достижения этой цели, остаётся неизменным. Средние ставки тарифов, однако, будут сокращаться более быстрыми темпами, особенно до уровня 0-5% для внутренних тарифных ставок (конечным сроком достижения которого для АФТА был определён 2003 г.), однако эти результаты могут быть нивелированы нарушением торговых связей, которому они также будут способствовать.

Если АФТА расширит состав своих членов (см. кривую "Расширенное АФТА" в графике 4) – либо члены соглашения примут участие в консолидационной инициативе, такой как РСЕР – тогда темпы сокращения увеличатся, а конечный результат окажется неизменным. Если же, однако, члены предпочтут придать многосторонний характер своим преференциям вскоре после того, как АФТА вступит в силу ("АФТА с многосторонностью" в графике 4), то крайний срок установления свободной и открытой торговли сместится ближе к дедлайну АФТА 2003 г.

В реальности преференции по большинству тарифных позиций были переведены на многостороннюю основу ещё до наступления крайнего срока максимального задействования АФТА. Так, например, преференции были полностью переведены на многостороннюю основу – или преференциальные скидки и сведены к нулю – по более чем половине тарифных позиций среди изначальных членов АСЕАН к 2002 г., тогда как у двух третей членов преференциальные скидки составляли менее 10%. С каждым годом доля таких стран увеличивалась, хотя надо признать, что преференциальные скидки по ряду чувствительных товаров оставались высокими.

Если с этими оставшимися тарифными позициями удастся справиться относительно быстро, то дедлайн наступит где-то в промежутке между 2003 г. и окончательным заключением многостороннего соглашения. В любом случае АФТА уже послужило строительным блоком, позволившим его первоначальным членам достигнуть своей цели значительно быстрее благодаря приданию многостороннего характера большинству преференций.

На саммите лидеров АТЭС в Субик-Бэй (Subic Bay) в 1996 г. президент Филиппин Фидель Рамос (Fidel Ramos) поднял вопрос о распространении соглашения АФТА в рамках АТЭС. К тому времени Индонезия уже начала предлагать условия АФТА другим членам АТЭС. И хотя это предложение никогда не было принято формально членами АФТА, изначальные участники этого регионального соглашения о свободной торговле также придали многосторонний характер своим торговым отношениям, и не только в рамках АТЭС, но и в рамках режимов наибольшего благоприятствования торговли широким спектром продуктов.

Поскольку большая часть усилий по либерализации мировой торговли была обеспечена односторонними действиями стран, есть основание надеяться, что этот подход будет применяться и далее. Так, например, согласно оценкам Всемирного банка, сделанным в 2005 г., в период с 1983 по 2003 гг. односторонние действия обеспечили основную часть процесса либерализации торговли, или 65% сокращений тарифов в развивающихся странах. Особенно сильно, если говорить об изначальных членах АСЕАН, наибольшие односторонние усилия в области конкурентной либерализации, призванные привлечь прямые инвестиции из Японии в региональные сети промышленного производства, были предприняты в 1980-е и 1990 гг.

Как уже упоминалось, преференциальные соглашения в нетарифных областях – таких как услуги – могут с большей лёгкостью быть достигнуты на региональной или двусторонней основе, когда в переговоры ведет небольшое количество участников. Если эти прорывы могут быть достигнуты, и если они могут быть гармонизированы в рамках консолидированного ССТ, то последующее придание им многостороннего характера будет осуществляться гораздо легче, а потенциальные выгоды от этого окажутся значительно выше.

Соглашения в этих областях переводятся на многостороннюю основу вполне легко, как только их условия должным образом согласованы. Это обусловлено тем, что инструмент защиты во многих услугах, например, в регулирование той или иной формы – это правила, связанные с иностранными инвестициями, политикой в области конкуренции или госзакупками. То же справедливо и в отношении множества мер, связанных с облегчением торговли, например, с тем, как меры по облегчению торговли в рамках ССТ могут получить многосторонний характер, а также мер санитарного и фитосанитарного контроля, технических стандартов продукции, процедур и процессов сертификации, взаимного признания условий, связанных с профессиональными квалификациями.

Эти регуляторные меры совершенно естественным образом применяются в недискриминационном режиме как к местным так и к иностранным фирмам. Они принципиально отличаются от тарифов, которые касаются торговли товарами, в рамках которых дискриминация в том или ином виде является объективным фактом.

В отличие от либерализации тарифов порой оказывается трудно и недёшево ликвидировать нетарифные барьеры и меры (НТБ и НТМ) в преференциальном режиме. Аналогичным образом оказывается непрактично обмениваться подобными уступками в дискриминационном режиме – как только НТБ и НТМ отменены. Издержки исключения нечленов с большой степенью вероятности оказываются высокими, а порой и запретительными, как это происходит в случае с большинством общественных благ (public goods).

Эта трудность и сопутствующие издержки варьируются по типу мер. Хотя экспортные субсидии или, например, лицензирование экспорта могут предлагаться или применяться в преференциальном режиме, производственные субсидии не могут быть снижены аналогичным образом. Поскольку сокращение производственных субсидий является крупнейшим барьером на пути реформирования торговли сельскохозяйственной продукцией, это весьма серьёзная проблема.

Что же касается поддержки процесса либерализации глобальной торговли, то многосторонность в данном случае срабатывает очень хорошо. Поскольку графики сокращения преференциальных тарифов обычно оказываются весьма амбициозными и быстрореализуемыми, этот подход также может ускорить либерализацию многосторонней торговли.

Что же стоит на пути реализации этого подхода? Очевидно, что ключевыми фактором здесь является желание обеспечить больше обоюдных уступок или более широкий рыночный доступ.

Хотя выгоды взаимной либерализации перевешивают выгоды односторонних действий, более актуальным вопросом в настоящее время является следующий: как долго должны ждать страны взаимности от других стран, не входящих в какие-либо существующие ССТ, предвкушая выгоды многосторонности?

Низкие показатели использования ССТ в Азии также позволяют предположить, что выгоды от взаимных уступок могли быть серьёзно переоценены. Потенциальное изменение торговых потоков ещё больше разрушает ожидаемые выгоды. Учитывая сложности связывания вместе этих мегаблоков, риск негативных последствий оказывается вполне реальным. В итоге, существует мало оснований для откладывания в долгий ящик многосторонности и оказания предпочтения вместо этого взаимным уступкам в отношениях со странами, не охваченными существующими ССТ. Вместо этого отмечается острая необходимость в более активном продвижении многосторонности, особенно когда на пути стоят чьи-то преимущественные права и другие лоббистские интересы.

С.И. Лунев

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРАН ВОСТОКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ¹⁰²

Восток в мировой экономической системе. За последние 35 лет произошло восстановление Азии как основного мирового экономического центра. Здесь находится большинство стран, которые показывали устойчивые темпы роста, превышавшие среднемировые. За этот период основной прирост мирового ВВП был достигнут именно благодаря азиатским государствам. Происходит восстановление ситуации двухсотлетней давности. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии приходилось 25% общемирового национального продукта, а на долю Азии - 58%. В 1950 г. цифры были обратными: на Запад приходилось 56% мирового дохода, а на Азию - 19%. Уже в начале постбиполярного периода доля Азии составила 33%, а Запада - 45%, а сейчас объем экономики Азии больше¹⁰³. В соответствии с прогнозами Гарвардского университета, к 2025 г. на Азию придется 55-60% общемирового валового национального продукта, а на Запад - 20-30%.¹⁰⁴

Диверсификация экономического роста ведет к сокращению удельного веса развитых стран, в том числе США, в мировом производстве. За полвека доля Соединенных Штатов в мировом ВВП упала почти в полтора раза. Она сократилась даже за постбиполярный период, хотя это был период крайне медленного роста в Западной Европе, стагнации в Японии и необычайно резкого падения производства в Восточной Европе, тогда как для Соединенных Штатов два десятилетия были в целом благоприятными. Сейчас доля США в мировой экономике не превышает

¹⁰² Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-03-00538а.

¹⁰³ Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820-1992. Paris, Organization for Economic Cooperation and Development, 1995, pp. 226-227; Мельянцева В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: «Московский университет», 1996; Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 2001; официальный сайт ЦРУ США - CIA. The World Factbook - <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/>

¹⁰⁴ Radelet S. and Sachs J. Asia's Reemergence. - "Foreign Affairs", vol. 76, N 6, Nov. - Dec. 1997, p. 46

показателей, достигнутых перед первой мировой войной (около 20%). Азиатские страны вышли в лидеры мирового производства, заняв места со второго по четвертое. Уже в середине первого десятилетия нового века Китай по размерам ВВП по паритету покупательной способности обогнал Японию и вышел на второе место в мире (по данным аналитиков ЦРУ, 7,04 в 2007 г., 10,5 трлн. в 2010 г. и 12,6 трлн. долларов в 2012 г., темпы роста за последние три года – 10,4%, 9,2% и 7,8%). Индия вышла на третье место в 2011 г. (4,492 трлн. долларов, а в 2012 г. – 4,735; темпы роста за последние три года – 10,1%, 6,8% и 5,4%). На четвертом месте оказалась Япония - 4,617 трлн. долларов в 2012 г. (ее темпы роста – 4,5% в 2010 г., - 0,8% в 2011 г. и 2,2% в 2012 г.)¹⁰⁵.

К группе лидеров подтягиваются Южная Корея (1,2 трлн. долларов в 2007 г., 1,6 трлн. в 2012 г.), а с некоторым лагом - Индонезия (846 млрд. долларов в 2007 г. и 1,212 трлн. в 2012 г.; темпы роста за последнее время – стабильно выше 6%), Турция (1,1 трлн. долларов), Тайвань и Иран (по 1 трлн. долларов). По средним оценкам большинства исследователей, через 5-7 лет КНР по абсолютным цифрам ВВП догонит, а может быть, и превзойдет Соединенные Штаты, а Индия практически сравняется по этому показателю с Японией уже через 4-5 лет. По прогнозу крупнейших специалистов, международных организаций и бизнес-структур, в 2050 г. ВВП Индии будет равен объему экономики США или чуть меньше, а Китая – почти в 2 раза больше¹⁰⁶.

При этом социально-экономические различия между государствами Востока также постоянно растут. Высокие темпы роста характерны только для отдельных держав. Если полвека назад страны Азии и Африки были приблизительно в одинаковых условиях, то сейчас их экономическая дифференциация зашла очень далеко, в том числе, по таким показателям как доход на душу населения.

Подобная ситуация во многом связана с целенаправленной политикой развитых стран, организовавших вынос производства из зоны Запада в зону Востока, что было обусловлено целым рядом причин. Помимо экологических соображений (перенос на Восток “грязных” производств), огромную роль сыграла экономическая конъюнктура (вывод из развитой части мира трудоемких и энергоемких производств).

Постиндустриальный и индустриальный пути развития.

Политэкономические процессы представляются в целом гораздо более неоднозначными по сравнению с макроэкономическими. В течение последней четверти века на Западе стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное», «информационное» общество и т. д.). Особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики. Здесь утверждается

¹⁰⁵ Официальный сайт ЦРУ – CIA. The World Factbook -

<https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> -

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ks.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/id.html>

¹⁰⁶ См., например, World in 2050. BRICS and Beyond. Goldman Sachs Global Economics Group, 2007;

The BRICs and beyond: prospects, challenges and opportunities. PricewaterhouseCoopers LLP, 2013, p. 2.

«экономика, основанная на знаниях». Становление наукоемкого производства в странах Запада потребовало иного, неизмеримо более высокого качества подготовки производственного персонала.

Перед развитыми странами стоят одинаковые цели и задачи, вытекающие из их сходного места в мировой хозяйственной системе. В них обеспечен весьма высокий уровень развития инфраструктуры и сельского хозяйства, они заняли практически монополистическое положение в сфере информатики и высоких технологий. Общество развитых стран достигло небывалого уровня процветания. Одновременно здесь происходит сокращение физического производства, а упор сделан, помимо технологической области, на сфере услуг и развитии финансового капитала. Для сохранения благосостояния своего общества, для избежания внутренних потрясений Западу крайне необходимо полное открытие экономик переходных и развивающихся стран для движения финансов и товаров (при отсутствии свободного рынка труда) – что во многом и объясняет торжественное шествие глобализации.

На Востоке (по крайней мере, на большей ее части) сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа. В прошлом во всем мире использовалась модель «догоняющего развития» и применялась на практике концепция «журавлиного клина». Развитые страны были заинтересованы в определенной модернизации стран Востока, и центр мировой системы постоянно испускал на периферию капиталистические импульсы. Основной проблемой, встающей сейчас перед зоной Востока, стала возможность переноса нового возникающего строя Запада. Учитывая кардинальную роль науки в процессе его образования, необходимо проведение анализа формирования системы современного научного знания в развивающихся обществах Востока, чтобы реально оценить перспективы будущего развития.

К концу второй мировой войны, после которой в течение 15 лет произошел крах колониальной системы, европейское образование получило самое широкое распространение в наиболее передовых колониях. Особенно следует выделить территории, контролируемые Великобританией. Французские колониальные власти позднее начали распространение европейского образования. Голландцы и португальцы не желали появления «туземцев», образованных в европейском духе.

Ситуация с наукой и образованием сейчас различна в разных регионах Востока. На Ближнем Востоке достаточно высок охват молодежи обучением в высшей школе (по данному показателю регион уступает в развивающемся мире только Латинской Америке и Восточной Азии)¹⁰⁷. Однако международные исследования показывают весьма значительные недостатки в преподавании точных и естественных дисциплин в арабских университетах. Более того, страны регионе показывают результаты ниже среднемировых уже на уровне базового образования. Так, Кувейт, занимающий очень высокое место по душевому доходу и расходам на образование, всегда считался примером для остальных арабских государств.

¹⁰⁷ Mahbub ul Haq, Khadija Haq. Human Development in South Asia. Karachi: Oxford University Press, 1998, p. 34; веб-сайт Мирового Банка - Education Data and Statistics - <http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=SAS>
<http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=MNA><http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=SSA>
<http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=EAP><http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=LAC> Сайт ЮНЕСКО - <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=167>

Однако кувейтские школьники традиционно занимают последние места на мировых олимпиадах по математике и естественным дисциплинам¹⁰⁸.

Большой проблемой являются слабые связи с внешним миром. Так, во всех арабских странах количество переведенных за год работ составляет пятую часть числа переводов в Греции и одну двухсотую в Испании, в которой за год переводится работ столько же, сколько было переведено за всю историю арабских стран¹⁰⁹.

В арабских странах число ученых и инженеров, занятых в научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе (половина из которых работает в Египте), почти в три раза уступает среднему мировому показателю¹¹⁰. Очень низок и индекс цитирования. Весьма невысокими следует признать и достижения арабских специалистов в технологической сфере¹¹¹. Расходы на научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу в ВВП арабских стран значительно ниже среднемирового уровня.

В Тропической Африке ситуация сложилась еще более неудовлетворительная. Всего высшим образованием в Африке к югу от Сахары в целом охвачено 5,1% молодежи¹¹². При этом научные центры и университеты живут абсолютно обособленной жизнью, по существу не вступая во взаимоотношения с обществом и государством. На континенте очень слабо развита наука, особенно точные и естественные дисциплины. Общая статистика по Африке отсутствует, но показатели отдельных стран в отношении науки крайне низки. Можно предположить, что Ближний Восток и Африка в обозримом будущем не имеют перспектив создания системы науки. Здесь не возникнет новых взаимоотношений между наукой и производством, а развитие будет продолжать базироваться на добыче сырья и промышленном производстве, не связанном с высокотехнологическими сферами.

Несколько иная ситуация на Среднем Востоке и в Центральной Азии. Правда, Афганистан является классической страной «серой зоны», которая не имеет внутренних возможностей к развитию высоких технологий и науки. Положение в Иране и Турции в целом позитивно отличается от общей обстановки в исламском мире, но им также нечем похвастать в сфере развития высоких технологий и науки. На них страны расходуют всего по 0,7% от ВВП. В Иране число полученных патентов на душу населения в 8 раз больше, чем в Турции, но и эта цифра чрезвычайно далека от показателей развитых стран¹¹³.

Что касается Центральной Азии, то бывшие советские республики деградировали в сфере науки и образования. Это связано как с массовой миграцией русскоязычного населения, так и с резким сокращением расходов на образование. Здесь еще сохранилось советское «наследие» и очень высока доля грамотного населения. Однако уже на уровне среднего образования заметны негативные перемены. Качество высшего образования резко упало. В целом, перспективы стран Среднего Востока и Центральной Азии построить экономику, основанную на

¹⁰⁸ The Arab Human Development Report 2003. Building a knowledge society. United Nations Development Programme. Amman (Jordan): National Press, 2003, p. 55.

¹⁰⁹ Galal, S. Translation in the Arab World: Reality and Challenge. Cairo: The Higher Council for Culture, 1999, p. 87.

¹¹⁰ The Arab Human Development Report 2003, p. 197-199.

¹¹¹ Arab Human Development Report 2002. Creating Opportunities for Future Generations. United Nations Development Programme. Amman (Jordan): Icons Printing Services, 2002, p. 67.

¹¹² Веб-сайт Мирового Банка - Education Data and Statistics -

<http://devdata.worldbank.org/external/CPPProfile.asp?PTYPE=CP&CCODE=SSA>

¹¹³ Human Development Report. 2007/2008. Fighting climate change: Human solidarity in a divided world. United Nations Development Programme. New York: Palgrave Macmillan, 2007, p. 274.

знаниях, лучше, чем в других государствах исламского мира, но тоже не представляются радужными.

Другая ситуация характерна для ряда стран Южной и Восточной Азии, которым свойственна качественно более высокая степень культурной динамики и научно-технической автономности. Эти страны показали способность вырваться из порочного круга отсталости, осуществить экономическую модернизацию и не только осваивать импортные высокие технологии, но и самостоятельно развивать научные исследования, встать на новую ступень научно-технической революции. Здесь существует уважение к науке и ученым. Большую роль сыграло государство в лице правящих кругов и социальных институтов (особенно в Восточной Азии, где оно традиционно гораздо сильнее, чем, например, в Южной Азии). Именно деятельность государства имела основополагающее значение при формировании новых структур, что позволило таким державам в сжатые исторические сроки перенять у высокоразвитых стран достижения научно-технической революции и завершить процессы индустриализации. Новые индустриальные страны Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) по существу перешли в категорию высокоразвитых стран. Япония, Южная Корея и Сингапур занимают лидирующее место в мире по такому показателю, как доля расходов на НИОКР в ВВП страны, уступая только Израилю и некоторым скандинавским странам (эта цифра в 2007 г. составила 3,5% для Южной Кореи, 3,4% для Японии и 2,7% для Сингапура). В последних двух насчитывается около 7 тысяч исследователей на 1 млн. человек, а в первой – более 6 тысяч¹¹⁴, что позволяет им быть в десятке мировых лидеров. Япония и Южная Корея на порядок опережают большинство развитых стран по количеству патентов, полученных на 1 млн. человек. В 2008 г. в Японии на получение патента подали заявку более 330 тыс. человек (первое место в мире), в Китае – немногим менее 200 тыс. (третье место), а Южная Корея заняла четвертое место – более 127 тыс. (для сравнения: в США – менее 232 тыс., в Германии – менее 50 тыс., в Великобритании – менее 17 тыс., во Франции – менее 15 тыс.)¹¹⁵. В 2008 г. Япония экспортировала высокую технологию на сумму почти в 124 миллиарда долларов, Южная Корея – более 112 млрд., Сингапур – более 120 млрд., (для сравнения экспорт данной продукции США оценивался в 231 млрд., Германией – в 162 млрд., Францией – 93 млрд., Великобританией – 61 млрд. долларов). Отметим также, что по этому показателю Малайзия, Филиппины и Таиланд уступили лишь наиболее развитым странам Европы, а Китай вышел на первое место в мире (более 381 млрд. долларов)¹¹⁶.

За исключением новых индустриальных экономик, в других странах Восточной Азии ситуация с образованием и научными исследованиями выглядит в целом менее впечатляющей. Преобладающими тенденциями являются развитие образования, в том числе высшего, и недостаточное внимание к научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе (в Мьянме, например, с ее 50-миллионным населением, насчитывается менее одной тысячи исследователей).

В Южной Азии положение с наукой и образованием в целом выглядит хуже, чем в Восточной Азии. С точки зрения базового образования Южная Азия уступает всем регионам мира. Однако элитарная модель цивилизационного развития в регионе ведет к тому, что положение несколько меняется на уровне высшего

¹¹⁴ 2009 Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. Bangkok: United Nations Publication, 2010. P. 97.

¹¹⁵ Официальный сайт Мирового банка - Patent applications, residents - <http://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD>

¹¹⁶ Официальный сайт Мирового банка - High-technology exports (current US\$) - <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD>

образования, которое явно качественнее, чем на Большом Ближнем Востоке и Тропической Африке. Здесь достаточное количество студентов изучают точные и естественные науки (этот показатель выше, чем в отдельных развитых странах). В некоторых странах Южной Азии относительно высоки показатели научного развития. В целом, правда, уровень развития образования и науки вряд ли позволит странам региона совершить прорыв в информационное общество.

Сложные проблемы стоят и перед некоторыми азиатскими гигантами. В Индонезии, бывшей колонии Нидерландов, в колониальный период не только не развивалась наука, но и не было особых достижений в сфере европейского образования. Ситуация мало изменилась и в настоящий момент, когда в стране, с населением в четверть миллиарда человек, очень слабо развита наука и технологичное производство.

Что касается Китая и Индии (мировых лидеров и по количеству населения, и по темпам экономического развития), то здесь наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов. Большая Восточная Азия (Северо-Восточная, Юго-Восточная Азия и Индия) по существу отстают только от Соединенных Штатов в сфере высоких технологий, причем отставание постоянно сокращается.

Колоссальных успехов в этой области за последнее время добился Китай. По точным и естественным наукам, которым государство в КНР отдает приоритет, страна вскоре начнет опережать США. Так, в 1983-1984 г. было защищено 3404 работ, в 1993-1994 г. – 3852, в 2003-2004 г. – 6316¹¹⁷, в 2010-2011 г. – 8900, а к 2020 г. их должно быть, по оценкам, 20 тыс.¹¹⁸. В Соединенных Штатах эта цифра стабильно колеблется в пределах 25-27 тысяч, но 40% не являются гражданами страны. Если в США доля бакалавров, получивших научное звание по точным и естественным наукам, составляет треть всех выпускников, то в КНР – около 60%. По их количеству в начале века Китай догнал Соединенные Штаты, а к концу десятилетия опередил почти в 4 раза. Отметим также, что выпускников-инженеров в Южной Корее столько же, что и в США, хотя азиатская страна уступает в 6 раз по численности населения и в 20 раз по ВВП¹¹⁹.

За последние 15 лет в КНР резко возросли вложения в НИОКР. В 1996 г. они оценивались в 20 млрд. долларов, в 2002 г. – в 72 миллиарда¹²⁰, в 2006 г. – в 86,8 миллиарда¹²¹, в 2009 г. – в 121,4 млрд. (третье место в мире, после США и Японии)^{122 123}. Доля Китая в мировых расходах на НИОКР составила 7,6% (доля России – 1,9%, Индии – 1,8%)¹²⁴.

В 2006 г. Пекин объявил о Национальном среднесрочном и долгосрочном плане развития науки и технологий. В декабре 2010 г. был принят 12 пятилетний план, в соответствии с которым Китай должен обеспечить себе мировое лидерство

¹¹⁷ Agarwal P. Higher Education in India: the Need for Change. Working Paper N 180. New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, June 2006, p. 61.

¹¹⁸ Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London), N 472, 2011, p. 26.

¹¹⁹ China's High Technology Development Hearings before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 223-224.

¹²⁰ Ibid. P. 225.

¹²¹ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008 Highlights - <http://www.oecd.org/dataoecd/18/32/41551978.pdf>

¹²² Global Investment in R&D // UIS Fact Sheet, August 2011, No 15. P. 1. UNESCO Institute for Statistics - http://www.uis.unesco.org/FactSheets/Documents/fs15_2011-investments-en.pdf

¹²³ Южная Корея занимает 6-е место, Россия – 8-е.

¹²⁴ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008...

по семи сферам («стратегическим возникающим отраслям»): альтернативная энергетика, биотехнологии, информационные технологии нового поколения, высококачественное производственное оборудование, передовые материалы, автомобили с альтернативным топливом и новые энергетические технологии. На эти цели запланировано потратить 1,5 трлн. долларов (5% ВВП), а задачей является, чтобы вклад этих отраслей в китайскую экономику составил 15% к 2020 г.¹²⁵ При этом в последнее время Пекин объявил, что стремится к снижению своей зависимости от импорта высоких технологий и доведению ее доли с 50% до 30% к 2020 г.¹²⁶

Уже к 2007 г. в Китае появилось 499 технологических центров национальных предприятий и 4023 технологических центров провинциальных предприятий (инвестиции в них превысили 300 млрд. долларов). Появилось и 54 национальных высокотехнологических парков (48 тысяч предприятий, 6,5 млн. занятых).¹²⁷ Следует отметить реальные достижения КНР в развитии таких ключевых отраслей, как нанотехнологии и биотехнологии.

В последнее время в Китае резко изменилось отношение к отечественным технологиям, а к инновациям толкает сам бизнес. Характерно, что в 2007 г. опросы показали, что 54 % китайских компаний считают модернизацию производства ключевой задачей (в США – 24%)¹²⁸. Предприятия сами начали активно развивать НИОКР, в чем их активно помогало государство. Правда, пока им, с точки зрения развития технологий и проведения опытных работ, еще далеко до Запада. Сохранились и проблемы во взаимоотношениях предприятий с государственными научными институтами и университетами.

Цифры по Индии выглядят скромнее, но следует выделить колоссальный скачок, который осуществила страна в сфере информационных технологий. Если в 1990-1991 фин. г. валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила 50 млн. долларов¹²⁹, то в 2003-2004 фин. г. - почти 15 млрд. долларов, а в 2010-2011 фин. г. – почти 90 млрд. долларов¹³⁰. Был выбран экспорториентированный путь, и экспорт программного обеспечения составил 480 млн. долларов в 1995 г.¹³¹, 4,2 млрд. долларов в 2002 г.¹³², 31,3 в 2006-2007 фин. г.¹³³, 50 в 2009-2010 фин.г., 59 млрд. долларов в 2010-2011 фин.г.¹³⁴ и

¹²⁵ China Mulls \$1.5t Boost for Strategic Industries // China Daily, December 3, 2010.

¹²⁶ Segal A. Chinese Technology Policy and American Innovation. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission on China's technology policies, US. Congress, July 15, 2011 - <http://www.cfr.org/china/chinese-technology-policy-american-innovation/p25295>

¹²⁷ Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S. China Economic and Security Review Commission. January 2009. P.7-8. -

http://www.uscc.gov/researchpapers/2009/Research_Report_on_Chinese_High_Tech_Industries.pdf

¹²⁸ China's High Technology Development Hearings before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 293.

¹²⁹ Parthasarathi A. Tackling the brain drain from India's information and communication technology sector: the need for a new industrial, and science and technology strategy // Science and Public Policy, 2002, 29 (2). P. 129.

¹³⁰ Information Technology. Annual Report. 2010-2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2011. P. 1.

¹³¹ Information Technology. Annual Report. 2002-2003. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2003.

¹³² Веб-сайт НАССКОМ (Национальная Ассоциация индийских компаний по производству информационных технологий и сопутствующих услуг) - http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314

¹³³ Information Technology. Annual Report. 2006-2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007. P. 2.

¹³⁴ Information Technology. Annual Report. 2010-2011. P. 1.

75,8 млрд. в 2012-2013 фин. г.¹³⁵. По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20% в 2011 г., а в валовом внутреннем продукте Индии доля сектора составляла в 1999-2000 фин. г. 1,2%, в 2006-2007 фин. г., а в 2010-2011 фин. г. – 6,4%¹³⁶, 8% в в 2012-2013 фин. г.¹³⁷. Очень резко выросла занятость в сфере информационных технологий. Если в 1999-2000 фин. году здесь работали 284 тыс. человек, то в 2007 г. – почти 2 миллиона¹³⁸, а в 2011 г. – 2,5 млн. (косвенным образом с сектором было связано еще 9 млн. рабочих мест)¹³⁹.

Еще в 1998 г. была поставлена задача превращения страны в мирового лидера в области информационных технологий. Формы поддержки данной сферы индийским правительством разнообразны: введение единых норм для деятельности, создание льготного налогового режима, направление всех ресурсов научно-исследовательского комплекса страны, в том числе и за счет государства, на содействие информационной сфере. Государство приняло специальные меры для привлечения капиталовложений. От налогов освобождены 90% прибылей, получаемых от экспорта программного обеспечения. Если речь идет о предприятиях, полностью ориентированных на экспорт (EOU), то вся их прибыль не облагается налогами. Разрешен вывоз всех сделанных инвестиций и 100% прибыли, если капиталовложения были сделаны в конвертируемой валюте. Отменены любые пошлины на многие конкретные товары и весь импорт программного обеспечения. Специальные льготы предоставляются для фирм, занимающихся научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельностью¹⁴⁰.

Помимо этого, автоматически одобряются любые прямые иностранные инвестиции, соглашения о поставках иностранной технологии. Разрешено 100-процентное участие иностранного капитала в предприятиях, работающих на экспорт. В результате объем иностранного капитала в сфере информационных технологий достиг 2 млрд. долларов¹⁴¹. Индийское правительство особое внимание уделяет созданию специальных экономических зон, включая как многопрофильные, так и специальные экономические зоны, в том числе для информационных технологий. Здесь предприятия полностью освобождены от налогов сроком на 5 лет, а в последующие 5 лет предприниматели оплачивают лишь половину налогов¹⁴².

Огромную роль играют парки программных технологий, которые на 100% являются экспортоориентированными (на них приходится 80% всего экспорта ПО). Их создание является важнейшим достижением индийского правительства, поскольку они сыграли ключевую роль в развитии информационных технологий. Модель парков опирается на позитивные отношения в треугольнике правительство – бизнес – университеты, а ключевым выступает принцип инкубатора, когда каждая сторона выполняет свою роль в поощрении исследований, капиталовложений и развития. Государство при этом играет уникальную роль катализатора, чтобы

¹³⁵ Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012-13. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Electronics and Information Technology, 2013. P. 1.

¹³⁶ Information Technology. Annual Report. 2010-2011. P. 2.

¹³⁷ Electronics and Information Technology. Annual Report. 2012-13... P. 1.

¹³⁸ Information Technology. Annual Report. 2006-2007. P. 3.

¹³⁹ Information Technology. Annual Report. 2010-2011. P. 2.

¹⁴⁰ Ibid. P. 3.

¹⁴¹ В 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. – второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций по 5-5,5 млрд. долларов в год, менее 1 % мировых заимствований (2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, vol. 8. URL: http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf).

¹⁴² Information Technology. Annual Report. 2006-2007. P. 7.

соединить усилия государственных, частных, научных и иностранных органов и учреждений. Очень большой вклад в индийские достижения в сфере информационных технологий внесли региональные власти. Специальные льготы существуют на уровне штатов, которые разработали специальные стимулы для привлечения инвестиций¹⁴³.

Если сравнивать политику индийского государства в сфере высоких технологий с ее общим курсом в экономической области, то заметна особая приоритетность, которая придается высокотехнологической сфере. Более того, она является по существу и наиболее либеральной областью экономики.

Помимо деятельности правительства, привлечению иностранных инвестиций в Индию в сферу информационных технологий способствует несколько факторов. Следует, в первую очередь отметить, что в стране существует значительный слой интеллектуалов, способных эффективно работать в прикладной науке и в сфере высоких технологий. Значимым преимуществом для индийцев – при сравнении с жителями других западных стран – является свободное владение английским языком, который является в Индии официальным языком, наряду с хинди (на последнем, включая диалекты, говорит менее половины жителей страны). Учитывая значение английского языка для пользователей информационных технологий, понятно преимущество индийцев, получавших образование на этом языке. Некоторые эксперты отмечают, что двенадцатичасовая разница во времени между США и Индией также сказывается позитивно, поскольку можно привлекать к работе индийских специалистов, когда в США наступает ночь¹⁴⁴. Свою роль играет, конечно, и относительно невысокая оплата труда индийских специалистов.

При этом по доли НИОКР в ВВП (0,9% в 2011 г.) Индия уступает развитым странам и КНР. Правда, правительство поставило цель довести цифру до 2% в 2017 г. Позитивным фактором является и резкий рост инвестиций международных ТНК в НИОКР Индии (по оценкам Резервного банка Индии, с 221 млн. долларов в 2004-2005 фин.г. до 878 млн. в 2010-2011 фин.г.¹⁴⁵).

Основной проблемой, вставшей сейчас перед Индией, стала возможность развития по модели стран ОЭСР, где возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики и утверждается «экономика, основанная на знаниях». По всей видимости, азиатский гигант не сможет перейти на постиндустриальную фазу развития по внутренним объективным социально-экономическим причинам в обозримом будущем. Наличие огромного массива неквалифицированного и неграмотного населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т. д.). Не случайно большинство технологических достижений носит "экспорториентированный" характер, а научно-технологические «заповедники» часто выглядят как анклавы.

Общее число научных исследователей весьма велико в Индии, но относительные цифры показывают недостаточное развитие науки. Концентрация внимания на конкретных сферах позволяет стране добиваться впечатляющих успехов, но обеспечить всестороннее равномерное развитие в сферах науки и высоких технологий им не удастся в обозримом будущем. Индия занимается, в первую очередь, прикладными исследованиями и значительно уступает развитым странам и России в сфере фундаментальных исследований. Премьер-министр

¹⁴³ Бизнес в Индии. New Delhi: Ernst & Young Private Limited, 2006. P. 42.

¹⁴⁴ Saxenian AnnaLee. Bangalore: The Silicon Valley of Asia? P.10.

¹⁴⁵ "The Hindu", 09.01.2012.

Индии Манмохан Сингх выразил даже обеспокоенность тем обстоятельством, что "место Индии в мировом научном рейтинге падает, и нас обошли такие страны, как Китай"¹⁴⁶. Здесь также наблюдается ежегодный отъезд десятков тысяч наиболее квалифицированных специалистов (прежде всего, по материальным причинам), что способно уже в ближайшее время вызвать существенное ослабление позиций Индии в высокотехнологической сфере, а в перспективе привести к резкому ухудшению культурной динамики. Так, если один врач индийского происхождения приходился на 1325 граждан Соединенных Штатов, то в самой Индии – на 2400 человек¹⁴⁷. Сходные причины объясняют и невозможность для Китая перейти на постиндустриальный вектор развития.

Крайне сложной социальной проблемой является кастовая. Существование кастовой системы в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса, а бедные в своей подавляющей массе происходят из традиционно бедных страт общества (система была, конечно, достаточно гибкой: случалось как возвышение каст, так и их «падение»). Кастовая дискриминация была отменена законом полвека назад, но кастовая система сохраняется, хотя многие эксперты полагают, что происходит ее размытие¹⁴⁸. Процесс глобализации и индийская политика либерализации могут только способствовать развитию данной тенденции. С точки зрения чисто гуманистических взглядов, кастовую систему можно называть «пережитком далекого прошлого» и тормозом на пути демократического развития. Но с практической точки зрения, она по-прежнему играет важнейшую роль, железным обручем стягивая самое гетерогенное в мире общество и играя важнейшую роль в плане смятения социальной напряженности.

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать элитарно-эгалитарной, то в Индии (в которой государство еще в древности было несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития, как отмечалось – элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у бывших неприкасаемых за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской и китайской цивилизаций. Заметно существенное превосходство Китая в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования. Более того, до конца прошлого века она значительно превосходила Китай, но тот совершил колоссальный скачок в новом веке.

Совокупный охват населения начальным, средним и высшим образованием составляет в Индии только 61,0%. Эта цифра выше показателей, например,

¹⁴⁶ "Times of India". 02.01.2012.

¹⁴⁷ Mahbub ul Haq, Khadija Haq. Human Development in South Asia. Karachi: Oxford University Press, 1998, p. 6.

¹⁴⁸ См., например, Куценков А.А. Социальный индуизм/ЗМ/Древо индуизма/ под ред. Глушковой И.П. М.: «Восточная литература», 1999, с.441-442.

Пакистана (39,3%), но существенно ниже, чем в Китае (68,7%), не говоря уже о развитых странах¹⁴⁹. Возникает проблема функциональной безграмотности: треть детей бросают еще начальную школу. 65 млн. индийцев в возрасте 6-14 лет (по мнению некоторых экспертов, 75 млн.) находятся вне школы¹⁵⁰. При этом в 2011 г. средняя продолжительность обучения в Индии составила 4, 4 года, а в КНР – 7,5 лет¹⁵¹.

На мировых форумах Индию критикуют за гендерную ситуацию в сфере образования. Грамотно лишь 47,8% женщин, и количество девочек и девушек, получающих образование, меньше, чем у мальчиков и юношей. В “зоне безграмотности” в Индии оказались, кроме женщин, низкокастовая прослойка, жители сельской местности и северных штатов (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса и Раджастан). Следует, правда, отметить, что по закону 2009 г. обучение с 6 до 14 лет становится в Индии обязательным. Но сами школы в Индии (особенно в сельской местности в северных штатах) нередко представляют собой удручающую картину.

Ситуация меняется в сфере высшего образования, даже на уровне полного среднего образования. По данным Департамента среднего и высшего образования Министерства образования Индии, в 2007 г. в Индии было 259 университетов. В них и в колледжах учились 9,95 миллионов студентов и преподавали более 450 тыс. человек¹⁵². В 2011 г. в Индии насчитывалось уже 544 университета, включая 261 государственный университет штатов, 73 частных университетов штатов, 42 центральных университета, 33 образовательных учреждения общегосударственного значения и т.д. Количество колледжей равнялось 31 324 (3432 - женских)¹⁵³. Высшим образованием сейчас охвачены 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. В элитные заведения допуск ограничен - в 15 технологических институтов (Indian Institutes of Technology), занимающих особое положение в системе технических вузов и где акцент сделан на информационных технологиях, ежегодно пытаются поступить 300 тысяч человек, но из них принимают только 2% (для сравнения в Гарвардский университет зачисляют 7% абитуриентов)¹⁵⁴. За год в Индии выпускают около 500 тысяч молодых инженеров. Качество высшего образования в стране выше, чем в КНР. Так, опросы крупнейших ТНК показали, что они согласны принять на работу одного из четырех выпускников индийских инженерных вузов и лишь одного из 10 китайских¹⁵⁵.

Но существуют очень острые проблемы в отношении доступа к высшему образованию: выходцы из 20%-го самого богатого населения имеют в 14 раз больше шансов получить его по сравнению с представителями наиболее бедного квинтиля. Достаточно невысок и показатель эффективности рынка труда, что связано с тем, что под ним понимаются не только затраты на единицу труда, но и многие другие показатели, включая гендерные (само индийское правительство и не скрывает наличие социально-экономической дискриминации женщин).

¹⁴⁹ Human Development Report. 2008. New York: Palgrave Macmillan, 2008, pp. 171-174.

¹⁵⁰ J.V. Deshpande. Elementary Education as Fundamental Right // Economic and Political Weekly, vol.

XXXII, p. 2381; Human Development Report. 2000. UNDP. New York: Oxford University Press, 2000, p. 196.

¹⁵¹ Доклад о человеческом развитии. 2011..., с. 128-129.

¹⁵² <http://www.education.nic.in/higedu.htm>

¹⁵³ Ministry of Human Resource Development, Gov. of India. Department of School Education & Literacy and Higher Education. Annual Report. 2010-2011. New Delhi: Dolphin Printo Graphics, 2011, p. 3.

¹⁵⁴ Nayar A. Developing world: Educating India // Nature (London), N 472, 2011, p. 25.

¹⁵⁵ McKinsey Global Institute. The Emerging Global Labor Market. October 2005.

По мнению министра человеческих ресурсов и развития Капила Сибала, к 2020 г. для реализации потребностей страны необходимо открыть дополнительно 800-900 университетов и 40-45 тысяч колледжей¹⁵⁶.

Таким образом, перспективы развития Юга (в целом) по траектории, намеченной Западом, представляется маловероятным. Перенос элементов нового строя в зону Юга практически невозможен, так как для их востания требуется высокий уровень развития, тем более что этот процесс может происходить только комплексно. Азиатским гигантам не удастся этого добиться по внутренним объективным причинам в обозримом будущем, а подавляющему большинству развивающихся стран вообще свойственен низкий уровень культурной динамики. Более того, ныне Западу выгодно «подмораживание» экономических и социально-экономических процессов на Юге, и с Центра на Периферию не исходят импульсы для развития по пути Запада. Иными словами, стадийный разрыв между новым строем и капитализмом на Периферии может сохраняться более длительное время, чем между капитализмом и докапитализмом. Вполне возможно, что на новом этапе развития будет невозможно использовать модели «догоняющего развития». При этом в условиях стадийного разрыва, социально-экономический строй развивающихся стран отличается все большим национальным своеобразием.

Разновекторность социально-экономического развития стран Востока.

Зона Востока отличается очень большой гетерогенностью. Отдельное место занимает Япония, которую исследователи, как правило, относят к Западу. При этом трудно не заметить значительные отличия японской модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социально-культурной жизни. Большой рывок совершили и новые индустриальные экономики Восточной Азии, причем на определенном этапе в условиях существования авторитарных режимов с элементами тоталитаризма. Тайвань, где за полвека доход на душу населения увеличился более чем в 120 раз¹⁵⁷, не только отверг «коммунистическую» систему¹⁵⁸, но и отказался от большинства основных элементов западной демократии. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявляются в таких странах, как, например, Южная Корея, Индонезия и Таиланд.

Сверхкрупные государства - Индия и Китай – стали превращаться в отдельную подсистему мирового хозяйства. Они обладают собственными закономерностями развития. По таким параметрам, как уровень производительности, темпы прироста населения, уровень грамотности и доходов, азиатские гиганты немногим отличаются от других стран Юга. Однако огромные масштабы ВВП, высокие темпы роста, наличие прослойки, хотя и узкой, высококвалифицированных кадров отличают их от основной массы Юга.

В Азии существует также много достаточно благополучных развивающихся стран, которые благодаря стабильной политической обстановке, выгодному географическому положению, наличию дешевой рабочей силы, больших запасов сырья или редких его видов смогли успешно включиться в международное разделение труда. Особняком стоит группа арабских стран-нефтеэкспортеров, сосредоточенных главным образом в районе Персидского залива, которые смогли

¹⁵⁶ Nayar A. Developing world..., p. 25.

¹⁵⁷ П. К. Чанг. Краткое изложение опыта экономического развития Китайской республики на о. Тайвань. М.: Академия, 1999, с. 2.

¹⁵⁸ К «социализму» на Тайване отношение достаточно терпимое, так как он является частью трех «народных принципов» Сунь Ятсена.

обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами.

На Юге появилась и «серая зона», за которую основные мировые центры (в первую очередь, США) не желают (либо не могут) брать никакой ответственности, и где не действуют общие закономерности развития системы. Происходит как бы сужение мировой системы путем выталкивания из нее мало приоритетных государств (в которых, кстати, проживает около шестой части всего человечества). Попытки вмешательства (как в Сомали) долгое время заканчивались неудачей, поскольку в новой глобальной ситуации никто не готов к существенным финансовым затратам и гибели своих граждан ради прекращения гражданских войн в странах, не занимающих высокого места в приоритетах внешней политики ведущих государств. Мировое сообщество устранилось от какого-либо воздействия на внутрисистемные события в «серой зоне». После 11 сентября ситуация некоторым образом изменилась, и США были вынуждены ввести войска в Афганистан. Но это пока принесло очень мало дивидендов. Безусловно, «серая зона» расположена, прежде всего, в Африке, но и ряд азиатских и латиноамериканских стран вошли в нее.

Таким образом, на Юге сейчас наблюдается процесс складывания индустриального способа производства. Окончательное становление постиндустриального мира может произойти лишь при наличии индустриальной периферии, а поддержание тесного и углубляющегося взаимодействия между ними возможно только на основе глобализации. Отсюда и резкий рост заинтересованности Запада в индустриальных государствах зоны Востока (Восточная и Южная Азия, Латинская Америка), которые уже превратились в мировой город (Запад стал «офисом и лабораторией»). При этом если раньше, в течение двух веков, Запад стремился к установлению своего всеобъемлющего господства во всех районах земного шара, то в последнее время ему все менее интересна «серая зона».

Восток в мировой политической системе. Крушение социалистического лагеря резко изменило конфигурацию мировой системы. Она приобрела формально монополярный характер, имея во главе одного лидера - США. Но эта монополярность приобретает особый характер: с одной стороны, система, которой пытается управлять мировой лидер, очень велика (около 200 стран). Из теории больших систем известно, что такой множественностью управлять из одного центра практически невозможно.

При этом в целом, при некотором нарастании различий между странами Запада, между ее основными центрами - США и Западной Европой, они в высшей степени заинтересованы в сохранении своего господствующего положения в системе международных экономических и политических отношений, и значительно сильнее, чем когда-либо. Напротив, если в прошлом долгое время неуклонно возрастало организованное противостояние Юга сильному экономически, технологически и социально Западу, то с конца 1980-х гг. оно ослабевало, а главное – исчезал его организованный характер. Основными факторами, объясняющими это обстоятельство с экономической точки зрения, являются постоянное втягивание большинства стран Юга в новое международное разделение труда и их отмечающаяся усиливающаяся дифференциация. В политической сфере главными причинами стали крах социалистической системы и биполярного устройства мира, развал Советского Союза. Юг потерял возможность играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия между двумя

системами, что в прошлом приносило ему существенную выгоду. В результате организации развивающихся стран (Движение неприсоединения, группа 77 и др.) утратили свое значение.

Характерны перемены в политике азиатских гигантов. Если в 1970-1980-е годы крупнейшие государства Юга пытались добиться упрочения своего положения в мировой экономике путем совместных действий с другими странами, то в изменившихся условиях они предпочитают действовать в индивидуальном качестве. Так, значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран. Первоначально Дели прилагал усилия хотя бы для сохранения позиций Движения неприсоединения, бывшего одним из краеугольных камней внешней политики страны. Но постепенно Дели осознал, что усиление позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в "высшую мировую лигу", а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует организации какого-либо единого политического или экономического образования. Фактически сейчас Индия потеряла былой статус выразителя интересов освободившихся стран.

Крайне осторожные позиции стала занимать и КНР. Правда, за последние 2-3 года, ее внешнеполитическая активность возросла. Это, видимо, связано с осознанием своей реальной экономической мощи, так и недовольством Севером, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высовываться». Пока еще не ясно, является ли эта растущая амбициозность устойчивой тенденцией.

В радикальной ломке международных экономических отношений не заинтересованы и «благополучные» азиатские страны. Помимо того, что их развитие может происходить лишь на основе тесных связей с иностранными партнерами, следует учитывать еще одно обстоятельство. Элита данных государств прочно входит в «золотой миллиард» (а вот низы западного общества в него не входят) и теснейшим образом связана с Западом.

В подобных коренных изменениях заинтересованы преимущественно страны, попавшие в «серую зону». Однако они (как и их лидеры) не пользуются международным авторитетом и не в состоянии сплотить Юг. Поведение стран-аутсайдеров и отсутствие возможности воздействовать на них (как и отмечавшееся относительное ослабление позиций Соединенных Штатов в мировой экономике) объясняет постоянное применение насилия. Этому способствует и то обстоятельство, что в целом мировой лидер (США) не может оказывать определяющего влияния на процессы экономического развития Азии не только в отношении стран «серой зоны», мало вовлеченных в интернационализацию производства. В отношении крупнейших стран это связано с огромными масштабами их экономики и высокими темпами роста, обусловленными опорой на внутренние факторы развития.

Политические процессы в странах Востока. Установление системы представительной демократии в достаточно строгом западном варианте целым рядом стран афро-азиатского мира более полувека назад было очевидным «забеганием вперед», что провоцировало неизбежный «откат». Западные теории, разработанные на материале развитых стран, плохо работали на Востоке. Конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, полностью соответствовавшую западному прообразу.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее

мироздания как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако конкретная реальность демонстрировала невозможность построить в афро-азиатском мире модель, соответствовавшую западному прообразу. Постепенно в западном политологическом сообществе с 1960-х гг. некоторые эксперты стали высказывать сомнения в возможности применения западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов Л. Пай даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями, с другой; значительное количество различных клики и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии и др.¹⁵⁹

По сравнению практически со всеми странами не-Запада, наиболее соответствует большинству западных политических параметров Индия. Этому способствовали определенная ее близость к западной цивилизации и методы колониального управления. Что касается, например, Японии, то она, с одной стороны, проявляет высокую степень адаптивности и способности к самотрансформации в соответствии с меняющимися реалиями современного мира (отсюда дрейф в сторону западных моделей поведения), а, с другой стороны, демонстрирует приверженность многовековым традициям и подтверждает верность ключевым ценностям восточного типа. Цивилизационные особенности в организации производства и управлении обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее показывают, что Япония в целом все-таки относится к понятию «не-Запад». Не случайно, можно постоянно встретить подобные утверждения: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии..., японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы..., это – не настоящая демократия..., у них нет свободного рынка»¹⁶⁰.

Наращение культурно-цивилизационных особенностей на современном этапе. Культурно-цивилизационные параметры действуют в направлении ограничения глобализации. Создание многополярного и многоцивилизационного мира, по-видимому, является основным магистральным путем современного общества. Бесспорно, в мире существует и тенденция к созданию сложной системы межгосударственных отношений, построенной на общности экономических и политических интересов, а равно и на осознании заинтересованности в снижении остроты «глобальных» проблем (экология, демография, «третий мир» предстоящая нехватка продовольствия и сырьевых ресурсов), но она проявляется, скорее, в виде деклараций о намерениях.

В конце прошлого века Восток переживает настоящий религиозный Ренессанс. Здесь резко усилилось влияние религии на политику. До середины 1950-х годов колониальные власти, состоявшие в преобладающей мере из граждан метрополии, в лучшем случае нейтрально относились к местным религиям, а в худшем - дискриминировали их, поощряя насаждение христианства. Поэтому местные религии сохранялись, так сказать, на бытовом уровне. С провозглашением политического суверенитета правительственные органы стали формироваться из

¹⁵⁹ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. № 2, 2003, с. 66–86.

¹⁶⁰ The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness. / Clesse A., Inoguchi T., Keehn E.B. and Stockwin J. A.A. (ed.). London — New York: Macmillan Press Ltd., St.Martin's Press, Inc, 1997, p. 406.

местных граждан, обладавших тем же религиозным сознанием, что и прочие жители данной страны. Более того, под влиянием национализма, растущей массы обнищавших и маргиналов религия стала приобретать воинствующий характер, особенно в исламском мире.

Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие, очень обширно — от индивидуализма, основы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному Востоку, с существованием огромного количества промежуточных вариантов. Американской цивилизации присущ наиболее четко выраженный индивидуалистский путь, хотя среди американских норм и ценностей есть, конечно, групповые и общественные. Он позволяет США обеспечивать прогресс на путях либеральной экономики и широкой, в западном понимании, свободы личности. Западноевропейские государства, не говоря уже о североευропейских странах, отличается меньший индивидуализм.

Континентальным странам Восточной Азии свойственен более традиционный путь, близкий к коллективистскому вектору. Возможно, этим объясняется довольно легкое приобщение китайского общества и стран Индокитая к социалистическому опыту. Япония и Сингапур демонстрируют более отчетливый пример синтеза восточного и западного.

Возрождение традиционных цивилизационных ценностей в странах Востока, начавшееся после достижения политической независимости, в последние два десятилетия сопровождается отчуждением от ценностей европейской цивилизации. Особенно оно ускорилося с началом исламской революции в Иране. Напомним о провозглашении приоритета исламских ценностей и создании исламских республик (Пакистан, Иран, Мавритания и др.), постепенном возрождении идей превосходства желтой расы в Японии с 1980-х годов. Эксперты отмечают рост политического индуизма и индуистского коммунизма в Индии. Не случайно в республике у власти в 1998-2004 гг. находилась Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия). Появилась ветвь воинствующего буддизма, первоначально в Шри Ланке. Наконец, восстанавливаются традиционные культы в ряде африканских стран. Не менее важны и повседневные "мелочи" - отказ от использования некоторых европейских предметов, слушания музыки, просмотра кинофильмов и пр., наблюдающейся даже в образованных семьях азиатских стран.

Процесс возрождения традиционных ценностей и отчуждения от многих ценностей европейской цивилизации порожден рядом разнородных причин. К ним относятся: существование значительных масс населения в системе традиционных отношений и проживающих ниже черты бедности, особенно в крупных странах; попытки части элиты достичь своих политических целей за счет запугивания образом внешнего врага, эйфория от первых несомненных успехов. Представляется, что нарастание отчужденности в социально-психологической и религиозно-культурной сферах сохранится на достаточно длительное время. В свою очередь, эти расходящиеся цивилизационные особенности оказывают влияние на формирование механизма развития. В результате возникают не только разнотипные национально-производственные структуры, но и закрепляются цивилизационные отличия.

Представляется, что крайне усилившаяся взаимозависимость мира касается, прежде всего, экономических и политических реалий. Эндогенные процессы, особенно в культурно-цивилизационной сфере, отличаются все большим своеобразием. Часто обращается внимание на поверхностные факторы. Действительно, мода и вкусовые привычки молодежи едины почти во всем мире. Европейский деловой стиль характерен для бизнесменов любой национальности.

Практически нет стран, где не проводились бы выборы в законодательные органы, внешне соответствующие западным демократическим принципам. Однако на глубинном уровне в очень многих регионах нет сходства по существу с тем, что принято считать едиными базовыми нормами западной демократии.

Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент не ведет к созданию одноцивилизационного мира, а напротив, вызывает на Юге своеобразную реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритюда, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.

Наибольшее отторжение европейских норм и ценностей характерно для исламского общества. Исламский мир, представляет собой настоящий суперрегион. «Мусульманская дуга» тянется от Северо-запада Африки до Юго-востока Азии, проходя и по территории России. В социально-экономическом плане здесь заметна огромная дифференциация. Помимо стран-нефтеэкспортеров и государств, вошедших в число достаточно благополучных стран (среди них существуют потенциальные региональные лидеры, как, скажем, Индонезия и Иран), существуют многие мусульманские государства, находящиеся в тяжелом положении. Несмотря на внешнюю помощь, экономический рост здесь не поспевает за ростом населения. Когда не происходит развития экономики и она стагнирует или деградирует, то вместо формирования новых цивилизационных общностей переживают ренессанс старые культурные пласты, и культурные, религиозные и цивилизационные аспекты становятся ведущими в общественной жизни.

Единство исламского мира проявляется не в экономической, а, скорее, в политической и, особенно – в культурной сфере. Исламское общество, в отличие от западного, отдает предпочтение не личным интересам индивида, а приоритету коллектива, «уммы». Не случайно было бы трудно привести пример успешной демократизации мусульманской страны по западному образцу. Очень многие эксперты в качестве такого образца часто называют Турцию, что вряд ли представляется убедительным. Модель развития Турции, стремящейся стать членом Европейского Союза в течение 40 лет (в связи с чем специально задавались параметры, отвечающие требованиям Европы), по-прежнему серьезно отличается от западных норм (достаточно отметить постоянные вмешательства армии в гражданскую жизнь), а также растущее влияние исламистов.

Наращение отчужденности между исламским миром и Западом представляется неизбежным. Одновременно исламский мир может попытаться использовать единственное оружие, которым он располагает в этом противостоянии: рост исламского экстремизма и радикализма. По-видимому, современный международный терроризм – лишь внешнее проявление культурного расхождения.

В восточной политологии в последнее время особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада на развивающиеся страны после распада биполярной системы в целях преобразования их политических систем в духе западной модели. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии, которые были воодушевлены экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных индивидуалистическому Западу: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

В новых индустриальных странах (первоначально в Сингапуре) начали активно разрабатывать концепцию «азиатских ценностей», в которую включают семью как оптимальную модель организации, клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь модернизации, но не вестернизации. Это было попыткой синтеза восточных и западных норм. Как это ни парадоксально, концепция выполняла, например, в Сингапуре, модернизирующую функцию, постепенно видоизменяя менталитет населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об азиатских ценностях заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959-1990) Ли Куан Ю, который для объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главным фактором столь быстрого роста в Азии был упор на подчинение авторитету группы, трудолюбие, семью, сбережения и образование. Примечательно, что основными теоретиками данной концепции, наряду с «отцом сингапурского экономического чуда», стали представители высшей бюрократии страны, получившие европейское образование, — Томми Кох (дипломат, обучавшийся в Гарвардском и Кембриджском университете), Чан Хенг Чи (бывший посол в США, получившая степень магистра в Корнельском университете) и Кишори Махбубани (бывший посол в ООН, почетный доктор наук университета, одного из ведущих учебных центров Канады, где он в свое время стал магистром философии). Первоначально концепция развивалась в духе конфуцианских ценностей. Но затем беспокойство властей Сингапура по поводу реакции мусульманской, индусской, буддистской и даосской общин на распространение конфуцианских норм заставило их несколько переосмыслить концепцию, которая получила название «азиатских ценностей».

Томми Кох перечислил их 10 таких ценностей: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы¹⁶¹. Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии азиатские ценности отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией¹⁶².

Концепция «азиатских ценностей» получила широкое распространение в Восточной Азии. Особую роль в продвижении данной теории сыграл премьер-министр Малайзии Мохамад Махатхир, способствовавший превращению Малайзии в современное государство с развитой экономикой, одно из самых передовых государств исламского мира. В его работах находит отражение отрицание западной и советской систем, апеллирование к традиционным нормам мусульманского и восточного общества, признание необходимости модернизации и инкорпорирования различных западных ценностей (в том числе, восприятие образования и науки как

¹⁶¹ Koh T. The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success // The International Herald Tribune. 11–12 December 1993, p. 6.

¹⁶² Chan Heng Chee. Democracy: Evolution and Implementation: An Asian Perspective // Bartley R., Chee Ch.H., Huntington S.P. and Ogata Sh. (ed.) Democracy and Capitalism: Asian and American Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1993, p. 21-24.

высших ценностей общества)¹⁶³. Он известен и как критик исламского фундаментализма, и как сторонник точки зрения, что современная глобальная борьба с терроризмом является войной с исламом. Его характеристика «азиатских ценностей» весьма близка к взглядам сингапурской элиты.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и среди ее лидеров, которые неявно, но настойчиво, используют ее для оправдания специфики развития КНР в области демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Можно согласиться с Фр. Фукуямой, что традиционные азиатские культуры начинают развитие с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх — ко второму (политические институты) и первому (идеология) уровням, а современная западная политическая мысль отстает от необходимости движения в обратном направлении¹⁶⁴. Поэтому наличие институтов для традиционного Востока менее значимо, чем сохранение укоренившегося морального кодекса.

Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции. Так, американские специалисты Б. Бузан и Г. Сигал пишут: «Азиатские ценности неотличимы от викторианских (сильная семья, сильное государство, сильный национализм), что просто подчеркивает то обстоятельство, что во всех сферах — от индустриализации до демократизации — восточные азиаты находятся еще далеко позади» и добавляют, что «мир развивается в сторону цивилизации западного типа»¹⁶⁵. Представляется, что это — сильное упрощение. Если рассматривать роль семьи, то достаточно отметить, что в хинди, например, существуют десятки названий различных родственников, тогда как в английском — лишь несколько (русский язык находится по этому показателю в середине). Более того, есть фундаментальный разделительный принцип — приоритетность групповых или личных интересов.

Этно-конфессиональные конфликты на Востоке. Одним из новых вызовов в постбиполярном мире стала проблема национального и религиозного взаимодействия/отторжения. Этно-конфессиональные конфликты называются в качестве основополагающих угроз в доктринах национальной безопасности различных стран. Этнические и конфессиональные конфликты на Востоке объясняются социально-экономическими, культурно-цивилизационными и историческими факторами. Именно политика европейских колонизаторов, которые в целях укрепления своего положения проводили традиционный курс "разделяй и властвуй", предоставляли привилегии то одним этно-конфессиональным группам, то другим, противопоставляя их друг другу, вела к росту напряженности. Нередко меньшинства занимали более привилегированное положение в государственном аппарате и экономике, что вызывало недовольство большинства населения.

Этнические и конфессиональные конфликты в Азии часто не совпадают друг с другом, и можно говорить о них раздельно. Этнический фактор играет очень

¹⁶³ М. Мохаммад, правда полагает, что подобное отношение к ним является наследием раннего мусульманского периода.

¹⁶⁴ Fukuyama Fr. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. Vol. 6, no. 1, 1995, p. 7–14.

¹⁶⁵ Buzan B. and Segal G. Forget «The West Versus the Rest» — Welcome to the Westernistic Era // RGICS Working Paper Series. No 3, 1999, pp. 1, 11.

большую роль на Востоке, но религиозные противоречия в целом еще более значимы.

Религиозный ревайализм, тесно связанный с ростом радикализма и экстремизма, наглядно проявляется в буддистском ареале, несмотря на то, что буддизм традиционно воспринимается как самая миролюбивая религия. Вместе с тем в Южной Азии, например, буддистская сангха (единое сообщество монахов) становится воинствующей при столкновении с представителями других религий.

Так, в Бутане на рубеже 1980-90-х годов под давлением буддистской общины были приняты законы (признание только языка дзонг-ке, требования носить традиционную бутанскую одежду, прически и соблюдать буддийские обычаи и ритуалы, ограничения на въезд граждан Индии), которые привели к волнениям среди лиц непальского происхождения (индуистов) и их столкновениям с армией. Власти обвиняют оппозицию (то есть треть своего населения) в «терроризме», но те полагают, что проводится политика «бутанизации» и идет целенаправленное выдвигание лиц, отличных в религиозном плане. Сейчас в специальных лагерях в Непале и Индии проживают более 100 тыс. беженцев из Бутана. Интересно отметить, что в страну категорически запрещен ввоз любой небуддистской литературы (в том числе и индуистской)¹⁶⁶.

В Шри Ланке некоторые буддистские священнослужители-фанатики стали инициаторами антитамильских погромов в июле 1983 г. Именно после этого конфликт между сингалами и тамилами перерос в гражданскую войну, к 2010 г. унесшую жизни более 80 тыс. человек (есть и цифра в 100 тыс.). В настоящий момент значительная часть буддистской сангхи в Шри Ланке ставит знак равенства между этносом и конфессией, что ставит буддизм на уровень национальной религии¹⁶⁷. Любопытно, что в подавляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри Ланке тамилы (индуистов), выходцев с дравидского юга Индии, а не сингалов (буддистов), выходцев с «арийского» севера.

Индийскому обществу после завоевания независимости удалось прийти к достаточному единству взглядов на главные внутривнутриполитические и внешнеполитические макропроблемы. Национальное согласие в Индии - не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры. Однако именно конфессиональный фактор не дает уверенности в том, что в Индии выработана продуктивная модель национального согласия. Мусульманская община Индии - огромный пласт общества - во многом вытолкнута из этого национального согласия, и в отношении ее крайне слабо реализуются основные принципы политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов. В Индии постоянно происходят межобщинные столкновения (наиболее крупномасштабные события за последнее время произошли в штате Гуджарат весной 2002 г.). В некоторых местностях страны происходят и преследования христиан.

Реализация лозунга хиндутвы, то есть установления индуистского образа жизни для всех, может вызвать стремление к единообразию, а именно плюрализм является основой Индийской цивилизации. Его подрыв, как минимум, может повлечь

¹⁶⁶ Hutt M. *Becoming the same / Unbecoming Citizens: Culture, Nationhood, and the Flight of Refugees from Bhutan*. Oxford University Press, 2003; Hutt M. *The Bhutanese Refugees: between Verification and Royal Realpolitik / Peace and Democracy in South Asia* (Yale University, New Haven, USA). 2005, vol. 1, N 1 (January), pp. 44-56.

¹⁶⁷ См., например, Сафронова А.Л. *Буддизм в историко-культурной традиции Шри Ланки*. М.: Муравей, 2005.

за собой серьезнейшие политические последствия, а худший сценарий будет означать начало распада государства.

Еще более рьяно отстаивают свои религиозные принципы мусульманские государства Южной Азии. В Мальдивской республике, в которой на туризм приходится треть ВВП, в знак солидарности с палестинцами отказывают в выдаче виз гражданам Израиля. В Бангладеш ислам играет значительно меньшую роль, чем в большинстве мусульманских стран. Однако дискриминация индусского населения нередко принимает такие формы, что происходит массовая миграция в Индию. Она достигает таких масштабов, что Индия то сооружает непроходимые зоны на четырехтысячекилометровой границе с Бангладеш, то объявляет о намерении начать ее минирование.

Религия играет особую роль в Пакистане (не случайно реформация ислама носила в Индии коммуналистский характер задолго до завоевания независимости), который пытается всячески сохранить идентичность перед лицом Индии, доминирующей в Южной Азии (в том числе и в культурной сфере). Вот что об этом сказал пакистанский ученый Вахиз-уз-Заман: "Если арабы, турки, иранцы откажутся от ислама, арабы все равно останутся арабами, турки - турками, иранцы - иранцами. Но что останется от нас, если мы откажемся от ислама?"¹⁶⁸. Теория двух наций основоположника Пакистана М. А. Джинны противопоставляется, таким образом, концепции единой нации М. Ганди.

Усиление исламистского радикализма и экстремизма в Пакистане имеет самые негативные последствия и для внутреннего развития Индии, тем более что, по исламскому канону, иудеи и христиане имеют статус "покровительствуемых", а индуисты как представители политеистической религии должны перейти в ислам или быть уничтожены. Рост политического ислама в Пакистане оказывает прямое воздействие, с одной стороны, на мусульманское население страны, а с другой - на индуистские шовинистические силы и приводит к укреплению политического индуизма уже в самой Индии.

Религиозные противоречия особенно негативно влияют на индийско-пакистанские отношения. Более того, в этой сфере отличия между двумя странами существуют в наиболее опасной форме: определенная степень культурно-цивилизационного схождения при наличии различных религий. В условиях глобальной тенденции к усилению религиозного ревайвализма противоречия между Индией и Пакистаном могут лишь углубляться.

Религиозный фактор значим и в Восточной Азии. Мусульмано-христианские столкновения в Индонезии и на Филиппинах, рост политического ислама в Юго-Восточной Азии, определенная дискриминация христианского меньшинства в Северо-Восточной Азии и Индокитае в настоящий момент являются более важными факторами, чем этническая напряженность, которая, безусловно, также существует в регионе. В этом плане несколько отличается Китай, в котором очень остро стоит проблема этнических меньшинств, населяющих 60% территории страны.

На Ближнем и особенно Среднем Востоке ситуация складывается весьма своеобразная. Религиозный ревайвализм именно в этом регионе создает одну из основных угроз региональной и глобальной безопасности. При этом на уровне национального государства преобладают этнические конфликты (противостояние пуштунов с таджиками, узбеками и туркменами в Афганистане; курдская проблема, прежде всего в Турции и Ираке; начинающаяся конфронтация арабов с приезжими из Индии, Пакистана, Филиппин и т.д. в нефтедобывающих странах Персидского залива; берберский вопрос в Магрибе). Интересно отметить, что наиболее острые

¹⁶⁸ Richter W.L. The Political Dynamics of Islamic Resurgence in Pakistan // AS, Vol. 19, №6.

формы противостояния характерны для стран, ранее входивших в Османскую империю, в которой практически отсутствовала национальная дискриминация и не наблюдалось стремления к стиранию этнических различий.

Этнические конфликты преобладают и в Африке, где проявляются религиозные противоречия между арабизированным и африканским населением. Здесь важную роль продолжают играть межгосударственные конфликты, основанные на этно-конфессиональных противоречиях.

Что касается конфликтов на постсоциалистическом пространстве, то их можно условно «записать» в специфический вариант гражданской войны, поскольку речь идет о бывшей единой территории. Кавказ и Центральная Азия стали геополитическими регионами после распада социалистической формы государственности, объединявшей этносы, на протяжении длительного исторического периода находившиеся в весьма сложных отношениях друг с другом. Этот распад привел к тому, что исторические противоречия между этносами и бывшими советскими республиками или их субрегионами стали проявляться в открытой форме. Здесь до сих пор не завершились процессы образования наций современного типа и становление их государственности. Произвольно проведенные в советское время границы между республиками привели к тому, что естественные границы расселения народов были рассечены административными, получившими статус государственных. Объединенными в государства оказались национальные, религиозные и культурные общности, весьма далекие друг от друга. Потенциально это создает ситуацию всеобщего регионального конфликта, связанного с возможностью пересмотра существующих границ.

* * *

Таким образом, несмотря на целый ряд общих черт, Восток не представляет единого целого и в мировой политической системе. Некоторые страны резко повысили свое воздействие на глобальные процессы, тогда как многие государства оказались по существу вообще вне рамок мировой системы. Колоссальные различия существуют и в экономическом плане. Так, полвека назад доход на душу населения в Южной Корее и африканских государствах был приблизительно одинаков, то сейчас показатели азиатской державы намного выше (по сравнению с некоторыми африканскими странами в 15-50 раз больше). Термин «развивающиеся государства» теряет свой смысл: Восток стал чрезвычайно гетерогенен и в экономическом, и в политическом плане.

А.Г. Володин

СРЕДНИЙ КЛАСС В НЕЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВАХ – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В мае 2009 г. в лондонской “Times” появилась статья авторитетного британского экономиста и финансового аналитика Анатоля Калецки, в которой автор напрямую связывает восстановление мировой экономики с динамичным ростом среднего класса в таких странах, как Китай, Индия, Бразилия, Индонезия и некоторые другие, которых сегодня называют «локомотивами» планетарного хозяйства. В то же время ряд западных экономистов, включая Нобелевских лауреатов, видят одну из важных причин нынешнего кризиса Соединенных Штатов и Западной Европы в декомпозиции существовавшей там некогда социальной

структуры, и прежде всего среднего класса. Наиболее выпукло этот процесс описан Полом Кругманом в книге «Кредо либерала», переведенной, кстати, на русский язык. Достоинство данного сочинения в том, что книга написана с позиций экономической истории, что придает ей дополнительную научную вескость.

Возникает естественный вопрос: каковы же функции среднего класса в современных обществах, включая незападные? Кратко можно сказать, что средний класс есть политэкономическое выражение гражданского общества.

Средний класс, как показывает жизнь современных демократий (включая «крупнейшую демократию мира» - Индию), является несущей конструкцией экономики и политики, общественного спокойствия, наконец. В Америке «общество среднего класса» ("middle-class society") формировалось под определяющим воздействием «нового курса» Ф.Д.Рузвельта; оно, это общество, стало эффективной антитезой классовой борьбе и иным радикальным проявлениям социальных трансформаций. В дальнейшем неоконсерваторы, лидером которых в 80-е годы стал Р.Рейган, принялись разрушать эту общественную конструкцию и поставили под угрозу ведущую роль среднего класса в нынешних США.

Становление среднего класса сопровождает развитие всякого «нормального» индустриального общества, причем не только в центрах мирового хозяйства, но и на его условной «периферии». В формировании среднего класса важна преемственность. Так, в Индии развитие среднего класса имеет давнюю историю. Начался этот процесс еще в недрах британского Раджа и получил мощное ускорение после завоевания суверенитета в 1947 г. Государство, действуя на опережение, сознательно стимулировало форсированное становление среднего класса и воспроизводящих его институтов (прежде всего современной системы образования и науки). На достижение подобного результата был нацелен «бомбейский план» 1944 г., по сути дела стратегия развития современной Индии. В этой связи целесообразно отметить, что первые академические исследования по проблематике среднего класса появились в Индии в начале 60-х годов прошлого века. (В советские времена мы эту социальную общность называли – «средними слоями», чтобы, так сказать, не нарушать стройность классовой теории).

В обществах промышленно развитых стран парламентские выборы по сути дела, фиксируют расстановку сил внутри среднего класса и идейно тяготеющих к нему групп. В развивающейся Индии, при всей ее глубокой этно-лингвистической и региональной специфике, с конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века происходит складывание системы альтернативных политических коалиций (как и в некоторых «цивилизованных» странах Запада), содержанием деятельности которых является постоянное и постепенное совершенствование социальных институтов, экономики, политики и других форм человеческой жизнедеятельности.

По представлению некоторых индийских экспертов-политологов, Индия уже к 2020 г. может располагать гибкой и пластичной системой партий (выстроенных на коалиционной основе), способной «подталкивать» общество вперед и одновременно купировать «стрессы» быстрого (до последнего времени), но противоречивого для различных групп населения экономического роста. Становление развитой и диверсифицированной системы политического представительства в «крупнейшей демократии мира» может занять четыре десятилетия.

Решая проблему становления среднего класса как социально-политической силы, незападные общества вынуждены решать сразу несколько макрообщественных задач.

Во-первых, сформулировать общенациональное согласие/консенсус относительно стратегических, долгосрочных целей развития страны, прежде всего

качественного снижения социально-экономических (а для крупных государств – и межрегиональных) диспаритетов развития. И это закономерно, поляризованное (экономически, социально и культурно) общество не только никогда не выдвинет из своих рядов многочисленный и развитый средний класс, но и будет на расширенной основе воспроизводить противоречия, способные в точке их кульминации вызвать глубокий и затяжной кризис, что сейчас, к примеру, происходит в некоторых странах Арабского Востока.

Во-вторых, средний класс остается ведущим образованием, интеллектуальные представители которого коллективными усилиями формулируют «кодекс» политического общения в обществе, «правила игры» между его различными социально-политическими силами. О важности данной функции косвенно свидетельствует то обстоятельство, что ряд египетских интеллектуалов и мыслящих политиков по-прежнему опасаются развития событий в этой стране по «деструктивному советскому сценарию» конца 80-х – начала 90-х годов.

В-третьих, для незападных обществ особое значение имеет содержательное сотрудничество различных социально-политических сил, цель которого найти алгоритм модернизации страны, ставя особый акцент на форсированном формировании среднего класса, из рядов которого рекрутируется и творческая прослойка, и обладатели знаний, и, наконец, профессиональные политики. Как правильно заметил отечественный автор С.А.Кузьмин, «накопление и передача знания оказались настолько важным условием существования социальной системы, что по существу стали, наряду с основной (функцией выживания), ее второй функцией»¹⁶⁹. По сути дела, в промышленно развитых обществах средний класс выполняет функцию передачи знаний от поколения к поколению, формируя общность, которая представляется не просто социальной группой, объединенной некоторыми формальными признаками, но объединением индивидов, имеющих общие интересы (сохранение и/или совершенствование существующих экономических и политических систем), но не обязательно связанных узами единой организации. Разумеется, общность этих интересов наиболее выпукло проявляется в период выборов.

На мой взгляд, средний класс в развивающихся странах может строиться пока на принципах общности, контуры которой были обрисованы выше. В то же время средний класс в промышленно развитых странах выстроен по принципу сообщества, объединения индивидов, имеющего те же (а возможно, и более выраженные) характеристики, что и общность, однако уже располагающего определенной степенью формальной организованности и более четко обозначенными целевыми установками, которые обнаруживают признаки совместных действий и т.д.¹⁷⁰ Подобные действия осуществляются политическими партиями, функционирующими на основе родства идеологии, программы, политической практики. Таким образом, средний класс как социальное формирование существует и в промышленно развитых, и в развивающихся странах, однако степень его организационной консолидации существенно различается.

Социальная структура развивающихся стран по-прежнему имеет поляризованный характер, при котором продолжает возрастать имущественная дифференциация, которая не только не стимулирует общенациональное экономическое развитие, но, напротив, угнетает и тормозит его. Далее, в большинстве незападных/восточных обществ сохраняется территориальная и социальная анклавноость экономики – ситуация, в которой отдельные социальные

¹⁶⁹ Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М.: Наука, 1996, с. 39.

¹⁷⁰ Там же, с. 41.

группы и отдельные территории выпадают из общего контекста национального развития (например, штаты Северо-Востока Индии и некоторые центральные территории страны). Подобное положение не только не способствует росту среднего класса на современной/индустриальной основе, но и вызывает нежелательные социальные последствия: локальные и профессиональные предпосылки социальной напряженности, падение авторитета государства (вплоть до подрыва его легитимности) и институтов управления, что наблюдалось в ходе «арабских революций» 2011- 2012 гг.

Средний класс в развивающихся странах (по крайней мере в большинстве из них) развивается в контексте поляризованной экономики, или экономического дуализма. Для промышленно развитых стран, как известно, характерно наличие двух основных групп промышленных отраслей – авангардных и традиционных (иногда собирательно называемых «индустрией дымовых труб»). Первые определяют научно-технический прогресс (НТП), они оснащены по последнему слову техники, генерируют научно-технические достижения, определяют прогресс/движение научно-технической системы в целом. Традиционные же отрасли промышленности поддерживают повседневное течение экономического процесса и одновременно стимулируют развитие авангардных отраслей экономики. Таким образом, авангардные отрасли не только опираются на передовые методы производства, но и стимулируют высокотехнологичные отрасли производства в традиционных отраслях экономики. В этом случае отнюдь не случайно, что словосочетание (не имевшее тогда содержательной политэкономической нагрузки) «средний класс» появилось в Англии в начале первой промышленной революции, т.е. в 80-е годы XVIIIв. Иными словами, «средний класс» - общественное явление, порожденное промышленной революцией и индустриальным способом производства.

Для большинства развивающихся стран (за исключением компактных и культурно гомогенных обществ Северо-Восточной Азии) в целом характерна слабая отзывчивость социально-экономической системы к импульсам научно-технического прогресса, замедленное восприятие «новаторских» технических идей. В лучшем случае процесс усваивания НТП имеет анклавный, изолированный от остального общества характер. Отсюда и замедленный поворот от трудопоглощающих производств к трудосберегающим. Аналогичным образом медленно формируется высококвалифицированный, максимально подготовленный к современным требованиям высокотехнологичного производства кадровый потенциал («строительный материал» для среднего класса), для которого возможности реализовать себя в прежних, т.е. раннеиндустриальных технологиях уже исчерпаны. Наблюдается ситуация, когда общественная система не прогрессирует, а социальный отряд, способный генерировать идеологию развития, т.е. средний класс, переживает период интеллектуальной деградации. Задача среднего класса в незападных обществах состоит в том, чтобы «сработать» на изменение общественной системы, преодоление ее инерционности. (И это зависит от способности среднего класса оценить современные идеи, превратить их в технику и технологию, в реальное производство.)

Как известно, восточные общества – это социальные системы со значительной долей инерционности. Попытки осуществить «реформирование» социальной структуры, имевшие место на Арабском Востоке в 2011-2012 гг., не привели к далеко идущим общественным изменениям, а лишь вызвали перегруппировку сил отнюдь не в пользу современных слоев (в том числе среднего класса), а скорее в пользу политически активизировавшихся сил традиционалистской/исламистской ориентации. Задачи, которые объективно стоят

перед средним классом этих обществ, оказались отодвинуты на обозримую историческую перспективу. Сохранение высокой инерционности общественных систем стран Арабского Востока, видимо, откладывает там «выход» среднего класса на авансцену политической жизни.

То что мы наблюдаем в настоящее время в некоторых обществах Арабского Востока, и не только там – это не столько активизация среднего класса, сколько рост социально лабильных групп (включая образованную молодежь), т.е. тех, кто формально включен в современные структуры общества, однако не обладает устойчивым социальным положением. Недавний опыт Египта и других арабских стран исчерпывающе показал: реализация потребностей указанных слоев, их интересов, жизненных амбиций зависит от социальной политики правительства, которая в свою очередь определяется успехами экономического роста (для Египта и ряда других арабских стран, в интересах политического спокойствия, темпы экономического роста не должны быть ниже 8-9% в годовом исчислении). Между тем, социально лабильные группы, – о чем писали еще в советском востоковедении 70-х – начала 80-х гг. – обладают крайне ограниченным выбором, сферы применения своих способностей ввиду недостаточного образования и профессиональной подготовки. Эти группы уязвимы при «сокращении штатов», при получении квалифицированной (не говоря уже о престижной) работы. Они максимально подвержены угрозе безработицы. Даже если это лица с неплохими доходами, они в значительной мере теряют их в результате инфляции (Индия в годы, предшествующие введению чрезвычайного положения 1975 г., Индонезия в годы азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. и т.д.).

Пока социально лабильные группы не превращаются в средний класс. Мировой экономический кризис еще более увеличил шаткость их социально-экономического положения, ухудшил их жизненные перспективы, подорвал подчеркнул (особенно среди образованной молодежи) в будущее. Поэтому социально лабильные группы демонстрируют модели поведения, прямо противоположные политической «благонамеренности» среднего класса. В отличие от последнего они готовы, как показал опыт не только Арабского Востока, на всевозможные массовые непредсказуемые проявления и легко поддаются манипуляции со стороны различных социально-политических сил, включая крайние формы протеста*.

Чтобы добиться ведущего положения в обществе, средний класс должен идейно и организационно ответить на несколько вызовов, собирательно именуемых «модернизационными».

Во-первых, преодолеть доиндустриальный характер хозяйственной системы (в масштабах всей экономики), не позволяющий (в отличие от обществ Северо-Восточной Азии) производить широкую номенклатуру товаров со значительной долей добавленной интеллектуальной стоимости. Понятно, что подобная организация общества и структура среднего класса в конечном счете зависят от уровня профессиональной подготовки и образования менеджмента, инженерно-технического персонала и массовых слоев трудящихся. Для большинства обществ Востока такого рода перспектива остается делом будущего.

Во-вторых, необходимо осовременить доминирующие в большинстве незападных обществ до- и раннеиндустриальные формы занятости (торговля импортными товарами, ростовщичество, посредничество в его различных формах и

*К социально лабильным группам принято также относить низы сословно-иерархического общества (в Индии – это хариджаны и низший сегмент разрастающегося населения; в Юго-Восточной Азии – это группы, находящиеся на начальных стадиях этнообразования).

т.д.), что активно мешает внедрению отраслей новых технологических укладов, блокирует прогресс наличных индустриальных сегментов хозяйственной системы и в конечном счете тянет общество назад.

В-третьих, практика поляризованного/анклавного развития, увеличивающая социально-имущественные диспаритеты (Шахский Иран 70-х годов XX века) вызывает нарастание политического и культурного напряжения в обществе, сокращает ресурс жизнеобеспечения политической системы и составляющих ее социальных сил. Более того, процесс глобализации, на благотворное влияние которого уповали конструкторы «вашингтонского консенсуса» и элиты многих незападных обществ, вызвал новые перегрузки в социальных структурах восточных социумов, что еще до вселенского кризиса 2008-2009 гг. (и далее) позволило индийскому экономисту, работающему в Канаде, назвать модель складывающихся в мировой системе отношений «усеченной глобализацией», плоды которой в докризисный период удалось пожать США, Западной Европе и Японии³. Видимо, глобализация оказала не прямое, но значительное влияние на такие процессы, как «арабские революции» и социальные движения в ряде развивающихся стран (например, Индии).

В-четвертых, в большинстве незападных обществ в силу объективных причин пока не сформировались новые социальные силы, ведомые средним классом, заинтересованные в общенациональной созидательной работе, а не в обустройстве своих социальных «ниш», имеющем мало общего с развитием и социально-экономическим прогрессом страны. Так и остался слаб идеологический каркас развития, что делает задачу преодоления социальной дезинтеграции и фрагментации трудновыполнимой. «Построение» среднего класса наталкивает на замедление темпов экономического роста и пагубное влияние мирового кризиса.

В-пятых, как продемонстрировали «арабские революции» 2011-2012 гг., выявилась неготовность новых социальных сил, пришедших к власти с помощью Запада (Ливия) либо получивших политическую легитимность (Тунис, Египет) и немалые полномочия, к современному корпоративному управлению национальной хозяйственной системой. Новая власть так и не создала концепцию единого национального хозяйственного комплекса, способного в перспективе довести показатель экономического роста до цифры 7%, необходимой для поддержания внутривнутриполитической стабильности. Целесообразно в этой связи отметить, что средний класс, в лице его наиболее «продвинутых» представителей ограничил свои действия преимущественно политической критикой новых властей, не предложив альтернативных стратегий развития по выводу соответствующих стран на траекторию самоподдерживающегося роста. Аналогичным образом в «крупнейшей демократии мира» - Индии оппозиционные силы жестко критикуют правящий альянс за отсутствие последовательной экономической политики (в отношении которой сформировался консенсус в конце 90-х – начале 2000-х годов), однако их усилия в основном сосредоточены на просчетах тех или иных политиков, «всеобщей коррупции», а также на неблагоприятных действиях отдельных лиц из правящего альянса.

В-шестых, можно сказать, что политическая незрелость новых социальных сил, пришедших к власти в ряде стран Арабского Востока, проявляется прежде всего в том, что они даже не попытались воспользоваться необходимым инструментарием гражданского согласия, без чего невозможно, как показывает опыт Запада, построение современного общества.

³См.: Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. Oxford, 2005.

И вот здесь мы наблюдаем несоответствие понятия «средний класс», применяемого к незападным обществам, понятию-аналогу, используемому в отношении обществ развитых стран. Давно и справедливо было отмечено, что в средний класс зрелых индустриальных обществ входят самонанимающиеся (самостоятельно занятые) мелкие предприниматели, коммерсанты и «ремесленники» современного типа, хорошо оплачиваемые работники наемного труда (управленцы, лица свободных профессий, работники в сфере информационных технологий, деятели искусства, врачи, ИТР, учителя школ, госслужащие и т.д.)⁴. Я бы добавил в этот список квалифицированную часть рабочего класса. Словом, это достаточно аморфное формирование образует на Западе от 2/3 до 4/5 самодеятельного населения. Эта часть общества, по логике вещей, выступает движущей частью общественного и научно-технического прогресса. Сложнее обстоят дела на Востоке.

В 70-е годы в отечественной науке утвердилась характеристика *средние слои городского общества*. Данная характеристика отталкивалась от представления о разной степени зрелости и диверсификации социальных структур Запада и не-Запада. Писалось о том, что город пока не превратился в плацдарм индустриально-капиталистической эволюции⁵. Приходится признать – и об этом свидетельствует эволюция Западной Европы, – что 40 лет слишком небольшой срок для качественной трансформации социальных структур незападных обществ. Средние слои, как показали «арабские революции» 2011-2012 гг., так и не трансформировались в средний класс, способный своим авторитетом привести различные социально-политические силы к общенациональному согласию/консенсусу в отношении целей развития и дальнейшей эволюции общества.

Сказанное отнюдь не означает, что появление среднего класса принципиально невозможно на просторах незападной ойкумены. Однако становление данной общности должно подчиняться тем законам индустриально-капиталистического развития, которые были выработаны и многократно апробированы на пространстве цивилизации Запада. Так, группа японских экономистов утверждает: появление среднего класса в Азии выступает следствием форсированного экономического роста на протяжении длительного времени, несмотря на сугубо национальные специфические характеристики данного образования⁶. Но это – относительно небольшое пространство Северо-Восточной Азии, территориально компактное, культурно гомогенное, тяготеющее к Японии в смысле выбора «имитационной модели развития», осуществленного данной страной. Есть еще сверхкрупная Индия, экономический рост которой застопорился и тем самым ставит под сомнение ее роль как «потенциального локомотива» мировой экономики и расширение в этой стране пространственных границ среднего класса. Тем не менее различные модели формирования среднего класса в незападных обществах целесообразно рассмотреть в исторической перспективе.

* * *

Создание среднего класса в незападных обществах – запуск реального (а не декларативного) механизма системной модернизации, совмещающей промышленный рост, максимальную занятость при поступательном повышении

⁴ Королев Б.Н. Средний класс как понятие и социальная общность (версия концептуализации проблемы). М., 2005, с. 61.

⁵ См: Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.

⁶ The Developing Economics. Tokyo. 2003, vol. XLI. N 2, p. 130.

качества кондиций рабочей силы, равномерное и политически мотивированное распределение национального дохода. Собираательно данный процесс означает *развитие*.

Форсированной модернизации соответствуют политэкономические системы командно-директивного типа, способные, как показывает исторический опыт, ускорить экономический рост и сократить путь страны к индустриальному обществу. Образцом мобилизационной экономики для незападных обществ изначально была Япония. «Имитационные модели развития» с разной степенью успешности приближались к японскому «эталону», однако результат – восточный «неортодоксальный» капитализм, совмещал в себе противоречивые тенденции.

С помощью директивных методов управления в странах Северо-Восточной Азии в основном удалось решить такие важные задачи, как ускорение экономического роста, стимулирование национального предпринимательства, введение в практику развития элементов экономического планирования и программирования. Активный государственный интервенционизм ускоряет развитие капиталистических отношений. В области политики установлен действенный контроль над госаппаратом («государство развития»), проведена необходимая централизация власти и управления (которая ослабляется по мере экономической целесообразности). Помимо этого осуществлена серия мер, противодействующая местничеству и сепаратизму. Государство всемерно укрепляет устраивающую средний класс и широкие слои общества политическую систему, которую на Западе принято именовать «неортодоксальным капитализмом». Подобную систему американский публицист Фарид Закария назвал «нелиберальной демократией»⁷.

Форсированный тип развития сопряжен с известными ограничениями политической демократии. «Дискуссии препятствуют развитию», – примерно так рассуждают сторонники «просвещенного авторитаризма». В этом смысле создание основ индустриального общества (т.е. повторение «японского опыта») предстает задачей (скажем, для Южной Кореи) более насущной, чем либерализация общества с труднопрогнозируемыми политическими последствиями. Общество на время оказывается готовым внутренне смириться с «авторитаризмом развития» (в ходе которого формируется средний класс) – и все это ради экономического роста и дальнейшего движения к упорядоченному образу жизни, включая и свободу самовыражения. Успешный переход от авторитаризма развития к системе политического представительства являет не только послевоенная Япония, но и пост-франкистская Испания.

Средний класс, формирующийся в форсированном режиме, отличается ориентацией на отказ от радикальных экспериментов, склонностью к национальному примирению – порой за счет преодоления и сопротивления различных групп внутри собственной среды. Среди незападных обществ, сформировавших «свой» средний класс, целесообразно выделить компактные и культурно гомогенные социумы Дальнего Востока. Эти социумы, прежде всего Южная Корея и Тайвань, являют собой опыт успешной модернизации форсированного типа.

Схема развития подобных обществ воспроизводит – в исторически спрессованном виде – «классическую» траекторию развития Северо-Западной Европы. Формируется социальная структура, внешне похожая на западноевропейскую, и уже на этой основе происходит осовременивание/диверсификация политических систем. Постепенно появляются «очаги» оппозиции, недовольные режимом объединяются в политические партии,

⁷ Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N.Y., 2003.

частнокорпоративный сектор осторожно требует освободить свою деятельность от «опеки» государства.

Два небольших дальневосточных общества (при всем различии их исторического опыта) объединяют условия, которые облегчили социально-экономическую и, позже, политическую модернизацию. Условия эти таковы: относительная национальная/этническая однородность населения, препятствовавшая конфликтам на этнополитической основе; высокая адаптивность национальных систем производительных сил (опиравшаяся на достаточно высокий образовательно-культурный уровень населения) и позволявшая эффективно, «по-японски», овладевать современными технологиями и производственными процессами; активная этическая мотивация профессиональной деятельности, вытекавшая из цивилизационных традиций на Дальнем Востоке; структурирование межличностных отношений в духе конфуцианства; «дисциплинирующая» (хотя и крайне противоречивая) роль японского колониализма в довоенный период; наконец, геоэкономические и геополитические условия, которые облегчили реализацию данного «проекта». (Речь идет о заинтересованности США сохранить «дугу безопасности», направленную против Советского Союза и Китая, тянувшуюся от Малаккского пролива до Японского архипелага. В этом стратегическом замысле Южной Кореи и Тайваню отводилась стратегическая роль. Экономическим наполнением данной стратегии явилось «открытие» емкого американского внутреннего рынка не только Японии, но и Южной Кореи и Тайваню, что определенно ускорило экономический рост).

Порой складывается впечатление, что экономический рост «автоматически» трансформирует социальную структуру общества и конституирует средний класс. Однако пример предреволюционного Ирана со всей очевидностью показывает: даже форсированный экономический рост, но стимулирующий социальные контрасты, способен скорее привести к событиям, которые мы воочию наблюдали на Арабском Востоке в 2011-2012 гг. (а еще раньше – в самом Иране).

Процессы экономической модернизации основательно трансформировали социальную структуру Южной Кореи и Тайваня. Модернизация и формирование среднего класса в обоих обществах диктовались сложным соотношением внутренних и внешних факторов развития. Во-первых, стратегия форсированной модернизации была ответом на вызов Северной Кореи и континентального Китая (а имплицитно – и Японии, чья колониальная политика оставила глубокий след в исторической памяти двух государств). Во-вторых, модернизация и осовременивание социальной структуры общества мыслились как способ повышения витальности/жизнеспособности этих обществ, находящихся в непосредственной близости от таких стран-гигантов, как Китай и Япония. В-третьих, инициированная государством индустриализация стратегически рассматривалась как средство повышения уровня жизни населения и укрепления внутренних основ политической системы в сложной внутренней и геополитической/региональной ситуации.

Успехи экономической модернизации имели неизбежным следствием пересмотр взаимоотношений между государством и гражданским обществом (и средним классом как его несущей конструкцией). Кроме того, средний класс предполагал становление нации-государства. В этом плане дальневосточные общества своеобразно повторяли опыт Западной Европы. «Европа XIX века, - пишет английский автор Роджер Осборн, стала свидетелем появления национального государства (нации-государства – A.B.), аполитичной целостности, основанной на

общей культуре, этничности и лингвистической общности»⁸. Правда, подобные предварительные условия развития обществ в незападном мире встречаются далеко не часто. Небольшие по размерам общества Северо-Восточной Азии – это исключение, подтверждающее общее правило.

* * *

Помимо дальневосточных примеров, внимания заслуживает индийская модель экономики и формирования среднего класса, тем более что, по оценкам экспертов-социологов, индийский средний класс составляет порядка 300 млн. человек, т.е. два населения России.

Это социальное формирование составляет, однако, лишь четверть населения страны. Тем не менее его роль в жизни страны значительна. Политическое участие, которому столь большую роль придавал первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру, основательно трансформировало сельское общество, «размягчило» его социальную структуру, высвободило из-под власти инертности и пассивности. Участие в политике объективно приближало широкие слои населения к власти, стимулировало развитие гражданской культуры. Народ стал лучше понимать избирательный процесс и назначение современных политических технологий. Хотя в Индии экономическая составляющая формирования среднего класса пока, может быть, не выражена достаточно четко, социокультурная определяющая данного феномена уже получила определенное развитие.

Сейчас в индийском обществе сложилось широкое согласие относительно неразрывности политического участия и экономического прогресса, двух базовых предпосылок формирования среднего класса. Видимо, двумя условиями, способными облегчить дальнейшее развитие среднего класса в Индии могут стать: 1) ежегодный экономический рост порядка 7% и 2) передача все большей политической ответственности «вниз», к основанию социальной пирамиды. Именно на второй аспект развития социальной структуры страны обращает внимание лауреат Нобелевской премии по экономике Амартья Сен, поскольку это способствует преодолению разрыва между институтами государства и практиками хозяйственной деятельности. Создание среднего класса в сверхкрупной стране, полагает А.Сен, невозможно без высшего и среднего образования, базового здравоохранения, земельных реформ, создания «микрокредитов» для массовых слоев населения.

Политическое участие повышает социальную мобильность общества, нацеливает на уменьшение диспаритета доходов, оказывает влияние на профессиональную диверсификацию социальной структуры Индии. Так постепенно складывается гражданское общество и его основа – средний класс, необходимые для поддержания демократии.

Диверсификация общества отражается в полицентрической системе политического представительства в Индии, и на этом пути основную роль, на мой взгляд, играют три обстоятельства.

1. Усвоение элитой и социально активной частью населения идеи коалиционного политического управления страной. Расстановка сил в обществе становится более подвижной, и это обстоятельство повышает роль сознательного начала в моделях поведения граждан на выборах.

⁸ Osborne R. Of the People, by the People, A New History of Democracy. L., 2011, p. 253.

2. Происходит переход от популистско-плебисцитарных форм деятельности к руководству на основе социально-экономических программ, что становится нормой политического процесса.

3. Конверсии парламентской формы правления в президентскую препятствует сложносоставной (этнический, конфессиональный и т.п.) характер индийского общества.

Индийское общество, в отличие от дальневосточных, пока нельзя назвать «обществом среднего класса», поскольку в характерных классических образованиях такого рода данное формирование составляет от 2/3 до 4/5 самостоятельного населения. Однако стратегия развития страны ориентирована на создание подобной модели. Будущее покажет, оправдаются ли подобные планы.

Каковы же общественные характеристики индийского среднего класса? Здесь оценки расходятся, причем значительно. Есть оценка количественных параметров данной общности – приблизительно 300 миллионов человек, или четверть населения Индии. Однако академический анализ вносит существенные коррективы в бытующие представления. Так, западные авторы К.Мейер и Н.Бердзел полагают, что индийский средний класс состоит из двух подгрупп – «нижней» и «верхней», и его доходы, в пересчете на домохозяйство, составляют от 200 тыс. до 1 млн. рупий. С учетом паритетов покупательной способности рупии и доллара эта величина составляет от 8 до 40 ам. долларов в день.

Количественные параметры среднего класса с 2002 по 2010 г. возросли с 5,7 до 12,8 % от общего числа домохозяйств и составляют примерно 153 миллиона человек. Поэтому, согласно мнению этих авторов, Индию преждевременно рассматривать как общество среднего класса, даже в латиноамериканском понимании⁹. В индийской печати наличествуют и более оптимистические представления, согласно которым общая численность среднего класса в Индии составит от 250 до 267 миллионов человек¹⁰.

Относительно кастового состава среднего класса в Индии между исследователями нет расхождений: основу данной общности образуют высшие касты сословно-иерархического общества, в ряды которых, особенно в южных штатах, энергично вливаются «средние», землевладельческие касты.

* * *

Своими особенностями становления среднего класса обладает еще одна сверхкрупная страна и один из новых региональных лидеров – Индонезия. Экономическое возвышение Индонезии имеет сравнительно непродолжительную историю, тогда как на динамику развития социальной структуры этой страны в наибольшей степени повлияли три основных обстоятельства: островное положение страны (государство-архипелаг); военный переворот 30 сентября 1965 г.; производная геополитическая значимость Индонезии для США и их стратегических союзников в регионе АТР как ключевой страны Юго-Восточной Азии.

Республика Индонезия – четвертая после Китая, Индии и США страна мира по численности населения. В ней имел место довольно длительный период экономического роста, а значит и осовременивалась социальная структура общества – так, с 1971 г. по 1996 г. средневзвешенные темпы экономического роста составили внушительные 7,29%. Имела место и политическая «турбулентность», сопровождавшая финансово-экономический кризис 1997 года, последствием чего

⁹ Meyer Ch., Birdsall N. New Estimates of India's Middle Class (Mimeo). New Delhi, 2012.

¹⁰ «Economic Times», 06.02.2011.

стали процессы политической демократизации конца 90-х гг. – начала нынешнего века.

Однако – и это обстоятельство следует подчеркнуть особо – сам процесс развития страны-архипелага по-прежнему сохраняет серьезные социальные контрасты: около 53% населения все еще вынуждены существовать на менее чем 2 ам. доллара в день. Вторым серьезным вызовом становлению среднего класса остается, в силу географической разобщенности, недостаточное развитие инфраструктуры, за исключением района Джакарты и острова Бали.

Следует признать, что консервативный переворот 30 сентября 1965 г. положил начало превращению Индонезии в крупное региональное государство, имеющее интересы за пределами Юго-Восточной Азии. Стоит также согласиться с тем, что режим «нового порядка» (Orde Baru), возглавлявшийся до 1998 г. генералом Сухарто (1921-2008), проделал немалую работу по запуску механизма современного экономического роста, формированию современной (общеевропейской) политической и экономической элиты, преодолению (порой за счет силового подавления) сепаратистских тенденций, естественных для подобной территориально-политической дробности общества. После военного переворота 30 сентября 1965 г., унесшего, по некоторым оценкам, жизни нескольких сотен тысяч человек, пришедшие к власти силы во главе с генералом Сухарто осознали необходимость целенаправленного стимулирования экономического роста и развития, которые мыслились главными факторами упрочения единства и территориальной целостности государства-архипелага.

Индонезия с начала – середины 60-х годов прошлого века занимала центральное место в стратегии США в Юго-Восточной Азии. Во внешнеполитическом истеблишменте США было сделано заключение: внутриполитическое положение крупнейшей страны ЮВА можно наиболее эффективно стабилизировать за счет форсированного роста ее экономики. Выбор в пользу экспортноориентированного развития опирался на опыт Японии, Южной Кореи и Тайваня.

Не без рекомендаций американцев режим «нового порядка» в качестве стратегии развития страны принял экономическую политику, предполагавшую значительную открытость хозяйственной системы Индонезии мировому рынку. Согласно «доктрине Никсона» (1971 г.), предполагавшей приведение внешнеполитических обязательств США в соответствие с их экономическими и военно-техническими возможностями, особая роль в ЮВА и в Индонезии отныне отводилась Японии. Так, если в 1964-1973 гг. Токио предоставил Индонезии по программе «официальной помощи развитию» 1,055 млрд. долл. (в основном после военного переворота), то в 1987-1991 гг. японцы оказали этой стране экономическое содействие в размере 8,212 млрд. долл., т.е. 51% всей зарубежной помощи Джакарте.

Вскоре примеру японцев последовали Южная Корея и Тайвань. Так начала формироваться «индонезийская модель развития», в которой динамика социальной структуры (в т.ч. количественный и качественный рост среднего класса) в значительной степени зависела от внешних источников накопления. Таким образом, у индонезийской модели экономического роста и развития обнаружились две уязвимых черты: 1) зависимость от внешних источников финансирования (что с особой силой проявилось во время экономического кризиса в конце 90-х годов прошлого века) и 2) потенциальная неустойчивость в условиях мировой торговли, т.е. к колебаниям спроса на международных рынках. Оба эти обстоятельства делали

задачу модернизации социальной структуры общества и формирования среднего класса как ее несущей конструкции рискованной даже в среднесрочной перспективе.

Тем не менее выбор экспорториентации в качестве стратегии развития первоначально приносил Индонезии положительные изменения в структуре экономики (снижение доли сельского хозяйства в ВВП и увеличение доли промышленности). Однако этническая и культурная неоднородность населения, несформированность «государства развития» и его институтов (в отличие от стран Дальнего Востока) как важного условия сознательной и поступательной трансформации социума, неразвитость (в отличие от Индии) теории и практики государственного интервенционизма – все это препятствовало выходу страны на траекторию самоподдерживающегося роста, способного «подталкивать» становление современных институтов и сегментов социальной структуры.

Особенности организации индонезийского общества, а также просчеты в выборе модели управления социально-экономическими процессами в экстремальных обстоятельствах в конечном счете сказались на декомпозиции/демодернизации социальной структуры Индонезии в 1997-1998 гг., т.е. в период азиатского финансового и экономического кризиса. Демонтаж политического механизма «нового порядка» ускорил экономическую и политическую децентрализацию, поспешную и неоправданно далеко зашедшую. Вместе с тем кризис 1997-1998 гг. убедил правящий класс Индонезии в: 1) необходимости постановки долгосрочных целей развития и 2) безальтернативности расширения емкости внутреннего рынка как средства стимулирования экономического роста и модернизации социальной структуры общества.

Нынешнее руководство страны взяло курс на построение гражданского общества в Индонезии. Однако гражданское общество приобретает завершенные формы тогда, когда в стране ведущей силой развития становится средний класс. Средний класс становится главной силой общественной эволюции только под воздействием поступательного экономического роста и развития на промышленной основе, подчиняя законам своей жизнедеятельности все значимые социально-политические силы общества. В начале третьего тысячелетия перед Индонезией стоит триединая задача: обеспечение единства и территориальной целостности государства в процессе экономического роста/развития и целенаправленного развития среднего класса, гражданского общества и его институтов. Решение этой задачи было осложнено кризисом 1997-1998 гг. и его последствиями.

* * *

Нельзя сказать, что средний класс в незападных обществах – это искусственно сконструированное понятие и несуществующая социальная общность. Однако, рассуждая о среднем классе в этих регионах, необходимо иметь в виду несколько обстоятельств.

1. О более или менее сформировавшейся общности среднего класса можно, очевидно, говорить там, где в масштабах всего социума произошла промышленная революция, как это было в свое время на Западе. Более того, Уолт Ростоу «насчитал» семь индустриальных революций, или семь этапов становления промышленно развитого общества. За исключением небольшого территориального пространства Северо-Восточной Азии, где средний класс – уже историческая реальность, в остальной части незападных обществ речь идет о той или иной степени «продвинутой» этого процесса.

2. «Размораживание» социальной структуры, с особой силой проявившееся в странах Арабского Востока, не сопровождалось становлением среднего класса как самостоятельной социально-экономической и политической силы в незападных обществах. Видимо, исследователям еще какое-то время придется пользоваться аморфным, но более точным понятием «средние слои городского общества», введенным в научный оборот в начале 70-х годов прошлого века.

3. Особое место в системе восточных обществ занимают сверхкрупные страны, такие как Индия. Это – общества неравновесного поляризованного типа развития, в которых средний класс («скроенный» по-своему, по-индийски) сосуществует с обширными массивами до- и раннеиндустриальных структур, тогда как общий результат эволюции подобных обществ пока не ясен. Единственное, что можно уверенно утверждать, – это необходимость для таких обществ расширения платежеспособного спроса населения, которое может превратить средний класс в наиболее влиятельную силу индийского да и любого незападного общества.

Повторю: перспективы восстановления мировой экономики, как пронизательно подметил Анатолий Калецки, в конечном счете зависят от экономического и социально-политического конституирования среднего класса в развивающихся странах. Ибо обширная незападная (в широком смысле) ойкумена представляет чрезвычайно важный ресурс мирового хозяйства.

Е.А. Брагина

ТЕНЕВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ЭКОНОМИКЕ СТРАН ЮГА КАК ВЫЗОВ РАЗВИТИЮ

В теперь уже далеком 1974 г. была издана книга, подготовленная коллективом сотрудников ИМЭМО, посвященная новому направлению в общественной науке – развивающимся странам, Development Studies¹⁷¹. Некоторые обоснованные в ней позиции актуальны сегодня, хотя авторы работали в условиях принятых тогда теоретических ограничений, не имели широкого доступа к новейшей зарубежной научной литературе, не говоря об Интернете и всём том, что предлагают современные ИТ.

Если перечитать эту монографию, то нельзя не видеть, что ряд предложенных тогда позиций обострились в условиях глобализации. Намного сложнее стала дифференциация стран, их связи и противоречия, отражающие неравномерности в развитии мирового хозяйства. Многоуровневая мировая система более подвержена колебаниям, в том числе из-за мобильности и массовости финансовых потоков, повысилось значение мирового рынка труда со сложным пересечением миграционных потоков. Обобщающая категория «третий мир» (А.Сови, 1952 г.), широко принятая в науке и особенно в публицистике, ныне мало применима к тому разнообразию экономических, социальных и политических условий, которые характеризуют страны Азиатского, Африканского и Латиноамериканского континентов. Соотношение сил в мире находится в постоянном движении, возникают новые объединения, центры влияния, как например, БРИКС.

¹⁷¹ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. Издательство «Мысль». 1974

Объективная закономерности «серой занятости».¹⁷² Логично, что в указанной выше книге значительное место было уделено безработице в развивающихся странах. Эта «вечнозеленая» тема, рассматривалась коллегами, прежде всего в связи с растущей маргинализацией населения, особенно в городах, где её проявления были особенно очевидны. Проблема со временем стала изучаться в более широком контексте – взаимосвязи демографических сдвигов, урбанизации, изменений аграрной периферии, выявивших количественный рост незанятого/частично занятого сельского населения. Хла Минт, известный специалист по проблемам стран Юга, подчеркивал, что «скрытая безработица, осуждавшаяся экономистами в 50-х годах, должна быть ныне переоценена как важный элемент традиционной социальной поддержки»¹⁷³. Тесная связь безработицы во всех её формах, урбанизации и традиции отмечена французским исследователем Полем Азамом на примере Тропической Африки. «Обычная сельская большая семья принимает решение, кто из её членов уйдет в город, чтобы поддержать сородичей, пересылая часть заработка в деревню»¹⁷⁴. Взрывной рост численности населения в странах Азии и Африки сделал проблему занятости глобальной, усилив связи между странами разного уровня развития через нарастающие миграционные процессы в мировом хозяйстве.

Сложилось новое разделение на международном рынке труда, на котором одновременно переплетаются спрос и предложение разных категорий рабочей силы – квалифицированной, полуквалифицированной, неквалифицированной претендующих на разные типы занятости и оплату своего труда. За исключением первой группы, мировой рынок труда постоянно перегружен со стороны предложения рабочей силы, эмигрирующей из стран Юга. Происходит подпитка её притока из-за продолжающегося роста населения в этих странах.

По расчетам В.А. Мельянцова, в развитых странах с 1500г. по 2010г. доля занятых в развитых экономиках сократилась с 20% до 15.3% общего показателя, в развивающихся, соответственно, выросла на ту же величину. На долю последних ныне приходится 84.7% мировой занятости¹⁷⁵. На примере Индии В.Г. Растяников сравнивает давление населения на природные ресурсы с демографической бомбой¹⁷⁶. Коренные сдвиги прогнозируются в соотношении численности населения в 10 ныне самых многонаселенных странах к 2100 г. В 2010г. в их числе были три экономически развитых страны – Россия, США, Япония, остальные семь позиций занимали страны Юга. К началу следующего столетия в этой десятке из ныне развитых экономик останутся только США (в основном за счет иммиграции), заняв четвертое место. Первую тройку составят Индия, 1551 млн., КНР 941 млн. и Нигерия, 730 млн. человек. Это принципиально отличается от индустриализации в странах Европы, в ходе которой урбанизация, питалась миграцией дешевой рабочей силы из деревни, востребованной растущей промышленностью. Между этими процессами была тесная взаимосвязь. Нов современных условиях высокие темпы роста населения в странах Юга совпали во времени с падением трудоемкости производств в развитых экономиках.

Имитационная модель развития с упором на индустриализацию, в той или иной мере привлекала многие страны Юга, хотя на практике лишь немногие, прежде

¹⁷² Термины «серая занятость», как и обобщенная термин «серая экономика» предполагают их некриминальное нецензурное содержание.

¹⁷³ Frontiers of Development Economics. New York. 2001 P.524.

¹⁷⁴ WIDER ANGLE. №1, 2007. P.5.

¹⁷⁵ Мельянцев В.А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М., ИД «Ключ-С» 2013. С.16.

¹⁷⁶ Растяников В.Г. Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста. М. 2010. С. 97.

всего новые индустриальные страны, смогли её реализовать. Одной из её сильных сторон была реальная возможность повышения промышленной занятости, но на современном этапе капиталоемкого производства она способна дать лишь частичный эффект занятости. Само понятие занятости на современном этапе расширилось за счет социального и политического компонентов, поскольку связка «занятость – доход» не исчерпывает её содержания. Хотя это соотношение в наибольшей степени верно для развивающихся экономик, но и в этой группе оно постепенно дополняется возможностью преодоления социального напряжения, появления социальных лифтов и, более широко, политическими правами. При всех условиях производительная занятость, если не большинства, то значительной части трудоспособного населения остается неперенным условием экономического благополучия страны.

В немалой мере стремление развить национальную промышленность связано с надеждами повысить занятость. Обычно 1% промышленного роста увеличивает занятость на 0,3 – 0,7%, но это на ранних стадиях индустриализации. По мере возрастания капиталоемкости современной индустрии спрос на живой труд неизбежно сокращается. Поэтому в среднесрочной перспективе в Азии, в долгосрочной в Африке неизбежно будет нарастать давление на рынок труда. Индустриализация и расширение экспорта, которые стремятся проводить многие страны Юга, требуют обученных кадров, вытесняя с рынка труда неквалифицированную рабочую силу. Создание новых рабочих мест связано с крупными инвестициями. Средняя стоимость современного рабочего места в обрабатывающей промышленности составляет примерно 40 тыс.долл., в машиностроении может достигать до 100 тысяч. Трудно представить, например, что поставленная в 12-м пятилетнем плане правительством Индии задача создать 50 млн. рабочих мест за пределами аграрного сектора, будет выполнена¹⁷⁷.

Наличие в экономике развивающихся стран постоянной армии занятых, но не учитываемых государственной статистикой людей, не привлекало особого внимания исследователей. Причинами были трудности получения такой информации, несопоставимость показателей по годам. До сих пор сведения о «серой занятости» примерны, чаще всего оценочны. На ранних этапах изучения проблем стран Юга были предположения, что по мере экономического роста будет формироваться предложение ценовых рабочих мест и за ним подтянется неформальный сектор. Показательна точка зрения американского экономиста У.Истерли относительно занятости в неформальном секторе: «чем больше потогонных предприятий, тем лучше, будет расти спрос на рабочие руки и поднимется заработная плата»¹⁷⁸. Однако на практике такой закономерности в условиях переполнения рынка труда со стороны предложения, как в странах Юга, не просматривается.

Определение неформальной занятости. Неформальная занятость в развивающихся странах на базе накопления статистических данных, была признана устойчивой чертой их экономики. Как правило, из оценок официальной и неофициальной занятости исключены незаконные виды, торговля наркотиками, оружием, людьми и другой совмещенный с этим криминал. Более того, публикации международных организаций и ряда исследователей выявили связь численности этой категории с государственными институтами. Чем они слабее, тем шире и устойчивей позиции неформальной занятости. Этот подход позволил оценить роль государства в странах Юга на современном этапе в условиях сосуществования

¹⁷⁷ The 12-th Five Year Plan. An Overview. Delhi.2012. P.35..

¹⁷⁸ The New York Times. July 31,2006.

слабых рыночных механизмов и государства с традиционными структурами. Результатом стало своеобразное явление – государства, не способные выполнять свои функции. Для них типична эрозия государственных институтов, тотальное воровство и взяточничество, нерыночное поведение чиновничьего аппарата, когда само государство становится теневым, «формальный фасад политической власти базируется на неформальных рынках»¹⁷⁹. На примере стран Африки южнее Сахары Э. Лебедева обобщает эту группу как феномен хрупких, гибнущих, несостоявшихся (fragile, failing, failed) государств¹⁸⁰.

В отличие от безработицы, для которой есть принятое определение МОТ, неформальная занятость длительное время его не имела, равно как и количественных оценок этого явления. Всемирный банк в 2003 г. отметил, что в состав рабочей силы от 15 до 64 лет не включены занятые в домашнем хозяйстве и другие неоплачиваемые категории, а также работники неформального сектора. Такой подход оставляет вне учета самые массовые типы неофициальной занятости, по численности многократно превышавшие цензовую. Неточность показателей связана также с трудностями регистрации лиц, которые могут быть причислены к этой категории. Мигранты часто перемещаются в поисках работы, не всегда имеют удостоверения личности и скрываются от местных властей. Ещё сложнее участь нелегальных иммигрантов.

По мере увеличения обзоров и обследований, проводимых в разных странах Юга, определялись характеристики участников этого сегмента экономики. Помимо отсутствия учета, как основного критерия «серой» (невидимой) занятости, ей присущи следующие черты: произвол в найме и увольнении работника, крайне низкая и нерегулярная оплата труда, редкость письменных контрактов (приоритет устных договоренностей, не имеющих юридической силы), полная власть собственника (земли, орудий труда, средств производства) в отношении продолжительности рабочего времени и условий труда, отсутствие (ограниченность) социальных льгот. Основной трудовой мотивацией работника в условиях постоянной нехватки рабочих мест в серой занятости выступает, в точном соответствии с пирамидой А.Маслоу, удовлетворение первичных потребностей в элементарных средствах существования, выживание работника и его семьи. Определилась прямая связь «серой занятости», как и безработицы, с демографическим взрывом в развивающихся странах и миграционными перемещениями сельского населения в города. Низкий уровень профессиональной подготовки также привязывает людей к неформальному сектору. Меняется характер спроса современного производства, ставящего на первый план квалификацию и профессионализм, не свойственные традиционной «серой экономике».

В разных масштабах и формах проблемы «серой занятости», как и безработицы, затрагивают все группы стран. В России обострилась нехватка работников, что связано с накопившимися потерями в неконтролируемой экономике страны. Её масштабы глава Росстата А.Суринов определил 16% ВВП. В 2011 г. на неформальных предприятиях работали и получали неофициальную заработную плату, не внося налогов в государственный бюджет, примерно 13 млн. человек, составляющие 17-18% экономически активного населения. По его мнению, эти показатели будут расти¹⁸¹.

В апреле 2013 г. вице-премьер правительства России Ольга Голодец, выступая на X1V конференции по экономическому и социальному развитию,

¹⁷⁹ Global Governance.V.10.№ 4.December 2004. P.428.

¹⁸⁰ См. Мировая экономика и международные отношения.2013. № 7, С.59.

¹⁸¹ Финансовые Известия 7апреля 2011.

сообщила, что в народном хозяйстве страны 38 млн. человек из 86 млн. трудоспособного населения официально нигде не работают, соответственно, не платят налогов, не вносят социальных выплат в бюджет. Эти показатели вызвали сомнения, так как по данным Росстата, экономически активное население России составляло на январь 2013 г. 75,2 млн. человек, из них 4,5 млн. безработных. Численность «серой занятости» не указана, такой рубрики в публикациях Росстата нет. (В некоторых странах начинают учитывать тех, кто трудоспособен, но не работает по разным причинам и не ищет работу). Преподаватели ВШЭ привели другие показатели – неформальная занятость на российском рынке труда составляет 24-26%, (17-18 млн. человек). Есть и другие оценки для России – неформальная занятость занимает 30% рынка труда (22 млн. человек)¹⁸².

Разброс может свидетельствовать о разных методиках подсчетов и трудностях в сборе первичных данных. Владельцы предприятий, использующих неформальный труд (а их число очень велико), скрывают достоверные цифры. Эта черта присуща всем группам стран, независимо от уровня их развития.

К тому же сфера «серого» труда не статична, подвержена резким сдвигам под влиянием изменений в государственной политике. После того как Пенсионный фонд России с января 2013 г. вдвое повысил обязательные взносы для самозанятого населения, прекратили существование свыше 300 тысяч индивидуальных предпринимателей и малых предприятий. Позднее этот показатель вырос до 500 тысяч человек. Поскольку найти другую занятость за короткий срок сложно, незанятость сразу увеличилась за счет ухода в тень многих работников закрывшихся предприятий¹⁸³. Проблема неофициальной занятости, её отраслевое и территориальное размещение связаны также с государственной иммиграционной и миграционной политикой.

В мире в разных масштабах по тем или иным странам, но с обязательными негативными последствиями быстро формируется своего рода «ненужное поколение» - в отличие от «потерянного поколения», людей, потрясенных ужасами первой мировой войны. В странах еврозоны с хорошо поставленной статистикой Евростат отмечает быстрый, даже скачкообразный рост безработицы среди молодежи в возрасте до 25 лет. Например, с марта 2010 г по март 2013 г. в Португалии и Италии – с 27 до 38%, Словении – с 13 до 24%, Испании с 41 до 56% этой возрастной группы¹⁸⁴.

Своего рода реакцией на современную массовую безработицу, неопределенность будущего, невозможность найти свое место в жизни стало, по мнению экспертов ОЭСР, формирование группы NEETS, молодых людей, не работающих, не учащихся, не получающих профессиональной подготовки (No employment, education, training). По оценке Всемирного банка, к этой категории «неактивных» (inactivity), в мире относятся порядка 260 млн. человек (цифра явно занижена, если учесть трудности учета в Азии и Африке). В 2012 г. безработные и NEETS составили в общей численности молодежи значительную долю: Южная Азия – 31,1%; Субсахарская Африка – 21,6, Ближний Восток и Северная Африка – 40,6%; Латинская Америка – 23,2%, ОЭСР – 15,2%¹⁸⁵. На основе обследований домохозяйств также отмечено, что для этой категории формально не занятых людей характерны неоплачиваемый семейный труд, случайные заработки, как правило, за пределами ценовой экономики.

¹⁸² Ведомости. 4 апреля 2013.

¹⁸³ Ведомости. 4 апреля 2013. Ведомости. 2 августа 2013.

¹⁸⁴ Профиль. № 20/27.05.13 С.31.

¹⁸⁵ The Economist. 27.04.2013. P. 49.

Начиная с конца 70-х годов прошлого века постоянная массовая теневая занятость получает признание в науке, фигурирует в документах правительств стран Юга, но в отличие от безработицы, обобщающие показатели её численности в абсолютном выражении довольно редки. Есть ссылки на долю нецензово́й занятости в общей занятости, но они, как правило, не точны. В Индии, например, к этой категории относят в одном источнике 90% всей занятости, в другом 93%, вполне допустимая погрешность. СН. В ценовом секторе Демократической республики Конго занято 3 – 5% всей рабочей силы. Положительным примером стала публикация в 2012 г. статистики труда и занятости в Бангладеш под эгидой Азиатского банка развития, в которой приведены показатели на основе материалов 2010 г. Неформальная занятость в стране достигла 87% рабочей силы, в абсолютном выражении 48248 тыс.человек, ценовых работников было 6241 млн. человек¹⁸⁶. Разрыв по численности почти в восемь раз в пользу нецензового сектора свидетельствует о решающей роли теневой занятости на рынке труда Бангладеш.

Общепринятого критерия, кого считать незанятым, в отличие от безработного, который зарегистрирован в соответствующих службах, обнаружить не удалось. Трудно классифицировать в странах Юга, например, армию уличных торговцев, разносчиков, бесчисленных людей, предлагающих услуги гидов в туристических центрах, дежурящих у гостиниц, чтобы поднести вещи, зазывал возле магазинов и на рынках, кочующих по ярмаркам и местным праздникам в поисках случайной занятости и т.п.

Неясно, к какой категории отнести многочисленных участников контрабандных операций с легальными товарами. В некоторых случаях развести легальную/нелегальную занятость трудно, товары произведены легально, но их доставка и продажа полностью или частично происходит по нелегальным каналам. Знаменитые "кровавые" алмазы Анголы, пройдя сложный путь от их добытчика-нелегала, которому повезло и его не убили, до европейского рынка, олицетворенного Амстердамом, центром их обработки), в конечном счете легализуются. В этой сфере, кроме постоянной опасности, мало, что меняется. От красавицы Кармен, загадочной девушки в лермонтовской Тамани, жесткого ритма стихов Р.Киплинга всё о тех же контрабандистах-джентльменах, которых лучше не видеть, как и их черноморских ночных собратьев Э. Багрицкого, мачо Гарри Моргана, погибшего за попытку "иметь", до наших дней обновилась номенклатура контрабанды, хотя риск и возможность обогащения остались.

Плохо охраняемые границы и тотальная коррупция, типичные для большинства стран Юга, привлекают в этот бизнес тысячи людей. Например, между Индией и Непалом нелегальный товарооборот достигает 40%, Индией и Бутаном треть, Бангладеш 30-40%, Шри Ланкой неофициальный в три раза больше официального. Постоянно между этими странами нелегально перемещаются крупные партии легальных товаров, в том числе минеральные удобрения, продукты питания, кожаные изделия, обувь, электроника, игрушки и т.д.¹⁸⁷. Разнообразие контрабандных товаров позволяет предположить постоянное участие в этом процессе таможенных чиновников, полицейских и множества низовых исполнителей, полностью нигде официально не работающих и вряд ли учтенных как безработные. Во многих странах, особенно в Африке южнее Сахары, границу между «серой», не учитываемой занятостью в производстве легальных товаров, услуг, и «черной» (преступной) занятостью провести трудно.

¹⁸⁶ The Informal Sector and Informal Employment in Bangladesh. 2012.P. 23.

¹⁸⁷ Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеж веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М., 2013. СС.365,369,371.

Проблема легальности/нелегальности в контрабанде занимал значительное место в работе международной конференции 1988 г. «Параллельные рынки в развивающихся странах». Отмечалось, что соотношения меняются за счет легальной продажи части товаров, доставленных по нелегальным каналам, с целью получения официального статуса. Такая тактика снижает риск задержания контрабандиста, она же применяется для уклонения от ценового контроля. Преимущества контрабанды в том, что издержки торговца (риски, штрафы, взятки) ниже издержек на государственном регулируемом рынке. В такой специфической сфере, как контрабанда, очевидна связь политики государства с неформальной занятостью.

Постоянное наличие «серой занятости» стало объективным следствием хронической нехватки официальных рабочих мест. Поиск работы вне ценовых предприятий – не только объективная необходимость в сложившейся структуре стран афро-азиатского региона, но и долгосрочная перспектива. В конце 60-х годов XX века получили признание работы английского этнографа К.Харта, изучавшего массовую городскую незанятость в столице Ганы Аккре. Для её обозначения он использовал категорию неформальный сектор, которая обрела популярность в публикациях МОТ на ту же тему по материалам городов афро-азиатского ареала и Латинской Америки. Миссии МОТ констатировали здесь обширные слои населения, не имеющих постоянных, официально фиксируемых рабочих мест и доходов или же нерегулярную, недокументированную занятость с крайне низкой оплатой, в том числе в натуральной форме. В первую очередь речь шла об обитателях городских окраин, трущоб, поскольку в городах скрытая сельская незанятость, прежде камуфлируемая большой семьей, общиной, родственными и клановыми связями, становится открытой.

Проведенные обзоры в сельских районах показали и там существование многочисленной группы населения без постоянной или временной работы по официальному найму с фиксированным временем и оплатой. Для них характерны постоянное воспроизводство незанятости, случайные подработки с низкой оплатой. Состояние незанятости, и, как следствие, нужды, может быть хроническим, подчас переходящим из поколения в поколение. Миграция в города в поисках любой работы становилась объективной необходимостью. "Сельская беднота в Бразилии, Китае, Индии, многих африканских странах направляется в города, но только незначительная её часть находит работу в формальном секторе"¹⁸⁸.

Работы МОТ подвели к двум противоречивым по сути выводам о роли неформальной занятости. Во-первых, скрытая (нерегистрируемая) занятость в развивающихся странах представляет основной и в большинстве случаев единственно доступный источник средств существования (дохода, каким бы малым он не был) для миллионов людей, в том числе в аграрном секторе. Сельскохозяйственные рабочие представляют сегмент неформального труда. Такие занятость и доход прямо влияют на величину внутреннего потребительского спроса и экономику в целом, образуя гигантский внутренний рынок с ограниченной номенклатурой спроса. Во-вторых, этот слой населения не платит налоги, снижая тем самым объем государственных финансовых ресурсов (поступления в бюджет).

Термин «неформальный сектор» как определенный сегмент, в котором в развивающихся странах без официальной регистрации работают миллионы людей, кристаллизовался и получил наибольшее распространение. Его существование признано в развитых, переходных и развивающихся экономиках, в том числе в связи с растущим использованием труда нелегальных иммигрантов. В

¹⁸⁸ Frontiers of Development Economics. New York. 2001. P. 242.

исследовательской литературе для него приняты также следующие определения: скрытый, параллельный, серый, неофициальный, нецензовый, неорганизованный, нерегистрируемый сектор (рынок, труд, занятость, экономика). В российской статистике применяется также термин «ненаблюдаемая экономика» (занятость).

Неформальные предприятия. Исследование неформального труда, как определенного феномена, распространяется на предприятия, что было важно для понимания взаимодействия формального/неформального секторов. В одной из немногих недавних публикаций, целиком посвященной неформальному сектору Индии, есть определение такого предприятия: «Неформальный сектор состоит из некорпоративных частных предприятий, собственниками которых являются индивидуальные лица или домохозяйства, занятые производством и продажей товаров и услуг с числом работников менее десяти» (р.3). Отсутствие регистрации типично для таких предприятий. На опыте Индонезии Клиффорд Герц использовал наглядные обозначения - "тип – базар" для неформального предприятия и "тип – фирма" для статистически учитываемого. К.Харт обоснованно предположил, что в странах Азии и Африки все типы неформальности надо рассматривать как неотъемлемую часть экономики и рынка труда в целом. Эта позиция стала общепринятой.

В неформальной экономике сложился, как её неотъемлемый сегмент, известный с незапамятных времен во всех странах, осуждаемый официальным законодательством, но при этом прославленный в литературе: ростовщичество. Его наличие в странах Юга широко признано, оно составляет часть неформального сектора и свидетельствует, что финансовая система в целом, банковская в первую очередь, не справляется со своими обязанностями. Мировой банк признал, что в этих странах современными банковскими системами пользуются от 5 до 40% населения. В 12-м пятилетнем плане Индии отмечено, что для более 40% домохозяйств страны не доступны услуги банков. Сказывается не только бедность основных слоев населения, низкая грамотность, но и недоверие к банкам. Неформальный сектор – это поле активности адекватной ему нелегальной финансовой системы. Как точно подмечено в одном из обследований, ростовщики вездесущи. Они в курсе всех дел в деревне, небольшом городе, на окраине мегаполиса, говорят на понятном языке, доступны в любое время. Ростовщики представляют самую устойчивую группу неформального кредитования, в Индии на их долю приходится, например, порядка 30% всех заемных сумм. Размеры кредитов в сельских районах невелики, большая их часть не превышает 250 рупий, минимальная ставка 3% в месяц¹⁸⁹. Встречаются сведения, что в странах Африки южнее Сахары процент может достигать до 10-20% в день. Непогашение кредита в срок приводит, как правило, к повышению процента, тоже самое происходит в случае обращения за крупным займом на длительный срок. Долги передаются по наследству.

Задолженность по кредиту стала одной из важных причин ухода из деревни в город на заработки, чтобы помочь семье расплатиться. Особенность неформального кредитования в том, что в этом сегменте действуют самые разнообразные агенты – торговцы, торговые посредники, более зажиточные сельские и городские жители, друзья, соседи. Как правило, долговые обязательства возникают в пределах одной и той же деревни, редко сопровождаются письменным договором, тем более заверенным нотариусом или местным судьёй, бюрократическая процедура сведена к минимуму и это одновременно сильная и слабая сторона таких взаимоотношений.

¹⁸⁹ EADI. V.20, № 3. September 2008. P.515.

Ростовщики привлекают заёмщиков гибкостью условий займа. Возврат долга может быть назначен после получения урожая, продажи товара и т.п. Не всегда требуется залог. Издержки на транзакциях здесь невелики, отсутствуют расходы на рекламу. Кстати, эти преимущества свойственны и «самозанятым», мельчайшим неформальным предприятиям при всей условности применения к ним такого определения - двое-трое занятых, не всегда с регулярной оплатой. Эти квази-предприятия быстро возникают и также быстро разоряются, формируя классический рынок совершенной конкуренции. Можно согласиться с термином «атомистический» использованный для характеристики неформального сектора российскими исследователями А.Володиным и Г.Широковым¹⁹⁰. Основу отношений между кредитором и заёмщиком в этом секторе составляет доверие, невозврат долга может означать осуждение окружающих, потерю лица.

Заслуживает внимания, что с 80-х годов XX века в странах Юга начало быстро развиваться микрокредитование на основе солидарной ответственности группы людей, по сути возрождение в современных условиях правил общины. Самым ярким примером стал Банк Грамин, организованный Мохаммадом Юнусом в Бангладеш и в короткие сроки получивший признание, особенно в странах Азии. В основе его активности – предоставление небольших сумм под низкий процент ограниченным группам людей, которые несут ответственность за своевременное погашение кредита, получая в этом случае право на увеличение следующего займа. Упрощенная процедура оформления кредита делает её реальным конкурентом ростовщических операций. Тем не менее сам характер неформального сектора и его масштабы в развивающихся экономиках позволяют предположить, что ростовщик, этот банкир бедноты, ещё долго будет постоянной фигурой экономического пейзажа в странах Юга.

Типы неформальной занятости. Предложение рабочей силы на рынке труда в странах Юга по количеству избыточно, по качеству не соответствует спросу. Невостребованное городское и деревенское население можно обозначить как люмпенов, маргиналов, аутсайдеров по отношению к секторам официально регистрируемой занятости. В совокупности они формируют специфический подвижный, текучий, постоянно количественно пополняемый сегмент национального рынка труда, слабо отраженный или не отраженный в официальной статистике. Его акторы в большинстве имеют ограниченную профессиональную и подготовку, а в группе наименее развитых стран Африки подчас лишь начальную грамотность.

Это означает массовое предложение прежде всего однотипного живого труда низкой квалификации с навыками сельскохозяйственного труда, спрос на который в силу объективных условий сокращается. Быстрое распространение мобильной связи способствует миграции, а главное, несколько снижает власть вербовщиков и посредников в устройстве на работу, что в большинстве случаев заканчивается обманом и отъемом последних грошей у мигрантов. Кстати, мобильная связь, достижение XX1 века быстро завоевала признание на обширной сельской и городской периферии, где нет централизованного водоснабжения, канализации, часто электричества. Может быть, это и есть постмодернизм?

Исследование, проведенное международным агентством Man Power Group в 2012 г., показало нехватку во всём мире квалифицированных инженерно-технических кадров и рабочих с высоким уровнем подготовки для использования современной техники. Разница в том, что высокоразвитая Япония предъявляет слишком высокие (по мнению агентства) требования к потенциальным работникам, а

¹⁹⁰ Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начало, перспективы. М., 2002. С. 175.

Индия и Бразилия, решающие одновременно проблемы индустриализации и модернизации, готовят кадры, лишь частично отвечающие новым требованиям.

Продавец труда на неформальном рынке с устойчивым перевесом предложения, и соответственно, постоянно высокой конкуренцией, изначально неравноправен в своих отношениях с покупателем, к тому же он не защищен законом. Для участников такого рынка со стороны предложения слабо действует или не действует важнейший рыночный механизм – свобода выбора сферы приложения своего труда. Объективные условия вынуждают соглашаться на любую работу, поиск которой концентрируется в теневых производствах и примитивных услугах, не требующих знаний, современных навыков и умения. Постоянное избыточное предложение на рынках труда в странах Юга в целом приводит к консервации трудоемких производств и в формальном секторе. Это одна из причин низкой (в пять – восемь раз по сравнению с развитыми странами) производительности труда, что в конечном счете нивелирует преимущества, связанные с дешевизной местной рабочей силы. Этот тренд будет нарастать, в том числе в третичном секторе, который по доле в ВВП растет обгоняющими темпами.

Основные сферы приложения неформального труда достаточно однообразны – уборка городских улиц, строительство, уличная торговля, примитивные виды обслуживания, в том числе домашние услуги. МОТ считает, что в развивающихся странах в качестве домашней прислуги занято от 3.5 до 12% всего работающего населения (в развитых экономиках – не более одного процента). Они, как и миллионы других, не имеющих работы, аутсайдеры по отношению к организованному рынку труда.

В этой связи актуальны результаты обзора городской занятости в Индии за 2009/10 г., в котором рассмотрена такая специфическая трудовая ниша как домашние услуги. В Индии в ней, по приблизительным оценкам, занято 10.4 млн. человек, примерно 2,7% всей занятости в стране. Эта сфера никак не регулируется и крайне редко находит отражение в официальных документах. Спрос на этот труд растет по мере повышения доходов того слоя населения, который можно обозначить как городской средний класс. В первую очередь это относится к таким быстро развивающимся современным городам как, например, Бангалор и Шенной. Зарплата домашней прислуги, прежде всего женщин, в городах колеблется от 4 до 10 тысяч рупий (18-73 долл.) в месяц с проживанием в обслуживаемом доме, 12 часовым рабочим днем 6 дней в неделю. Эта занятость часто сопряжена с унижениями и сексуальным насилием. В ходе опросов этой категории занятых выяснилось, что многие женщины работают не только для того, чтобы прокормить семью, но стремятся накопить средства на оплату обучения детей, надеясь помочь им выбиться из нищеты. Это ещё одно подтверждение, насколько важное место занимает образование в приоритетах индийского населения¹⁹¹.

Просматривается определенное сходство «серой занятости» во всех группах стран с той разницей, что в развитых экономиках в этих отраслях заняты прежде всего иммигранты. Отличие в том, что в развивающихся странах неформальный рынок труда отличается большими масштабами и, что важно, вход на этот рынок относительно прост. Г.К.Широков считал, что в этой группе сложились "два не вполне связанных между собой рынка труда"¹⁹². Но перемещение между ними не только возможно, но и постоянно, что четко проявляется в периоды экономических и социальных потрясений, увольнений в организованном секторе, вынужденного перехода его акторов в тень.

¹⁹¹ The Economist. December 22, 2012. P.79.

¹⁹² Широков Г.К. Восток:панорама новейшего времени.М., 2003. С. 453.

Принятие правительствами стран Юга ряда трудовых норм МОТ, формально было шагом вперед, но не могло в корне изменить положение занятых в теневой сфере. Давление избыточного труда позволяло нанимателю диктовать свои условия работнику. Слабые профсоюзы в странах Юга ограничены в своей защите интересов работников ценовых предприятиях, не говоря о теневых. Среди них высока доля нелегальных иммигрантов, пользующихся прозрачностью границ, беззащитных против произвола властей и хозяев предприятий. Растущую угрозу их наплыва из Бангладеш отмечают индийские правительственные чиновники.

Основной трудовой контингент неформальной занятости составляют прежде всего мужчины, преимущественно от 16 до 50 лет, но жестких возрастных ограничений нет. Всё определяется физической выносливостью и мобильностью, готовностью к любой работе, какой бы тяжелой и неприятной она не была. К ней в полной мере относятся так называемые «3D», как характеризуется работа для неквалифицированных иммигрантов в странах Запада (dirty, dangerous, difficult).

«Серый» рынок труда быстро расширяется за счет участия женщин, особенно в таких многонаселенных странах как Индия, Бангладеш, Пакистан, государства Африки южнее Сахары. На неквалифицированных дорожных, строительных работах женщины из-за крайней дешевизны их труда конкурируют с мужчинами за вспомогательную занятость. Обычно это поденный труд, не защищенный контрактами, чаще всего на основе устной договоренности. Доля женщин, особенно в странах Африки, высока в мелкой розничной торговле, но эта занятость представлена в статистикой очень неполно. Характерная черта рынка труда афро-азиатского региона – незаконная занятость детей, которая не учитывается, представляя часть того, что обозначается в исследованиях как «невидимый труд» (Invisible labor).

Статистические органы стран Юга неполно фиксируют ещё один тип неформальной занятости – работа на дому с участием как мужчин, так и женщин, совмещающих домашние хлопоты с изготовлением разного рода кустарной и ремесленной продукции. Это своего рода народное искусство с богатейшими историческими, культурными традициями стран Азии и Африки. Фольклорные мотивы популярны, в такой продукции заинтересован местный туристический бизнес, часть её успешно экспортируется, правда, для продажи она превращается в новодел. Занятые в этой сфере выполняют на дому заказы посредников, скупщиков, торговцев на определенные виды и количество изделий, получая от них исходные материалы, в ряде случаев орудия труда и дизайн изделий. Большинство её производителей напрямую не связаны с рынком, вынужденно довольствуясь ничтожной оплатой. Только некоторые, видимо, наиболее активные из них, рискуют самостоятельно заняться сбытом. Индийские социологи С.Маржит и С.Кар так характеризуют эту занятость: «в сельском бизнесе чрезвычайно велик неформальный/неорганизованный элемент и реализуется на основе высокого уровня доверия. Самым распространенным являются продажи на местном рынке «от двери к двери»»¹⁹³. Это близко к коробейникам, ходившим с товаром по деревням в старой России.

Распространены разные формы сбыта - продажи местному торговцу по предварительной (главным образом, устной) договоренности, обращение к посреднику, сбыт через кооператив. Опросы показали, что большинство занятых в этой сфере женщин не считают себя работающими, поскольку их основное время поглощают домашние заботы. Кустари и ремесленники, основные работники, как правило, не имеют официальной регистрации, скорее, избегают её, чтобы не

¹⁹³ Marjit S, Kar S. The Outsidersю New- Delhi 2011. P.117.

платить налоги, поскольку их доходы неустойчивы, зависят от перекупщиков, вынуждены соглашаться на минимальную оплату, поскольку других источников средств может не быть.

Разнородные составляющие в совокупности образуют массовую нерегистрируемую занятость, реальный, но невидимый с точки зрения учета труд, вносящий значительный, но трудно оцениваемый вклад в ВВП страны. Это гигантский рынок труда со своими законами, особенностями найма и оплаты, бесправием занятых на нём работников и произволом нанимателей. Но объективно этот «неправильный», ущербный рынок держит крупные массивы населения на плаву, давая скудные средства существования миллионам людей.

Приходится констатировать, что в современных условиях стран Юга, особенно многонаселенных и с высоким темпом прироста населения, невозможно обеспечить этой трудовой армии официальную занятость с регулярной оплатой, нормированным рабочим днем и другими социальными и трудовыми нормами. На официальном уровне большинство стран региона подписали конвенции МОТ об охране труда и других социально-экономических правах работников, но правительства могут пойти только на ограниченное вмешательство в эту сферу, близкое к милостыне. Например, в Непале организована бесплатная еда раз в день для самых нищих слоёв населения. Более перспективным представляется принятый в Индии закон, известный как «Работа за еду», - об обязательном трудоустройстве на сельской периферии с оплатой одного человека из беднейших домохозяйств на местные, как правило, неквалифицированные работы.

Неформальная занятость, что дальше? Неформальной занятости трудно дать однозначную оценку. Как определенный сегмент экономики, она присутствует, признанная или не признанная, в странах с разными социально-экономическими системами. Более того, она переплетается с официальным сектором, взаимодействует с ним. Её количественные оценки в странах Юга исчисляются миллионными показателями, хотя точные данные отсутствуют. С разной степенью конкретности на правительственном уровне говорится о необходимости создавать рабочие места, повышать уровень занятости населения, чтобы сократить масштабы неформального труда, решая тем самым две задачи - сократить число бедных и увеличить налоговые поступления. Как показывает опыт, это длительный процесс, определяемый объективными условиями современного капитало- и наукоёмкого производства и качественными сдвигами в спросе на труд.

В сложившихся условиях неформальная занятость – плохое, частичное, но всё же решение вопроса. Надо признать длительное существование низкооплачиваемой, грязной, неперспективной в большинстве случаев, занятости, позволяющей выживать городским и сельским низам. Это – результат сохранения в экономике стран Юга отраслей традиционного типа, ещё не прошедших стадию индустриализации, прежде всего легкой промышленности, частично услуг, и иногда вкраплений производств инновационного характера.

Наиболее полно эта двойственность выражена в больших экономиках, Индии и КНР. Формальный и неформальный рынки труда в конечном счете связаны, перемещения рабочей силы возможны, хотя чаще из первого во второй. Вчерашний крестьянин – мигрант, попадая в город, хотя тяжело, но приспосабливается к новым условиям и иной, несельской занятости. В городе больше шансов получить образование и, соответственно, повысить шансы на занятость. Но это лишь частичное решение с учетом массовости сельского населения и его миграции в города.

Оценки неформального сектора (ещё раз, некриминального) примерно одинаковы в разных публикациях. Т.Шанин подчеркивает на основе изучения переходных экономик внесистемность неформального сектора, его неустойчивость и одновременно высокую адаптивность, качество, необходимое в меняющихся условиях переходности. Акторы этого сектора постоянно борются за выживание, надеясь только на свои силы, без помощи со стороны государства, для которого формально они не существуют. В кризисных ситуациях, частых в переходных экономиках, число занятых в этом секторе быстро растёт, ухудшая положение на его рынке труда.

И.Следзевский оценивает суть неформального сектора несколько иначе, считая, что в его основе «лежат патронажно-клиентельные отношения модернизированного типа, а во главе его находятся структуры власти, объединяющие представителей политической и деловой элиты»¹⁹⁴. Не совсем ясно, каким образом элиты влияют на неформальную занятость, но очевидно, что такие связи объективно порождают взяточничество на низовом уровне и масштабную коррупцию в верхних эшелонах власти. Разные уровни экономики и политической власти, как представляется, не параллельны, скорее, формальный и неформальный секторы и рынки, в том числе труда взаимодействуют.

Интересную позицию относительно теневого сектора предложил перуанский экономист Эрнандо де Сото в своих работах «Мистерия капитала» и «Иной путь». Он считает особенностями неформального сектора слабость прав собственности и контрактных обязательств, что не раз отмечалось и другими авторами. Отличие в том, что де Сото связывает эти черты прежде всего с активностью государства в экономике в целом. Он исходит из того, что ужесточение (усложнение) правил ведения бизнеса, регистрации, приёма и увольнения работников, частые изменения налогового законодательства, ограничивают инициативу бизнеса, выталкивают его в тень. Государство, по де Сото, выступает как основной фактор роста теневого сектора и соответствующей занятости. Нелегальная экономика, по его мнению, есть стихийный творческий ответ населения на ущемление его прав государством. В некоторых случаях оно вынуждено признавать его нелегальные действия, как например, захват крестьянами пустующих земель, которые впоследствии были признаны государством их собственностью. Ссылаясь на опыт Перу, он считает, что не чёрный рынок проблема страны, а государство со всем своим аппаратом.

Надо признать, что эта позиция в определенной мере подтверждается практикой стран Азии и Африки. Чем больше времени занимают бюрократические процедуры в хозяйственной деятельности частного сектора, тем сильнее стремление бизнеса обойти их – либо откупиться, либо уйти в тень. Последнее особенно характерно для малого бизнеса, в том числе и в России. Де Сото пытался обращаться в МВФ со своими идеями, но не получил поддержки.

Схожую, хотя и не такую радикальную позицию занимают индийские социологи С.Маржит и С. Кар. Многоступенчатая структура управления (governance), громоздкий и неповоротливый чиновничий аппарат, ограничивающий права собственности налогоплательщика, усиливают деформализацию экономики. Различия между секторами не означают жесткого разделения двух рынков труда. Индийские исследователи справедливо рассматривают их как взаимодействующие структуры, что помогает понять своеобразие рынка труда в целом. Они признают положительную роль неформального сектора в особых условиях развивающейся экономики, поскольку он обеспечивает занятость миллионам людей, создает для них своеобразную "сеть безопасности", которой нет замены на данном этапе. Более

¹⁹⁴ Мировая экономика и международные отношения. № 7, 2013. С.67.

того, большинство авторов рассматривает неформальный рынок труда как своего рода буфер, позволяющий найти занятость увольняемым с работникам формального сектора в кризисных ситуациях.

Снижение численности неформальной занятости неразрывно связано с экономическим ростом. Методов решения этой проблемы не найдено, поскольку объективные условия в странах Юга воспроизводят её количественно из-за сохраняющихся высоких темпов роста населения и падающего спроса на неподготовленную рабочую силу. Масштабы этого социально-экономического явления таковы, что его роль велика в обеспечении массового потребительского спроса на товары первой необходимости. Одновременно эти слои населения уходят от налогов, обескровливая бюджет. Постоянная нужда, низкий уровень образования, разобщенность участников «серой занятости» ограничивают их возможности активного участия в общественной жизни, хотя при этом формируются объединения на низовом уровне. Это женские организации, группы совместного микрокредитования, усиливается кооперативное движение. Однако умелый популизм может превратить эту пока ещё инертную массу в любое разрушительное движение.

Н.Г. Рогожина

ЭКОЛОГИЯ И РАЗВИТИЕ

Глобальная экологическая проблематика перестала быть исключительно "северной" тематикой. Эпицентр глобальной экологической напряженности постепенно перемещается в развивающиеся страны, которые с учетом динамики, происходящих в них социально-экономических и демографических изменений, будут определять направление развития экологической ситуации в мире в ближайшей, а тем более в отдаленной перспективе.

Вопрос о воздействии развивающихся стран на глобальную экологическую систему был впервые поставлен в докладах Римского клуба в начале 70-х годов¹⁹⁵. Но в оценке "пределов роста" глобальной экономики учитывался прежде всего демографический фактор и риски увеличения спроса на природные ресурсы, истощение которых могло затормозить развитие мирового сообщества. В футурологии того времени доминировал взгляд на экологический кризис как прежде всего на ресурсный кризис.

Что касается самих развивающихся стран, то они до начала 80-х годов воспринимали проблему охраны окружающей среды как связанную исключительно с "богатством" развитых индустриальных стран. Попытки последних привлечь развивающиеся страны к работе первой Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды, состоявшейся в Стокгольме в 1972 г., были первоначально встречены в странах Азии, Африки и Латинской Америки с большим неудовольствием. Развивающиеся страны приняли участие в Конференции только после долгих уговоров со стороны развитых стран, поскольку рассматривали ее проведение как угрозу своим интересам, как попытку легализовать и даже усилить

¹⁹⁵ Доклады Римского клуба дали толчок экспериментальным исследованиям будущего, сделав заявку на проблемы, которые практически даже не стояли тогда в повестке дня. Однако можно ли сегодня сказать, что выводы этих докладов повлияли на стратегию развития мира? Нет, ибо экологическая ситуация на планете и, прежде всего, в развивающихся странах продолжается усугубляться.

существующие неравноправные экономические отношения и технологическую зависимость бедных стран от богатых.

Экологическую проблему развивающиеся страны долгое время не воспринимали как угрозу своему экономическому и политическому развитию, поскольку деградация окружающей среды проявлялась не сразу, а определить ее ущерб для экономики и здоровья нации представлялось достаточно сложным делом. В оценке причин обострения экологической ситуации развивающиеся страны упорно исходили и по-прежнему исходят из факта своей экономической отсталости, низкого уровня технологического развития, нехватки финансовых ресурсов, существования неравноправных международных экономических отношений. Таким образом, внимание акцентируется на проблеме "бедности" развивающихся стран, которые не имеют достаточных ресурсов для решения экологических проблем. Отсюда и возникает требование к развитым индустриальным странам оказать им помощь – финансовыми, техническими, кадровыми ресурсами для предотвращения деградации окружающей среды.

Однако в настоящее время экологическая ситуация на планете меняется – усиливается давление на глобальную экосистему со стороны быстро развивающихся стран Юга. Его возвышение, как отмечается в Докладе ООН о человеческом развитии 2013 г., стало характерной чертой быстро меняющегося мира. С одной стороны, впервые за многие столетия Юг является в целом локомотивом глобального экономического роста и социальных изменений, и на него приходится до трети мирового производства и потребления. Если бы рост экономик группы стран, возглавляемых Китаем и Индией, не был столь уверенным, глобальная экономическая рецессия была бы глубже¹⁹⁶. Но, с другой стороны, их экономический рост в значительной степени обеспечивается за счет деградации окружающей среды.

Причины экологического кризиса. При всем многообразии и многовариантности развития стран Юга следует выделить общую причину обострения их экологических проблем. Экологический кризис в развивающихся странах носит закономерный и объективный характер. Он связан с развитием индустриального общества с присущими ему ценностными ориентациями и установками на наращивание темпов экономического роста, который носит экстенсивный характер и сопровождается увеличением спроса на природные ресурсы и загрязнением окружающей среды. Эту стадию развития прошли и развитые индустриальные страны, модели производства и потребления которых и послужили примером для подражания для развивающихся стран, но оказались несовместимыми с целями и задачам охраны окружающей среды.

Могли ли развивающиеся страны, которые предприняли в 70-80-х годах попытки преодолеть экономическую отсталость в рамках форсированной экономической модернизации с ориентацией на индустриализацию и интенсификацию сельскохозяйственного производства избежать в дальнейшем обострения экологических проблем? По всей вероятности, нет, поскольку модели индустриального развития, которые предлагали им капиталистический и социалистический миры в равной мере были обречены на экологический кризис в силу своей целевой установки на рост экономического производства и потребления в ущерб охране окружающей среды. Но третьего пути не дано, поскольку, как отмечает А.Я.Эльянов, "иных путей к преодолению технико-технологической и

¹⁹⁶ Доклад о человеческом развитии 2013 г. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). С. 21.

социально-экономической отсталости попросту не существует"¹⁹⁷. А именно эта цель и выдвигается развивающимися странами в числе основных приоритетов национальной безопасности.

Развивающиеся страны не только переняли позитивный опыт развитых стран в решении экономических проблем в рамках осуществления политики догоняющего развития индустриального типа, но и повторили их экологические ошибки, с неизбежностью вытекающие из самого характера развития индустриального общества, движимого приоритетными интересами наращивания темпов экономического производства за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов и экономии средств в охрану окружающей среды.

Избежать обострения экологических проблем можно было путем вложений в экологическую сферу. Однако охрана окружающей среды традиционно рассматривается развивающимися странами как затратная сфера деятельности, способная затормозить темпы экономического роста. Результатом осуществления модели развития, основанной на постулате "сначала надо стать грязным, а потом думать об экологии", стало резкое обострение экологических проблем в развивающихся странах. Эту стадию развития прошли и развитые страны. Другое дело, что в развивающихся странах приоритет экономических целей развития усиливается их исходной экономической отсталостью, демографическим ростом, бедностью значительной части населения, политической нестабильностью и неравным положением в системе международных экономических отношений.

Стремление в кратчайшие сроки решить коренные экономические и политические проблемы за счет мобилизации всех имеющихся технических, финансовых, людских и природных ресурсов, не связывая себя никакими особыми обязательствами в сфере охраны окружающей среды – таково конкретное проявление подхода развивающихся стран к среде как фактору развития.

По сравнению с промышленно развитыми странами индустриализация развивающихся стран таит в себе опасность еще больших экологических потерь, поскольку осуществлялась в сжатые в историческом плане сроки, когда пространственному распространению хозяйственной деятельности сопутствует ее интенсификация, что во много раз усиливает нагрузку на окружающую среду. То, что страны Азии смогли добиться в экономическом плане в течение последних двух десятилетий, у стран Запада заняло сотни лет¹⁹⁸.

Экологические последствия догоняющего развития. Экологический кризис проявляется в двух направлениях – в истощении природных ресурсов и в росте загрязнения окружающей среды. Развивающиеся страны начали индустриализацию, будучи преимущественно аграрными странами, и осуществляли ее за счет сверхэксплуатации своих природных ресурсов. Характер их использования сложился в условиях, когда они, вставшие на путь форсированного экономического развития и предпринимавшие первые попытки преодолеть экономическую отсталость, имели крайне слабую материально-техническую базу развития. Единственными ресурсами, которыми они обладали, кроме дешевой рабочей силы, были природные. Их освоение и интенсивное использование и обеспечило – а в некоторых странах Латинской Америки и в большинстве стран Африки по-прежнему обеспечивает – основу для экономического развития.

¹⁹⁷ Перспективы и проблемы развивающихся стран (прогноз на 2001-2015 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 1999. С. 5.

¹⁹⁸ Development Asia. January-March 2012. P. 29.

Начальные стадии индустриализации при ограниченности внутренних источников накопления неизбежно финансируются за счет экспорта сырья¹⁹⁹. Последствием такой ориентации экономического развития становится обострение экологических проблем, связанных с добычей лесных ресурсов, переходом к монокультурному сельскохозяйственному производству, интенсификацией добывающей промышленности. В результате — ускоряется процесс исчезновения тропических лесов, деградации почв, сокращается биоразнообразие, истощаются водные ресурсы²⁰⁰.

Стратегия ускоренной экономической модернизации в развивающихся странах с самого начала ее реализации была ориентирована на трансформацию аграрного сектора, что позволило значительно увеличить объем производства продовольствия и накормить население, а некоторым странам войти в число ведущих экспортеров сельскохозяйственной продукции. Однако расширение сельскохозяйственных площадей нередко осуществляется за счет сведения лесов, уничтожения мангровых болот, интенсивной обработки маргинальных земель, что приводит к деградации почвенного покрова, нарушению водного баланса, загрязнению водных ресурсов, распространению процесса опустынивания.²⁰¹

В результате деятельности человека к последней четверти XX в. появилось ещё свыше 9 млн. км² пустынь, и всего они охватили уже 43% общей площади суши. Опустыниванию подвергаются в среднем за год 6 млн. га обрабатываемых земель, которые полностью разрушаются, а свыше 20 млн. га снижают свою продуктивность. В Докладе о развитии человека 2009 г. говорится о том, что опустынивание угрожает 2,87 миллионам квадратных километров земли, или пятой части Ближнего Востока и Северной Африки. Только в Азии процесс деградации почв затронул 37% культивируемых обрабатываемых земель. Сократилась и площадь пригодных для использования пастбищ. Все это в совокупности с истощением водных ресурсов создает угрозу снижения темпов роста производства сельскохозяйственной продукции по сравнению с показателем увеличения численности населения. В то время как потребность в сельскохозяйственной продукции возрастает, темпы ее прироста снижаются.

Некоторые развивающиеся страны за прошедшие пятьдесят лет лишились до 80% своего генетического богатства при этом в наибольшей мере пострадали те страны, где расширились темпы вырубki тропических лесов. По данным ФАО, темпы обезлесения в странах АСЕАН выросли с 2 млн. га в год в 1976-1983 г. до 3,6 млн. га в 1990-1996 гг.

Уместно заметить, что несмотря на то, что экологические потери в период индустриализации развивающихся стран носят закономерный характер, тем не менее они намного возрастают по причине допущенных государством ошибок при проведении экономической стратегии. Например, ориентация аграрной политики Китая на "зерно — главное звено" привела к деградации 33,8% земель. В результате насаждения в Африке смешанного типа землепользования (земледелие плюс скотоводство) процесс опустынивания стал заметно ускоряться. Переселение крестьян в Бразилии в зону Амазонии в целях развития земледелия и животноводства сопровождалось массовым истреблением лесов.

¹⁹⁹ Сырьевые товары обеспечивают в настоящее время 73% экспорта стран Латинской Америки.

²⁰⁰ В Латинской Америке на производство сои, экспортируемой в Китай, требуется объем воды, соответствующий двум третям мирового ее потребления // *Global environment outlook: Latin America and the Caribbean*. GEO LAC 3. Produced by United Nations Environment Programme (UNEP). 2010. P. 35.

²⁰¹ Сельскохозяйственные потери стран Ближнего Востока от опустынивания составляют 5 млрд. долл. в год.

Антропогенная нагрузка на окружающую среду заметно возросла в процессе интенсификации сельскохозяйственного производства, сопряженной с его ирригацией и химизацией, последствием чего стало распространение процесса заболачивания, засоления и загрязнения почв, истощение водных ресурсов.

Хотя многие экологи считают необходимым пересмотреть с учетом возникших экологических проблем итоги "зеленой революции", накормившей население развивающихся стран, другого пути аграрного развития у этих стран не было. Дело в том, что традиционное земледелие более не может удовлетворить потребности людей в производстве сельскохозяйственной продукции. Минимальные нормы потребления требуют, чтобы на каждого человека приходилось, по крайней мере, 0,6 га обрабатываемых площадей. Учитывая существенное снижение этого показателя с учетом демографического и экологического факторов²⁰², традиционное земледелие способно прокормить сегодня менее половины населения планеты.

Как правило, возникновение большинства экологических проблем в среднеразвитых странах связано с последствиями осуществления стратегии форсированной индустриализации. О масштабах экологической деградации зачастую можно судить лишь по показателям роста промышленного производства, которое на этапе начальной индустриализации сопровождается бурным развитием грязных и энергоресурсоемких предприятий.

Хозяйственная деятельность в период форсированного экономического развития характеризуется повышением спроса на природные ресурсы и резким увеличением объема производства промышленных отходов, величина которых, как правило, коррелируется с показателями экономического роста. Поэтому в тех странах, которые добились внушительных успехов в своем экономическом развитии, отмечается особо высокий уровень загрязнения окружающей среды. Например, в развивающихся странах АТР этот показатель растет со скоростью, превышающей в два раза темпы роста их экономики²⁰³. Содержание твердых частиц в воздушном пространстве Китая в три раза превышает нормы, установленные Всемирной организацией здравоохранения. В результате смертность от загрязнения воздуха составляет там ежегодно 300-400 тыс. чел. По имеющимся оценкам, Китай вынужден будет тратить ежегодно от 2 до 4% ВВП на очистку промышленных отходов, скопившихся за три десятилетия бурного экономического развития²⁰⁴.

По оценкам международных организаций, если в развитых странах стоимость загрязнения атмосферы оценивается в 2% ВВП, то в развивающихся – 5%, и она включает в себя затраты, связанные со смертью людей, ростом хронических заболеваний и их лечением, снижением производительности труда и сельскохозяйственной продуктивности.

Расширение промышленного производства сопровождается бурным развитием энергетического сектора и увеличением объема потребления энергии. В настоящее время на долю развивающихся стран приходится 35% мирового энергопотребления, к 2025 г. — уже 60%. В результате их вклад в производстве "парниковых газов" постоянно возрастает. Особенно быстрыми темпами увеличиваются выбросы парниковых газов, связанные с потреблением энергии, в

²⁰² С 1990 по 2025 гг. количество доступной земли на душу населения сократилось в Пакистане с 0,17 га до 0,07 га, в Индии – с 0,25 до 0,12 га.

²⁰³ The Free China Journal. 1998, January 23.

²⁰⁴ Shaw W. Will emerging economies repeat the environmental mistakes of their rich cousins? // International Economic Bulletin. March 1, 2012.

развивающихся странах АТР, где, по прогнозам, они возрастут на 100% в период с 2007 г. по 2030 г., составив, таким образом, 45% от общего мирового уровня²⁰⁵.

С политикой форсированной индустриализации и распространением процесса глобализации связан и стремительный рост городского населения в развивающихся странах, которое ежегодно увеличивается на 60 млн. человек²⁰⁶. Например, в АТР городское население вырастет на 700 млн. человек в период с 2010 по 2025 гг., что потребует обеспечения водой, энергией, жильем каждый день дополнительно 120 тыс. человек в течение пятнадцати лет²⁰⁷. К 2020 г. увеличение численности городского населения в Индии потребует производства дополнительно 160 гигаватт электроэнергии, 200 млн. трубопроводов, 30 млн. жилых построек, обеспечение санитарными услугами 250 млн. чел.

К 2025 г. более половины населения развивающихся стран будет проживать в городах, которые по объективным причинам — отсутствие необходимых финансовых и технических ресурсов для совершенствования городской инфраструктуры, не отвечающей потребностям быстро растущего населения, превращаются в зоны повышенного экологического риска. Обострение экологической обстановки в городах, связанное с высоким уровнем загрязнения атмосферы и воды, ограниченным доступом населения к источникам чистой питьевой воды и санитарным удобствам и нерешенностью жилищного вопроса, превращается в острейшую проблему для большинства развивающихся стран²⁰⁸. Экологическая ситуация в городах может резко обостриться с потеплением климата, поскольку их значительная часть расположена в прибрежных зонах, подверженных угрозе стихийных бедствий, наводнениям и затоплению. Поэтому утверждение, что борьба, которую ведет человечество за создание экологически устойчивой экономики, будет выиграна или проиграна, прежде всего, в мировых городских центрах, не лишено основания.

С развитием промышленности и городов во многих развивающихся странах обострилась проблема водоснабжения. Наличие воды на душу населения приближается к критическому уровню нехватки во многих районах развивающегося мира. Источники наземных и подземных вод истощаются в результате чрезмерного их использования и загрязнения, прежде всего нитратами и тяжелыми металлами (более 1 млн. человек не имеют доступа к источникам чистой воды). Например, спрос Пекина на воду превышает возможности его удовлетворения на 1,3 млрд. куб. м в год (1/3 часть от общего объема используемой воды)

Ситуация может заметно усугубиться в случае потепления климата, что повлечет за собой обострение соперничества за доступ к ограниченным источникам пресной воды. Водный кризис, хотя и не приобрел общемирового характера, ограничиваясь пределами отдельных районов, может, однако, заметно повлиять на глобальную безопасность. О его возможных последствиях можно судить хотя бы по развитию ситуации на Ближнем Востоке, который, судя по тому, что лишь пять из девятнадцати стран региона будут обеспечены водой в первой половине нынешнего столетия, превращается в зону постоянного политического риска.

²⁰⁵ ADB climate change programs. Facilitating integrated solutions in Asia and the Pacific. Asian Development Bank. 2010. P. 10.

²⁰⁶ К 2050 г. городское население в развивающихся странах возрастет до 5.3 млрд. человек, из которых 3.3 млрд. будут проживать в городах Азии и 1.3 млрд. — в Африке.

²⁰⁷ К 2020 г. на удовлетворение потребностей городского населения Индии в жилье, электроэнергии, дорожной и экологической инфраструктуре необходимы инвестиции в размере триллиона долл.

²⁰⁸ Примерно 300-400 тыс. человек в Китае ежегодно умирают от болезней, связанных с загрязнением атмосферы. В Индии это число равно 528 тыс. человек.

Неизбежные экологические затраты экстенсивного экономического роста мультиплицируются в условиях продолжающегося роста численности населения при сохранении в его составе бедных групп, что негативно сказывается на характере использования природных ресурсов, спрос на которые сопровождается экспансией сельскохозяйственной деятельности на лесные и маргинальные территории, увеличением потребления воды, истощением почвенного покрова.

Экологические последствия роста численности населения приобретают особо разрушительный для природы характер в условиях бедности значительной части населения, когда при низком уровне развития экономики удовлетворение его базовых потребностей происходит за счет использования природных ресурсов, что влечет за собой их переэксплуатацию. По меткому определению экологов, этот феномен называют "экоцид отчаяния бедных". Насколько это будет иметь разрушительные последствия для природы, можно судить по такому факту: 60% прироста населения в период 2008-2100 гг. придется исключительно на бедные страны Африки к югу от Сахары и Южной Азии, в которых в 2100 г. будет проживать половина всех жителей планеты. При сохранении устойчивой тенденции роста числа беднейших слоев населения, проживающих преимущественно в наименее развитых странах мира, экологическая ситуация на планете будет ухудшаться.

Природный фактор играл и продолжает играть важную роль в экономике развивающихся стран, где более половины населения занято в ресурсных отраслях экономики – сельском, лесном и рыбном хозяйстве и для которого природная система является главной основой жизнеобеспечения. Стратегия ускоренного экономического развития в развивающихся странах усиливает дестабилизационные процессы в природе, поскольку не сопровождается плавной интеграцией всего населения в новые социально-экономические отношения, обостряет социальное неравенство.

Углубление кризиса во взаимоотношениях между обществом и природой происходит на стадии "разлома" общества, в результате его ускоренной трансформации. Это переходное состояние общества вызывает эффект его двойного давления на окружающую среду. Природа становится объектом интенсивной эксплуатации со стороны государства и новых хозяйственных структур, для которых использование природных ресурсов является наиболее легким и доступным источником роста доходов, а также и со стороны нищего населения, которое своей примитивной хозяйственной деятельностью вызывает истощение природных ресурсов.

Общей тенденцией развития в большинстве развивающихся стран стало ограничение доступа населения к контролю над природными ресурсами с сопутствующими социальными и экологическими последствиями. Сейчас преобладающая часть сельских жителей Индии является не только бедной по доходу, но и по природным ресурсам. Около 60% беднейших слоев населения развивающихся стран проживают в экологически уязвимых районах и причина тому — их бедность.

При этом в бедных странах связь между экономической отсталостью, демографическим ростом и экологической деградацией носит взаимосвязанный характер. Это особенно четко проявилось в странах Тропической Африки, где основными причинами обострения экологической ситуации является демографический рост, бедность подавляющей части населения и экономическая отсталость. Здесь наиболее остро проявились такие экологические проблемы, как эрозия почв, опустынивание, нехватка водных ресурсов и их загрязнение. Однако и в африканских странах экологические проблемы также обусловлены проведением

стратегии экономического развития и предпринимаемыми действиями по интеграции в мировую экономику на правах сырьевого придатка, что в корне изменило традиционную форму землепользования с последствиями для сохранения устойчивости экосистемы.

Есть ли ответы на экологический вызов? Осознание необходимости экологической безопасности и, главное, способность государства ее обеспечить, как правило, проявляется на определенной стадии развития — стабилизации и роста экономики, модернизации социально-политических отношений. Теоретические расчеты и эмпирические данные подтверждают, что первоначально с переходом от низкого уровня развития к среднему в развивающихся странах происходит неминуемое ухудшение экологической ситуации. В дальнейшем же по мере наращивания экономического и технологического потенциала создаются предпосылки для исправления ранее допущенных экологических просчетов и последующей экологизации хозяйственной деятельности. Поэтому резкое обострение экологических проблем в абсолютном большинстве развивающихся стран социально-экономически и политически детерминировано. Точно так же как и перспектива их экологического оздоровления. Однако сегодня значительная их часть по-прежнему находится на экономически рискованном этапе своего развития, когда угроза необратимости экологических изменений весьма реальна. И тем не менее необходимо уже сейчас всем странам развивающегося мира, независимо от достигнутого уровня их экономического развития, всерьез задуматься о решении экологических проблем.

Развивающиеся страны попадают в крайне тяжелое положение: без повышения темпов своего экономического развития им не сократить отрыва от развитых стран и не преодолеть экономическое отставание, являющееся важной причиной экологической деградации и бедности значительной части населения.

Несмотря на то, что экологическая устойчивость развивающихся стран испытывает серьезное давление, сохраняется потребность в экономическом росте, учитывая относительно высокий уровень нищеты и рост численности населения. Стабильная экономика благоприятствует решению экологических проблем, создавая условия для привлечения необходимых ресурсов — финансовых, технологических, кадровых в охрану окружающей среды. Поддержание высоких темпов экономического роста мотивируется и необходимостью удовлетворения огромных потребностей в жилье, экологической и транспортной инфраструктуре.

А между тем неконтролируемое наращивание экономического потенциала грозит нарастанию экологической напряженности, усилению антропогенного давления на потенциальную емкость экосистем. При этом негативное воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду усиливается прямо пропорционально росту индустриального производства.

Без принятия сегодня кардинальных мер по разрешению этой ситуации, экологический кризис будет только нарастать.

Экологические проблемы чаще всего привязывают к экономической сфере. Однако не меньшая связь существует между экологической и политической сферами. Экологические затраты экономического роста в развивающихся странах вызваны главным образом двумя причинами — неспособностью рынка, особенно на первом этапе его становления, адекватно реагировать на изменения, происходящие в окружающей среде, и неспособностью государства эти проявления рыночной экономики исправить при реализации своей экологической политики. В аналитическом обзоре Азиатского банка развития об экологической ситуации в

странах Азии за 2001 г. подчеркивается, что экологическая деградация является, главным образом, результатом ошибок политики.²⁰⁹

Развивающиеся страны приступили к решению своих экологических проблем с конца 70-х – начала 80-х годов в значительной мере под воздействием мирового общественного мнения, озабоченного ухудшением глобальной экологической ситуации. На втором этапе, последовавшем после проведения Конференции ООН по Окружающей среде и Развитию в 1992 г., когда международным сообществом была поставлена цель достижения устойчивого развития, активизировались действия развивающихся стран по совершенствованию правовой и институциональной основы экологической политики, которая несмотря на свою схожесть с западными аналогами, имеет свою национальную специфику. Система экологического регулирования, будучи продуктом современной западной цивилизации, в развивающемся обществе, встроенная в государственную бюрократическую машину, невольно "традиционализируется". Последствие — дублирование работ ведомств, затягивание с реализацией планов и, главное, слабое соблюдение экологических предписаний.

Противоречивость задач, стоящих перед государством при приоритете экономических нашла свое отражение в финансировании экологической сферы по остаточному принципу, в неэффективной кадровой политике, в слабом техническом оснащении экологических служб, в занижении экологических стандартов и норм экологической безопасности.

Поэтому несмотря на предпринимаемые меры по охране окружающей среды, экологическая обстановка не улучшается, что ставит под сомнение устойчивость осуществляемой модели экстенсивного экономического развития. Реализация этой модели чревата не только ухудшением экологической ситуации, но и не гарантирует устойчивости экономической системы, ограничивая ресурсную базу производства (как природную, так и людскую). Ситуация усугубляется тем, что расходы на преодоление экологических последствий форсированной экономической модернизации, как правило, превышают возможности даже стран с высокими темпами экономического роста²¹⁰.

Деградация окружающей среды становится причиной преждевременной гибели людей, снижения трудовой и экономической активности, прекращения деятельности ряда предприятий, падения сельскохозяйственного производства. Плохая экология превращается в фактор, угрожающий притоку зарубежных инвестиций в страну, особенно в технологичные отрасли экономики, развитие которых требует высокого уровня производительности труда и чистоты окружающей среды. Как следствие – снижение конкурентоспособности страны. Таким образом экологическая деградация превращается в тормоз экономического развития.

Экологический нигилизм, в конечном счете, вызывает цепную реакцию: реальные результаты экономического прогресса обесцениваются деградацией окружающей среды, изменением состояния и разрушением жизненно необходимой для человека среды обитания. Специалисты Института мировых ресурсов подсчитали, что хотя ВВП Индонезии увеличивался в течение 80-х годов на 7% в год, однако реальный уровень роста составил бы не более 4%, если бы учитывалось обесценивание природного капитала, вызванного деградацией окружающей

²⁰⁹ Asian Environment Outlook 2001. The Asian Development Bank. Manila. March 2001 P. 24.

²¹⁰ По имеющимся оценкам, Китай вынужден будет тратить от 2 до 4% ВВП каждый год на утилизацию промышленных отходов, произведенных в течение предыдущих трех десятилетий индустриального развития // Shaw W. Op. cit.

среды.²¹¹ В развивающихся странах общие экономические потери, вызванные экологической деградацией, оцениваются в среднем в пределах 3-5% ВВП.

Возникает вопрос, смогут ли развивающиеся страны предотвратить нарастание экологических рисков своего индустриального развития, учитывая перспективный рост их экономики и численности населения? Без радикальных изменений в способе использования природных ресурсов и в отношении к окружающей среде общее воздействие экономического роста на природную среду будет разрушительным.

Становится очевидно, что развивающиеся страны не могут позволить себе следовать традиционным путем развития, основанным на принципе "сначала рост, борьба с загрязнением потом", а поэтому следует найти иной путь достижения экологических целей развития.

Проблема поиска путей развития в рамках устойчивого развития, обеспечивающего баланс экономических, социальных и экологических интересов была поставлена еще в докладе "Наше общее будущее" в 1987 г и получила свое политическое признание на международном уровне на конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро по проблемам развития и окружающей среды. Стоит отметить, что не последнюю роль в выдвигании этой новой парадигмы развития сыграли развивающиеся страны. Принятие на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. концептуальной основы обеспечения глобальной экологической безопасности в рамках устойчивого развития во многом стало результатом целенаправленных и скоординированных действий развивающихся стран и ответом на их требование рассматривать охрану окружающей среды не как самостоятельный предмет, а как составную часть проблем развития.

И тем не менее, по прошествии двадцати лет после проведения этой конференции устойчивое развитие остается все еще, "видением будущего", мало согласуемым с реализацией конкретных программ социально-экономического развития. Поэтому и возникла потребность найти конкретные способы реализации этой концепции, насытить ее содержанием и придать ей реальные формы, от общих слов перейти к действиям, тем более, что экологическая ситуация в мире продолжает ухудшаться, и острота глобальной экологической напряженности, прежде всего, в связи с изменением климата, нарастает.

Новые ориентиры экологического развития. Предотвращение экологического кризиса видится, прежде всего, в изменении того способа производства и потребления, на котором традиционно основывалось развитие индустриального общества, и в формировании новой модели, которая определяется как модель "зеленого роста". Суть ее заключается в том, что защита окружающей среды более не должна рассматриваться как ограничитель экономического роста, а прежде всего как гарантия долгосрочной экономической устойчивости. Осуществление этой модели не предполагает снижения темпов экономического развития ради сохранения природы, а означает придание нового импульса процессу модернизации, отличие которого заключается в том, что индустриальная революция должна осуществляться с ориентацией на повышение эффективности использования природных ресурсов и ослабление угрозы загрязнения окружающей среды.

Какие выгоды ожидают развивающиеся страны от перехода к зеленому развитию?

²¹¹ Environment, employment and development. Ed. by A. Bhalla. Geneva, 1991. P. 1.

Те страны, которые используют инновационный подход к развитию и внедряют чистые технологии²¹², оказываются в выигрышном положении и повышают свою конкурентоспособность, обеспечивая условия для поддержания долгосрочной экономической и экологической стабильности. В экономическом отношении зеленое развитие способствует росту ВВП, стимулируя производство зеленых товаров и услуг, сокращая издержки производства, развивая современные технологии, повышая привлекательность рынков. С точки зрения охраны окружающей среды зеленый рост побуждает к более рациональному использованию природных ресурсов, являющихся главным источником конкурентоспособности развивающихся стран и основой существования большинства сельских жителей. Природный капитал составляет значительную долю ВВП бедных стран – 25% в сравнении с 2% в промышленно развитых странах. В социальном плане зеленое развитие способствует повышению качества жизни населения, создает новые рабочие места, сокращает неравенство²¹³.

То, что первыми, кто поставил перед собой эту цель, оказались страны АТР, не удивительно. Еще в 2005 году на региональной конференции министров по проблемам окружающей среды была принята концепция "природосберегающего роста"²¹⁴ как реакция на осознание "экологических пределов" экономического роста и возможностей удовлетворения базовых потребностей растущего по численности населения в энергии, воде, продовольствии в условиях ограниченности ресурсной базы и нарастания экологических проблем, представляющих опасность для обеспечения как национальной, так и региональной и глобальной безопасности²¹⁵. Нехватка природных ресурсов уже сегодня ставит вопрос об их рациональном использовании, что, в свою очередь, отвечает интересам интенсификации экономического развития и перехода стран региона на качественно новую ступень индустриального развития при опоре на новейшие достижения науки и техники. Последнее должно обеспечить им и конкурентные преимущества на мировом рынке.

Развивающиеся страны АТР в начале 21 века превратились в крупнейших потребителей природных ресурсов в мире с перспективой увеличения спроса на них²¹⁶. Рост потребления материальных ресурсов превышает рост экономик развивающихся стран АТР. При этом такие страны, как Китай и Индия, достигли

²¹² "Чистые технологии" – множество научных разработок, инновационных продуктов и услуг, направленных на повышение экологичности производства и потребления, эффективности использования ресурсов и переработки отходов. Для решения экологических проблем такие технологии ставят перед собой следующие цели: значительно снизить или вовсе убрать негативное влияние человека на окружающую среду; обеспечить превосходное качество товаров, услуг и процессов при меньшей их стоимости; повысить продуктивность и ответственность использования природных ресурсов.

²¹³ Green growth and developing countries. Consultation draft. OECD. June 2012. P. 11.

²¹⁴ Обеспечение экологически устойчивого экономического роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе. ESCAP/SO/MCED (05)7. 3 March, 2005.

²¹⁵ В развивающихся странах АТР промышленное производство за период с 1995 по 2002 гг. возросло на 38% в сравнении со средним показателем в мире, составляющем 23%. И это при том что этот стремительный рост производства и населения происходил в регионе, который характеризуется наименьшими в мире душевыми показателями наличия водных и земельных ресурсов. Несущая емкость экосистемы стран АТР крайне ограничена в сравнении с другими регионами. См.: Green growth at a glance. The way forward for Asia and the Pacific. Economic and social commission for Asia and the Pacific 2007.

²¹⁶ С середины 90-х гг. на страны АР приходится более половины мирового потребления материальных ресурсов, в то время как их доля в мировом ВВП составляет 30%. Дело в том, что на производство единицы ВВП в регионе уходит в три раза больше природных ресурсов, чем в среднем в мире. //Green growth, resources and resilience. Environmental sustainability in Asia and the Pacific. United Nations and Asian Development Bank publication. Bangkok, 2011.

предела доступных природных ресурсов на своей территории, превратившись в их нетто-импортеров и расширив границы своей экологической экспансии в мире.

Наиболее бурными темпами растет потребление энергоресурсов, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста и удовлетворения энергетических нужд растущего по численности населения, в составе которого сохраняется значительная доля лиц, не имеющих доступа к современным источникам энергии. В 2008 г. на регион приходилось 45% мирового потребления энергии²¹⁷.

С этими показателями коррелируется и увеличение производства парниковых газов, что представляет главную опасность для изменения климата на планете. Их объем заметно возрос за последнее десятилетие с 23 % в 1990 до 32% в 2005 г. с перспективой увеличения до 51,9% к 2030 г.²¹⁸. Это – наиболее высокий показатель роста в сравнении с другими развивающимися странами. Страны Азии превращаются в главный источник выбросов парниковых газов в мире.

Безусловно, речь в первую очередь идет о таких гигантах, как Китай²¹⁹ и Индия, негативный вклад которых в глобальное потепление будет расти при сохранении традиционной индустриальной модели развития, основанной на постулате "рост сейчас, забота о чистоте окружающей среды потом". Обеспечивать и далее рост экономик за счет использования дешевых и кажущихся неисчерпаемых природных ресурсов становится невозможным. Учитывая динамику экономического и демографического развития стран АТР при крайней высоком уровне потребления ресурсов и увеличении производства отходов, данный вариант развития, более неприемлем для них.

Поэтому и экологическое будущее планеты во многом зависит от того, смогут ли развивающиеся страны АТР перейти к новой модели экологически ориентированного развития – модели зеленого развития, которая рассматривается как вторая индустриальная революция, характерными чертами которой являются системные инновации, высокая эффективность использования природных ресурсов, снижение зависимости от использования углеводородов²²⁰.

Перед лицом климатических изменений страны АТР должны изменить способ производства товаров, выращивания продовольственных культур, развития животноводства и производства энергии. Это означает движение в сторону выбора более зеленых, более устойчивых, более экологических возможностей, которые обеспечивают условия не только для поддержания баланса в окружающей среде, но и для решения проблемы бедности и занятости.

Поскольку в рыночной экономике материальное производства напрямую связано с потреблением, увеличение последнего способствует не только экономическому росту, но и экологической деградации в результате расширения спроса на природные ресурсы и производства отходов. В последние десятилетия в

²¹⁷ Ibid. P. 25.

²¹⁸ Howes S. and Wyrwoll P. Asia's wicked environmental problems. ADB Working Paper Series. No. 348. February 2012. Tokyo. Asian Development Bank Institute. P. 12.

²¹⁹ Исключая Китай и Индию, доля других развивающихся стран АТР в производстве двуокиси углерода составляет 11%. // Asia Pacific Human Development Report. One planet to share. Sustaining human progress in a changing climate. United Nation Development Programme. Bangkok, 2012. P. 20. На долю Китая в 2009 г. приходилось 25% объема производства парниковых газов (первое место в мире), в то время как на США – 17%. Китай ответственен за 72% прироста выбросов CO₂ в мире в период

2000-2009 гг., в течение которого объем выбросов ежегодно возрастал на 9,4% в сравнении со среднемировым показателем – 0,8%. При сохранении традиционной модели экстенсивного экономического роста доля КНР в производстве парниковых газов вырастет до 34% к 2030 г.

²²⁰ Green growth, resources and resilience.

развивающихся странах АТР наблюдается бум материального потребления²²¹, стимулируемый улучшением материального положения населения и увеличением численности среднего класса, потребительская культура которого в немалой степени формируется под воздействием глобализации, сопровождающейся переносом стереотипов потребления развитых стран в развивающиеся.

В период 1990–2010 гг. доля Юга в составе среднего класса в мире увеличилась с 26 до 58%, а к 2030 г. возрастет до 80%. На эти категории населения будет приходиться 70% совокупных расходов на потребление в мире²²². При этом почти 2/3 мирового среднего класса будет проживать в Азиатско-Тихоокеанском регионе, около 10% – в Центральной и Южной Америке и около 2% – в странах Африки к югу от Сахары. В АТР более 75% численности среднего класса, а также его доли в совокупном потреблении будут, согласно прогнозам, приходиться на Индию и Китай, где проживает 20% так называемого мирового потребительского класса, что превышает его численность в Западной Европе²²³.

Стремительный рост среднего класса в странах Юга, способствующий, с одной стороны, расширению экономической активности развивающихся стран, улучшению человеческого капитала, политической модернизации, формированию в обществе экологических ценностей развития, сопровождается, с другой стороны, увеличением нагрузки на экологические системы, связанные с ростом материального потребления. Например, Китай за последние десять лет совершил такой качественный скачок в потреблении, который в западной цивилизации занял сто лет²²⁴. На долю Китая, вклад которого в производство мирового ВВП оценивался в 2007 г. лишь в 6%, приходится 15% мирового потребления энергоресурсов, 15% воды, 28% стали, 25% алюминия, 54% цемента и 30% железной руды²²⁵.

Дилемма, стоящая сегодня перед странами АТР, заключается в том, что с одной стороны, им надо удовлетворить базовые потребности бедного населения (примерно четверть населения региона проживает в исключительной бедности – менее чем на 1,25 долл. по показателю покупательной способности), с другой –

²²¹ С 1975 по 2005 гг. темпы ежегодного прироста внутреннего материального потребления в развивающихся странах АТР составили 4,9%, в то время как для мира в целом этот показатель равнялся 0,5%. //Resource efficiency: Economics and outlook for Asia and the Pacific. Key messages and highlights. UNEP. 2011. P. 2.

²²² Доклад о человеческом развитии 2013. С. 13.

²²³ Если определять средний класс, как имеющий доход в пределах 2-20 долл. на человека, то его доля в составе населения региона возросла за период 1990-2008 гг. с 21% до 56%. // Nadjam A., Runnnals D. and Hall M. Environment and globalization. Five propositions. International Institute for Sustainable Development. 2007. P. 18.

К 2015 г. численность среднего класса в Азии сравняется с суммарным показателем в Европе и Северной Америке и составит к 2021 г. 2 млрд. человек. Только в Китае этот показатель превысит 670 млн. человек, в сравнении со 150 млн. в настоящее время. // <http://www.brookings.edu/research/papers/2010/03/china-middle-class-kharas>.

²²⁴ За период 1990–99 и 2000–09 гг. расходы домохозяйств в расчете на душу населения в Китае возросли на 92% в сравнении с мировым показателем (18%). По мнению американского эколога Л. Брауна, если темпы роста экономики КНР останутся в пределах 8% в год, то к 2031 г. доход на душу населения в Китае, где будет проживать 1,45 млрд. чел., поднимется до нынешнего уровня в США. Следствием этого станет резкое увеличение спроса на основные потребительские товары. Тогда Китай будет потреблять зерна в объеме, эквивалентном 2/3 от современного мирового уровня. Если спрос на нефть будет расти так же, как сегодня в США, то её потребуется 5 млрд. т ежегодно, в то время как в мире сегодня в год добывается лишь 4,2 млрд. т. Спрос на бумагу может превысить в два раза нынешний объем ее производства в мире. Если динамика роста автотранспортного парка сохранится, то согласно подсчетам Института нефти, спрос Китая на нефть в ближайшие 25 лет возрастет на 500%. // Alexander's gas and oil connections. News and trends. Vol. 10. No. 21. 10.11.2005.

²²⁵ Qingfeng Zhang and Crooks R. Toward an environmentally sustainable future. Country environmental analysis of the People's Republic of China. 2012 Asian Development Bank. P. 5.

сократить избыточное потребление, свойственное богатым и средним слоям населения²²⁶. Для развивающихся стран это будет означать одно – производить и потреблять больше, но по-другому, принимая во внимание лимиты ограниченных природных ресурсов и хрупкость экосистем. Одним словом, им необходимо создать более сбалансированную модель потребления, которая является менее энерго- и ресурсозатратной.

И многие страны региона уже инициировали программы в направлении зеленого развития, не дожидаясь принятия нового соглашения по климату, осознавая тот факт, что зеленое направление развития открывает перед ними новые возможности по повышению своей конкурентоспособности.

В Южной Корее в 2010 г. был принят закон о низкоуглеродном росте, заложивший правовую основу реализации программы "Зеленое видение 21 века", на которую выделяется 2% ВВП. В 2012 г. в стране была одобрена программа торговли квотами на углеродные выбросы с целью сокращения выбросов диоксида углерода заводами и электростанциями. Малайзия признала зеленый рост в качестве фундаментального принципа своей перспективной программы экономического развития до 2020 г. Сингапур приступил к осуществлению Плана устойчивого развития. Малые государства Тихого океана – острова Кука, Фиджи, Самоа, Тонга и Тувалу выдвинули амбициозные планы развития возобновляемых источников энергии. Индонезия в добровольном порядке готова сократить выбросы на 28% к 2020 г. и на 41% при международной поддержке. В 2009 г. Индия по объему производства возобновляемой энергии заняла пятое место в мире.

Китайское руководство одним из первых в развивающемся мире осознало конкурентные преимущества зеленого развития и провозгласило в 12-ом пятилетнем плане (2011-2015 гг.) создание к 2020 г. экологической цивилизации. Это означает смену парадигмы модернизации – стратегический переход от экстенсивного, опирающегося на использование природных ресурсов промышленного и сельскохозяйственного производства к инновационному обществу на базе создания современных технологий.

В мире найдется мало развивающихся стран, которые приняли бы такое множество законов и мер в поддержку низкоуглеродного развития, как КНР, которая поставила перед собой цель сократить выбросы CO₂ на единицу ВВП на 17% к 2015 г. в сравнении с 2010 г.

С 2008 г. Китай, доля которого в мировых инвестициях в технологии чистой энергии составляет 30%, стал крупнейшим в мире их производителем в стоимостном выражении, заработав 60 млрд. долл., или 1,4% ВВП. Китай лидирует в мире во многих секторах чистого производства, включая производство ветряных турбин, солнечных батарей, технологий высокоскоростного железнодорожного транспорта²²⁷. В 2009 г. на Китай приходилось 21% установленной мощности возобновляемой энергии, что сделало его крупнейшим в мире рынком этой продукции.

Динамично развивающиеся страны Азии выдвинули различные формы регулирования и стандартизации в сфере сокращения выбросов парниковых газов и претендуют на лидирующие позиции в мире по инвестициям в зеленое развитие

²²⁶ На каждые сто городских домохозяйств в Китае приходится 133 цветных телевизора, 95 стиральных машин и 100 кондиционеров. Этот феноменальный спрос на потребительские товары в отсутствие должного внимания к энергосбережению, привел к тому, что электропотребление в Китае за период с 1990 по 2007 г. выросло в 11 раз. // Brown L. R. World on the edge. How to prevent environmental and economic collapse. Earth policy institute. New York, London. 2011. P. 102.

²²⁷ Green growth, resources and resilience. P. 53.

(возобновляемые источники энергии, повышение энергоэффективности в строениях, на транспорте, электрических сетях, совершенствование системы водоснабжения и управления отходами). При этом инновационное развитие в большинстве стран Азии основывается на адаптации научно-технических разработок развитых стран.

И тем не менее вопрос о перспективах зеленого развития в развивающихся странах АТР остается открытым. Как отметил Эмиль Салим, бывший министр экологии Индонезии, "мы не можем решить проблемы только собственными силами. Индонезия, как и другие развивающиеся страны, сталкивается с аналогичной дилеммой при переходе (под внешним воздействием) от использования ископаемого топлива к источникам чистой энергии. Технологии возобновляемых источников энергии дорогостоящие. И когда государство стоит перед выбором – еда для бедных или технологии возобновляемых источников энергии, то оно выбирает первое"²²⁸.

А между тем экологические проблемы в развивающихся странах АТР продолжают нарастать и меры, предпринимаемые по их разрешению, оказываются недостаточными, чтобы остановить процесс разрушения природы. Китай, который занимает 89 место по показателю дохода на душу населения, по индексу экологической деятельности стоит на 120 месте, а Индия – на 123. И одна из главных причин этого – слабое государственное управление экологической сферой²²⁹.

Переход к устойчивому экологическому развитию потребует крупных вложений, однако затяжка с осуществлением мер по смягчению угрозы климатических изменений обойдется еще дороже. Затраты на эти меры в регионе оцениваются в 100 млрд. долл. к 2030 г.²³⁰

Задача, которая стоит перед развивающимися странами при переходе к зеленому развитию, заключается в необходимости совершить экоиндустриальную революцию, предполагающую возможность обеспечить потребности общества в продовольствии, воде, жилье, энергии, используя при этом только 20% ресурсов и производя 20% выбросов на душу населения по сравнению с современной моделью производства и потребления. Но для того, чтобы реализовать поставленную цель, им необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества.

Насколько это доступно большинству развивающихся стран? Взять, к примеру, страны Африки южнее Сахары.

Несмотря на выдвинутые многочисленные предложения и рекомендации относительно конкретного воплощения концепции зеленого развития в этом регионе, перспектива перехода к этой модели выглядит там весьма сомнительной, по крайней мере на ближайшие 15-20 лет, учитывая крайнюю зависимость экономик африканских стран и существования большинства населения от ресурсных сфер деятельности, крайне низкую эффективность использования природных ресурсов, недиверсифицированность сельской экономики при высокой доле населения, зависящего от натурального хозяйства, безработицу и бедность, политическую нестабильность. Одним словом, отсутствуют необходимые экономические, технологические, социальные, политические предпосылки для перехода к зеленому

²²⁸ Development Asia. January-March 2012.

²²⁹ China, India, South Africa, Brazil (BASIC): Crucial for the global environment. Econ Pöry Management Consulting. Oslo, Norway. 2010.

²³⁰ Development Asia. January-March 2012.

экономическому росту. По общим оценкам, экономика Африки начала 21 века менее устойчива, чем была 25 лет назад²³¹.

Почему возникают сомнения относительно перспектив зеленого развития в Африке южнее Сахары?

Во-первых, зеленое развитие предполагает создание совершенно иной технологической базы развития при использовании современных низкоуглеродных технологий. За исключением Южной Африки, другие страны африканского континента не могут похвастаться какими-либо наработками в этой сфере.

Однозначно то, что большинство африканских стран будет использовать накопленный технологический потенциал других стран мира. Некоторые эксперты, оптимистично оценивая перспективы зеленого развития Африки, считают, что благоприятствовать этому будет переход африканских стран на индустриальное развитие, который будет осуществляться на новой технологической базе, что позволит им избежать "грязной стадии развития". Легче создавать новое, чем модернизировать старое, и это способно вывести африканские страны вперед в сравнении с другими развивающимися странами, обеспечить им конкурентные преимущества. Но как африканские страны воспользуются этой возможностью, остается вопросом открытым. И проблема не только в доступе к современным технологиям, но и в возможности их использования в конкретных социально-экономических условиях развития бедных стран Африки с их нехваткой опыта и знаний, квалифицированной рабочей силы. Ведь доля африканских стран в мировом инновационном процессе, направленном на борьбу с изменением климата, составила 0,3% в период 1980-2009 гг.

Во-вторых, проблематично повысить эффективность использования природных ресурсов, прежде всего земельных и водных, при преимущественной ориентации стратегии развития на максимальное их использование. Чтобы отказаться от этой модели развития и создать ресурсноэнергетически эффективную модель развития, помимо применения современных технологий, крупных финансовых вложений, проведения структурной перестройки экономики, необходима политическая воля. Не проще ли и дешевле идти по привычной траектории развития, которая выражается в формуле "сначала рост, забота об экологии потом"?

В-третьих, где взять деньги? Для осуществления перехода к зеленой экономике Африке потребуется порядка 10-75 млрд. долл. в период с 2010 по 2030 гг.²³² В решении этих проблем страны Африки рассчитывают прежде всего на внешнее финансирование. Они единодушно потребовали от развитых стран предоставление им компенсации за ущерб, причиненный потеплением климата, который они оценивают в 67 млрд. ежегодно. Однако даже, если деньги в необходимом объеме поступят в Африку, нет гарантий на их целевое использование, учитывая уровень коррупции.

Концепция зеленого роста вызывает неадекватную реакцию со стороны развивающихся стран. Оценивая позитивные аспекты зеленой экономики, развивающиеся страны, прежде всего наименее развитые, обращают внимание на существующие для них риски. Во-первых, концепция зеленой экономики трактуется преимущественно в экологическом плане. Развивающиеся страны опасаются того, что забота развитых стран об охране окружающей среды (изменение климата,

²³¹ Ashok Swain, Ranjula Bali Swain, Anders Themnér, Florian Krampe. Climate change and the risk of violent conflicts in Southern Africa. Center for Sustainable Development, Uppsala University for the Swedish International Development Cooperation Agency (Sida). June 2011.

²³² The Economic cost of climate change in Africa. The Pan African climate justice alliance. November 2009. P. 9. http://www.pacja.org/index.php?option=com_contact&view=contact&id=1&Itemid=65P.34.

потеря биоразнообразия, обезлесение и т.п.) отодвинет на второй план их интересы развития (либерализация, проблемы внешней задолженности, бедности и увеличение международной помощи). Возникают вопросы относительно того, насколько соотносится модель зеленой экономики с целями и задачами экономического развития, с решением проблемы бедности.

Во-вторых, наметившийся подход к реализации этой концепции игнорирует особенности развития стран, закрепленные в положении Конференции по проблемам развития и окружающей среды в Рио-де-Жанейро в 1992 г. о принципах общей, но дифференцированной ответственности²³³. Развивающиеся страны вынуждены будут столкнуться с большими проблемами при переходе к экологически ориентированной модели развития.

В-третьих, создание зеленой экономики может быть использовано развитыми странами для оправдания торгового протекционизма, сохранения неравенства между богатыми и бедными странами, торможения развития последних²³⁴.

В-четвертых, предоставление развивающимся странам помощи, облегчение их долговой задолженности, вероятно, будет обусловлено реализацией стратегии развития зеленой экономикой²³⁵.

Осознание развивающимися странами этих рисков нашло свое отражение в принятом конференцией по устойчивому развитию в 2012 г. (Рио+20) итоговом документе – “Будущее, которое мы хотим”. В нем говорится о том, что зеленая экономика является лишь средством обеспечения устойчивого развития, которое страны могут использовать по своему желанию, выбирая соответствующие подходы и модели.

Способны ли развивающиеся страны самостоятельно, без помощи развитых стран, перейти на новый уровень экономического развития, который требует более совершенной технологической базы и немалых финансовых вливаний в экономику?

С точки зрения развивающихся стран долгом и обязанностью развитых стран должно стать оказание им прямой помощи и создание благоприятного внешнеэкономического климата как условия минимизации возникающих на этапе их индустриализации противоречий между интересами обеспечения экономического роста и охраны окружающей среды. Как правило, развивающимся странам не хватает не столько чистых технологии, сколько базовых технологий, прежде всего в сфере переработки отходов, очистки стоков, управления водными ресурсами, эффективного использования энергии. Это еще больше заостряет вопрос о необходимости передачи им современных технологий, без которых зеленое развитие теряет смысл.

Аналогичным образом рассматривается и проблема финансирования. По оценкам ЮНЕП, инвестиций в размере 2% мирового ВВП, или одна десятая от общего объема инвестиций в мире в год, хватит на то, чтобы предотвратить риски изменения климата и сформировать новый экономический облик мира в течение десятилетия²³⁶. Но за этими безликими цифрами, которые кажутся вполне реальными, скрывается вечный вопрос: “Где взять денег”? Отсюда и возникают сомнения в возможность реализации “зеленого развития” в развивающихся странах, прежде всего, наименее развитых.

²³³ The Africa regional preparatory conference for the United Nations Conference on Sustainable Development (Rio+20). Addis Ababa, Ethiopia 20-25. October 2011. United Nations African Development Bank. African Union Economic and Social Council Economic Commission for Africa. P. 6.

²³⁴ Эво Моралис на конференции в Рио-де-Жанейро в 2012 г. оценил концепцию “зеленого развития” как “проявление нового колониализма”.

²³⁵ См.: Third World Network. 25.01.2011.

²³⁶ Green growth, resources and resilience. P. 46.

В свете этого неоспоримым выглядит требование развивающихся стран об оказании им международной помощи. И их активность в экологической сфере напрямую зависит от получения содействия со стороны развитого мира. Затягивание с решением этих насущных для развивающихся стран проблем осложняет международное сотрудничество в экологической сфере и сохраняет противоречия между странами Севера и Юга, которые препятствуют обеспечению глобальной экологической безопасности. На Конференции Рио+20 (2012 г.) директор ЮНЕП Акин Стенер заметил, что мировое сообщество находится в затруднительном положении. В последний день работы саммита он сказал: "Мы не можем законодательно оформить устойчивое развитие в условиях нынешнего состояния международных отношений"²³⁷.

Устойчивое развитие как идеология и как стратегия выживания человечества в эпоху экологического риска связано с процессом глобализации, диктующим направление осуществления мер по предотвращению планетарного экологического кризиса. Сегодня становится очевидным, что достижение устойчивого зеленого развития в планетарном масштабе все более зависит от политического лидерства развивающихся стран и, прежде всего, Китая, Индии, Бразилии²³⁸.

Будучи по своей сути идеологией сближения всего мира на основе универсальных общечеловеческих ценностных установок, устойчивое развитие в своей практической реализации может, однако, стать фактором углубления социально-экономической дифференциации развивающихся стран с сопутствующим укреплением положения одних в интегрирующемся мире и еще большим отрывом других от развитого центра.

Включение экологического императива в стратегию развития оценивается как средство, ускоряющее экономическую модернизацию развивающихся стран. Но детерминированность процесса перехода к устойчивому зеленому развитию от наличия финансовых, материальных, кадровых, политических ресурсов и остроты нерешенных проблем усиливает опасность неравномерности прохождения этого этапа развития у разных стран развивающегося мира при возможном "провале" одних и успехах других. Переориентация экономики на зеленый рост на начальном этапе способна осложнить проблему занятости, снизить конкурентные преимущества грязных производств, а в глобальном масштабе углубить дифференциацию развивающихся стран.

И если динамично развивающиеся страны АТР обладают достаточными технологическими и финансовыми ресурсами, а главное политической волей для вхождения в "зеленый мир", то вряд ли стоит ожидать от наименее развитых стран Африки или Южной Азии столь же высокой заинтересованности в экологически безопасном развитии, свойственной НИС, Китаю или Индии. Причина — не только в стартовых экономических возможностях каждой страны. Готовность государств развивающегося мира следовать экологическим требованиям зависит в немалой мере и от видения ими своего места в глобальном мире, вхождение в которой облегчается в рамках устойчивого зеленого развития. Понимание ими этой зависимости повышает их заинтересованность в принятии необходимых решений, закладывающих основу последующей экологической, а, следовательно, и экономической модернизации.

²³⁷ Guardian. 28 June, 2012.

²³⁸ <http://www.scidev.net/en/agriculture-and-environment/land-water-pollution/editorials/after-rio-20-developing-countries-must-take-the-lead.html>

Если для наименее развитых стран устойчивое развитие — это возможность ускорения их экономического развития, то для среднеразвитых оно подразумевает перспективу перехода на качественно иную ступень развития, приближающую их к уровню развитых стран. Осознание ими преимуществ устойчивого развития, оформленного в настоящее время в стратегию зеленого развития, по сравнению с традиционной моделью экстенсивного экономического роста ускоряет технологическую модернизацию и облегчает адаптацию страны к интегрирующемуся миру. И сегодня это наглядно демонстрируют развивающиеся страны с высокими темпами экономического роста.

Д.Б. Малышева

ЮГ И ВОСТОК В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

От биполярной системы к новому мировому порядку. Пришествие в начале 1990-х годов на смену Холодной войне с ее биполярной структурой международных отношений нового мирового порядка было ознаменовано повышением глобальной роли США, которые стали претендовать на роль единственного мирового политического лидера. Эти притязания возросли с прекращением существования СССР и завершением распада социалистического лагеря («Второго мира»), в результате чего США освободились от стратегического противовеса, обретая новые возможности для достижения своих целей на мировой арене без оглядки на мощного конкурента.

Период, наступивший после биполярности, иногда отождествляют с многополярностью — «организацией международно-политической системы на началах полицентризма»²³⁹. Его трактуют также как время «плюралистической однополярности»²⁴⁰, поскольку доминирование Запада привело к усложнению мировой политической системы. Произошедшее в период с 2004 по 2008 гг. размывание этой ситуации вызвало к жизни концепцию «мира без полюсов»²⁴¹. Но более широкое распространение с приходом в американский Белый дом в 2001 г. администрации президента Дж. Буша-мл. получила доктрина одностороннего доминирования США в военных, экономических, политических сферах в глобальном масштабе. Этот внешнеполитический курс базировался на давней американской традиции унилатерализма (*unilateralism*), которая обычно трактуется в США как «право на самооборону, если возникает угроза существования государства»²⁴².

Особую популярность термин «унилатерализм» получил в связи со второй войной в Ираке (2003 г.), развязанной США по ложному поводу и без учета мнения международного сообщества и решений международных организаций. С тех пор многие предпринятые Вашингтоном аналогичные односторонние действия стали трактоваться как попытки навязать свою систему ценностей другим народам, что подкреплялось и определенным мессианским настроением во внешней политике США.

²³⁹ Барановский В. Г. Новое в мирополитической системе. - Международные процессы. М., 2010. Т. 8, № 1 (22), январь-апрель. С. 6.

²⁴⁰ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002.

²⁴¹ Haass R. The age of non-polarity. What will follow the U.S. dominance. – Foreign affairs. 2008, May-June.

²⁴² Podliska B. F. Acting Alone: A Scientific Study of American Hegemony and Unilateral Use-of-Force Decision Making. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Как отмечает американский политолог Барри Поузен, многие представители политической элиты США уверены: «их стране необходимо поддерживать убедительное превосходство в мировом раскладе сил, укреплять экономическое лидерство, расширять сообщество рыночных демократий и сохранять гипертрофированное влияние в международных организациях»²⁴³.

Поставленные цели способствовали тому, что приоритет в международных отношениях в 1990-х и 2000-х годах все чаще стал отдаваться силовым методам. Они получили различные наименования: «гуманитарная интервенция», «вооруженное вмешательство с целью защиты прав человека», «право демократической интервенции», «комплекс продвижения демократии» (*Democracy promotion complex*) и др. Такого рода акции подразумевали ввод вооруженных контингентов «ответственных мировых сил» (американских либо натовских) на территорию суверенных государств – часто без согласия на то правительств этих государств и без санкций ООН, что обосновывалось необходимостью быстрой и безотлагательной защиты населения в странах, где обострялись межэтнические и межконфессиональные противоречия, рос конфликтный потенциал, имели место масштабные и систематические нарушения прав человека. К этому в 2001 г. прибавилось и обвинение ряда стран в том, что они представляют угрозу международной безопасности (заявление Дж. Буша-мл. о существовании «оси зла», в которую он включил Ирак, КНДР и Иран).

Считается, что первая попытка ввести в международную практику «гуманитарные интервенции» была предпринята в 1999 г. в Югославии. Но на деле подобная практика отработывалась и раньше. И тогда, как и впоследствии, параллельно с гуманитарным вмешательством выполнялись очевидные политические задачи. Таковым было, например, вмешательство в 1964 г. Бельгии и Великобритании в гражданскую и этническую междоусобицу в Конго для освобождения, как официально декларировалось, заложников-граждан европейских стран. Гуманитарной была объявлена операция, проведенная Индией в 1971 г. в Восточном Пакистане, где в результате наложения природного бедствия на события гражданской войны возникла реальная угроза гуманитарной катастрофы. Вьетнам ввел в 1978 году свои войска на территорию полпотовской Кампучии в целях прекращения геноцида. Танзания осуществила в 1979 г. в Уганде военную операцию, направленную на свержение диктаторского, каннибальского режима Иди Амина. Гуманитарными мотивами был обусловлен ввод в 1965 г. американских войск в Доминиканскую Республику, в 1983 – на Гренаду, в 1988 г. в Панаму, в 1993 г. в Сомали. Гуманитарными целями оправдывалось вооруженное вторжение Индонезии в 1975 г. в Восточный Тимор, Бельгии – в Заир (1978 г.), СССР (в 1979 г.) в Афганистан, французского контингента в Республику Чад (1980 г.).

Многие из этих операций были расценены как вмешательство во внутренние дела иностранных государств и осуждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, попеременно находившейся в условия Холодной войны под влиянием одного из двух мировых блоков. Да и в целом в тот период существовал риск противодействия таким акциям со стороны США либо СССР, что было чревато угрозой прямого конфликта между самими сверхдержавами. Нельзя при этом не признать, что в современном политико-экономическом мироустройстве, где роль коллективного «Запада» во много раз возросла по сравнению с биполярным периодом, Западу в целом удается эффективнее влиять на позицию ООН и

²⁴³ Поузен Б. Умерить пыл. Доводы в пользу менее активной внешней политики. – Россия в глобальной политике, М., 2013, № 1, январь-февраль.

нейтрализовывать там по многим вопросам усилия своих оппонентов, даже в тех случаях, когда инициатива исходит от постоянных членов Совета Безопасности ООН – России или Китая. Ситуация несколько изменилась в 2012-2013 гг. в связи с обсуждением в СБ ООН сирийской проблемы, по которой РФ и КНР удавалось успешно блокировать практически все предложенные Западом и его союзниками антиасадовские резолюции, которые должны были легитимировать вооруженное насилие в Сирии с целью смены там режима.

Между тем сама ООН в свое время создавалась именно для установления законности и порядка среди современных государств. Но в Уставе этой международной организации подчеркивается как незыблемость государственного суверенитета, так одновременно допускается и возможность установления порядка силой. Право вето служит инструментом, ограничивающим зону ответственности ООН, но таким образом, чтобы данная организация не могла поддаться на интересы великих держав. Так что ООН была создана во имя поддержания устойчивости возникшего после Второй мировой войны международного порядка, а не для создания нового мироустройства. При этом следует отметить, что ООН, которая прошла через определенные стадии развития, попыталась включением в свой Устав принципа концепции коллективной безопасности укрепить статус-кво за счет международного сообщества, чтобы последнее само выступало в качестве уравнивающего фактора в системе равновесия сил.

Другое дело, что сама эта организация уже давно не располагает достаточными политико-организационными, военными и финансовыми средствами для реализации многих положений собственного Устава и особенно для проведения самостоятельных миротворческих акций. Отмечая неспособность Совета Безопасности прибегнуть к решительным действиям в Руанде, на Балканах и Косово, где имели место этнические чистки, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в «Докладе тысячелетия» 2000 г. оправдал возможность «гуманитарного вмешательства» в случае массовых нарушений прав человека. В развитие этой идеи официально учрежденная в ООН в сентябре 2000 г. «Международная комиссия по вмешательству и государственному суверенитету» представила 14 августа 2002 г. на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН доклад «Ответственность по защите» (*«The responsibility to protect»*). В нем указывалось, что суверенитет не только предоставляет государствам право «контролировать» свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств. В докладе предлагалось, что, когда государство не способно защитить людей — будь то из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, ответственность переходит к широкому международному сообществу²⁴⁴.

На практике, однако, эту «ответственность» в обход ООН и без учета мнения мирового сообщества стали «брать» на себя США/НАТО и их союзники и сателлиты. Их задача облегчается отсутствием в мировой политике сколько-нибудь серьезного военного противовеса (или полюса, каким были во времена Холодной войны СССР и Варшавский договор), что позволяет такому могущественному центру силы, как США/НАТО, практически единолично управлять мировыми делами. «Гуманитарные интервенции» в Ираке, Ливии, неудавшаяся попытка «продать» такое же вооруженное вторжение в Сирию и Иран красноречиво свидетельствуют о

²⁴⁴ ООН, Генеральная Ассамблея, 14.08.2002, Пятьдесят седьмая сессия. Документ A/57/33. [Электронный ресурс]. ООН. [Официальный сайт]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/525/72/IMG/N0252572.pdf?OpenElement>

возобладании в международных делах «высокомерия силы»²⁴⁵. Мир, однако, не стал от этого более предсказуемым и стабильным, а новый миропорядок выглядит все больше как «мировой беспорядок».

Что касается ООН с ее забюрократизированной, громоздкой, малоподвижной структурой, то она уже не способна оперативно и эффективно реагировать на множасьщиеся вызовы нового времени. В то же время давно назревшая задача реформирования организации часто сводится лишь к вопросу об увеличении постоянных членов Совета Безопасности за счет принятия в него некоторых крупных стран (таких, например, как Индии, ЮАР, Бразилии). Предлагается также принимать некоторые решения СБ ООН простым большинством или же, напротив – наделением вновь принятых членов правом вето. Хотя в таком случае вероятность санкционирования новых «гуманитарных интервенций» может сойти на нет, это едва ли остановит отдельные страны и организации (НАТО, в первую очередь), если они сочтут необходимым проводить такого рода военные операции.

Положение усугубляется тем, что ООН фактически не возражает против перекладывания ответственности за поддержание мира на региональные организации, что не становится панацеей для решения проблемы миротворчества или миростроительства. Индустриально развитые страны неохотно направляют своих военнослужащих на операции, проводящиеся в «регионах хаоса», как обозначает «проблемные» страны и регионы американский дипломат и внешнеполитический аналитик Роберт Купер²⁴⁶; а миротворцы из развивающихся стран, как правило, плохо обучены и недостаточно оснащены. Логично предположить, что для многих стран и региональных держав возрастет соблазн решать проблемы собственными силами и с выгодой для себя. Собственно, это уже наглядно продемонстрировали события «Арабской весны», особенно в Ливии и Сирии, где активное вмешательство – по большей части деструктивное – во внутригражданские распри Запада, Саудовской Аравии, Катара, Турции привело к эскалации конфликтов и вооруженного насилия. Поэтому сама слабость ООН невольно повышает вероятность гуманитарных интервенций в региональном или натовском исполнении.

Это категорически отвергается Россией, которая в своей внешнеполитической стратегии расценивает как неприемлемые «попытки использовать Совет Безопасности ООН для легитимации внешнего, включая военное, вмешательства во внутренние конфликты, давление на неудобные правительства под гуманитарными лозунгами»²⁴⁷.

Следует отметить, что и администрация Б. Обамы, пришедшая к власти в США в 2009 г., постепенно отказывается от внешнеполитического курса своих предшественников – подхода, основанного на односторонней гегемонии и контроле (при необходимости военными средствами) над всеми потенциально недружественными государствами. Взваленная на себя Соединенными Штатами ноша единоличного поддержания стабильности во всех уголках земного шара оказалась слишком тяжелой, если учесть, что в мире стали образовываться новые центры влияния. Небезынтересным видятся в этой связи размышления Роберта Купера, который считает: «Гуманитарная интервенция не всегда решает

²⁴⁵ Выражение принадлежит американскому политику Дж. Фулбрайту, резко раскритиковавшему в своей широко известной книге (*Fulbright J. W. The Arrogance of Power. New York: Random House, 1966*) военную интервенцию США в Индокитае.

²⁴⁶ Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. (Перевод с английского). М.: Московская школа политических исследований, 2010. С. 95.

²⁴⁷ Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации. – Стратегии развития. М., 2013, №1. С. 3.

проблему, но она может очистить совесть, и спасти множество жизней». Но вот «цена множественных интервенций окажется непомерно высокой... Вмешательство в гуманитарных целях опасно для государств, предпринимающих интервенцию. Сложно определять цели, сложно решать, где и когда остановиться. Существует большой риск затянуть кампанию. Державы, начавшие операцию в 'регионе хаоса', рискуют увязнуть там уже в силу своего присутствия. Кроме того, интервенция порождает вражду и страх, когда лекарство в конечном счете становится ядом»²⁴⁸. Добавим к этому: опыт Афганистана, Ирака, Ливии показывает, что попытка закрепления демократии в мире с помощью оружия оказалась фактически провальной.

Не удивительно, что в США в среде просвещенной части элиты набирает силу мнение о преимуществах многостороннего подхода к международным делам. Обращает на себя внимание, в частности, трактовка этой проблемы известным американским ученым и политиком Джозефом Наем.

«Многосторонний подход – это механизм, необходимый для того, чтобы заставить другие страны разделить бремя обеспечения общественных благ. Такое разделение бремени также способствует формированию приверженности общим ценностям. Даже с военной точки зрения США должны действовать в одиночку только в исключительных случаях. Это не только соответствует желанию американского народа (опросы общественного мнения показывают, что две трети американцев предпочитают многосторонние действия односторонним), но и имеет практическую подоплеку. Участвуя в миротворческих операциях ООН и НАТО, США оплачивает лишь малую часть общих расходов, в то время как легитимность многосторонних действий сокращает сопутствующие политические расходы на привлекательную сторону американской внешней политики, т. е. 'мягкую' демонстрацию мощи Америки – гуманитарные и культурные программы»²⁴⁹.

Иными словами, в начинающей реально складываться полицентричной системе международных отношений американская политика будет стремиться к тому, чтобы гибко маневрировать в рамках меняющегося мирового силового баланса²⁵⁰.

Обращает на себя внимание изменение самого понятия «миропорядок», который связывается теперь с образованием такой глобальной политической системы, где появляются новые наднациональные субъекты. Так, наряду с транснациональными корпорациями в мирополитическом процессе заметно участие различных неправительственных международных организаций, которые в условиях глобализации все активнее «размывают» национальные государства. Многие проблемы, с которыми эти государства не в состоянии справиться (терроризм, наркобизнес, пандемии, стихийные бедствия, техногенные катастрофы и др.), предпочтительнее становится решать преимущественно на глобальном уровне.

В сфере экономики надзор на международном уровне все больше переходит к таким транснациональным структурам, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др. В сфере безопасности в глобальном измерении действует Договор о

²⁴⁸ Купер Р. Там же.

²⁴⁹ Най Дж. Унилатерализм в противовес мультилатерализму. 24.11.2002. [Электронный ресурс]. Project Syndicate, Cambridge. [Офиц. сайт]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/unilateralism-vs-multilateralism/russian>

²⁵⁰ См. подробнее: Корсаков Г. Новые повороты военно-политического курса Вашингтона – Пути к безопасности. Бюллетень ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2011, Вып. 1-2 (40-41). С. 23.

нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) вкупе с контрольными механизмами Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Все более транснациональный характер приобретает такая формально региональная структура, как НАТО. Теперь эта международная организация, не ограничиваясь только военными вопросами и деятельностью преимущественно в евроатлантическом регионе, распространила свою деятельность на Африку, Южную и Центральную Азию, Средиземноморье, Ближний Восток (Средиземноморский диалог), Персидский залив (Стамбульская инициатива о сотрудничестве) и даже постсоветское пространство. Развивая в этих регионах взаимодействие со странами на двусторонней и многосторонней основах, НАТО охватывает в своей деятельности различные сферы: борьбу с терроризмом, подготовку специализированных кадров в армиях и структурах безопасности, обмен информацией и разведывательными данными между специализированными ведомствами НАТО и партнерами организации, помощь в проведении реформ в оборонной области, разработка оборонных стратегий в рамках Программы НАТО «Партнерство ради мира», борьба с распространением оружия массового поражения и средствами их доставки и пр.

Хотя сегодня многое из происходящего в мире не укладывается в привычные рамки, можно отметить следующие, наиболее примечательные признаки формирующегося нового мира²⁵¹.

Это, во-первых, экономический рывок Китая и удивительно быстрое превращение его в мощную военную и экономическую державу. По данным Международного валютного фонда, доля Китая в мировом ВВП (15%) к 2014 г. сравнится с долей мирового ВВП США (18%), на которых к концу Второй мировой войны приходилась почти 50% мирового ВВП. Для сравнения – доля КНР в 1980 г. составляла всего 2%, а в 1995 г. – 6²⁵². Хотя, несмотря на снижение доли США в мировом ВВП, они – благодаря своей диверсифицированной и высокопроизводительной экономике – еще на долгие годы останутся в числе самых мощных экономик мира.

Во-вторых, это фактор Евросоюза. Он, в условиях глобализации и связанного с этим процессом ослабления роли государств как главного субъекта мировой политики (их десоверенизации), трансформируется из созданного в 1992 г. Европейского экономического сообщества в геополитическое пространство Большой Европы. И хотя в рамках самого ЕС интеграция реализуется отнюдь не однозначно, в будущем ЕС может оказаться, как предсказывал профессор Гарвардского университета Сэмюэль Хантингтон, «единственным, но наиважнейшим ходом» во всеобщем противодействии американской гегемонии, что в итоге ведет к «подлинно многополярному миру XXI века»²⁵³.

В-третьих, это возвращение в мировую экономику и политику России.

В-четвертых – появление в Латинской Америке, Африке, Юго-Восточной Азии, Персидском заливе новых региональных держав, способных со временем составить конкуренцию Китаю.

Новый Третий мир. В результате глобализации происходит видоизменение не только привычной оси Запад-Восток, но и конструкции Север-Юг. Региональные

²⁵¹ См. подробнее: *Friedman G.* Beyond the Post-cold war world. 02.04.2013. [Электронный ресурс]. Stratfor, Austin. [Офиц. сайт]. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/beyond-post-cold-war-world>

²⁵² *Layne Chr.* The global power shift from West to East. 25.04.2012. [Электронный ресурс]. The National interest, Washington, May-June, 2012. [Офиц. сайт]. URL: <http://www.nationalinterest.org/article/the-global-power-shift-west-east-6796>

²⁵³ *Huntington S. P.* The Lonely Superpower. - Foreign Affairs. 1999, April-May.

региональные процессы в пространствах Юга и Востока обретают постепенно все более сложный, комплексный характер, перетекают в новые сферы взаимодействия не только между государствами, но также и негосударственными акторами. Вокруг государств-лидеров, обладающих военно-политической и экономико-технологической мощью, успешно осуществляется регионализация. Это наглядно проявляется на примере Восточной Азии, Персидского залива. При этом страны Юга и Востока часто используют свои военно-политические и экономические объединения (блоки), региональные группировки для коррекции отношений с Западом, а также и для защиты от экспансии Китая (АСЕАН).

В восточном регионализме уже сформировалось несколько моделей, одна из которых делает ставку на политический и сырьевой фактор. Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК) с помощью квот добычи нефти попыталась выступить в роли главного ценового регулятора мирового рынка. Эти функции ОПЕК стала, однако, со временем утрачивать, так как за последние 25 лет доля ОПЕК в мировой торговле нефтью снизилась с 53 до 43%. Вместе с тем доля стран-членов ОПЕК в мировой добыче нефти возросла.

Влиятельным мировым полюсом становится Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Здесь расположено большинство наиболее динамично развивающихся государств мира, среди которых выделяются Китай с Гонконгом, Тайвань, Сингапур. Доля АТР в суммарном мировом ВВП увеличивается и, по прогнозам, к 2025 г. этот показатель может составить 40-50%.

В странах традиционного распространения ислама имеется довольно развитая система религиозно-политических объединений, базирующихся на концепции мусульманской солидарности. Они пытаются координировать и направлять различные аспекты жизни мусульман, как в рамках отдельных стран и общин, так и в мировом масштабе. Успели они заявить свою позицию и по целому ряду конкретных аспектов глобальной политики.

Единственная мусульманская организация, действующая на правительственном уровне – созданная в мае 1972 г. Организация исламской конференции (ОИК). Отводя значительное место в своей деятельности пропаганде ислама, она одновременно стимулирует развитие экономического, политического и культурного сотрудничества мусульманских государств. Хотя членство в ОИК не предусматривает обязательного исламского характера внутренней политики государств-участников и не накладывает обязательств по введению шариата, подразумевается, что входящие в состав организации государства в теории обязаны руководствоваться принципами мусульманской солидарности. Это означает, что интересы религиозной общности они должны ставить выше национально-государственных.

Результативность деятельности ОИК на сегодняшний день довольно низка, что обусловлено неодинаковым подходом стран-членов организации к мировым проблемам. Что касается других мусульманских международных организаций, действующих на неправительственном уровне, таких, как Лига исламского мира, Всемирный исламский конгресс и другие, то они в еще меньшей степени, чем ОИК, преуспели на поприще формирования особой, «мусульманской», внешней политики. Идея «единства и братства всех мусульман» не смогла сблизить позиции участников организации в отношении большинства региональных и глобальных проблем. Солидарность мусульманских стран в рамках их организаций остается в основном чисто символической, не влияющей на практическую политику. На первом месте для каждого государства «мусульманского мира» остаются его жизненные интересы, если речь идет о его безопасности, а не интересы мусульманского сообщества.

Влияние «мусульманского мира» все больше связывается не с деятельностью ОИК или каких-то других религиозных организаций, а с активностью светских экономических или политических объединений – таких, как ОПЕК, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), поскольку они обладают большим удельным весом и влиянием в странах традиционного распространения ислама.

Углубилась в бывшем Третьем мире и социально-экономическая дифференциация. Появилась достаточно большая группа государств, которые, благодаря стабильной политической обстановке, выгодному географическому положению, наличию дешевой рабочей силы, больших запасов сырья или редких его видов и пр., удачно вписались в международное разделение труда (аравийские монархии Персидского залива, новые индустриальные государства ЮВА). Некоторые страны-экспортеры смогли обеспечить за счет перераспределения нефтяной ренты повышение душевого дохода до уровня, сопоставимого с развитыми странами.

Региональные державы с их динамично развивающимися экономиками постепенно наращивают потенциал влияния на международные отношения и становятся активными участниками выработки новых правил игры в мировой политике. Трудно представить себе решение многих проблем (конфликты, ядерные программы, изменение климата и пр.) без участия этой группы стран, с которыми промышленно развитые страны Запада вынуждены считаться и взаимодействовать. Происходит активное становление и других форм вовлечения региональных держав в мировые дела.

Показатели того, что регионализация получает мощные импульсы, заметны и многообразны. Но наиболее успешно она осуществляется вокруг государств-лидеров, обладающих военно-политической и технико-экономической мощью. Таковыми можно считать государства, сгруппировавшиеся в неформальное объединение БРИКС (в составе Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики), которое нацелено на формирование более равновесного и предсказуемого глобального экономического порядка.

БРИКС и Движение неприсоединения. В 2001 г. ведущий экономист банка *Goldman Sachs* Джим О'Нил впервые предложил аббревиатуру БРИК для обозначения четырех наиболее динамично развивающихся экономик – Бразилии, России, Индии и Китая, которые, по его прогнозам, к середине XXI века должны обогнать «Большую семерку» (G7) по совокупному объему ВВП. Согласно предположениям, к 2050 г. суммарный ВВП стран БРИК должен превысить суммарный ВВП стран «семерки»²⁵⁴. Иными словами, в начале нового столетия рынки стран БРИК представлялись наиболее многообещающими. Предполагалось также, что растущая мощь этих стран в мировой экономике способна изменить глобальный экономический и политический пейзаж XXI века.

Стремление занять собственную нишу в мировой экономической и политической системе стало сильным побудительным стимулом для стран этой группы начать переговоры о своем формальном объединении. В 2006 г. во время 61-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел, номинально положившая начало политической истории БРИК. Первая краткая встреча глав государств БРИК состоялась 9 июля 2008 г. в Тояко-Онсэн (Хоккайдо,

²⁵⁴ Escobar P. A history of the world, BRIC by BRIC. – The Asia Times, Hongkong, 28.04.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Global_Economy/ND28Dj04.html.

Япония) после саммита G8, после чего 16 мая 2009 года был проведен полномасштабный саммит БРИК в Екатеринбурге. С 2010 г. встречи глав государств группы становятся ежегодными.

Координация действий стран БРИК (с весны 2011 года – БРИКС, поскольку к изначальной четверке присоединилась Южно-Африканская Республика) в вопросах глобальной политики становится все заметнее. Если страны БРИКС действительно объединятся, они, как предполагается, получают уникальные возможности для увеличения своего совокупного влияния на мировые процессы не только в экономике, но и в других ключевых областях: политике, военной сфере, экологии и др.

БРИКС не является политическим и тем более – военно-политическим союзом. Применительно к странам-участникам этого неформального клуба наиболее часто употребляются термины – «развивающиеся экономики», «экономики роста». На очереди на присоединение к БРИКС стоят и быстро развивающиеся страны Юга и Востока (Индонезия, Мексика, Нигерия, Турция и др.).

Между тем реальные экономические связи между государствами БРИКС чрезвычайно малы и не превышают 1% мировой торговли. Это объединение фактически только сделало заявку на участие в решении международных проблем. У стран БРИКС имеются некоторые разнонаправленные внешнеполитические ориентации и геополитические противоречия; есть и разногласия по вопросу включения в Совет Безопасности ООН на правах постоянных членов Индии и Бразилии (Россия поддерживает их кандидатуры, а Китай противится); существует и давняя напряжённость в отношениях Китая и Индии. Эти нестыковки, а также отсутствие общего – географического, экономического, ценностно-культурного пространства также осложняет работу объединения. Главное же – имеются серьезные различия в темпах и перспективах экономического развития. Если Китай претендует на то, чтобы составить конкуренцию Соединённым Штатам, то такие страны, как Россия или недавно присоединившаяся к новому клубу ЮАР, имеют неоднозначные перспективы по причине большого количества нерешенных институциональных проблем и неустойчивого роста.

Позиционируя себя как группа, действующая в логике многополярного мира, участники БРИКС (Россия, КНР, Индия и Бразилия) не только входят в состав G8, но, по всей видимости, дорожат членством в этом элитном клубе, а также в других международно-политических организациях, где тон задают США и другие индустриально развитые страны Запада. И все попытки (не столь уж, впрочем, и энергичные) по формированию альтернативы им в виде той же БРИКС (или же ШОС) нивелируются. Как справедливо отмечает Н. А. Косолапов, рано пока еще связывать с БРИКС «перспективу или даже уже реальность многополярного (читай: идущего на смену США-центричному) мира. ... на официальном уровне участники группы (за исключением России) пока не давали оснований подозревать их в готовности возглавить бунт против однополярности или хотя бы присоединиться к нему, если таковой будет иметь место»²⁵⁵.

Тем не менее, объективно БРИКС имеет достаточный потенциал для того, чтобы стать перспективным межрегиональным центром влияния. Общая площадь стран БРИКС – более 26% от общемировой. Численность населения составляет 2.83 млрд. человек, и это более 42% от всего населения планеты; суммарный ВВП (по паритету покупательной способности национальных валют) стран БРИКС составляет 25% от мирового, а с присоединением ЮАР объединение вышло на 50-процентный

²⁵⁵ Косолапов Н. А. Прообраз посткапитализма. БРИКС как международное политическое пространство. – Россия в глобальной политике. М., 2013, № 1, январь-февраль.

уровень прироста глобального мирового ВВП²⁵⁶. Все государства, входящие в «пятерку», выступают за глубокую реформу финансово-экономического мироустройства, считая, что мировой экономический кризис дал этой реформе новый толчок.

Обращает на себя в этой связи внимание комментарий члена-корреспондента РАН, директора Института Латинской Америки РАН В. М. Давыдова, который утверждает: объединение БРИКС состоялось «главным образом на платформе признания необходимости перестройки мировой финансово-экономической архитектуры»²⁵⁷. Его точку зрения разделяют и некоторые западные ученые и эксперты. Так, например, Штефан Маир из берлинского Фонда науки и политики (SWP) оптимистичен в оценках будущего этого нового объединения. «В последнее время мы все чаще становимся свидетелями того, что крупные и влиятельные страны все реже прибегают к помощи ООН и других больших международных организаций для согласования совместных шагов в мировой политике и оказания на нее влияния... Вместо этого они стараются создать неформальные альянсы, в рамках которых в непринужденной обстановке можно провести переговоры на ту или иную тему и попытаться сформировать общую позицию»²⁵⁸.

Международное политическое пространство группы БРИКС состоялось в том смысле, что все пять государств разделяют свою принадлежность к этой группе и желание сотрудничать с другими объединениями и странами. В принципе возможно взаимодействие БРИКС с существующими и будущими международными организациями, подключение к нему новых участников, а также создание в рамках БРИКС специализированных организаций. Это позволит группе позитивно влиять на многие экономические и политические процессы, как на региональном, так и на глобальном уровне.

Другим объединением, ассоциирующимся с идеей многополюсного мира, является Движение неприсоединения (ДН). Смысл Движения, когда оно создавалось в 1961 г., состоял в том, чтобы в его рамках бывшие и зависимые колониальные страны могли вырабатывать общую позицию по кардинальным международным проблемам без своего участия в борьбе двух противостоявших блоков и двух идеологий, что, впрочем, ДН не всегда удавалось. В наши дни Движение, объединяющее 120 государств мира – и тоже на принципах неучастия в военных блоках – представляет собой не столько военный или политический союз, сколько является площадкой для встреч лидеров очень разных государств, которые не хотят полностью присоединяться к оставшемуся «Первому миру» (Западу) в отсутствии «Второго» (СССР и социалистического лагеря).

В 1990-е годы Движение делало основной упор на экономических проблемах (сотрудничество ради развития; решение проблем долгов, голода, неравноправия в сфере мировой торговли и пр.), что позволило заложить многие идеи ДН в основу ключевой программы ООН – «Цели развития тысячелетия».

На Тегеранском саммите ДН, прошедшем 2 сентября 2012 г. в период председательства в Движении Ирана, была предпринята попытка наполнить ДН

²⁵⁶ O'Neill J. The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. 2011. Reviewed by Benjamin Shobert in: BRIC by brick to the future. Asia Times, 25.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/China_Business/NB25Cb01.html.

²⁵⁷ Давыдов В. М. БРИКС в поисках нового мирового баланса. Коалиция подводит итоги начального этапа и вырабатывает приоритеты на будущее. – Независимая газета. 05.03.2012.

²⁵⁸ БРИК – надуманный альянс или реальная политическая силы? 15.04.2010. [Электронный ресурс]. Немецкая волна. [Официальный сайт]. URL: http://www.dw-world.de/popups/popup_printcontent/0,,5468962,00.html.

большим политическим содержанием преимущественно антизападной направленности. Однако вдохнуть новую жизнь в ДН не удалось тогда и едва ли удастся в будущем. Движение, подобно другим организациям стран Юга (Организация Исламской конференции, например), объединяет в своих рядах очень разные страны, имеющие несхожие, порой диаметрально противоположные подходы к одним и тем же проблемам. Если раньше идеи антиимпериализма, антиколониализма могли стать для участников Движения неким объединяющим стречем, то в наши дни ДН, являющееся фактически пережитком Холодной войны, едва ли имеет шанс на то, чтобы стать серьезной экономической и политической силой в рамках формирующегося многополярного мира. Тем более что довольно значительный массив азиатских, латиноамериканских и особенно африканских стран, остающихся в тяжелом положении, кровно заинтересован в помощи международных доноров из ВБ, МВФ, МБРР, ООН, других структур. И именно от них, а не от виртуальных по сути организаций типа ДН, эти страны получают основную поддержку.

«Проблемные государства». Проблематика этих стран, которые прежде были отнесены к «Четвертому миру», или, иначе – к категории «несостоявшихся», «провалившихся» государств, а ныне именуют «нестабильными», «уязвимыми», «хрупкими» (*fragile states*), выходит в глобальной повестке дня в сфере содействия международному развитию на передний план. Число таких государств продолжает увеличиваться.

Так, по подсчетам Всемирного банка, 26% семимиллиардного населения мира живет в «проблемных государствах», где прожиточный минимум составляет менее 1.25 долл. США в день. Сегодня насчитывается 47 таких государств с населением около 1.5 млрд. человек. С конца 1980-х годов около 70% «нестабильных государств» оказывались вовлеченными в вооруженные конфликты. На эти государства приходится 1/3 всех смертей от СПИДа, половина детской смертности в мире; треть населения лишены здесь доступа к чистой питьевой воде, и такая же доля детей в государствах, относимых к «нестабильным», не получают начального образования. Предполагается, что к 2015 году только десятой части этих стран удастся уменьшить вдвое нищету и голод, а процесс политической трансформации «нестабильных государств» может занять, согласно ряду экспертных оценок, от 20 до 40 лет²⁵⁹.

«Нестабильными», «проблемными» могут быть не только государства, но и отдельные внутригосударственные регионы, которые сталкиваются с рядом неблагоприятных обстоятельств временного или постоянного характера – с экономическим кризисом, социально-политическими или этническими конфликтами, техногенными катастрофами, разрушительными стихийными природными явлениями и пр. Такие регионы, где уровень экономического развития и качества жизни населения намного ниже, чем в других регионах страны, больше подвержены стагнации, экономическому спаду, что создает условия для криминализации общественных отношений, вспышек социальных, этнических, религиозных конфликтов.

«Проблемным государствам» в той или иной степени присущ целый ряд неблагоприятных характеристик постоянного или временного характера. И хотя разработанные учеными и международными организациями многочисленные индексы часто выглядят как политизированные и субъективные, в целом из них

²⁵⁹ Доклад о мировом развитии 2011. Конфликты, безопасность и развитие. Вашингтон: Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк, 2011.

можно извлечь несколько показателей, которые могут оказаться полезными для характеристики таких государств.

Экономические показатели «нестабильности»:

- замедленное или кризисное развитие экономик;
- внезапный и значительный экономический спад;
- неравномерное экономическое развитие различных слоев населения;
- повышенная бедность;
- дисбаланс в развитии внутристрановых регионов.

Социальные индексы:

- высокая степень безработицы;
- интенсивные миграционные процессы;
- массовый наплыв беженцев и временно перемещенных лиц;
- постоянный или длительный отъезд из страны представителей среднего класса, интеллигенции, ученых.

Политические индексы:

- обостренные социально-политические и этнические противоречия;
- наличие слабо контролируемых центральной властью конфликтных территорий;
- повышенная криминогенная ситуация, которую государству не удается преодолеть;
- коррупция в высших эшелонах власти;
- прогрессирующее ухудшение работы государственных институтов и служб;
- неисполнение законов, широкомасштабные нарушения прав человека;
- активное вмешательство во внутренние дела других государств или политических деятелей извне.

Все эти факторы затрудняют способность властей контролировать целостность государств, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию. Усложненными оказываются и процессы политической трансформации, связанные с преодолением конфликтов и нестабильности, обеспечением безопасности развития. Все это является препятствием для привлечения инвестиций, мешает экономическому росту государств.

Ситуацию усугубляет и то, что «проблемные государства» превращаются в угрозу безопасности сопредельных стран и регионов, особенно если те являются слаборазвитыми и бедными. Трансграничное передвижение оружия, вооруженных группировок, наркотиков и других ресурсов, питающих конфликты, поддерживает нестабильность. Она может быть связана также и с глобальными факторами: кризисом мировой финансовой системы; распространением криминальных сетей; коллапсом международных отношений; ухудшением состояния окружающей среды, поскольку между устойчивым развитием государства и состоянием экологической системы на его территории прослеживается сильная взаимозависимость.

Относительно новое явление, связанное с нестабильностью и ослабляющее позиции развивающихся («проблемных») государств — это так называемые «негосударственные конфликты» (*non-state conflicts*). В них транснациональные иррегулярные вооруженные организации и формирования типа «Аль-Каиды», прибегающие часто к террористическим методам, противостоят либо правительствам, либо гражданскому населению, становящемуся объектом насильственных или террористических действий со стороны таких негосударственных субъектов. В наши дни радикалы нового поколения развернули на мировой арене религиозно обусловленную войну, и им в полной мере удается использовать мобилизующий потенциал ислама. Главной мишенью современного

международного терроризма в религиозном облике становятся граждане государств, объявленных врагами ислама. Нередко сами теракты трактуются их организаторами в терминах геополитики – как ответ богатому Северу со стороны бедного («Глубокого», по выражению А.И. Неклессы) Юга, разрыв между которыми стал фатальным.

Подводя итог сказанному, отметим: нестабильность, приводящая, как правило, к конфликтам, может быть преодолена, если государства рассматриваемых регионов начнут выполнять ряд важных условий.

Во-первых, необходимо обеспечить легитимность государственных институтов, ибо там, где институты не могут должным образом защищать граждан, ограждать их от коррупции, в том числе и с помощью независимой судебной системы, вероятность возникновения конфликтов, а также и того, что государства пополняют ряды «нестабильных» в мире, увеличивается.

Во-вторых, важно укрепление структур безопасности, но так, чтобы они обеспечивали безопасность граждан, их равенство, справедливое распределение благ, а не превращались властью в инструмент политического давления на инакомыслящих либо в защитников интересов элит – финансовых групп и в целом власти.

В-третьих, необходимы институциональные преобразования, укрепление потенциала государственных структур.

В-четвертых, нестабильность может быть преодолена благодаря разнородному подходу, когда одни проблемы будут решаться на уровне государства, другие – на региональном уровне, третьи – на глобальном. При этом возрастает роль международных институтов, осуществляющих донорские функции, а также и межгосударственного взаимодействия, в рамках которого страны со средним и высоким уровнем развития (включая сюда и новых доноров – Китай, Турцию, Катар, Индию и др.) смогут оказывать помощь «проблемным странам» по линии «Север-Юг» и «Юг-Юг».

Интересы и приоритеты России. Итак, за прошедшие десятилетия ситуация в мире характеризовалась усилением неравномерности глобального развития, ростом международной нестабильности. Мир переживал масштабную геополитическую перекройку, сопровождающуюся перераспределением сил между Севером, Югом и Востоком, а также кризисами, спадами и подъемами в сферах экономики, финансов, политики, всей системы международных отношений. Такая стремительно меняющаяся международная обстановка ставит Россию перед новыми вызовами, побуждает ее определить свое место в формирующемся многополярном мире и полицентричной системе международных отношений.

Россия безусловно заинтересована в обретении роли одного из влиятельных центров современного мира, важного фактора глобального равновесия геополитической стабильности и сбалансированности в мировой политике. При этом южный и восточный векторы внешней политики России – вне зависимости от их нынешнего реального состояния – не менее значимы и важны для нее, нежели западное направление, прежде всего, с точки зрения перспектив развития новой России.

Основные вызовы, угрозы и риски безопасности России на южном и восточном направлениях можно квалифицировать, с одной стороны, как традиционные, с другой – как новые. К первой категории относятся: внешняя агрессия, межнациональные конфликты, социально-политические протестные движения, экологическое и природные катаклизмы и пр. Ко второй – терроризм и религиозный

экстремизм, подпитывающая эти явления наркоторговля, возможность распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и его попадания к террористическим группировкам. Существует и угроза неконтролируемого оборота различных радиоактивных материалов, которая наделяет адептов ядерного террора новыми возможностями.

На фоне стремительных перемен в современном мире меняется геополитическая обстановка и на южных рубежах России. Здесь разворачивается конкурентная борьба глобальных держав и мировых центров за получение доступа к сырьевым, энергетическим, научно-техническим, людским и территориальным ресурсам на ранее практически закрытом для них пространстве Центральной Азии и Каспийско-Черноморского региона. Усиливается здесь и соперничество между самими государствами СНГ, а также между Китаем, Ираном, Турцией, другими региональными державами. Вызовы безопасности России усугубляются ее геополитической сопряженностью с Афганистаном, Северной Кореей, другими азиатскими центрами нестабильности, включая сюда центральноазиатский и каспийско-черноморский пространственные ареалы.

Сложные процессы геополитической трансформации претерпевает регион Ближнего Востока и Северной Африки, где обостряются ирано-арабские и шиитско-суннитские противоречия, а с начала 2011 года разворачиваются массовые протестные движения, которые способны вовлечь в орбиту геополитических пертурбаций граничащие с Россией постсоветские государства Центральной Азии и Южного Кавказа. А потому вопрос о том, пойдет ли их развитие по афганскому, арабскому или же по какому-то иному сценарию, имеет для России принципиальное значение. Ведь значительные сами по себе последствия дестабилизации центральноазиатского и каспийско-черноморского пространств – под влиянием ли афганского, арабского или каких-то других факторов – могут сказаться и на безопасности самой России.

Зачастую, к сожалению, внешняя политика России сохраняет «реактивный», инерционный, в общем, неадекватный характер, следствием чего становится «выпадение» России из процессов, связанных с развитием и поддержанием безопасности в государствах Юга и в ее собственных восточных регионах. При такой перспективе возможность территориальной либо экономической экспансии (как со стороны сопредельного Китая, так и стран Запада) исключить нельзя. А это уже может стать предпосылкой для возникновения конфликтных ситуаций.

Основные задачи России на южном и восточном направлениях ее политики можно свести в самом общем виде к следующим позициям:

- обеспечение стабильности на основе партнерских отношений со всеми государствами Юга и Востока, где приоритет предпочтительнее отдавать развитию политико-экономического взаимодействия со странами АТР;
- использование геополитического потенциала стран Юга и Востока с целью решения практических и статусных задач России как мировой и региональной державы;
- противодействие военно-политическим угрозам; поддержка и развитие военного сотрудничества; активизация военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ и ШОС;
- снижение конфликтности в странах Юга и выработка альтернативы безопасного развития;
- противодействие религиозному экстремизму, получающему поддержку от неправительственных религиозно-политических организаций ряда стран Ближнего и Среднего Востока;

- эффективное использование существующих многосторонних механизмов сотрудничества, энергетического и природно-ресурсного потенциала стран Юга и Востока;

- продвижение на рынки этих государств интересов отечественных производителей, энергетических и других компаний; распространение российской экспортной структуры, включая ее военно-промышленную компоненту;

- поддержание конкурентоспособности «своих» маршрутов доставки энергоносителей на мировые рынки; усовершенствование трубопроводных систем, пролегающих по территории России, их диверсификация; защита интересов российских производителей нефти и газа.

- формирование имиджа России как надёжного и перспективного партнёра по экономическому сотрудничеству, способного органически вписаться в бизнес-среду стран Юга и Востока, представляющих собой зачастую отличные от России культурно-цивилизационные общности со своей религией (ислам, буддизм, индуизм и пр.) и традициями.

Важными представляются и меры, которые необходимо принять России для международно-политического взаимодействия в сфере безопасности. Они включают в себя:

- Развитие стратегического сотрудничества с Китаем и рядом других региональных партнеров (Индией, Пакистаном, Турцией, Ираном) на трех направлениях восточной политики РФ – в Центральной Азии (и Афганистане), на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке.

- Установление сотрудничества с теми международными структурами (ООН, ОБСЕ), которые разделяют российскую озабоченность существующими и потенциальными рисками и угрозами.

- Взаимодействие со странами Европейского союза, США и НАТО на основе общих интересов, ясно обозначенных принципах и условиях сотрудничества или же, в случае необходимости, конкуренция с ними.

Для того чтобы воплотить вышеперечисленное в жизнь, понадобятся решительные шаги по реформированию российской внешней политики, приведение ее в соответствие с меняющимися мировыми и региональными реалиями. Речь идет в этой связи о следующем:

- Формулирование обновленного внешнеполитического проекта, который был бы не только адекватен новой роли и возможностям России в меняющейся внешней среде, но отталкивался бы от поиска разумного баланса между интересами всех основных субъектов международного общения.

- Усиление внешней политики РФ, ориентированной на модернизацию и повышение ее конкурентоспособности.

- Выработка инновационной стратегии, учитывающей национальные интересы России как суверенного государства и налагающей на потенциальных партнеров России четко очерченные ею же «правила игры».

- Избавление международного статуса России от одного лишь сырьевого или же ядерного качества.

- Использование механизмов влияния, которые получили в американской политологии название «мягкой силы»; формирование общего культурного, информационного, языкового пространства со странами Юга и Востока; развитие культурных связей, в том числе и в сфере подготовки элит, где важно, чтобы российская культура, образ жизни граждан нашей страны обрели притягательность.

Реализация всех этих мер — задача, возможно, не сегодняшнего, а завтрашнего дня. Несомненно и то, что она, по мере ее выполнения, будет

корректироваться и обрести важными дополнениями, диктуемыми экономической, политической и геополитической конъюнктурой. В целом же подобная долгосрочная программа необходима, в том числе и для того, чтобы создать солидную и идейно мотивированную основу для продвижения интересов развивающегося российского капитала, структур безопасности РФ и ее дипломатии.

В пользу России говорит обладание ею внушительным потенциалом – обширной территорией и рынками сбыта, обеспеченностью ресурсами и инфраструктурой, масштабом и качеством производственных мощностей и человеческого капитала, инвестициями за рубежом и военно-техническим потенциалом сдерживания. Есть у России и достаточно мощный ресурс, чтобы реализовывать поставленные цели. Будучи крупной ядерной державой, она является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Россию связывают важные двусторонние договоры или же стратегические союзы со многими ведущими государствами Юга и Востока; она занимает центральное место в ОДКБ и лидирует, наравне с Китаем, в Шанхайской организации сотрудничества, действующей с 2001 г. в качестве полноправной международной структуры. Россия является фактически самым влиятельным участником международной экономической интеграции в СНГ, располагая, таким образом, для реализации своих интересов благоприятной основой. Задача состоит в том, чтобы Россия смогла грамотно и с выгодой для себя воспользоваться этими уникальными возможностями.

«Выпадение» России из пространственных ареалов Юга и Востока, добровольное снятие ею с себя функций одного из их держателей, отстранение от участия в решении проблем Ближнего и Среднего Востока, учитывая, что он является фактически южным «подбрюшьем» СНГ и российского Северного Кавказа, – все это со временем неизбежно скажется на самой России. А потому для России важно и дальше обозначать свое присутствие в стратегически важных для нее южных и восточных регионах, где России необходимо будет брать на себя инициативу по части продвижения и налаживания структур и организаций региональной безопасности, включающих как постсоветские государства, так и страны, не входившие в СССР. Это будет служить стабилизации непрочных границ и противодействию угрозам безопасности. Для того чтобы играть такую роль, России придется восстановить свое положение динамичного ядра региона. Только тогда сильная и более уверенная в себе Россия станет важной составной частью позитивных перемен в мире, влиятельным участником созидания многополярного мира.

Н.П. Скороходова

ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИКА

Создание веб-пространства. Цифровая революция охватила практически все сферы жизнедеятельности современного мирового общества. Высокие технологии и Интернет сформировали новую информационную среду, потенциал которой еще не до конца раскрыт и изучен. На сегодняшний день доминирующие позиции в сфере киберпространства занимают развитые общества Запада и США в первую очередь.

Известно, что одним из главных двигателей технического прогресса является создание нового оружия. Прототип современного Интернета – компьютерная сеть ARPANET была создана в недрах Министерства обороны США. В 1958 году, когда холодная война и противостояние между двумя соперничающими мировыми

политическими системами уже были в разгаре, Пентагон в ответ на запуск первого советского искусственного спутника Земли создал Агентство передовых оборонных исследовательских проектов - DARPA. Цель этого проекта состояла в том, чтобы занять лидирующие позиции в освоении космического пространства. Агентство получило заказ на создание надежной системы связи, способной выдержать ядерную атаку. Первое испытание сеть ARPANET прошла в 1969 году.

Развитие нового мирового информационного пространства могло пойти по иному сценарию. Кроме США, всеми необходимым на тот момент интеллектуальным, научным и материальным потенциалом для развития этого направления обладал Советский Союз. В начале 60-х годов в СССР уже имелась концепция единой системы вычислительных центров для обработки экономической информации. Причем развивалась она не для военных нужд, а для потребностей народного хозяйства. В 1962-64 годах один из самых гениальных математиков и кибернетиков XX века, советский академик В.М.Глушков, который стоял у истоков создания вычислительных центров и развития отечественной кибернетики, разработал Общегосударственную автоматизированную систему управления экономикой (ОГАС). Согласно проекту это была единая государственная сеть, включавшая около 100 центров в крупных промышленных городах и центрах экономических районов, объединенных широкополосными каналами связи. Фактически этот проект стал прототипом современного Интернета.

Развивая этот проект, страна ещё в то время могла бы получить значительную экономическую выгоду, не говоря уже о перспективах будущего. Однако из-за сильного сопротивления некоторых представителей научных кругов, рутины в системе государственного управления советской наукой и ранней кончины В. М. Глушкова замечательному изобретению не суждено было получить развитие. О значимости и большом потенциале этого проекта говорит хотя бы тот факт, что за ним пристально следили на Западе. По воспоминаниям самого В.М.Глушкова, в зарубежной прессе, в частности в американском The Washington Post и английском The Guardian появился ряд статей, где академика именовали «царем советской кибернетики», уверяя, что он хочет заменить кремлевских руководителей вычислительными машинами. Распространялись утверждения о том, что это – «заказ КГБ, чтобы упрятать мысли советских граждан в банки данных и следить за каждым человеком»²⁶⁰.

Имелись в СССР и другие разработки в области кибернетики, которые позволили бы стране занять лидирующие позиции в этой сфере. Например, были созданы конкурентоспособные серверы, персональные компьютеры, интерфейсы (прототипы современного Windows), система гипертекста (современный пример – веб-страницы в Сети). И позднее, в 1990-е годы, у новой России еще сохранялись возможности войти в число стран-лидеров в информационной области. Однако в эпоху «распила» советского наследства, первоначального накопления капитала и воровской приватизации было не до этого.

Тем временем наступила эпоха высоких технологий. В Соединенных Штатах сложился своего рода альянс науки, бизнеса и государства, причём государство в первую очередь представляли Пентагон и спецслужбы. Все члены этого сообщества были заинтересованы в формировании нового информационного пространства, возможности которого во много раз превосходили бы традиционные способы передачи и получения данных, не будучи ограничены пространством. Здесь объединилась наука, ищущая возможности практического применения своим исследовательским разработкам, интересы государства и прежде всего институты

²⁶⁰ Комсомольская правда. 11.07.2013.

национальной безопасности, частная предпринимательская инициатива. А научно-техническая база в Силиконовой долине к тому времени уже давно была создана. Система, при которой «мозговой центр» находится в США, а производственные мощности в других странах, была прекрасно налажена и отработана.

Здесь нельзя не отметить значение стратегических разработок американских военных ведомств и спецслужб.

В 90-е годы американские военные аналитики, изучая внутригосударственные и международные военные конфликты, начали разрабатывать новые концепции ведения войн, не гнушаясь применением их на практике (операция «Буря в пустыне», агрессия НАТО в Югославии и др.). Одним из планировщиков операции «Буря в пустыне» полковником ВВС США Джоном Уорденом была разработана стратегия так называемых сетцентричных войн, получившая дальнейшее развитие. В 1998 году в свет выходит совместная статья вице-адмирала Артура Себровски и военного аналитика Джона Гарстка «Сетцентричная война: ее происхождение и будущее», которая «произвела эффект разорвавшейся бомбы в военных и научных кругах. По мнению авторов, ядро такой войны находится на пересечении социальной, физической, информационной и когнитивной областей. Ключевым для этой теории является термин «сеть». Ещё один сторонник этой концепции, американский исследователь, работавший на американскую оборонку доктор Дэвид Альбертс считал, что целью сетевой войны является людской разум. Причем вести такую войну способны не только национальные государства, но и другие негосударственные образования – от различных группировок, объединенных по политическим, религиозным, этническим, преступным и другим мотивам, до международных организаций и транснациональных компаний. Все они способны предпринимать информационные атаки и строить информационные стратегии для достижения желаемых целей²⁶¹.

Перед американскими учёными, работавшими на нужды военных, была поставлена чёткая задача – обеспечить Соединенным Штатам в новую информационную эпоху главенствующие позиции в новой информационной сетевой среде.

На создание «мозгового центра» – знаменитой «Силиконовой долины», детищем которой стали компьютерная индустрия и Интернет, правительство США десятилетиями не жалело средств и целенаправленно вкладывало сюда деньги, привлекало лучшие научные умы. Корпорация IBM – один из крупнейших в мире производителей и поставщиков аппаратного и программного обеспечения, IT-сервисов и консалтинговых услуг, выросла в 60-е годы благодаря заказам американских спецслужб. Она и поныне является головным поставщиком аппаратной части серверов и компьютеров, так называемого «сложного железа», для Агентства национальной безопасности (АНБ) и других секретных служб США.

Любопытно, что компания IBM поручает разработать операционную систему для первого персонального компьютера никому не известной фирме по написанию компьютерных программ, принадлежавшей Биллу Гейтсу. Протекцию ему составила его мать, которая была членом совета директоров солидных финансовых и телекоммуникационных компаний и президентом национального совета United Way International, где заседали занимавшие в разные годы пост президента IBM Джон Опель и Джон Эккерт.

²⁶¹ Савин Л. В. Бесконтактные и сетевые войны // Однако. 16.04.2013.

http://www.odnako.org/magazine/material/show_25144/. Подробнее об этой концепции см. работу Савина Л. В. «Сетцентричная и сетевая война. Введение в концепцию». М.: Евразийское движение, 2011.

Основатели самой известной и крупной поисковой системы в мире Google Ларри Пейдж и Сергей Брин, будучи еще студентами Стенфордского университета, разрабатывали поисковую систему для цифровой библиотеки. Первые 100 тысяч долларов на поисковик они получили от подрядчика, финансируемого Агентством передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA), а затем от Sequoia Capital – одного из крупнейших мировых венчурных фондов, глава которого был тесно связан с Пентагоном.

Создатель знаменитой социальной сети в Интернете Facebook, пользователями которой являются более миллиарда человек, Марк Цукерберг получил свое первое финансирование от Питера Тилья. Питер Тиль - член Бильдербергского клуба и создатель корпорации Palantir в Силиконовой долине. Эта компания специализируется на сборе и анализе персональных данных. Клиентами Palantir являются Министерство обороны США, ЦРУ, ФБР, аналитические службы американской армии, морской пехоты и военно-воздушных сил. Программы, разработанные Palantir, способны просеивать огромную информацию с плохо сопоставимыми данными. Они, например, помогают обрабатывать базы данных ЦРУ и ФБР, которые включают в себя сведения о финансовых сделках, образцы ДНК и отпечатков пальцев, звуков, топографические карты, информацию о пользователях социальных сетей, сообществ блогосферы и т. п. На составление подобной головоломки могут уходить годы аналитической работы, а эта программа существенно облегчает такую задачу.

Агентство DARPA финансировало один из проектов другого пионера эры IT-технологий Стива Джобса, основателя компании Apple. Система, созданная в рамках проекта CALO (Cognitive Assistant that Learns and Organizes; слово Calo происходит также от латинского Calonis – слуга офицера), предназначенного для создания самообучающегося виртуального помощника, стала использоваться в программном обеспечении и послужила прообразом знаменитого голосового помощника, установленного в айфонах.

Можно привести другие примеры того, как были взаимосвязаны между собой гении информационных технологий, выпестованные в Силиконовой долине, высокотехнологичный бизнес и американские военные и разведывательные сообщества. Надо признать, что этот союз дал замечательные результаты.

Помимо Facebook и Google в США были созданы другие социальные сети – Twitter, LiveJournal, а также бесплатные сервисы электронной почты Gmail, Hotmail, поисковая система Yahoo. Эти продукты завоевали популярность во всем мире, а их управляющие серверы находятся в США. По их образу позднее создавались локальные сети и интернет-сервисы в других странах.

На сегодняшний день Интернет-технологии достигли такого уровня, когда возможно отследить сетевое поведение каждого интернет-пользователя, его общественные интересы, политические пристрастия, коммерческие интересы, личную жизнь. Специальные программы могут считывать информацию, систематизировать и анализировать, классифицировать ее по интересующим параметрам. Создаются системы, позволяющие в автоматическом режиме отслеживать весь массив передаваемой в Интернете информации, включая частную переписку, вычленять вызывающие интерес сообщения по ключевым словам. Созданы программы для выявления интересующих данных и сообщений на различных языках.

Особо надо отметить такое сложившееся в Сети явление, как блогосфера. Это среда неоднозначна по своему социальному составу и поставленным целям. Своими блогами стараются обзавестись политики, государственные деятели,

представители поп-культуры, и т.д. Кроме того, в веб-пространстве работают профессиональные блогеры, в чьи задачи входит продвижение информации коммерческого и политического характера.

Большую роль в формировании блогосферы принадлежит социальной сети LiveJournal, основанной в 1999 году американским программистом Брэдом Фицпатриком, который хотел создать удобную платформу для периодической публикации материалов своей персональной страницы. В 2000 году на сайте появились комментарии и коллективные блоги-сообщества. Хотя к этому времени уже существовал термин «блог», LiveJournal оказалась в числе первых систем для размещения публикаций через блог и местом, где стали вестись политические дискуссии.

Один из крупнейших социологов современности Мануэль Кастельс, специализирующийся в области теории информационного общества, в своей работе «Галактика Интернет» прямо указывает: «Представляется вполне естественным, что общественные движения и политический процесс использовали и будут использовать Сеть во все возрастающей степени с превращением Интернета в главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования. Киберпространство становится конфликтной территорией»²⁶².

Сетевые революции. В первое десятилетие XXI в. все чаще в различного рода общественных движениях антиправительственного, антиглобалистского или сепаратистского характера, охвативших различные точки планеты, начинает присутствовать элемент организации с использованием Интернета. Организация и мобилизация сил протеста происходит через социальные сети. Возник и прижился термин «сетевые революции».

Сценарий развития событий во всех странах практически одинаков. Агитация за те или иные выступления проводится через электронную почту, социальные сети, сайты, блоги. Через Интернет координируются все действия, а затем протесты, бушующие в виртуальном пространстве, выливаются на улицу. Отличия заключались лишь в масштабности действий.

Например, в 2009 году в Молдове «студенческий бунт», который был молниеносно организован через блоги, форумы, электронную почту, перерос в уличный погром, небольшой по числу участников. Главной его особенностью являлось то, что молдавская молодежь воспользовалась социальной сетью Twitter. Ее название, которой переводится с английского как «чирикание», «щебетание», очень удобна для таких рода акций, поскольку позволяет с помощью коротких заметок мгновенно обмениваться информацией. Всего, по заявлению самих представителей компании Twitter, к началу 2011 года число пользователей данной сети достигла 200 миллионов²⁶³.

Акции протеста в Иране летом 2009 года, начавшиеся после официального объявления итогов президентских выборов, получили название «твиттерной революции». В начале 2009 года Государственный департамент США открыл аккаунт в сети Twitter на фарси, и первое помещенное там сообщение Государственного департамента гласило: «Мы хотим присоединиться к вашему

²⁶² Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. С. 165.

²⁶³ korrespondent.net. 21.01.11. <http://korrespondent.net/tech/1177110-chislo-polzovatelej-twitter-dostiglo-200-millionov>.

диалогу». В первые два часа после запуска этого фарсиязычного аккаунта его постоянными читателями стали 60 человек²⁶⁴. Результаты не заставили себя ждать. После выборов в Twitter стало появляться множество материалов о массовых протестах, а затем через эту сеть стали координироваться выступления. Сеть Twitter стала местом распространения призывов и инструкций к DDoS-атакам на правительственные сайты. Ответом иранского правительства стало: установление сетевой блокады, отключение интернет-ресурсов, запрет Twitter и других социальных сетей. Считается, что в Иране существует наиболее жёсткая интернет-цензура. Для доступа к социальным сетям жителям Ирана приходится использовать частную виртуальную сеть и специальные программы. Хотя, надо отметить, в сентябре 2013 года, после избрания нового президента Хасана Роухани, Facebook и Twitter появились в Иране в открытом доступе.

Кроме Ирана серьёзная интернет-цензура существует в Китае. Программа «Великая сетевая стена защиты» включает в себя целый комплекс мероприятий: фильтрация веб-страниц, «черный список» сайтов, государственная аккредитация локальных сайтов.

Более масштабными по численности, охвату и резонансу стали сетевые революции, охватившие Северную Африку в 2011 году.

Считается, что в Тунисе уличные выступления и забастовки начались после того, как в декабре 2010 года на сайте WikiLeaks был выложен документ, датированный 2008 годом, в котором тогдашний посол США в Тунисе Роберт Ф. Гудец разоблачал коррумпированность членов семьи президента Туниса. Катализатором массовых выступлений стало также появление видеоматериала о самоожжении молодого торговца фруктами, доведенного до отчаяния властями. Видео было выставлено на оппозиционном сайте, зарегистрированном одним из активных тунисских блогеров Баширом Благуи. И очень быстро социальные сети превратились в инструмент, использованный тунисскими оппозиционерами для организации демонстраций и митингов, средством привлечения к событиям в Тунисе внимания всего мира.

В Египте, где Интернет имеет достаточно большое распространение, электронные ресурсы были введены в действие в целях антиправительственной агитации еще задолго до крупных политических выступлений. Во-первых, это были публикации на сайте WikiLeaks материалов, компрометирующих египетское руководство. Во-вторых, в социальной сети Facebook было создано быстро разраставшееся сообщество «Все мы – Халед Саид», сосредоточенное на обсуждении трагической судьбы жителя Александрии, которого насмерть забили египетские полицейские. Ответом египетских Интернет-пользователей на это событие стало растущее в геометрической прогрессии количество участников сообщества и появление многочисленных его филиалов. Виртуальный дискуссионный клуб превратился в координационный совет по подготовке и организации массовых выступлений. Недаром египетские власти через несколько дней после начала беспорядков полностью заблокировали доступ в Facebook и Twitter, а впоследствии и вовсе отключили Интернет. Однако с этим они опоздали.

Действия ливийских мятежников координировал в Интернете один из аккаунтов мусульманского сайта романтических знакомств Mawada.net.

Все «сетевые революции» на Арабском Западе укладываются в одну типовую модель. В волнениях января-марта 2011 года Интернет послужил детонатором, сработавшим при накоплении критической массы социально-экономических

²⁶⁴ iran.ru 14.02.11.

http://www.iran.ru/news/politics/71977/Gosdep_SShA_zavel_akkaunt_na_farsi_v_Tvittere.

противоречий, когда эти противоречия достигли той черты, за которой происходит общественный взрыв. Сетевая самоорганизация – это явление, ставшее в определенной мере неожиданным для правящих кругов. Свободный доступ в Интернет открыл клапан, через который вырвалась стихия народного недовольства.

Характерной особенностью «сетевых революций» является то, что на начальных этапах данного процесса, по крайней мере, до тех пор, пока недовольство накапливается, но ещё не вышло из «сети» на улицы городов, отсутствует какое-либо формальное или неформальное руководство, берущее на себя ответственность за происходящее. Отсутствуют лидеры. Популярны блогеры, известные создатели форумов или больших групп в социальных сетях всеми силами отрёклись от руководящей роли, когда таковая им приписывалась. В то же время многие из этих активистов виртуальных боёв были зарегистрированы далеко за пределами зоны непосредственного развития бурных событий – например, в Объединённых Арабских Эмиратах или в США. Со стороны официальных властей, во всяком случае, в Тунисе и в Египте, информационное противодействие сетевикам – подстрекателям беспорядков практически не осуществлялось. Пожалуй, лишь в Ливии, когда Каддафи ещё владел положением, в информационную войну включились государственные структуры, попытавшиеся распространять через Интернет материалы ливийского правительства, показывающие реальное положение дел в стране.

В отличие от некоторых европейских стран, где в 2011 году также имели место уличные беспорядки, «революция через Интернет» в арабском мире не остановилась на уровне политического флэшмоба (быстрого, напоминающего вспышку сбора уличной толпы). В Тунисе и Египте на гребне волнений произошли государственные перевороты; в Ливии кровавый мятеж против режима Каддафи соединился с интервенцией НАТО, итогом которой стали многочисленные жертвы среди населения, разрушение гражданской инфраструктуры страны, зверское убийство ливийского лидера.

Интересен и тот факт, что многие сетевые компании, зарегистрированные в США и имеющие там свои штаб-квартиры, сумели оперативно разработать интернет-технологии в помощь «цифровым активистам» арабской революции. Например, группа инженеров из Google и Twitter за несколько дней до начала волнений в Каире создала сервис speak-to-tweet, позволивший посылать и слушать твиты с помощью обычной телефонной связи. Для этой цели были выделены международные номера в Калифорнии, Италии, Бахрейне: позвонив на них, можно было оставить голосовое сообщение, которое автоматически засылалось в Twitter. Прослушать эти сообщения можно было как по указанным телефонам, так и непосредственно в сети Twitter по каналу speak-to-tweet.

Один из наиболее известных сетевых активистов «арабской весны» Ваэль Гоним, организовавший, по его словам, из своего офиса в Дубае сообщество в Facebook «Все мы – Халем Саид» и призывавший к уличным выступлениям против президента Хосни Мубарака, являлся топ-менеджером ближневосточного отделения Google. В своих блогах он неоднократно говорил о «бесконечных возможностях» сетевых технологий для моделирования поведения не только на уровне отдельного человека, но и целых обществ. Известно, что в 2008 году Ваэль Гоним вместе с другими сетевыми активистами из Бирмы, Колумбии и Нигерии «повышал свою квалификацию» на специальных семинарах, лекциях и встречах в рамках «Альянса молодежных движений», организованного Государственным департаментом США. После этого он становится главой регионального отдела маркетинга Google с солидным годовым жалованием и бонусами. В своем интервью американской

телерадиосети CBS Ваэль Гоним заявил, что Интернет и социальные сети стали ключом к «арабской весне». Если бы не было Facebook, Twitter, Google, YouTube, не было бы и египетской революции. А председатель совета директоров Google Эрик Шмидт заявил, что очень гордится тем, что их работник Ваэль Гоним сыграл «ключевую роль» в египетском движении протеста. По его словам, использование Facebook и Twitter для разжигания протестных движений являет собой «хороший пример прозрачности»²⁶⁵.

Позднее, в 2013 году, стало известно, что главные организаторы «арабской весны» были наняты Google и участвовали в ее ежегодных конференциях в британском отеле «Гроув». На этих конференциях, которые начали проходить с 2007 года в пригороде Лондона, получив название Google Zeitgeist («Дух времени Google»), анализируется состав мировых пользователей системы и подводятся итоги ее деятельности. Здесь собираются ключевые фигуры СМИ, крупные политические деятели, начинающие звезды. Эрик Шмидт регулярно участвует в заседаниях Бильдербергского клуба, который укрепляет союз с Google. Растет влияние Google на правительства США и Великобритании. Кстати, Эрик Шмидт являлся советником Барака Обамы во время его предвыборной компании²⁶⁶.

Можно предположить, что арабская «интернет-революция» имела демонстрационный эффект, распространившийся на другие страны. Или, что, возможно, точнее, информационные технологии организации революции, примененные на Арабском Востоке, были до того апробированы в других странах и регионах мира. Волны протестов, прокатившиеся в западных странах весной-сенью 2011 года – выступления испанской молодежи, движение гражданского протеста «Захвати Уолл-стрит» и другие – были скоординированной международной акцией, опиравшейся на сетевую самоорганизацию. Средством координации выступлений протеста был Интернет. Через него договаривались о дате и лозунгах, согласовывали программные требования, места сбора и маршруты движения.

Демонстрационный эффект арабской «интернет-революции» докатился и до постсоветского пространства. В Армении радикальной оппозицией, лидером которой является Левон Тер-Петросян, была предпринята попытка с помощью социальных сетей вывести на митинг 1 марта 2011 года многотысячную толпу, в надежде на осуществление «смены режима». Люди из лагеря Тер-Петросяна активно работали в сети Twitter. В Белоруссии в начале лета 2011 года прошла серия гражданских акций протеста под названием «Революция через социальную сеть». Выступления были направлены против Александра Лукашенко. Акции протеста организовывались инициативными группами через социальные сети ВКонтакте и Facebook. Белорусские молчаливые акции протеста напоминали смесь современного политического флэшмоба и методов ненасильственного сопротивления властям, разработанных Ганди еще в первой половине прошлого века.

После событий 2009-2011 годов возникал и активно обсуждался вопрос, насколько сильным в организации «сетевых революций» было влияние извне. В 2013 году американская The Washington Post и британская The Guardian опубликовали откровения бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена, которые во многом пролили свет на реальную ситуацию в Интернет-пространстве.

Новые реалии. До недавнего времени Всемирная сеть воспринималась большинством пользователей как зона полной свободы и демократии. Не

²⁶⁵ news.cnet. 16.0211 http://news.cnet.com/8301-13578_3-20032239-38.html.

²⁶⁶ ordo-ab-chao.fr.14.05.13 <http://ordo-ab-chao.fr/de-bilderberg-2013-a-google-berg-pour-une-revolution-technocratique/>

исключено, что на первом этапе существования Интернета так оно и было. Признания Эдварда Сноудена практически полностью развеяли миф о «цифровой свободе».

Теперь уже широко известно, что ФБР и АНБ США, начиная с 2007 года, обладают прямым доступом к центральным серверам девяти ведущих интернет-компаний планеты (Microsoft, Yahoo, Google, Facebook, PalTalk, AOL, Skype, YouTube, Apple), откуда извлекают информацию, позволяющую отслеживать передвижения и контакты людей. Если учесть, что около 80% всех посетителей Интернета пользуются этими ключевыми системами, а число интернет-пользователей уже достигло 2 млрд. человек и через 20 лет, по прогнозам специалистов, к Сети может присоединиться 5 млрд. человек, то можно сказать, что многие цели, которые США ставили перед собой в эпоху цифровой революции, уже достигнуты.

Эдвард Сноуден предал гласности информацию о секретной программе электронной слежки под кодовым названием PRISM. АНБ является главным оператором программы, распределяя полученную информацию (по сферам интересов) между ЦРУ, ФБР, Управлением по борьбе с наркотиками и другими спецслужбами. Главной мотивировкой при разработке этой программы было обеспечение национальной безопасности: борьба с международным терроризмом, организованной преступностью, наркокартелями, шпионскими сетями. С помощью этой программы американцы получили возможность составлять детализированные портреты практически любого человека, интегрируя сведения о нем, его интересы, мысли в единый информационный блок. Причем, как оказалось, о функционировании PRISM знали и получали данные из этой системы Великобритания и Голландия.

Национальная разведка США (United States Intelligence Community,USIC), координирующая работу разведывательного сообщества страны, куда входят 16 спецслужб, включая ЦРУ, АНБ и ФБР, с середины первого десятилетия нового века начала разработку законопроекта о кибербезопасности, позволявшего установить тотальный контроль над пользователями Интернета

В 2011 году Комитет по разведке Конгресса США предложил законопроект CISPА (Cyber Intelligence Sharing and Protection Act) в качестве поправки к Закону о национальной безопасности 1947 года. Согласно этому законопроекту, расширялись полномочия правоохранительных органов, позволяя контролировать информацию в Интернете. Законопроект предусматривал обмен Интернет-информацией между правительством США и Интернет-компаниями. Эти поправки активно проталкивались лоббистскими группировками таких крупных компаний, как Microsoft, IBM, Apple, Facebook; в общей сложности их поддерживали более 800 других информационных компаний. Принятие поправок было отложено из-за скандала, вызванного публикацией в The Wall Street Journal более 200 документов о глобальном рынке слежки за Интернетом и сотовой связью. К 2013 году к обсуждению поправок вернулись вновь, в результате чего законопроект был одобрен Палатой представителей Конгресса США.

Лондонская The Guardian опубликовала любопытную карту, на которой цветом показана интенсивность цифровой слежки англосаксонского блока за различными странами мира²⁶⁷. Поражает тот факт, что Германия – стратегический партнер американцев по НАТО – оказалась страной, за которой больше, чем за другими европейскими государствами, спецслужбы США вели самое интенсивное Интернет-

²⁶⁷ theguardian.co. 11.06.13 <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jun/08/nsa-boundless-informant-global-datamining#zoomed-picture>.

наблюдение. В странах Востока на первом месте среди объектов американской слежки стоит Иран, затем идут Пакистан, Иордания, далее Египет и Индия.

В Германии разоблачения Э. Сноудена вызвали всплеск антиамериканских настроений. Всех изумил масштаб отслеживания спецслужбами личных данных – 600 млн. соединений в день, учитывая, что электронная переписка, содержание личных страниц в Facebook хранятся в течение 30 дней. В немецких социальных сетях появились сравнения американских и британских спецслужб со Штази (бывшим Министерством безопасности ГДР) и гестапо.

Безусловно, что подобные программы слежки в цифровом пространстве разработаны или находятся на стадии разработки не только в недрах американских спецслужб, но и других стран. До разоблачений Сноудена сведения о веб-шпионаже уже просачивались наружу. Многие государства, чтобы обезопасить себя, создают различные системы защиты. Например, Китай разработал долгосрочную политику в интерне-сфере – «Клонируй и закрывай оригиналы». Эта политика «умной цензуры» основана на создании полностью работающих и пользующихся поддержкой государства аналогов иностранных серверов, при условии, что серверы этих серверов работают на территории страны и ими управляют компании, созданные и зарегистрированные у себя дома. К этому добавляется создание собственных процессоров, операционных систем, программных продуктов. Примечательно, что США тоже обвиняют Китай в кибер-шпионаже, и весной 2013 года американское правительство запретило даже покупку комплектующих у китайских телекоммуникационных компаний Huawei и ZTE.

Для обеспечения «цифрового суверенитета» латиноамериканских стран в 2013 году начал действовать оптоволоконный кабель Венесуэла – Куба, проложенный по дну Карибского моря (хотя с технической точки зрения наилучшим решением была бы прокладка кабеля между штатом Флорида и Кубой). Сейчас одной из первостепенных задач для кубинских и венесуэльских операторов оптоволоконного кабеля является его защита от «вторжения» АНБ США.

* * *

Сегодня Интернет из свободного информационного пространства все больше превращается в инструмент слежения, управления и воздействия на человеческое сознание, центром борьбы за владение умами, площадкой для кибервойн. На сцену выходит новое поколение – «интернет-образованное», свободно обращающееся со всеми гаджетами и не представляющее свою жизнь вне «цифрового поля». Возможности веб-пространства расширяются и будут расширяться дальше. На фоне этих перемен вопрос о том, кто будет владеть умами, приобретает исключительную важность.

В.И. Пантин, В.В. Лапкин

ДИНАМИКА РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОПЫТКА ПРОГНОЗА

В условиях современной глобализации и бурного развития целого ряда новых крупных экономик (Южной Кореи, Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, Индонезии), как представляется, имеет смысл говорить не о странах «первого» и

«третьего» мира, не о развитых и развивающихся странах и даже не об отношениях центр – периферия в духе мир-системного подхода, разработанного И. Валлерстайном и его последователями²⁶⁸, а о различных, альтернативных, конкурирующих и вместе с тем взаимодействующих друг с другом *политических* моделях рыночно-капиталистического развития. Это объясняется тем, что к началу XXI века, благодаря интенсивной деятельности транснациональных корпораций (ТНК) и прогрессирующему доминированию глобальной финансовой системы над реальным производством (формированию «финансомики»), мировой рынок и капитализм стали по-настоящему всеохватывающими явлениями. В связи с этим прежнее деление на центр и периферию, используемое в мир-системном подходе, в политическом плане стало недостаточно гибким и не в полной мере приспособленным к реалиям современного мира. Так, неоднозначным представляется статус Южной Кореи и других «тигров» Восточной Азии, а также бурно развивающихся Китая, Мексики, Бразилии, Чили, уже претендующих на принадлежность к центру, но зачастую еще по-прежнему относимых к периферии. С другой стороны, такие страны Южной Европы, как Греция, Испания, Италия, Португалия и даже отчасти Франция, которые за последние десятилетия во многом претерпели фактическую деиндустриализацию и население которых все больше составляют инокультурные иммигранты и их потомки, становится трудно однозначно относить к центру современной мир-системы²⁶⁹. Подчеркнем, что речь здесь идет прежде всего о политическом и социальном аспектах современного развития, а не об экономическом анализе.

Иными словами, в современном мире динамизм различных моделей политического и социально-экономического развития выражен чрезвычайно сильно. Общее ускорение развития, связанное с процессами глобализации, приводит к тому, что почти каждые 10 лет мир существенно меняется. Вспомним, например, политическую и экономическую ситуацию в мире соответственно в 1980 г., в 1990 г., в 2000 г. и в 2010 г. В 1980 г. в международных отношениях существовала биполярная система, причем США в это время переживали экономический кризис, а Советский Союз достиг пика своего влияния на международной арене. В 1990 г. ситуация радикально изменилась: США бурно развивались в экономическом и технологическом отношении, а Советский Союз накануне своего распада переживал глубокий политический и экономический кризис. В 2000 г. биполярная система окончательно ушла в прошлое, и Соединенные Штаты, как казалось, окончательно сформировали «униполярную», моноцентричную систему. Однако в 2010 г. ситуация вновь изменилась: место Советского Союза фактически занял Китай, ставший новой сверхдержавой, а США и другие западные страны переживали социально-политические последствия глобального экономического и финансового кризиса 2008 – 2009 гг. Можно полагать, что к 2020 г. ситуация в мире вновь изменится, и соотношение сил между различными центрами политического и экономического влияния на международной арене станет иным.

В целом же вектор глобальных изменений в современном мире направлен на формирование различных моделей политического и социально-экономического развития, на их тесное взаимодействие в условиях глобализации и регионализации.

²⁶⁸ См., например: Wallerstein I. The Capitalist World-Economy: Essays. Cambridge; Paris, 1979; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

²⁶⁹ См., например: Мир. Вызовы глобального кризиса. Италия. 2013 // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 5. С. 67 – 80; Черкасова.Е. Испания и кризис // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 9. С. 33 – 41.

Формирование и развитие этих моделей связано с процессами региональной экономической и политической интеграции, которые играют в современном мире важную, во многом ключевую роль. Речь идет о таких интеграционных объединениях, как Европейский союз (ЕС), НАФТА, МЕРКОСУР, Зона свободной торговли Восточной Азии, Таможенный союз России, Белоруссии, Казахстана и Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), НАТО, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Лига арабских стран, Организация исламская конференция (ОИК) и др. В современном мире именно эти международные союзы и организации играют все более важную политическую роль. Несмотря на все различия в характере, прочности и значении этих региональных союзов для международной политики и экономики, у них есть нечто общее: в основе каждого из подобных интеграционных объединений лежит своя дифференцированная модель политического и социально-экономического развития, связанная с культурно-историческими и цивилизационными особенностями входящих в эти интеграционные объединения стран.

Для понимания существа этих дифференцированных моделей рыночно-капиталистического развития, причин и возможных последствий их распространения следует обратить внимание на целый ряд обстоятельств. Дело в том, что освоение капитализмом, зародившимся на Северо-Востоке Европы, глобального социального пространства в XX – начале XXI вв. проходило как правило иными методами и с использованием иного общественного субстрата, нежели тот, что выделял ключевые «капиталистические инкубаторы» XVII – XVIII вв. – Соединенные Провинции (Голландия) и Соединенное Королевство (Великобритания). Этот новый общественный строй, оптимально соответствующий «духу капитализма» (М. Вебер), сформировался в западноевропейском цивилизационном и культурно-историческом ареале в ходе сложного, длительного и уникального эволюционно-исторического процесса. Но его возможности оказались чрезвычайно эффективными при решении принципиально иной задачи – распространения принципов, практик и институциональных форм капиталистической экономики на почву традиционных обществ с целью интенсификации процессов товаризации и коммерциализации этих обществ, вовлечения их трудовых и природных ресурсов в глобальный процесс накопления. В результате формировалось пространственно разграниченное мировое разделение функций, распространившееся вскоре на характер функционирования самого капитала и породившее целый ряд моделей в рамках глобального рыночно-капиталистического развития.

Основная дифференциация прослеживается между англосаксонской (Великобритания, США и другие переселенческие колонии Великобритании), а также континентальной западноевропейской (Франция, Германия, Швейцария, скандинавские страны и др.) моделями, и моделями «вторичными», однако, как сегодня уже ясно, далеко не всегда «периферийными», все активнее претендующими на роль новой, пускай и региональной нормы. В терминологии мир-системного подхода речь идет о различии между «историческим» (западным) и «вторичным» (незападным) капитализмом, о чем весьма обстоятельно писал И. Валлерстайн²⁷⁰.

Качественные особенности «вторичных» моделей рыночно-капиталистического развития – двоякого рода; они разнятся в зависимости от того, удалось ли на более раннем этапе исторического капитализма, когда он практиковал стратегии прямой внешней колонизации и империализма (XVIII – XIX вв.), разложить и подавить функционирование местных докапиталистических систем накопления.

²⁷⁰ Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.Y.: Verso, 1989.

Как известно, наиболее разрушительными и в этом смысле успешными такие усилия исторического капитализма оказались в Африке (может быть, за исключением Северной) и в Центральной Америке. Эти регионы оказались в надежной зависимости от внешних центров накопления капитала, поэтому формирование в них альтернативных моделей политического и социально-экономического развития оказалось принципиально затруднено. Однако можно составить весьма внушительный список стран, как правило крупных и политически значимых, где автохтонные (докапиталистические) системы накопления не были разрушены «до основания» в процессе их интеграции в капиталистическую систему. Да и сам этот процесс интеграции (включения) оказался для них весьма затяжным и неоднозначным по своим результатам. Самые яркие из таких случаев – Россия, Индия, Япония, Китай, Турция, Иран, Бразилия, Индонезия. Каждый из них уникален и по своим исходным характеристикам, и по характеру, и по результирующей исторической траектории взаимодействия с макросубъектами исторического развития (западными державами). У каждой из социально-экономических и политических систем, формирующихся или сформировавшихся в этих странах, двойственная природа. С одной стороны, они функционируют по правилам глобального рыночно-капиталистического общества и тесно взаимодействуют с западными странами. Но вместе с тем они отчасти сохраняют свою автономную субъектность партикулярной системы накопления ресурсов развития и на международной арене преследуют свои собственные внешнеполитические цели.

Эта двойственность «вторичных» моделей политического и социально-экономического развития в последние десятилетия воплощается в наглядных и обостряющихся в контексте глобального кризиса противоречиях, в геоэкономических и геополитических расколах. В частности, (о чем уже шла речь выше) – в появлении новых региональных интеграционных союзов и объединений, продвигающих форматы политической, экономической и финансовой кооперации, альтернативные сложившимся в прежнюю эпоху. Но наряду с процессом институционализации кооперативного взаимодействия держав второго и последующих эшелонов в западных странах идут не менее интенсивные поиски институциональных форм, которые могли бы легализовать наднациональную субъектность глобальной «финансомики». Иными словами – утвердить ключевые наднациональные и транснациональные финансовые организации и корпорации в качестве легитимных субъектов не только глобальной экономики, но и глобальной политики. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, и не только США, контролирующими большинство международных финансовых институтов, но и Евросоюзом, фактически давшим санкцию своим общеевропейским финансовым структурам на проведение санации банковских систем стран-членов ЕС.

В чем же состоят различия между североамериканской, западноевропейской, китайской, индийской, латиноамериканской, исламской и, возможно, российской моделями политического и социально-экономического развития? Прежде всего эти модели различаются в цивилизационном и культурном отношении, и только сугубо поверхностный, односторонний подход не обнаруживает между ними существенных различий. Более того, несмотря на все процессы глобализации и существующие достаточно тесные финансовые и производственные отношения, США, ЕС, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, Иран, Египет, Россия выступают не только как экономические партнеры или конкуренты, но и как носители различных, подчас противостоящих друг другу ценностей, черт и признаков политического, социального и культурного развития. В то же время внутри каждого из этих мировых или региональных центров силы сосуществуют разные, подчас альтернативные и

борющиеся друг с другом тенденции, включая разные идеологии, ценности, способы экономического и политического развития. При этом на первый план выходит конкуренция и взаимодействие между различными региональными экономическими и политическими интеграционными объединениями. Сами процессы накопления и особенно процессы мобилизации накопленных средств для достижения конкретных политических целей²⁷¹ существенно различаются в этих крупных государствах или региональных союзах государств, обладающих значительной территорией и значительным населением.

При этом речь идет не только и не столько о классическом делении современного мира на Запад и Восток или на Север и Юг, хотя это деление во многом сохраняет свое значение. В данном случае речь идет именно о возникновении и развитии различных политических и социально-экономических моделей, в основе которых лежат глубоко укорененные и трудно преодолимые цивилизационные и культурные различия. До тех пор, пока в мире полностью доминировали западноевропейская и тесно связанная с ним североамериканская модели развития, капиталистическая мир-система была внутренне едина и поэтому сильна и в политическом, и в ценностном плане. Но развитие других, отличающихся в культурно-цивилизационном отношении моделей азиатского, латиноамериканского, евразийского, африканского капитализма делает глобальный капитализм не только более неоднородным, гетерогенным, но и более уязвимым, подверженным длительным социально-политическим кризисам и глубоким потрясениям во внутренней и международной политике²⁷².

В настоящее время отчетливо видны противоречия между западной моделью политического и социально-экономического развития, с ее глобальной финансовой гегемонией и с ТНК, играющими огромную роль во внутренней и внешней политике и заинтересованными в столь же глобальной экспансии, с одной стороны, и китайской, а также латиноамериканской (в лице Бразилии, Аргентины, Венесуэлы и ряда других стран), исламской (в лице Ирана, Египта, Индонезии, Пакистана) моделями, с другой. Так, глубокие политические противоречия между США и Китаем, которые обостряются несмотря на тесную экономическую кооперацию между ними, видны невооруженным глазом²⁷³. Некоторые представители высшего китайского руководства прямо говорят об экономическом и политическом противоборстве Китая и США, и, в частности, настаивают на том, чтобы Россия «определилась» и вступила в международный альянс с Китаем в качестве «младшего брата». Разумеется, для России подобная перспектива была бы весьма опасной, так как Китай в реальности преследует цель столкнуть Россию с США и другими западными государствами. Эти усилия Китая воскрешают модели «нового передела мира», уже, казалось бы, прочно забытые в условиях «униполярности» 1992 – 2008 гг. и глобальной американской гегемонии. Попытки США окружить Китай кольцом военных баз, дестабилизировать обстановку в странах Латинской Америки или в исламском мире, вызвать «цветные» революции и другие потрясения на постсоветском пространстве свидетельствуют об остроте противоречий и об усиливающихся конфликтах между разными формами и моделями рыночно-капиталистического развития. В этой связи можно с уверенностью прогнозировать, что в ближайшие годы и десятилетия

²⁷¹ Parsons T. The System of Modern Societies. NewYork.: Englewood Cliffs, 1971.

²⁷² Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009.

²⁷³ Dynkin A., Pantin V. A Peaceful Clash. The U.S. and China: Which Model Holds Out Promise for the Future? // World Futures, 2012. Vol. 68. No. 7. P. 506 – 517.

противоречия, о которых идет речь, и вызванные ими конфликты будут заметно усиливаться и разрастаться.

Наиболее вероятными регионами, в которых в период до 2025 – 2030 гг. будут обостряться политические и военные конфликты, являются Ближний Восток, Северная и Тропическая Африка, где уже активно действуют радикальные исламисты и где из-за использования низкоэффективных технологий в сельском хозяйстве, процессов опустынивания, обострения экологических проблем²⁷⁴, роста мировых цен на продовольствие и появления массы «лишних людей», особенно среди молодежи, резко обостряются социальные, межэтнические и межконфессиональные противоречия. Кроме того, вероятными регионами будущих социально-политических потрясений и военных конфликтов являются Средний Восток (Иран), страны Центральной Азии, российский Северный Кавказ, страны Восточной Азии (Северная и Южная Корея, Таиланд, Мьянма, Филиппины, Индонезия), Южная Азия (Пакистан, Индия, Бангладеш).

Однако самое важное состоит в том, что вплоть до начала 2020-х годов серьезные социально-политические потрясения (хотя, разумеется, без внутренних военных конфликтов) будут ощущаться и в развитых странах – прежде всего в США, а также в странах Европы – таких, как Греция, Испания, Португалия, Италия, Франция, Великобритания²⁷⁵ и даже (по другим причинам, прежде всего из-за роста межэтнических противоречий) таких благополучных государств, как Бельгия, Германия, Швеция. Более того, в ближайшие годы в развитых западных странах будет усиливаться раскол общества, связанный с массовой инокультурной иммиграцией, с усилением социального и имущественного неравенства, с нарастанием межкультурных и межконфессиональных противоречий, с конфликтом ценностей и моделей общественного поведения. Эти противоречия и конфликты проявляются в противоборстве радикальных консерваторов и либералов в США, сторонников и противников легализации однополых браков в Европе, а также в безуспешных попытках умиротворения экстремизма радикалов из среды инокультурных иммигрантов и их потомков в этих странах. Как показывает недавний исторический и современный опыт (война НАТО в Югославии в 1999 г., война США и Великобритании в Афганистане и в Ираке, военная операция НАТО против Ливии, вмешательство западных держав и Израиля в сирийский конфликт) политические и социальные проблемы в развитых странах могут способствовать возникновению или усилению внешних конфликтов и войн. Так, непрекращающееся противоборство между радикальными неоконсерваторами, представленными в Республиканской партии США, и более умеренными представителями Демократической партии в ряде случаев толкает руководство США на военные операции за рубежом.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что наиболее серьезным внутренним и международным конфликтом (точнее, целой совокупностью и чередой политических и военных конфликтов) в ближайшие годы, скорее всего, станет конфликт между радикальными исламистами, в том числе из Аль-Каиды, с одной стороны, и Ираном, Китаем, Россией, с другой. В итоге этот конфликт может стать глобальным и расколоть весь мир, породив целую цепочку локальных войн. За войнами и конфликтами на Ближнем Востоке и в Северной Африке вероятно последует дестабилизация Центральной Азии, особенно после вывода войск США из Афганистана и дальнейшей активизации талибов. Некоторые политологи в этой

²⁷⁴ Экологические проблемы стран Азии и Африки / Под ред. Д. В. Стрельцова и Р. А. Алиева. М.: Издательство МГИМО, 2012.

²⁷⁵ Черкасов В., Шарова С. Кризис в Евразии: вызовы и ответы // Мировая экономика и международные отношения, 2013, № 9. С. 12 – 24.

связи проводят аналогию между германским нацизмом, стремившимся к мировому господству в 1930-х гг., и современным исламским экстремизмом, также провозглашающим лозунги всемирного господства. Разумеется, подобную аналогию нельзя воспринимать буквально, поскольку современная ситуация во многих отношениях отличается от ситуации 1930-х гг.; одно из важных отличий состоит в гораздо большем развитии процессов глобализации и в формировании мощных международных институтов, а также региональных политических и военных союзов. В то же время опасность дестабилизации мирового порядка исламскими экстремистами является вполне реальной, и ведущим мировым державам необходимо научиться договариваться, чтобы избежать наиболее разрушительного сценария развития событий. Однако пока что, как показывает развитие ситуации вокруг Сирии, способность совместного противостояния исламским радикалам и экстремистам со стороны США, стран ЕС, России, Китая, Индии остается весьма ограниченной.

Поэтому наиболее вероятный прогноз состоит в том, что основные международные конфликты ближайших лет и даже ближайшего десятилетия будут состоять в войнах, которые будут вести радикальные исламисты, стремящиеся распространить свое идейное влияние и политическое господство на сопредельные страны под лозунгами образования «Всемирного халифата»²⁷⁶. Поскольку их поддержка Западом может быть ограничена лишь в случае, если активность радикального ислама создаст серьезную угрозу жизненно важным интересам западных государств и их глобалистских элит, стратегия «умиротворения радикалов», по-видимому, будет продвигаться некоторыми западными государствами, Саудовской Аравией, Катаром в течение еще как минимум нескольких ближайших лет. У России и в меньшей степени у Китая в ближайшие годы будет достаточно сложное положение, поскольку им придется противостоять радикальным исламистам не только за рубежом, но и у себя дома, что объективно потребует значительных ресурсов и внутренней мобилизации, включая определенное ужесточение политического режима. России, чтобы успешно противостоять вполне вероятной агрессии исламских боевиков, придется позаботиться о границе Афганистана с Таджикистаном и о своих собственных границах на Северном Кавказе. Подобный сценарий развития событий отнюдь не является благоприятным, но, к сожалению, его вероятность достаточно велика и к нему нужно быть готовым.

Таким образом, в современном мире сосуществуют, взаимодействуют и в определенной мере противоборствуют различные модели политического и социально-экономического развития. США, сохраняющие позиции мирового финансового, экономического, технологического, политического и военного лидера, пока что не в состоянии предотвратить «столкновение цивилизаций», которое, в отличие от того, что писал С. Хантингтон²⁷⁷, усиливается не только на международной арене, но и внутри отдельных крупных государств, включая европейские страны, США и Россию. Особое место здесь принадлежит не только упомянутому выше столкновению между радикальными исламистами, с одной стороны, и европейскими странами, Россией и Китаем, с другой (в будущем потенциально – между радикальными исламистами и всем миром), но и «мирному столкновению» между США и Китаем. Это последнее все больше приобретает черты

²⁷⁶ Филатов С. В. Внешние факторы сирийского конфликта // Север – Юг – Россия 2012. Ежегодник / Отв. ред. В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 83 – 86.

²⁷⁷ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

глобального противоборства: несмотря на тесное финансовое и технологическое сотрудничество, экономические и политические интересы США и Китая сталкиваются и в Восточной Азии, и на Ближнем Востоке, и в Африке, и в Латинской Америке²⁷⁸.

В силу этого период 2013 – 2025 гг. неизбежно ознаменуется целым рядом серьезных геополитических и военных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной и Тропической Африке, в Центральной Азии, в Южной и Восточной Азии. Глубина и масштабы этих конфликтов во многом будут зависеть от глубины и продолжительности экономических и социально-политических кризисов, от соотношения сил между США и Китаем, от наличия или, напротив, исчерпания «горючего материала» на Ближнем Востоке, в Африке и в Центральной Азии и от других факторов. В любом случае эти конфликты не обойдут стороной Россию, поэтому ей необходимо проводить взвешенную и гибкую внутреннюю и внешнюю политику, не допускать внутренней дестабилизации и эксцессов новых революций, не идти на конфронтацию с США или с Китаем, но давать необходимый отпор радикальным исламистам, избегая вместе с тем собственной изоляции, формирования какой-либо антироссийской коалиции. Необходимо постоянное взаимодействие и сотрудничество на международной арене между Россией и США, несмотря на все существующие разногласия. Эта задача является чрезвычайно сложной, требующей «пробуждения» России, масштабной, а не избирательной борьбы с коррупцией внутри российской элиты, решения многочисленных российских политических и экономических проблем, прекращения деградации ее экономики, социальной сферы, культуры, образования, науки, вооруженных сил, ее инженерно-технологического и военно-промышленного потенциала. Для развития (точнее – восстановления) своей экономики и основ современной общественной жизни, порядком разрушенных в результате непродуманных и неэффективных реформ, России необходимо изучать и активно использовать (разумеется, с учетом собственной специфики и собственных традиций) опыт США, стран ЕС, Китая, Бразилии, Индии, Южной Кореи и других успешно развивающихся государств, т.е. тесно взаимодействовать со странами, представляющими в современном мире различные модели политического и социально-экономического устройства.

В.В.Сумский

«РЕВОЛЮЦИИ» НАШИХ ДНЕЙ И ХОД ИСТОРИИ

(тезисы)

1. Откуда бы ни черпал информацию современный россиянин – из Интернета или (все еще) из печатных изданий, из иных источников вплоть до уличной или телевизионной рекламы – ему упорно внушают, что где-то «прямо сейчас» произошла, происходит или вот-вот произойдет «революция». Супермаркеты извещают покупателей о «революции цен». Производители бритвенных лезвий примерно раз в три года пропагандируют очередную «революцию» в области бритья. Телеканалы предупреждают пресытившихся зрителей о «революционном» пересмотре своей программной политики. Шедевр притягивания «революции» за уши ко всему на свете – недавний выпуск молодежного журнала *«Мир реалити»*.

²⁷⁸ Dynkin A., Pantin V. A Peaceful Clash. The U.S. and China: Which Model Holds Out Promise for the Future? // World Futures, 2012. Vol. 68. No. 7. P. 506 – 517.

шоу» (№7, 2013). На обложку слово «РЕВОЛЮЦИЯ» вынесено в качестве ответа на следующий вопрос: «Почему они вернулись в “Дом-2”?» Чуть ниже следуют подзаголовки, которые, по идее, должны бы раскрывать какие-то аспекты этой «революции»: «Психолог о депрессии Жени Гусевой / Как Самсонов клеит девушек? / Кто научил Скородумову целоваться?» Для тех, кто не понял ничего, шеф-редактор Ольга Бузова расставляет точки над «ё»: «Мы приняли решение провести революцию в “Доме-2” и вернули в шоу тех людей, которые знают все тонкости этого проекта и самое главное – цель нахождения в легендарном “Доме-2”!»²⁷⁹

2. Добавьте к подобным проявлениям «революционности» репортажи сначала о «бархатных», а потом и «цветных революциях» (соответствующая статья в «Википедии» гласит, что вторые явились «дальнейшим развитием» первых), регулярно накатывающие на нас с конца 1980-х годов и вплоть до настоящего времени. На таком информационном фоне легко уверовать, что мы живем в поистине революционную эпоху – совсем как полвека назад, когда слово «революция» звучало со всех сторон в сопровождении дефиниций типа «национально-освободительная», «студенческая», «сексуальная», «управленческая», «научно-техническая». Тем не менее, любой вменяемый и исторически грамотный индивид понимает: то, что называлось в марксистско-ленинском лексиконе XX века «мировым революционным процессом», и нынешний «революционный» подъем – вещи разные (хотя и связанные друг с другом определенным образом).

3. При всей своей сложности, революция «без кавычек» изучена совсем не плохо – благо изыскания на эту тему начались не вчера. В квалифицированных и ясных определениях недостатка нет. Возможно, среди немарксистов (но таких, кто неплохо знаком с марксизмом) одно из лучших определений дает Сэмюэль Хантингтон. Согласно ему, революция – это быстрая, глубокая и *насильственная* перемена «в доминирующих ценностях и мифах общества, его политических институтах, социальной структуре, типе лидерства, в деятельности и политике государства».²⁸⁰ Подчеркивая, что подлинная революция не исчерпывается свержением старой власти и установлением новой, что она захватывает и меняет общество целиком, Хантингтон констатирует: подобные явления гораздо более редки, чем верхушечные перевороты или локальные бунты. В представлении другого классика современной западной социологии, Ш.Н.Эйзенштадта, характерные признаки революции – с одной стороны, совмещения различных форм и направлений социального протеста, а с другой – одновременные, «разгоняющие» друг друга перемены в самых разных сферах человеческой деятельности. Совокупный эффект всего этого – прорыв из цивилизации традиционной в цивилизацию современную, первоначально достигнутый в ходе западноевропейских революций Нового времени, а в XX веке – благодаря революциям в России и Китае. Заметим, что у Эйзенштадта, как и у Хантингтона, перечень событий, которые, по изложенным критериям, могли бы считаться полноценными революциями, весьма краток.²⁸¹

4. Как смотрятся, в свете подобных суждений, нынешние «цветные революции»? Заслуживают ли они, чтобы их рассматривали как собственно революции? С учетом отдельных внешних признаков – может быть, и да, но по сумме характеристик и по глубинному содержанию – определенно нет. Все-таки не

²⁷⁹ Слово шеф-редактора // Мир реалити-шоу. М.: 2013, №7, с. 3

²⁸⁰ Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New-Haven–London: 1968, p. 264.

²⁸¹ См.: Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: 1999, гл. 1, 6, 7 и др.

случайно понятие «смена режима» (само по себе указывающее на индивидуальные перестановки в верхах без трансформаций социальной структуры и перераспределений общественного богатства) чем дальше, тем чаще употребляется как синоним понятия «цветная революция». Не менее важно, что подлинные революции – «локомотивы истории», по известному выражению К.Маркса – ускоряют ее ход, тогда как «цветные революции» этой способности не обнаруживают.

5. Если последователи М.Вебера (к числу которых можно отнести и Хантингтона, и Эйзенштадта) связывают с революцией перспективу «прорыва» из состояния традиционности в состояние современности (модернити), то для марксистов революция – условие резкого скачка в движении от одной общественно-экономической формации к другой.

6. Как же действует механизм, позволяющий социуму «прорываться» в качественно новое состояние и закрепляться в нем? Обобщая опыт буржуазных революций, классики марксизма-ленинизма заложили в своих трудах основы концепции *волнообразного развития революций*. Их взгляды по данной проблематике систематизировал в серии фундаментальных работ, подготовленных в 70-е и 80-е годы XX века, Н.А.Симония.²⁸²

7. Согласно выстроенной им модели, за первоначальный подъем революционной волны отвечают главным образом партии и деятели радикального толка – поборники коренного общественного переустройства. Развивая бурную активность, они захватывают политическую инициативу. На этом этапе «прогрессивность» революционной власти существенно превосходит «меру прогресса», которая отвечает возможностям общества. Возникает так называемое «забегание» – ситуация, в которой политическая революция как бы опережает социальную.

8. Подобный перекося несет в себе предпосылки следующей фазы – фазы «отката». С ее наступлением на первый план выходят силы *контрреволюции*, делающие свое дело с не меньшим рвением, чем революционные радикалы. Однако разница в том, что теперь политический процесс пытаются развернуть в обратную сторону, принуждая общество отступить назад значительно дальше, чем позволяет уже достигнутый уровень развития.

9. По мере того, как контрреволюция «выдыхается» (ибо ее цели столь же утопичны, сколь и цели революционных радикалов), все большее влияние обретают умеренно-реформистские силы. Политическая борьба теряет прежнюю, «бешеную» остроту, социум обретает некий «*новый центр тяжести*». Все это – признаки того, что меняющееся общество и обновленная государственно-политическая надстройка начинают более или менее соответствовать друг другу. В этом соответствии воплощаются и фиксируются *реальные завоевания революции* – все то, на что общество, вступавшее в эпоху коренных перемен, было действительно способно и к чему оно было реально готово. Таким образом, совершается переход от революционного развития социума к развитию эволюционному.²⁸³

10. Хотя данная концепция разрабатывалась и применялась «как бы» для анализа и объяснения ситуации, складывавшейся в пост-колониальных странах Востока, уже тогда было очевидно, что объясняющая сила этих идей побуждает использовать их более широко. Фактически Н.А.Симония создал инструмент, позволявший не только объяснять перипетии революционных событий в пределах

²⁸² См., в частности: Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: 1974; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: 1984.

²⁸³ См.: Симония Н.А. Страны Востока: пути развития, с. 91-117.

отдельных государств, но и прогнозировать течение упомянутого выше мирового революционного процесса.

11. В терминах этой концепции период мировой истории, открывающийся в начале XX века серией русских революций – ни что иное как «забегание» глобального масштаба, в принципе отмеченное теми же чертами, которыми определяются временные успехи и конечные неудачи «забеганий» на национальных уровнях. События, обозначившие очевидный и бесповоротный спад этой некогда мощной и казавшейся необратимой революционной волны – дезинтеграция мировой социалистической системы, окончание холодной войны и распад Советского Союза. Далее начинается фаза, продолжающаяся до сих пор, – а именно, фаза «отката», или, если угодно, мировой контрреволюции. Вернейшее доказательство того, что это так, а не иначе – неспособность сил, торжествующих победу в холодной войне, предложить миру какие бы то ни было идеалы кроме тех, с которыми молодая европейская буржуазия выходила на политическую арену целых три, а то и четыре столетия назад.

12. Но если «революции», известные под именем то ли «бархатных», то ли «цветных», вершатся именно в этом русле, то к чему весь этот словесный антураж (не говоря уже о той «шелухе», о которой упомянуто в начале статьи)? Зачем нужна «революционная» фразеология тем контрреволюционным силам, которые, что называется, «управляют процессом»?

13. Всемирно-историческое значение подлинных (и потому великих) революций – в том, что благодаря этим событиям в сознании человечества утверждается представление о революции как о законном способе изменения несправедливых порядков. С этим не может не считаться контрреволюция, издавна и повсеместно стремящаяся мимикрировать «под противника» – перехватывать у революционеров популярные лозунги и установки, методы организации массовых политических кампаний, элементы протестной символики.

14. Технология «перехвата революции» (то есть перенаправления потенциально революционных событий в русло, неопасное для США и Запада в целом) отрабатывалась американцами в «третьем мире» в течение всего периода холодной войны. На эту тему они поставили целую серию экспериментов, пока в 1983-86 гг. не нащупали то, что искали. Дело было на Филиппинах. Заручившись поддержкой Вашингтона и выступив под лозунгами демократизации, союз умеренных и консервативных реформистов сверг авторитарный режим Фердинанда Маркоса в ходе ненасильственного восстания, отчасти похожего на карнавал. Одновременно этому союзу удалось оттеснить на обочину политического процесса компартию (как будто имевшую неплохие шансы в борьбе за политическое верховенство). В результате те самые радикалы, натиск и воля которых обеспечивают прорыв в иное социальное качество в рамках подлинной революции, оказались не у дел. Событие же, которое поспешили объявить поворотным моментом в истории Филиппин, в историю все-таки вошло – но лишь в качестве эталонной «цветной революции» (поскольку знаком противостояния Маркосу служили одежды, знамена, транспаранты и прочие предметы желтого цвета; тогда это казалось верхом «креативности»). Имеется немало свидетельств тому, что опыт массовых антиправительственных выступлений на Филиппинах середины 80-х гг. активно применялся при разработке сценариев «бархатных революций», последовавших вскоре в Восточной Европе.²⁸⁴

²⁸⁴ См.: Сумский В.В. Фiesta Филиппина: Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе. В 2-х кн. М.: 2003.

15. С одной стороны, «революции», случившиеся на рубеже 80-х – 90-х годов XX века, повлекли за собой столь неоспоримые сдвиги (причем не только в отдельных странах, но и на глобальном уровне), что вроде бы могут претендовать на представление о себе как о подлинных революциях. С другой стороны, вполне очевидно, что по большому историческому счету они явились реакцией на грандиозное революционное «забегание», продолжавшееся без малого сто лет. И если смотреть на дело так, то все упомянутые события нельзя признать ни чем иным, как составляющими глобального «отката» – то есть ответной контрреволюционной волны. Их общий антикоммунистический пафос – лишнее тому подтверждение.

16. Что касается «цветных революций», вершащихся на пост-советском пространстве и в (бывшем) «третьем мире» уже после распада СССР и исторического поражения, нанесенного «реальному социализму», то рассматривать их как «локомотивы истории» не приходит в голову, кажется, даже самым безнадежным идеалистам. Мотивов формационного перехода там нет и быть не может, мотивы ускорения модернизации если и декларируются, то не подтверждаются практикой «революционных правительств». Хотя хроническое внутреннее неблагополучие как предпосылка волнений и массовых протестов имело место везде, где ни случались эти «революции», решающий импульс неизменно приходил и приходит извне – из США, где «складывается мнение», что дальнейшее существование соответствующего политического режима не отвечает их высшим интересам. Типовые инструкции для участников «ненасильственной оппозиции» у американцев давно под рукой. Элемент того, что когда-то называлось «революционным творчеством масс», сведен едва ли не к нулю. И – что не может быть иначе в эпоху рыночного фундаментализма, «финансомики» и прямо сопряженного с ними культа денег – важнейшей предпосылкой «революционного подъема» становятся валютные переводы из-за рубежа.

17. Итак, «локомотивы истории» остановились – точнее, остановлены. Надолго ли? Может быть, для эволюционного этапа глобального развития (который, исходя из концепции Н.А.Симония, должен наступить вслед за фазой «отката») это и нормально? И есть ли необходимость в революциях как ускорителях прогресса, если, по словам С.П.Капицы, историческое время и так сегодня «сжалось до предела» и темпы исторического движения заведомо превосходят возможности человека приспособиться к ним?²⁸⁵ Эти вопросы, безусловно, требуют ответа, но уже не в рамках данных коротких тезисов.

Е.Б. Рашковский

РЕЛИГИОЗНАЯ ДИНАМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

*...в гости к Богу не бывает опозданий;
Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?...
Владимир Высоцкий*

Радикальные перемены в мире за последние полвека не миновали и религиозную сферу, которая является неотъемлемой частью всего комплекса процессов глобальной истории. Разумеется, эта сфера сохранила специфику своего

²⁸⁵ Все смешалось... Историческое время сжалось до предела // Российская газета, М., 14.01.2013.

наработанного за долгие тысячелетия содержания. Но содержание это – при всех характерных и несводимых его чертах – непреложно связано с историей, а в нынешнее время оно проявляет себя в беспрецедентно новых технологических, экономических и социокультурных контекстах. Сложившиеся в условиях традиционных аграрных или, подобно исламу, кочевых обществ, или же в условиях взаимодействия земледельческих и кочевых народов²⁸⁶, мировые религии ныне действуют в контекстах глобальных: в новых условиях информационного и экономического общения, в условиях стремительных межрегиональных и межконтинентальных контактов, в условиях беспрецедентных массовых миграций, в условиях качественно новых форм питания и поддержания человеческого здоровья (медицина, фармакология, санитария, контрацепция, акушерство, охрана материнства и младенчества), в условиях массового образования и возрастания многомиллионного «умственного пролетариата», в условиях демографических диспропорций между развитыми и «развивающимися» регионами Земли...

И всё же, религиозная сфера, как никакая другая, сохранила свою прямую связь с вековыми вопросами человеческого существования, решения которых не дано в эмпирической действительности:

- кто я?
- откуда пришел?
- куда иду?

Короче, речь идет о вопросах жизни и смерти, любви и одиночества, благодарности и отторжения, с которыми мы сталкиваемся, по существу, в любое из мгновений нашей жизни, но которые не имеют для нас однозначных и достоверных ответов²⁸⁷. По существу, это те вопросы о базовых смыслах человеческого бытия и существования, которые могут ставиться прежде всего в системах условных и принимаемых на веру символик.

Однако на протяжении последних двух столетий к этим трем базовым вопросам религиозной мысли и сознания добавился и четвертый вопрос:

- какова моя внутренняя связь с другим человеком, не менее загадочным, чем я сам?

Предпосылкой выдвижения этого четвертого вопроса на авансцену религиозного сознания оказалось не только то характерное для эпохи индустриальных, интеллектуальных, социальных и национальных революций «вскипание» общественной жизни²⁸⁸, но и связанное с этим «вскипанием» развитие знаний социо-гуманитарного круга (кантианство, марксизм, психоанализ, лингво-семиотические исследования, философская антропология).

Эпоха после Второй мировой войны воспринимала будущее человечества (в том числе, и будущее религиозной сферы) в тонах прогрессистских и секулярных. И это касалось не только нашей официальной отечественной литературы²⁸⁹ с ее характерным духом «научного атеизма» (т.е., по существу, нерассуждающей *веры* в духовное Небытие, в *отсутствие* основополагающих смыслов в человеке и

²⁸⁶ См.: Рашковский Е. Б. Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 35-65.

²⁸⁷ См.: Jankélévitch V. La mort. – P.: Flammarion, 1966.

²⁸⁸ Категория, обоснованная в трудах о. Пьера Тейяра де Шардена; это – космологическая категория, обозначающая нарастающие предпосылки крутых перемен в природе, социальности и истории.

²⁸⁹ Подчеркну: речь идет об изданиях, проходивших фильтры государственных (т.е. всех легальных) советских издательств и Главлита. Однако с конца 1960-х гг. по стране, вопреки всем государственным репрессиям, начал распространяться и религиозный «самиздат»; казенные гонения на религию освещались также и в «самиздате» правозащитном. Но «самиздат» оставался явлением маргинальным.

Вселенной, в то, что огромная область условного, но всё же глубочайшего человеческого опыта на гранях подсознания и концептуального сознания есть лишь досадная аберрация в «надстройке»). Это касалось и значительной части литературы Запада²⁹⁰: само сквозное предметное содержание религиозной сферы, не говоря уже о предметном содержании столь не похожих друг на друга великих мировых религий, просто недопонималось.

Что же касается исследований советских, существовали, разумеется, немалые наработки в области религиоведческой фактографии: это, в частности, касается, этнографических, востоковедных, филологических, исторических, искусствоведческих и книговедческих исследований. Были и редкие труды немногих ученых, проявлявших – вопреки непрерывным идеологическим «проработкам» – подлинно глубокое понимание религиозной сферы *как таковой* (напр., труды С. С. Аверинцева, М. А. Батунского, Ю. А. Левады и др.). Однако общая картина оставалась малоутешительной.

Конец 1970-х гг. ознаменовал собой тот комплекс явлений, который в западной религиоведческой литературе недавних десятилетий был так некорректно, но хлестко обозначен как «реванш Бога» в антропоцентрическом мире. Хотя речь, скорее, шла именно о реванше религиозной сферы как неотъемлемого элемента символической взаимосвязи между психологией, интеллектуальностью и социальным опытом в их взаимных соответствиях и противоречиях, в их индивидуальных и коллективных преломлениях.

Период господствовавших в мире прогрессистских и секуляристских увлечений второй половины XIX – первых трех четвертей XX столетия – хотя и омраченный испытаниями двух мировых войн и бесчисленных революций, – в конечном счете, оказался относительно кратким антрактом в истории человеческой бедности, неопределенности и лишений. Беспрецедентный технологический прогресс той эпохи воспринимался как залог прогресса всего комплекса человеческой действительности. Ресурсная – а с нею и природная – база человеческого благополучия казалась почти что неисчерпаемой; последние же десятилетия показали, что самые природные основы индивидуального и коллективного благосостояния людей, включая и самое средю их обитания, – под угрозой. Также и возможности социального реформаторства казались безграничными («золотой век – впереди!»); однако внутренние противоречия капитализма в сочетании с коллапсом утопических диктатур оказались мощным коррективом в отношении идеи благой и способной к бесконечному совершенствованию человеческой природы. Интуиции великих немецких романтиков XIX столетия (и Маркса в их числе) относительно сил самоотчуждения и самопорабощения в человеческой мысли и практике приобрели устрашающую актуальность. Да и традиционный культурный опыт людей, во многом связанный с относительно стабильным наследием относительно замкнутых аграрных обществ авторитарного склада, во многом оказался под угрозой...

Так что сама динамика глобального развития не могла не навязывать сознанию вопрос о проблематичности человеческого существования – вопрос вечно открытый и по существу, религиозный.

* * *

²⁹⁰ Напр., у таких безусловно религиозных мыслителей, как, скажем, А. Дж. Тойнби или Харви Кокс: согласно их трудам 60-х годов, вера, призванная к регуманизации мира, лишь отсиживается (*retreats*) в катакомбах.

Современная историография, в частности, и религиозная, почти едина в том, что духовную историю человечества можно было бы условно подразделить на пять этапов, или пластов:

- пласт первобытного сознания,
- пласт социальной и духовной архаики,
- пласт становления «осевых» культур и цивилизаций (классическая древность и Средневековье – от Атлантики до Тихого океана)²⁹¹,
- пласт Модерн-эпохи, Модерн-проекта²⁹²,
- нынешний пласт постмодерна. В недрах этого пласта и выпало жить людям последних трех-четырех десятилетий.

Но этот период, или пласт, религиозной истории человечества есть во многих отношениях порождение и одновременно – отрицание периода предшествующего: периода краха Модерн-проекта и несбывшихся людских стремлений подчинить область духовных отношений, область «невидимой реальности» (Уильям Джеймс), рациональным притязаниям «от мира сего». Действительно, приказавший долго жить XX век внес в мир множество явлений непредвиденных, опрокидывающих прежнюю стройность как прогрессистских, так и традиционалистских представлений людей. Непредвиденными оказались и сами мощь, объем и повседневная интенсивность взаимосвязей различных регионов Земли, цивилизаций, народов и отдельных человеческих групп в сферах информации, экономики, технологии и научных знаний, социально-политических, духовных и культурных взаимных влияний. Привычные религиозные, философские, научные представления людей, связанных с наследием предшествующих цивилизаций и эпох, уже не в силах совладать со всем этим множеством противоречивых понятий, идей и форм организации.

Так что потребовались новые формы восприятия и новые языки описания глобальной действительности и, стало быть, всей предшествующей истории.

Вся эта постмодернистская ситуация вихревого смешения социальностей, сознаний и культур, весь этот новый, в значительной мере основанный на глобальных, всепроникающих информационных технологиях жизненный процесс во многих отношениях знаменовал собой расшатывание и разлом устоявшейся традиционалистской («осевой») и рационалистической памяти современного человека. Постмодернистская ситуация – именно в беспрецедентной своей новизне – означает частичную эрозию, с одной стороны, многовековых культурно-исторических традиций (если угодно – *традиции традиций*), а с другой – эрозию *традиций модернизации*. И сам модернистский, рационалистически ориентированный жизненный процесс XVIII – начала XX века успел приобрести в истории черты устоявшейся, однако изрядно расшатанной к нынешнему веку традиции²⁹³.

Нахождение же человека в мучительных смысловых зазорах современного мира есть, по существу, проблема религиозная: проблема – если несколько переиначить терминологию романов Марселя Пруста – *поисков утраченных смыслов*. Причем в тех условиях, когда само сознание – включая и сознание самих коммуникаторов – не в силах сопротивляться тенденциям возрастающего

²⁹¹ Наиболее глубокое обоснование специфика этого пласта получила в трудах Карла Ясперса (философская и религиозная акцентировка) и Шмуэля Ноаха Айзенштадта (акцентировка социологическая и культурологическая).

²⁹² Обоснование специфики Модерн-эпохи дано прежде всего в трудах Юргена Хабермаса.

²⁹³ Согласно комплексу идей и трудов Ш. Н. Айзенштадта, важным моментом любой культурно-исторической, в том числе и цивилизационной, динамики являются не только традиции бережения и охранения, но и традиции обновления. Слабость, неразработанность, неосознанность последних имеет свойство приводить общества и целые цивилизации к непоправимым срывам.

клиширования и упрощения. Тем более, что этот процесс эрозии-упрощения с особой силой бьет по малым этносам, малым культурным группам и малым государствам, благодаря которым в значительной мере и держится именно живое, пронизанное историей, а не механическое многообразие мира²⁹⁴. Это же касается и тех массивов человечества, которые не сумели вырваться на нынешнюю авансцену экономического, социального и технологического развития. И если в передовых странах выход на новые, неизведанные рубежи жизни переживается как утрата смысла человеческого существования, то в регионах, задержавшихся в своем развитии, аналогичным образом переживается и эта задержка.

И в этой связи – один, на мой взгляд, не лишенный интереса исторический экскурс в первые десятилетия XX века, связанный с ранними культурными контактами России и Латинской Америки.

Еще в 1922 г. Илья Эренбург, чуткий и ироничный свидетель и совопросник европейской истории, включая и историю Русской революции, вменяет своему литературному герою – мексиканцу Хулио Хуренито²⁹⁵ – такие наставляющие слова: «В том-то и вся хитрость, что всё существует и ничего за этим нет»²⁹⁶. Воистину, в этой максиме демонического «Учителя» уже предсказываются коллизии постмодернистского мира, когда человеческое сознание испытывается постоянными смысловыми провалами и зазорами в условиях постоянного напора стремительно меняющихся условий жизни и понятий о мире. Напором условий и понятий, за которыми – как это может показаться многим, – воистину «ничего нет», т. е. нет никакого глубокого внутреннего содержания, никаких внутренних смыслов.

Но сами эти вызовы бессмыслицы (зачем я живу: чтобы, обобрав и оттеснив других, самому всплыть на поверхность жизни; чтобы ловчее приспособиться к противоречивым вызовам действительности; чтобы меня вообще оставили в покое?..) объективно подсказывает людям нынешнего мира потребность в религиозных исканиях, т.е. в исканиях некоторых неявных смысловых основ и скреп распадающегося человеческого существования.

Искания эти могут происходить в самых разных формах и на самых разных уровнях культурного опыта людей.

Одно из самых поверхностных и – не побоюсь сказать – одиозных выражений нынешнего религиозного «бума» связано с прямолинейным самоотжествлением части религиозных деятелей и институций и манипулируемых ими масс со скороспелыми светскими интересами (государственные, силовые и партийные аппараты, бизнес, включая бизнес развлекательный или спортивный). И наряду с этим – упрощенная и скороспелая связь религиозных авторитетов и институций с экономическими и властными интересами «от мира сего».

Еще одна из массовых форм постмодернистской религиозности – развитие синкретических сект, во многом опирающихся на гальванизацию или сознательное оживление полузабытых анимистических верований и на усвоение новейших «эзотерических» (то бишь оккультных) направлений. Этими сектами полнится религиозная история Латинской Америки последних десятилетий, когда пошатнулась

²⁹⁴ См.: Souki Oliveira O. Genocídio cultural. – São Paulo: Paulinas, 1991. P. 132-140.

²⁹⁵ Прототипом этого героя был парадоксальный художник Диего Ривера (1886-1957), в чьем творчестве совмещались и славословие мексиканской доколумбовой архаики, и наследие испано-американских колониальных художественных традиций, и воспевание технологических и социальных революций, и, наконец, сознательная деструкция всех устоявшихся художественных приемов.

²⁹⁶ Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито. Жизнь и гибель Николая Курбова. – М.: Московский рабочий, 1991. С. 23 (глава: «Моя встреча с Хулио Хуренито. Черт и голландская трубка»).

религиозно-политическая монополия местного католицизма²⁹⁷. Явления сходного порядка – но уже на базе распада духовной монополии «марксизма-ленинизма» и частичного кризиса традиционных форм религиозности – выразились в распространении «неоязыческих» течений в России, на Украине, в республиках Балтии.

Есть еще одна аналогичная предшествующим форма постмодернистского религиозного «бума» – обращение к культам и религиозно-философским традициям Востока, когда собственное наследие кажется исчерпанным, а чужое, заемное – всеобъемлющим и беспредельным. Уже существует огромная литература о распространении на Латинском Континенте разнообразных восточных религий и о численном росте числа их приверженцев (ислам, индуизм, прозелитические направления иудаизма, бахаи, буддизм...).

Но едва ли не самое мощное из нынешних проявлений этого религиозного «бума» связано с жестким и подчас агрессивным упорством в идее возвращения к первоначальной «чистоте» и мнимой «неизменности» своих же собственных традиций (это – как раз те самые формы традиционалистского религиозного радикализма, которые современная мысль определяет не вполне удачным понятием «фундаментализма»)²⁹⁸, религиозный фундаментализм оказывается прямолинейно-постмодернистским ответом на ситуацию расшелушившихся человеческих смыслов: моя вера прямолинейно и безусловно права не столько потому, что выражает истинные проблемы Бытия, Вселенной и человека, но потому, что она – *моя вера* в том мире, где утрачен вопрос о сквозных и универсальных смыслах.

И коль скоро речь у нас коснулась Латинской Америки, – и на Латинском континенте проявилась еще одна форма религиозных исканий. Форма, имеющая за собой немалую историческую традицию, но особо характерная для нынешнего дня. Это – массовые коллективные и индивидуальные обращения в протестантизм: обращения, связанные со стремлениями сохранить и переоформить укорененную в культуре народов Латино-Индийского континента христианскую идентичность, но – в качественно новых условиях последних полутора столетий, когда пошатнулась духовная монополия католического традиционализма²⁹⁹. (Кстати сказать, некоторую аналогию этим явлениям, однако, в православном контексте, можно наблюдать и в «протестантских поясах» Северной Евразии: Харьковщина, Донецкий бассейн, Приморский край Российской Федерации).

Разброс разнообразных протестантских верований в испаноязычной части Америки чрезвычайно велик. На первую декаду наступившего столетия самый низкий показатель распространения протестантизма (2%) демонстрируют Аргентина, Эквадор, Венесуэла, Уругвай, тогда как самый высокий процент (аж до 40%) демонстрирует Гватемала³⁰⁰. В последнем случае размах протестантских обращений связан с идейным и организационным переоформлением тамошних индейских общин.

²⁹⁷ Из подобного рода явлений более всего изучена массовая кубинская «Santería»: смесь африканской магии с элементами традиционного католического ритуализма. Это течение захватывает не только массы афро-кубинцев, но и значительную часть «белой» Кубы.

²⁹⁸ См.: *Абрамов Д. Б.* Светское государство и религиозный радикализм: политические аспекты (на примере Индии конца XX – начала XXI вв.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011.

²⁹⁹ См.: *Snow B. F.* *Historiografía: Iglesia Metodista de Chile 1878 – 1918*. T. 1-2. – Santiago de Chile: Ed. Metodistas, 1999; *Barrera Rivera P.* *Tradição, transmissão e emoção religiosa*. – São Paulo: Olho d'Água, 2001.

³⁰⁰ Информационный ресурс: www.lanic.utexas.edu/project/rla/tables/protestants.html

А вот в самой большой стране Латинского Континента – португалоязычной Бразилии – удельный вес католического населения, составлявшего некогда безусловное большинство, сократился до трех четвертей. Большую часть не католического населения составляют протестанты; но эта же четверть включает в себя приверженцев возродившегося и легализовавшегося среди части африканского и индейского населения неоманинизма, а также и приверженцев религий Востока³⁰¹.

Однако духовные искания на Латинском континенте могут вершиться и в формах положительного поиска нового интеллектуально-духовного синтеза, связанного с реалиями постмодернистской, информационной эпохи. Синтеза, который в качественно новых условиях постмодернизационной эпохи глобального развития способен был бы заново переосмыслить и освоить наследие двух величайших универсальных «революций» (или – по Ясперсу – «осей») человеческого духа: собственно «Осевой эпохи», т. е. эпохи зарождения великих мировых религиозно-философских систем, и эпохи Модерн-проекта, т. е. эпохи зарождения и становления базовых идей современной научной и социальной мысли. Ибо обе эти «революции» – каждая на свой лад – утверждали и обосновывали идею человека как мыслящего, любящего, страдающего и «жаждущего правды»³⁰² существа.

Эти поиски связаны и с интеллектуальными и художественными³⁰³, и с духовными исканиями, и с развитием религиозно обусловленной каритативной деятельности, осуществляемой зачастую коллективными усилиями людей среднего или малого достатка. (Кстати сказать: нечто подобное имеет место и в некоторых приходах Русской Православной Церкви, однако размах этой народно-каритативной работы едва ли сопоставим с латиноамериканским)...

* * *

Таким образом, эпоха победившего постмодерна внушает нам весьма сложный и подвижный образ религиозной сферы.

Но, как мне кажется, каковы бы ни были дальнейшие формы развития этой сферы, – в нынешнем мире, где, по словам экстравагантного эренбургского героя, «всё существует и ничего за этим нет», – ее присутствие неопровержимо. Ведь еще Макс Вебер отмечал, что стремление выстроить религиозную картину мира³⁰⁴ уж тем рационально, что издревле, со времен египетских папирусов или месопотамских клинописных табличек, связано с поисками выхода из невыносимых и абсурдных условий наличного индивидуального и коллективного существования людей. Ведь, собственно, и возможный выход из этих условий и обозначается в религиозном опыте людей базовым для религиозной сферы понятием спасения³⁰⁵.

И каким бы образом не определяли мы цели, предметы и пути религиозного опыта, – всё равно, как и в предшествующие века, их нужно каким-то образом

³⁰¹ Этими данными мы обязаны докладу, который был представлен 30.08.2008 Всемирному Совету Церквей его модератором – лютеранским пастором из Бразилии Вальтером Альтманом. – Информационный ресурс: www.russianamerica.com/common?arc/story.php/293142

³⁰² Мф 5:6.

³⁰³ Это касается прежде всего латиноамериканской прозы, снискавшей в последние десятилетия мировое признание (Х. Л. Борхес, Г. Гарсиа Маркес, А. Карпентьер, Х. Кортасар, П. Козльо и др.).

³⁰⁴ Этот – воистину – «атлас» важнейших человеческих смыслов!

³⁰⁵ См.: Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Атеист. М. 1928. № 2. С. 29-30; Waardenburg J.-J. "Leben verlieren" oder "Leben gewinnen" als Alternative in prophetischen Religionen // Leben und Tod in den Religionen. Symbol und Wirklichkeit / Herg. von G. Stephenson. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1985.

обозначить, символически высказать, обосновать³⁰⁶. Даже притом, что предметы веры во многих отношениях – как это подметил еще Тертуллиан – «невероятны».

Есть еще один важный, почти что неведомый прежним эпохам стимул религиозного опыта, характерный именно для эпохи постмодернистской, информационной.

Религиозная сфера так или иначе связана с опытом переживания ограниченности человеческой жизни, – стало быть, с опытом человеческого страдания, с вопрошаниями о причинах страдания и о путях его преодоления. Так вот, в прежние эпохи человек наглядно знал о страдании своем собственном, а подчас – в меру своей отзывчивости и чуткости – о страдании своих ближних. Благодаря же нынешним информационным технологиям человек эпохи постмодерна знакомится не только с многообразием культур и форм организации жизни, но также и с процессами причудливого и непрерывного взаимодействия этих форм. Он знает и о сквозных, всё многоединое человечество собою пронизывающих, темах страдания не только своих «ближних», но и «дальних». И в этом смысле, благодаря сегодняшним средствам массовой информации, «дальние» становятся не только абстракцией, но и – отчасти – именно «ближними». Становятся мгновенными, пусть и виртуальными, но всё же свидетелями человеческой боли и вечной недосказанности жизни общества, природы и Вселенной. Живыми и конкретными свидетелями террора, социальных и этнических насилий, войн, технологических и природных катастроф.

Эти новые, неведомые прежним эпохам «информационные» стимулы человеческого опыта – повторяю – поневоле возвращают нас к религиозной проблематике «осевой эпохи» и эпохи Модерн-проекта: к проблематике искания базовых человеческих смыслов. Смыслов, что связаны с попытками человеческого воссоздания интеллектуально и духовно распадающегося мира. Тем паче, что тенденции распада мира (т.е. распада привычных культурно-исторических и хозяйственных укладов, государственных образований, этносов, верований, языков) и тенденции обновления мира через внутренние усилия духа переживались людьми на всём протяжении их осознанной истории³⁰⁷...

Так что описанный выше комплекс явлений, который было принято обозначать в популярной литературе как «реванш Бога», скорее всего является закономерной реакцией человеческой природы и человеческого существования на комплекс глобальных сдвигов последних десятилетий. Соответственная религиозная динамика во многом и определяется этими сдвигами.

* * *

Итак, уникальность нынешней глобальной динамики религиозных отношений прямо или косвенно коренится в тысячелетиях и веках исторического опыта человечества.

Но хотелось бы обратить еще на один и притом не вполне осмысленный в нынешнем социальном знании аспект этой динамики: аспект гендерный, с особой силой проявившийся именно в последние годы.

Эмоциональная сила религиозной динамики последних лет, как мне думается, усиливается современной «гендерной революцией». Активное участие молодых, современно образованных женщин как в религиозно-фундаменталистских, так и в

³⁰⁶ См.: *Рюс Ж., Делатур М.* Открытие религий // *Пупар П.* Религии / Пер. с франц. – М.: Весь мир, 2003. С. 18-19.

³⁰⁷ См.: *Waardenburg J.-J.* Указ. соч.

антиклерикальных движениях (наподобие движения «Фемен») особенно заметно. И прослеживается явная связь накала «гендерной революции» с существенными сдвигами не только в системах образования, но и во всём складе современных производительных сил с характерной интенсификацией труда на базе электронных и информационных технологий.

Оказалось, что интеллектуально женщина – не ниже мужчины. Однако по психофизической своей конституции, женщина – менее, чем мужчина, – приспособлена к грубой и тяжкой физической работе, к работе «рывком». Но вот к изнурительной для мужчины работе, требующей непрерывной концентрации внимания, аккуратности, систематичности, – женщина подготовлена в гораздо большей мере. За этими свойствами женщины, несомненно, стоят вошедшие в ее биогенетическую память долгие тысячелетия приусадебного и домашнего труда, ухода за детьми, за домашним скотом и т.д. За биопсихической же конституцией мужчины стоят тысячелетия иного трудового опыта: охота, война, пахотное дело, лесоповал, переноска камней. Здесь требовалось иное: краткое, предельно интенсивное, с частыми перебоями напряжение сил³⁰⁸.

И если допустимо выявление в истории момента *гендерного соперничества*, – то в нынешних социокультурных и технологических условиях инициатива и перевес во многих отношениях переместились в женский «стан». Особая роль женщин в современных формах социоэкономической, политической, религиозной, протестной активности заметно едва ли не с первого взгляда³⁰⁹.

* * *

Нынешний «реванш Бога» оказался на поверку постмодернистским проявлением вековых структур и смыслов, конституирующих собой и человеческую природу, и человеческую культуру – причем в самых разнообразных вероисповедных, региональных или цивилизационных акцентировках. Таков общий контекст столь не похожих друг на друга сегодняшних явлений в религиозной жизни, как, скажем, национал-православие в странах Славяно-Балканского ареала, католическая «теология освобождения» в Латинской Америке³¹⁰, ортодоксально-традиционалистские элементы в иудаизме Старого и Нового Света, «хиндутва» в Южной Азии³¹¹ и, наконец, радикальный исламизм с его глобальными террористическими сетями. Всё это – явления, казалось бы, разнородные, с разными способами символического оформления, с разными градусами миролюбия, агрессивности или глобальных притязаний.

Интеллектуально-духовный диапазон этих явлений огромен: от самых мирных и «философических» до проявлений прямого и беспощадного терроризма, от стремлений поделить с миром глубиной своих духовных наследий до стремлений к силовому навязыванию своих упрощенных нормативов и клише.

³⁰⁸ Отсюда, возможно, – и особое пристрастие мужчин к разным формам (в разных культурах) наркотического «расслабления».

³⁰⁹ Одно из характерных проявлений «гендерной революции» в сфере чисто религиозной – массовое женское священнослужение в протестантских версиях христианства. Эта «революция» отчасти затронула и традиционные направления христианства: католичество и православие: активизация деятельности женщин-монахинь, возросшая приходская и каритативная активность женщин-мирянок.

³¹⁰ Т.е., по существу, синтез упрощенной католической традиции, национализма и элементов марксизма (опять-таки – упрощенного).

³¹¹ Т.е. безусловное превознесение индуизма в ущерб духовному, культурному и общественному наследию всего остального человечества.

И этот постмодернистский реванш традиционных культур, упрощенных благодаря нынешним «электронным» средствам коммуникации и массового внушения, с трудом понимается прагматичными умами современных политиков, стремящихся, скорее, манипулировать нынешними глобальными тенденциями, нежели разобраться в них и понять³¹².

Борьба различных человеческих массивов за право быть признанными, за право на свободу от культурной и бюрократической нивелировки в разных условиях выражала (и продолжает выражать) себя по-разному. Однако зачастую естественное человеческое стремление к *праву на признание* узурпируется клерикальными лидерами или же конъюнктурными политиками. Это – как раз то самое, что я назвал бы «синдромом Великого инквизитора»³¹³, т. е. синдром подчинения духовных смыслов и содержания властным и материальным интересам религиозного и мирского «начальства».

Во всяком случае, как я убежден, этот религиозный «бум» – со всеми его тягостными издержками, в частности, и такими, как насильственный исламский «альтер-глобализм» – оказывается неотъемлемой частью революционной динамики нынешнего мира.

Долгое время, однако, наши понятия о «локомотивной» роли революционных процессов и движений были весьма односторонни и мистифицированы. Ибо движения эти не только связаны с поисками новых программ и путей развития. Они и несут с собой ожесточение психологических и нравственных складов людей – ожесточение, связанное со стремительными переделами статусов, богатства и власти; несут с собой частичную психологическую архаизацию, связанную со страстями отщепенства и переделов («черных», «красных», «зеленых»...) ³¹⁴, и «великоинквизиторское» перерождение вождей³¹⁵, и предпосылка довольно скорого разочарования, ожесточения и будущих протестных движений...

И социокультурная, и экономическая «пробуксовка» утопий радикальной переделки Вселенной, и властное перерождение всплывших на гребне народных протестов вчерашних революционных лидеров, и нарастание настроений неприятия и протеста среди пост-революционных обществ – всё это отлично вписывается в разработанную во многих трудах академика Н. А. Симония концепцию исторического «отката» революций³¹⁶. Тем более, что современные массовые движения имеют свойство обретать особый размах и – одновременно – особую уязвимость в условиях развития массовых электронных коммуникаций.

Недавние события в Исламском мире, связанные с кризисом той революционно-утопической исламистской волны, которая вышла на авансцену глобальной истории в конце 70-х гг. прошлого столетия подтверждает эту идею «отката».

³¹² См.: Вайс С. Религиозный вектор американской дипломатии. Чем будет управлять новое «религиозное» управление в Госдепе США / Версия для печати // Портал-Credo.ru, 29-08-2013.

³¹³ Если вспомнить последний роман Достоевского – «Братья Карамазовы».

³¹⁴ См.: Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М.: Academia, 2009; Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М.: Канон +, 2010.

³¹⁵ Еще раз вспомним написанный в начале 1920-х годов роман Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито»: его главный герой, наставник в делах моральной, эстетической и социальной революции, посещает в московском Кремле «Великого инквизитора» (сдвоенный обобщенный портрет Ленина и Троцкого). Задуманная беседа с «Великим инквизитом» оказывается не последней причиной загадочного самоубийства героя, которое он сам и подстроил...

³¹⁶ См., напр.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М.: ГРВЛ, 1984. С. 250 и сл.

Присмотримся к летним событиям 2013 г., которые, если вспомнить знаменитое выражение Джона Рида, «потрясли мир». И прежде всего – мир Исламский.

- Турция. Массовые и неутраченные протесты против ревизии кемалистской концепции светского государства, исподволь проводимой премьером Реджепом Эрдоганом и его исламистской партией «Справедливость и развитие».

- Иран. Президентские выборы. Победа в первом туре умеренно-исламистских сил, возглавляемых аятоллой Рухани над исламо-радикалами.

- Египет. Массовые протесты против тенденций радикальной исламизации страны, представляемых «Братьями-мусульманами» и ее руководителем – президентом Мохаммедом Мурси, приведшие к его свержению.

- Тунис. Постоянные антиисламистские волнения на этой родине «арабской весны»...

И как негативные подтверждения «отката» этого бывшего «триумфального шествия» –

- рост антиэмигрантских (и хуже того – ксенофобских) и антиисламских настроений в Европе, отчасти спровоцированных попытками экспорта радикального и террористического исламизма в страны Запада,

- как следствие радикализации и утопической одержимости исламистских движений – кровавые, по существу религиозные внутриисламские войны между суннитскими и шиитскими общинами в Сирии и в Ираке, но и отчасти – в Ливане и в Пакистане...

Разумеется, Исламский регион – сгусток самой напряженной, самой пассионарной динамики нынешнего глобального мира. Наша отечественная действительность (если не считать ее Северокавказской кромки) выглядит куда более спокойной и стабильной. Однако некоторые сквозные черты глобального многозначного религиозного «реванша» прослеживаются и у нас.

Когда-то, на переломе 80-х – 90-х гг. интерес к религиозной культуре, к великим наследиям мировых религий и обостренные религиозные искания (в православии, исламе, протестантизме, католичестве, иудаизме, буддизме) были неотъемлемой частью общедемократического пробуждения тех лет. Оно и не удивительно. Взамен устаревших и приземленных «марксистско-ленинских» догм люди искали новые символы для обновления своего внутреннего пространства, для обоснования своего человеческого достоинства, своей коллективной культурной памяти, своего общения с другими людьми.

В этих условиях духовной переориентации России не могла не выдвинуться на передний план православная культурная доминанта ее истории. Не случайно же в литературе высказывалась мысль о «мирной православной революции» в стране³¹⁷.

Но ныне картина существенно изменилась. Религиозная сфера в сегодняшней превратилась в сферу сплошных и неумных антагонизмов и страстей. И круги этих страстей расширяются – вплоть до актов откровенного насилия, вплоть до массового вандализма и хулиганства со стороны самых различных конфликтующих сторон. Вплоть до угроз перманентных расправ и, по существу, гражданской войны с религиозной сферой.

Факты осквернения церквей, синагог, протестантских молельных домов и мечетей стали почти что бытовым явлением. Интернет буквально переполнен не только сообщениями об актах насилия и вандализма на религиозной (или

³¹⁷ См.: Христовул, архиеп. Афинский и всея Эллады. В России идет мирная православная революция // Собрание Русской Церкви [Патриарх Алексей II]. – М.: Изд. Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2001. С. 181-188.

антирелигиозной) почве, но и свидетельствами воистину инквизиторского административного восторга: здесь можно найти бесконечные требования запретить рок-оперу “Jesus Christ Superstar” или картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван» (оказывается, что Иван Грозный, а не замученные им иерархи и клирики – «святой земли Русской»), ввести в школах должность «замдиректора по духовности» (т.е. должность православного эквивалента бывшего политкомиссара или парторга), усугубить репрессивные действия против россиян-протестантов, иеговистов или индуистов...

С точки зрения государственной или конфессиональной бюрократии и сросшейся с ними бюрократизированной верхушки бизнеса результаты этой «тихой православной революции» могут выглядеть в высшей степени утешительно. Но вот с точки зрения чисто религиозной – едва ли. Вот данные Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) на сей счет (июнь 2013).

По данным исследований, проведенных Фондом, 64 % россиян идентифицируют себя как православные³¹⁸. Однако внутри этого человеческого массива (если принять его за 100 %) 52 % вообще не брали в руки Евангелия, 28 % - вообще не молятся, 13 % вообще не веруют в Бога, зато 22 % верят в реинкарнации, что вообще не соответствует православным понятиям об уникальности земного пути, земных страданий и просветлений человека³¹⁹.

А уж если рассуждать политологически, то мы наблюдаем всё тот же самый «откат» нашей неудачной демократической революции (с ее существенной религиозной составляющей).

Нечто подобное (правда, в иных культурно-исторических, политических и конфессиональных акцентировках) просматривается и на пространствах Латинской Америки.

Когда-то, в относительно недавнем прошлом, одним из важнейших революционных ферментов на «Латинском» континенте была левокатолическая «теология освобождения». Глобальным, хотя и весьма смягченным отзвуком этого явления можно считать новейший понтификат либерального папы из Латинской Америки – Франциска I (Бергольо). Однако нынешняя Латинская Америка печальным образом лидирует в мире по числу убийств католических священников³²⁰...

* * *

Религиозная сфера – неотъемлемая часть человеческой интеллектуальности и культуры³²¹. Ибо она – как никакая другая область самоосуществления человека – наиболее тесно связана с символическим оформлением наших внутренних

³¹⁸ Nota bene: именно россиян, т. е. российских граждан. Однако же на территории Российской Федерации проживают – легально или нелегально – миллионы граждан иных государств, включая «гаст-арбайтеров» из Центральной Азии. Причем эти миллионы людей, обездоленных в собственных странах, так или иначе пытаются закрепиться в России.

³¹⁹ См.: Ценности: религиозность. – Информационный ресурс: fom.ru/obshchestvo/10953

³²⁰ По данным Ватикана, за первые семь месяцев 2013 г. в мире было убито 14 католических священнослужителей, из них 9 приходится именно на страны Латинской Америки. – См. информационный ресурс: blagovest-info.ru/index.php?ss=28s-38/id=53823_13.08.2013
Массовые же убийства христиан в странах Азии и Африки, на которые мир так долго закрывал глаза и жертвами которых, наряду с католиками, становятся копты, протестанты, армяно-григориане и православные, – особый вопрос, связанный по преимуществу с нынешним размахом радикального исламизма.

³²¹ См.: Рашковский Е. Б. «Критическая интроспекция...» // Государство, религия и Церковь в России и за рубежом. М. 2013ю № 1 (31).

экзистенциальных и психологических пространств. Но и в религиозной сфере – как и во всяком ином осуществлении «феномена человека» – множество своих внутренних опасностей и противоречий. Среди этих опасностей и противоречий – тенденции к властному («великоинквизиторскому») перерождению религиозных лидеров и как одно из проявлений этих тенденций – стремление к опоре на темные и низменные инстинкты и чувства масс (ксенофобию, безоглядный традиционализм и т.д.). Но этим же стремлениям свойственно провоцировать самые темные и низменные формы антирелигиозного протеста: нигилистические идеологии, акты демонстративного святотатства и насилия – т.е. всё то, чем полнится история XX столетия и что подхвачено нынешней эпохой глобализации.

Но при этом следует иметь в виду, что бескорыстное религиозное чувство и религиозный опыт издревле объективно противостояли и продолжают противостоять тенденциям властного и экономического присвоения и порабощения человека³²². Это сполна относится и к современной глобальной жизни: религиозная сфера с ее многозначным потенциалом консервативности и протеста исторически и человечески неизбежна. И в то же время она не может игнорировать вызовы современного секулярного мира, в той или иной мере ставящего под вопрос традиционные понятия экономической, культурной или властной автаркии с их представлениями о культурной исключительности, иерархическом священновластии и идейном абсолютизме. От кого бы, из каких бы регионов и властных структур эти понятия не исходили.

В новых условиях глобального мира с новой силой проигрывается одна из вековых тем истории человеческой социальности и культуры: религиозное сознание и религиозные институты так или иначе обречены на трудные и далеко не всегда эффективные поиски равновесия между принципами, с одной стороны, институционального порядка и организованного общежития, а с другой – принципами человеческой спонтанности, вечной неудовлетворенности отчуждением наличной жизни, вечного поиска³²³. Иными словами – между принципами традиции и свободы, без которых равно безжизнен мир религиозного опыта, мышления и творчества.

Казалось бы, всё это возвращает нас к идеям позднего Бергсона о «закрытости»-авторитете и об «открытости»-свободе как о вечно противоборствующих, но исторически необходимых предпосылках духовных исканий человека³²⁴. Но, возможно, опыт последних двух столетий внес одно существенное уточнение в эту бесспорно верную идею великого французского мыслителя: предпосылки отчуждения и порабощения могут содержаться не только в закоснелых авторитетах, но и в той ярости, в той «пассионарности» борьбы за власть, которая может содержаться в тенденциях освобождения и протеста. Что сполна относится и к религиозной сфере.

³²² См.: Obadare E. A Sacred Duty to Resist Tyranny? Rethinking the Role of the Catholic Church in Nigeria's Struggle for Democracy // J. of Church and State. Oxf. 2013. Vol. 55. #1.

³²³ См.: Lyons P., OSB. World and Spirit: Calvin's Theology and the Issues of Today // Centro Pro Unione. Roma. 2010. # 78.

³²⁴ См.: Bergson H. Les deux sources de la morale et de la religion. 3 éd. – P.: Quadrigue; PUF, 1988.

Раздел II.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Г.И. Мирский

АРАБСКИЙ МИР В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В середине XX века арабские страны избавились от политического господства западных держав. Ушли в прошлое колонии (последняя из них – Аден, освободилась от власти Великобритании в 1968 г.), подмандатные территории и протектораты. Началась новая эпоха: после долгих столетий османского владычества и десятилетий зависимости от Англии и Франции арабские страны, хотя экономика их продолжала зависеть от Запада, получили возможность самостоятельно определять свой путь.

Впрочем, эта возможность была относительной. Ни одна страна, добившаяся политической независимости, не может «начинать с чистого листа». Выбор пути зависит от прошлого страны, ее традиций, менталитета народа, влияний внешних сил, факторов и идей, от обстоятельств экономического характера (в первую очередь от степени вовлеченности в мировое хозяйство, места в этом хозяйстве, равно как и от наличных ресурсов). Вероятно, ни одна религия в наши дни не привлекает такого внимания и не вызывает столько споров, как ислам. Его можно назвать самой сильной и жизнеспособной религией современности. В то же время вследствие растущей угрозы того, что именуется «исламским терроризмом», все большее число людей во всем мире взирают на ислам со страхом и непониманием.

Отнюдь не соглашаясь с квалификацией ислама как «религии вражды и ненависти», нельзя в то же время игнорировать тот неоспоримый факт, что большинство актов международного террора в последнее время совершается мусульманами и в качестве обоснования приводится необходимость защиты ислама. Что-то явно неладно – если не с самим исламом как религией, то во всяком случае с отношением его «защитников» к современному миру. В глазах многих ислам выглядит как сила, несущая в себе угрозу, порождающая насилие, привносящая в мир тревогу и растущую конфликтность.

В экономическом отношении арабский мир к моменту достижения независимости представлял собой чрезвычайно неоднородную картину. Трудно сравнивать нефтедобывающие страны Залива, вскоре вышедшие на передовые места в мире по доходу на душу населения, с Йеменом или Мавританией. Но даже если не брать такие крайности, то все равно Египет, Марокко, Иордания или Сирия в любом случае не могли не оказаться ступенькой ниже в экономическом плане, чем обладавшие крупными нефтяными ресурсами Ирак и Ливия. Однако во всех арабских странах присутствовали два важнейших фактора культурного, идейного, можно даже сказать цивилизационного характера: ислам и арабизм. Не во всех странах влияние этих факторов было одинаковым, но так или иначе жители огромного региона «от Океана до Залива» ощущали себя арабами и – в подавляющем большинстве – мусульманами. Соотношение политических ипостасей ислама (радикальный политический ислам, или исламизм) и арабизма (панарабский национализм), их взаимодействие, взаимопроникновение, переплетение и в то же время противостояние явилось тем фоном, на котором разворачивалась борьба за

путь развития арабского мира на протяжении всех последних десятилетий.

В первые же годы независимого существования стали более или менее определенно вырисовываться две возможных модели развития: их условно можно назвать – «западная демократическая» и «восточная социалистическая». При этом слова «демократическая» и «социалистическая» надо брать в кавычки: как к демократии, так и к социализму обе модели имели весьма отдаленное отношение.

Банкротство западной модели. Данный вариант развития (его еще называют «вестминстерской моделью») отнюдь не был повсеместным в арабском мире. В «чистом» виде (как, например, в Индии) он не существовал вообще ни в одной арабской стране. Если считать основными чертами этой модели частнокапиталистическое хозяйство, свободный рынок, парламентскую демократию и многопартийную систему, то в наибольшей степени близок к европейскому прототипу был до революции 1952 г. Египет; ненамного от него отставали Ирак, Сирия и Марокко.

Экономическая причина провала «строительства капитализма» лежит на поверхности. Это – отсутствие буржуазии в классическом, западном понимании данного термина. Конечно, частное предпринимательство всегда было широко распространено в мусульманских странах, и ислам как религия всячески это поощрял, но развитие получили – еще с незапамятных времен – два вида этого предпринимательства: торговля и ремесло. С этого же, естественно, начиналось становление буржуазии и в Европе, но там еще в Средние века был пройден огромный путь, приведший к образованию промышленной буржуазии. Ничего этого не было в арабских странах точно так же, как в стране, ими повелевавшей в течение многих столетий – османской Турции, и даже еще раньше, во времена халифата.

Живший в XIV веке арабский историк Ибн Хальдун писал, что экономика халифата была подорвана потому, что права собственности систематически нарушались правительством, считавшим себя вправе распоряжаться имуществом подданных. «Нарушение прав частной собственности убивает в людях желание заработать больше, так как они опасаются, что их усилия будут вознаграждены экспроприацией»³²⁵. Все это продолжалось и в султанской Турции с ее, по определению Ф. Энгельса, «хищнической экономикой», теоретической основой которой была концепция визирия Низама аль Мулька: «Земли государства и ее обитатели принадлежат султану... а ему сам Аллах дал в обладание мир»³²⁶. Такой порядок не мог не тормозить процесс, аналогичный тому, который развивался в Европе, где имело место возникновение самостоятельных городских общин, становление защищенного в правовом отношении рынка, создание плацдарма для формирования буржуазии.

«Компрадорская буржуазия», «паразитическая спекулятивная буржуазия», «буржуазия рантье», как ее называли в советской литературе, «землевладельческая буржуазия» (этот термин употребляли авторы левого направления в Египте) – это не тот класс, который мог стать двигателем «нормального» капиталистического развития. Скупка земли и операции с недвижимостью, равно как торговля и финансовая деятельность, естественно, приносили гораздо больше дохода, чем создание промышленных предприятий. Характерной чертой такого типа буржуазии является несамостоятельность, зависимость от власти, сращивание с властью, часто на основе криминальных операций, безбрежная коррупция, связь с иностранным капиталом.

³²⁵ Ibn Khaldun. Discours sur l'histoire universelle. Paris, 1978. V. 2. P. 384.

³²⁶ Nizam al Mulk. Traite du gouvernement. Paris, 1984. Pp. 72, 70.

Если говорить о политической стороне проблемы, то мозаичность, клановость арабского общества не могли не привести к тому, что власть монополизировали отдельные, наиболее энергичные и беспринципные группировки. Парламентаризм превращается в пустое слово, поскольку большинство в парламенте всегда составляют представители господствующей группировки, побеждающей в результате выборов, которые можно назвать таковыми только с большой натяжкой. Дело даже не в фальсификации и подтасовках при голосовании; все гораздо хуже. В монархическом Египте, например, «партией власти» была партия Вафд, завоевавшая популярность в борьбе против британского империализма после первой мировой войны и выродившаяся в коррумпированную политическую машину, представлявшую интересы крупных землевладельцев и компрадорской буржуазии. В сельской местности крестьян везли на избирательные участки на грузовиках, и эти неграмотные люди прикладывали палец к тому списку, на который указывал деревенский староста (шейх). А поскольку подавляющее большинство избирателей составляли крестьяне, исход выборов был предопределен даже при самом честном подсчете голосов. Демократический западный принцип «один человек – один голос» превращался, таким образом, в средство закрепления власти определенной группировки; в других странах (например, в Ливане) этот принцип гарантировал победу на выборах наиболее многочисленной конфессиональной группе.

Как и в других странах Третьего мира, в арабских государствах не собственность рождала власть, а наоборот. Те группы, которые всеми правдами и неправдами пробивались к вершинам власти (или же просто монополизировали власть, поскольку представляли интересы самой многочисленной общности) беззастенчиво обогащались. И на верхушке государственной пирамиды непременно оказывались политики, лоббировавшие интересы доминировавшей властной группировки. Им, естественно, доставалась немалая часть пирога. А оппозиция оказывалась в этих условиях беспомощной; в отличие от того, что давно стало правилом в демократических странах Запада, а затем в Японии, Индии и некоторых других государствах Азии, арабская оппозиция не могла рассчитывать на победу «в следующих выборах». Оставалось лишь готовить военные перевороты, пользуясь тем, что молодые офицеры, пока еще далекие от коррупции и политических интриг, искренне возмущались творившимися в стране безобразиями. Рано или поздно карикатурная демократия должна была рухнуть, и это происходило – под грохот танков, знаменовавший приход к власти «Совета революционного командования», как повсеместно называлось руководство военной корпорации, выступившей под лозунгами восстановления достоинства нации. И хотя есть обратные примеры (прежде всего Южная Корея), можно согласиться с мнением отечественного историка Леонида Васильева о том, что «буржуазные преобразования принципиально возможны лишь в условиях решительного слома генеральной структуры власти-собственности, присущей незападному миру... И не только слома, но и замены ее столь чуждой им антично-буржуазной рыночно-собственнической структурой»³²⁷.

Крах карикатурной демократии отнюдь не означал перехода к ориентации на социализм. Молодые офицеры, как насеристы, так и баасисты, мало разбирались в экономических и социальных проблемах; неприятия капитализма как такового у них не было, они всего лишь стремились покончить с системой, для которой характерными были такие черты, как всеобщая коррупция, nepotизм, произвол, безразличие власть имущих к нуждам народа, альянс со вчерашними

³²⁷ Васильев Л. С. Всеобщая история. М., 2012. Т.4. С. 627.

колонизаторами (что в их глазах представляло собой худшую форму продажности, утрату национального достоинства). Объективно они пытались построить своего рода «приличный, чистый, патриотический» капитализм, что означало также и «нелиберальный капитализм». Ведь либерализм уже ассоциировался с продажной псевдодемократией, которую необходимо было выкорчевать, применяя при этом жесткие авторитарные методы, а они к тому же были близки ментальности военных.

Важнейший и типичный пример – насеризм, о котором арабский автор Омни эль Шакри пишет, что он «характеризовался идеологией и практикой *social welfare*, причем государственный аппарат мыслился как арбитр не только экономического, но и социального развития. Эта модель базировалась на своего рода этическом договоре между народом и государством, на социальном контракте, по условиям которого возможность революционных или демократических политических перемен обменивалась на беспорядочные социальные реформы и улучшение уровня жизни трудящихся. Далее, эта модель базировалась на представлении о народе как генераторе и двигателе истории. Режим Насера сконцентрировал свои усилия на размонтировании старой землевладельческой аристократии путем проведения аграрной реформы и на кооптировании старой промышленной буржуазии ради достижения собственной цели – широкомасштабной национальной индустриализации. Новый класс, который возник и представлял госсектор, был не чем иным, как «государственной буржуазией», в которой новые технократы смешивались с прежними элементами промышленной, финансовой и торговой буржуазии, проникшими в госсектор. Таким образом, насеризм привел к формированию государственно-капиталистического класса, к ликвидации главных идеологических соперников, к подавлению народного низового движения – при том что все это сочеталось с мощной идеологией *social welfare* и с харизматической антиимпериалистической риторикой, которой в огромной степени содействовала мобилизация Египта перед лицом тройственной агрессии в момент национализации Суэцкого канала. Эту модель можно рассматривать как фаустовскую сделку, при которой «народ» отдавал демократические свободы и радикальную перестройку социального устройства в обмен на программы *social welfare*, которые отвлекали внимание от задачи перестройки классовых отношений, делая упор на эпизодические паллиативные реформы в интересах трудящихся. Иными словами, это была пассивная революция»³²⁸.

Здесь следует отметить два момента. Первый – намерение насеристов провести мощную индустриализацию Египта. Вспоминаются слова Насера: «Великий Египет будет построен на железе и стали», а также его разочарование, когда он понял, что с тем сортом буржуазии, который был налицо в его стране, каши не сваришь. Компрадорско-финансовый и коммерческий характер египетской буржуазии, о чем уже говорилось выше, не изменился с установлением «честной патриотической власти» – наоборот, эта жесткая авторитарная власть, уже разгромившая и вафдистов, и коммунистов, и «Братьев-мусульман», могла только оттолкнуть предпринимателей от идеи инвестировать капиталы в промышленность. Действительно, доход от сталелитейного завода будет меньше, чем от операций с недвижимостью или от торговли, да и будет ли вообще? – ведь эта власть запросто все отнимет, раскулачит в любой момент. Осознание этого не могло не привести Насера к усвоению антикапиталистических лозунгов, к провозглашению курса на строительство социализма – при том, однако, как подчеркивает Шакри, глубоких социальных преобразований режим не проводил, а уж о предоставлении народным

³²⁸ Omni El Shakri. Egypt's three revolutions. In: The dawn of the Arab Uprising. End of the Old Order? London, 2012. Pp. 100, 101.

массам реального права голоса и речи не было. Если при короле феллахи по указанию шейха голосовали за Вафд, теперь они голосовали за правящую насеристскую партию.

Второе: автор упоминает о Суэцком кризисе и «тройственной агрессии» 1956 г. И здесь пора вспомнить, что внутренние события в достигших независимости арабских странах не только не разворачивались в вакууме, но напротив, были теснейшим образом связаны с международной обстановкой – ведь Ближний Восток стал полем масштабной военно-политической битвы между Западом и Советским Союзом в период «холодной войны».

Появление Третьего мира в качестве объекта борьбы двух систем на международной арене связано с именами двух людей – Никиты Хрущева и Гамалея Абдель Насера. В середине 1950-х годов насеровский Египет, во-первых, резко выступил против создававшегося западными державами Багдадского пакта; во-вторых, стал искать оружие для своей армии в предвидении столкновения с Израилем; и, в-третьих, бросил вызов Западу, национализировав компанию Суэцкого канала. По всем этим направлениям Советский Союз оказал Египту помощь; было положено начало тому, что можно было бы назвать стратегическим союзом между СССР и наиболее боевыми, антиимпериалистически настроенными режимами в Третьем мире, прежде всего на Ближнем Востоке.

Египет был лишь первой ласточкой. Хрущев, мало что понимавший в делах Третьего мира, был, однако, наделен политической интуицией и смелостью, позволявшей ему принимать неортодоксальные решения. Постепенно – вполне стихийно, на основе отнюдь не теоретических, а сугубо прагматических соображений – была фактически выработана весьма перспективная, как тогда казалось, стратегическая линия на сотрудничество со странами, освободившимися от колониального господства, боровшимися за экономическую независимость и модернизацию, за утверждение себя в качестве полноправных субъектов мировой политики, что неизбежно приводило их к противостоянию неокOLONиализму. Естественным противовесом Западу для них был Советский Союз, который в свою очередь был заинтересован в поиске новых союзников в развернувшейся «холодной войне». Дело в том, что уже в 50-х годах стало ясно, что никаких революционных перемен в Западной Европе ожидать не приходится; противоборствующие силы в Европе прочно окопались по обе стороны «железного занавеса», шла позиционная война без каких-либо возможностей маневра и прорыва фронта. Единственным реальным «полем боевых действий» выглядел Третий мир, казавшийся «мягким подбрюшьем» империализма; во всяком случае, именно в Азии, Африке и Латинской Америке возможны были глубокие маневры и прорывы.

Арабских революционных националистов притягивали к Советскому Союзу не только геополитические и экономические, но и социально-политические факторы. В борьбе против местных привилегированных элит, считавшихся по определению опорой или даже агентурой империализма, было целесообразно брать на вооружение социалистическую идеологию. Авторитарная монопартийная система социалистических стран была наиболее подходящей моделью для новых этатистских правящих групп, прикрывавших знаменем социализма устанавливаемый ими диктаторский режим. Кроме того, провозглашение ориентации на социализм и сотрудничество с миром социализма гарантировало экономическую и – что часто бывало еще важнее – военную помощь со стороны Советского Союза.

Так теоретический марксистский тезис о возможности некапиталистического развития отсталых и зависимых стран трансформировался в концепцию социалистической ориентации.

Крах «социалистической ориентации». У нас был пущен в ход термин «революционные демократы». Имелись в виду националисты-антиимпериалисты, которые в ходе борьбы за завершение антиколониальной революции, за экономическую независимость и равноправие, за преодоление отсталости и осуществление радикальных преобразований в интересах народа должны придти к выводу, что окончательное достижение этих целей невозможно в рамках капиталистических отношений. Почему они должны были придти к такому выводу? «Сама жизнь покажет, жизнь научит», – таков был ответ. Логика была такая: неокOLONиализм, стремясь любыми средствами увековечить зависимость и отсталость стран, добившихся политического освобождения, будет поддерживать в этих странах власть помещиков и компрадорской буржуазии, которые, естественно, не заинтересованы в глубоких социальных реформах, отвечающих интересам трудового народа. Зависимость и отсталость тем самым будут сохраняться. Считалось аксиомой, что капитализм не в состоянии решить ни одну из насущных проблем развивающихся стран, начиная от аграрной реформы и кончая экологией. Путь к ликвидации отсталости и зависимости лежал через общедемократические преобразования, которые по логике вещей должны были трансформироваться в процесс перехода к социализму.

«Арабский социализм», «национальный социализм» «национально-демократическая система, перерастающая в «народно-демократическую» – кто сейчас помнит эти громкие названия?

Что же конкретно обрекло на гибель режимы социалистической ориентации?

В первую очередь – их абсолютная неспособность решить как раз те назревшие, насущные экономические и социальные проблемы, которые, как предполагалось, именно им, и только им, окажутся по плечу.

Не будучи «полноценными» марксистами, революционные демократы, действовавшие в условиях древнего, прочного традиционного общества с устоявшимися нормами поведения, с издавна укоренившимися религиозными и нравственными ценностями, не могли себе позволить, да и не желали, пойти на резкий, радикальный, категорический разрыв с прошлым и, подобно российским и китайским коммунистам, силой навязать людям новые правила устройства жизни, противоречащие всем традициям. Характерно, что нигде не произошла коллективизация сельского хозяйства, не была ликвидирована ни в деревне, ни в городе мелкая частная собственность, торговля и сфера услуг оставались в частных руках. А это означало, что ростки частнособственнических отношений не были вытоптаны, и «социализм» был ограничен верхними этажами здания, так и не пустив корней в массу населения, которое по-прежнему жило в условиях свободных рыночных отношений. Этот дуализм уже изначально подрывал все усилия создать социалистическое, коллективистское, антисобственническое общество. На уровне сознания никаких «антибуржуазных» настроений не возникло, идея построения общества без классов и без эксплуатации была чужда и непонятна массам, соответственно и не мог возникнуть «социалистический энтузиазм», готовность людей беззаветно бороться и защищать «свою, народную» власть.

Хотя частная инициатива сохранялась на низовом уровне, господствовавший этатизм привел к полному всевластию невероятно раздувшегося, коррумпированного и поразительно неэффективного бюрократического аппарата. Вместо закона царил произвол, партийное и административное начальство делало, что хотело в обстановке безответственности и безнаказанности. Растраниживание государственных средств достигло чудовищных масштабов, уровень воровства и

коррупции был ничуть не меньше, чем в странах капиталистической ориентации Азии и Африки.

Арабские (равно как и африканские) левые режимы показали свою полную неспособность что-либо изменить к лучшему в той мощной системе клановых, патронажно-клиентельных, трибалистских отношений, которые вообще характерны для традиционного общества. Известно, что люди в странах, о которых идет речь, испокон веков определяют свою идентичность в критериях принадлежности к локальным группам, кланам, сектам, этническим и конфессиональным общностям, а не по признаку классовой принадлежности. Концепция некапиталистического пути строилась на надуманных, книжных представлениях о том, что после завоевания национальной независимости в бывших колониях развернется классовая борьба, неимущие поднимутся против богатых эксплуататоров.

Клановость оказалось невозможным преодолеть даже в наиболее передовых, «продвинутых» из стран социалистической ориентации. Вспомним кровавые события в Южном Йемене, когда в разгар борьбы за власть между фракциями правящей партии молодые милиционеры, активисты, учившиеся в одних и тех же партийных школах, убивали друг друга только потому, что шли за вождями, принадлежавшими к враждующим кланам. Этот фактор оказался намного сильнее, чем вся «марксистская» индоктринация.

Власть и общество: протест масс и путь к «Арабской весне». Итак, «настоящий капитализм» в арабском мире не получился, равно как и «настоящая демократия». Опять вспомним слова Леонида Васильева о роли системы «власть-собственность» и о зависимости между частнособственнической экономической моделью и политическим устройством. В освободившемся от колониализма арабском мире не сложился именно тот класс, который только и мог быть проводником капиталистических преобразований – средний класс, фундаментом которого служит, естественно, не бюрократическая буржуазия, спекулянты, компрადоры, финансисты и дельцы в сфере недвижимости, а промышленники, средний бизнес. Политическими представителями среднего класса всегда выступают лица свободных профессий. Но дело не в том, что численно не хватало предпринимателей, учителей, врачей, адвокатов, журналистов и пр., а в том, что, во-первых, отсутствовали традиции свободного правового общества, сформировавшиеся в Европе в течение тех самых столетий, когда арабский мир спал под султанским гнетом, и, во-вторых, не было представления о демократическом устройстве общества, не было ни идей, ни организации, не было сил, способных преодолеть раздробленность, мозаичность, клановость, клиентелизм. Точно так же не было уважения и доверия к власти, коррумпированность которой, зависимость от групповых интересов были всем заметны. А коль скоро эти фундаментальные черты общества сохранялись, уже не имело особого значения, кто именно стоял у власти – сторонники прозападной, псевдодемократической модели или авторитарные радикалы социалистической направленности. Результаты были примерно одинаковыми: если сравнить итоги экономического развития и жизненный уровень населения в «левых» странах (Египет, Сирия, Алжир) и в государствах с консервативным устройством (Иордания, Марокко, Тунис, Судан), то принципиальных различий обнаружить невозможно. Речь идет, естественно, не о странах нефтедобывающих, на которые обрушился дождь нефтедолларов; там действуют иные факторы.

И в течение десятилетий после достижения независимости, несмотря на аграрные реформы и модернизацию промышленности, сохранялась стагнация,

никуда не исчезла отсталость, большинство населения пребывало в нищете. Фиаско потерпели как капитализм демократического толка, так и национальный социализм. Да и существовали они фактически лишь в названии.

А что же народные массы и образованная прослойка? Что они – спали, или вообще отключились от общественной жизни, предоставив коррумпированным чиновникам и дельцам, демагогам и «новым султанам» орудовать на государственной арене? Конечно, нет. И ошибаются те, кто считают, что арабы пробудились только сейчас, когда весь мир услышал об «Арабской весне».

Уже в 1950-х гг. арабский мир бурлил. Происходило то, что известный американский ученый Марк Линч называет «Арабской холодной войной»³²⁹. Так он именует те волнения и вооруженные движения, которые характерны для того периода, включая борьбу египтян против британского господства, алжирцев за освобождение от власти Франции, иракцев против монархии, насажденной англичанами, равно как и бурные события, перевороты и конфликты в Сирии и Ливане. Катализатором или мотором мобилизации арабских масс стала, безусловно, египетская «насеровская» революция 1952 г.

Если еще в начале столетия образованный египтянин обиделся бы, если бы его называли арабом (все равно, что обозвать мужиком), то уже после революции 1952 г. египтяне с гордостью провозгласили свою страну центром собирания воедино арабских земель. Выразивший национальную идею лозунг «Эвакуация и единство долины Нила», обозначавший требование ухода английских войск из зоны Суэцкого канала и объединение Судана с Египтом, сменился другим – «Арабское единство», и вот по воле Насера и в атмосфере невиданной эйфории возникает Объединенная Арабская Республика с центром в Каире. Вот что вспоминал впоследствии Анвар Садат, будущий президент Египта, посланный Насером в те дни в Дамаск: «Толпа просто не могла насытиться, экстаз возрастал все больше, каждое слово встречали овацией, народ кричал, пел. Целую неделю толпы осаждали нашу резиденцию, разбив палатки на площади»³³⁰.

Как писал английский историк Малькольм Керр, «волна восторга, захлестнувшая Сирию в начальный период объединения, свидетельством чего были триумфальные толпы, встречавшие Насера в Дамаске,... отражала убеждение, что инициатива на Ближнем Востоке перешла к революционному панарабскому движению, что вскоре народы других арабских стран поднимутся против правящих тиранов и примкнут к союзу»³³¹.

Правда, восторги быстро проходят. Локальные интересы, традиции, менталитет сирийцев не позволяют им смириться с ролью «младшего брата», единое государство рушится. Но ведь те, кто приходят к власти (и очень надолго) в Дамаске – это люди партии Баас с ее лозунгом «Единая арабская нация с вечной миссией». Иначе говоря – все равно единство, все равно солидарность, хотя на государственном уровне идея единого арабского государства «от Океана до Залива», видимо, исчезла. Жизнь показала, что уже сложились и отлились в прочную форму отдельные нации – египетская, сирийская, алжирская, суданская и пр., утвердился государственный национализм – наряду с панарабским. Если спросить любого араба – существует ли арабская нация? – он ответит утвердительно, в то время как, например, поляк, украинец или серб вряд ли верят в единую славянскую нацию, а мексиканцы, бразильцы и аргентинцы – в единую латиноамериканскую. Арабы – это особый случай. В их сознании уживается

³²⁹ Lynch M. The Arab uprising. New York, 2012. Pp. 29, 30.

³³⁰ Sadat A. In search of identity. HarperCollins, 1978. P. 152.

³³¹ Kerr M. The Arab Cold War. London, 1971. P.16.

принадлежность, скажем, к марокканской нации и в то же время – к арабской, великой своего рода «супернации».

Важно понять, что тогда, в 1950-х годах, объединительное движение слилось с освободительным, и все вместе – с борьбой за освобождение Палестины, приняв в целом характер мощного националистического антиимпериалистического потока. Действительно, локальная «холодная война» в рамках глобальной Холодной войны между двумя системами. Но из трех составных частей этого общеарабского потока успехом увенчалось только движение за освобождение от британско-французского засилья: объединительное движение и борьба за возвращение Палестины потерпели полную неудачу. Глубокая травма поразила арабский мир в связи с образованием Израиля и полным провалом коллективных попыток арабских государств предотвратить это событие, вот уже в течение шестидесяти с лишним летом именуемое «ан-накба» (катастрофа).

Ничто не могло быть более унижительным и болезненным для коллективного самосознания арабов, чем неспособность справиться с «горсткой пришельцев». Одно дело – неудачи в войнах с великими державами, и совсем другое – постоянно повторяющиеся поражения, наносимые огромному арабскому миру маленьким «сионистским образованием». А главное – в том, что англичане и французы уходят, а евреи пришли, чтобы остаться навсегда (и не где-нибудь, а в самом сердце арабского мира) и отнять Аль-Кудс («Священный»), т.е. Иерусалим, третий по святости город ислама, с Храмовой горой, на которой стоят мечети Аль-Акса и Купол скалы.

Это несчастье потрясло арабов больше, чем любое другое событие в XX веке, обнажило их слабость и уязвимость, заставило почувствовать себя одной нацией. Панарабизм фактически сошел со сцены после «Шестидневной войны» 1967 г., когда Израиль разгромил армии трех арабских государств и оккупировал новые арабские территории. В том числе и это наложило своей отпечаток на все последующие десятилетия вплоть до наших дней – Западный берег реки Иордан, где вскоре началось строительство еврейских поселений, что впоследствии фактически погубило идею образования палестинского государства. Особенно тяжелым ударом для арабов было бесславное поражение их главного государства, их надежды – Египта. Последовавшая спустя три года смерть Насера, знаменосца арабского единства, как бы символически подвела черту под тем периодом, когда еще существовала вера в становление «нового мирового гиганта» – единого, мощного, создающего на доходах от нефти современную индустрию великого арабского государства.

Действительность показала нечто совсем иное: несостоятельность, бессилие, распри и склоки арабских правительств, их полную неспособность найти конструктивный подход к решению проблемы взаимоотношений с Израилем, который – и это стало абсолютно ясно именно после «шестидневной войны» – стал постоянным и неустранимым элементом ближневосточной ситуации. Правда, справедливости ради надо заметить, что безрассудное и пагубное для арабов решение Хартумского саммита Лиги арабских государств в 1967 г. («нет» признанию Израиля, «нет» миру с Израилем, «нет» переговорам с Израилем) было принято в условиях такой общенациональной травмы, что любой арабский государственный деятель, осмелившийся предложить иной вариант, был бы просто убит.

В общем в результате «арабской холодной войны» Англия и Франция вынуждены были покинуть арабские земли в военном и политическом плане, оставив за собой, правда, серьезные экономические позиции. На смену колонизаторам пришла Америка, но первоначально отнюдь не как инициатор

военных интервенций. Совсем наоборот. Внедрение США в арабский мир связано в первую очередь с именем создателя Саудовской Аравии короля Абд аль-Азиза Ибн Сауда. При нем забила нефть в пустыне вблизи Персидского залива, была образована АРАМКО (Арабо-американская нефтяная компания) и было положено начало альянсу Вашингтон – Эр-Рияд, который стал краеугольным камнем политики США на Ближнем Востоке.

Независимо от того, были ли достигнуты цели народных движений 1950-1960-х годов (и мы видим, что в основном это не удалось), сам по себе размах этих движений, невиданная ранее политизация масс серьезнейшим образом повлияли на поведение правящих сил. Как пишет Линч, «Арабская холодная война 1950-х гг. закончилась безжалостной консолидацией авторитарного правления во всем регионе, обществу была навязана спячка. 1980-е были не лучше. Рывок Алжира к демократии привел к военному перевороту и кровопролитной гражданской войне. Народные восстания в Судане закончились установлением brutальной военной диктатуры, в Иордании и Тунисе они увяли под беспощадным давлением правящих режимов»³³².

На арабской политической арене происходили бурные события, но уже другого, локального порядка. В Сирии, например, за полтора десятка лет власть менялась 17 раз, пока у руля государственного правления не утвердился Хафез Асад, бывший командующий ВВС и министр обороны, представитель общины алавитов (маргинальная эзотерическая шиитская секта, составляющая не более 12% населения Сирии) и в то же время лидер партии Баас, действовавшей под лозунгом «Единство, свобода, социализм». На самом деле созданный Хафезом Асадом режим, который сейчас отчаянно борется за свое существование уже при его сыне Башаре, не дал сирийцам ни арабского единства (к которому они, впрочем, быстро охладели после крушения Объединенной Арабской Республики), ни свободы (консолидировалась полицейско-кагебешная полутоталитарная однопартийная власть), ни социализма. В Ираке после революции 1958 г., когда была свергнута пробританская монархия, в результате новых переворотов к власти пришла локальная фракция той же общеарабской партии Баас, но ни о каком единстве с баасистской Сирией не было и речи – напротив, две ветви баасизма враждовали друг с другом, подтвердив тем самым, что локальный государственный национализм оказался сильнее, чем общеарабская идея и концепция национального социализма.

В Судане одно время утвердился леворадикальный режим во главе с Джаафаром Нимейри, провозгласившим свою страну «звездой социализма», «африканской Кубой». В социально-политическом смысле этот режим не отличался от насеристско-баасистской модели, разве что об арабском единстве не могло быть и речи, так как это означало бы объединение с Египтом, от гегемонии которого молодая республика еле-еле избавилась. Военный переворот в 1985 г. покончил с кровавым и неэффективным «суданским социализмом», но лишь положил начало полосе нестабильности, переворотов, волнений, что в конце концов вылилось в установление исламистской авторитарной системы, столь же brutальной, сколь и бездарной, оказавшейся впоследствии неспособной предотвратить распад государства.

Не лучше обстояли дела и в Алжире, стране, понесшей наибольшие потери в борьбе за независимость: больше миллиона человек погибли во время войны, начавшейся с восстания против французского господства в 1954 г. Харизматический вождь Бен Белла, которого у нас называли «лидером первой социалистической революции в Африке» и которому было присвоено (как и Насеру) звание Героя

³³² Lynch M. Op. cit. P. 30.

Советского Союза, не смог разглядеть «змею, которую он пригнул у себя на груди» – полковника Бумедьена, начальника генерального штаба. После свержения Бен Беллы сущность режима не изменилась, республика мало чем отличалась от остальных арабских стран «социалистической ориентации».

И все же 1970-1980-е годы внесли существенные изменения в облик арабского мира – изменения к худшему. Испарился энтузиазм, исчезли восторженные ожидания объединения арабских стран, создания новой мировой державы, пропала вера в установление нового, справедливого порядка, в подъем жизненного уровня народа, в ликвидацию коррупции, nepотизма, политических махинаций. Сошли со сцены «гиганты», с именами которых были связаны надежды и ожидания – Насер, Бен Белла. Разговоры о социализме, о построении справедливого общества, о «власти народа» уже никого не увлекали.

В сфере внешней политики кристаллизировались было два блока – панарабский во главе с насеровским Египтом и консервативный, естественным лидером которого стала Саудовская Аравия. Первый из них после того, как угасло пламя панарабизма, превратился в непрочный, скорее виртуальный альянс леворадикальных элит, представленных новыми средними слоями и офицерством и видевших очевидную выгоду из ориентации на Советский Союз. Второй блок стал опорой политики США. Как пишет Марк Линч, «то, что началось как серия революций и народных восстаний, закончилось с поражением арабов в 1967 г. и со смертью Насера тремя годами позже... Далее последовал самый удушливый период авторитаризма, какой только испытывали арабы в любую эпоху. Лидеры, которые либо пережили массовые народные волнения, либо пришли к власти благодаря улице, теперь уже рисковать не хотели. Грандиозный подъем доходов от нефти вслед за эмбарго, введенным ОПЕК в 1973 г., дал консервативным режимам средства, необходимые для финансирования систем безопасности и патронажа, разросшихся до беспрецедентных масштабов. В конце 1970-х годов авторитарное государство одержало верх над некогда могущественными народными движениями и принялось давить и душить все формы низовой оппозиции или несогласия»³³³.

Искренней поддержкой широких масс правящие верхушки нигде уже не пользовались, и не только в связи с разочарованием, вызванным их неспособностью устранить все пороки предыдущей власти и обеспечить населению приличный уровень жизни, но и вследствие провалов во внешней политике. Дело не только в крахе идей панарабизма и в явно обнаружившихся раздорах, склоках между правящими кругами арабских государств, в интригах и заговорах (что показало истинную цену декламаций, широковещательной риторики лидеров, клявшихся в верности идее арабизма, братства и солидарности арабских народов). Все большее значение приобретал факт абсолютной неспособности как леворадикальных, так и правоконсервативных режимов добиться хоть какого-то прорыва на «палестинском фронте», занять четкую и перспективную позицию в отношениях с Израилем.

Все войны с «еврейским агрессором» были либо проиграны (1948, 1956, 1967 гг.) либо сведены вничью, но таким образом, что Израиль ничего не терял, а лишь закреплял свою оккупацию арабских земель (1973 г.). Палестинское движение сопротивления во главе с «новым героем» Ясиром Арафатом было дважды разбито, причем первый раз – самими же арабами, иорданской армией под командованием короля Хусейна в 1970 г., а второй раз – израильским генералом Шароном в 1982 г., да так основательно, что пришлось покинуть палестинскую землю и эвакуироваться в Тунис. Стало широко известно, что в ходе продолжавшейся 15 лет гражданской войны в Ливане вооруженные силы Сирии, той самой Сирии, которая рекламировала

³³³ Lynch. P. 41.

себя как лучший, если не единственный друг палестинцев, уничтожали палестинских боевиков в лагере Тель Заатар (и лозунг «Не забудем Тель Заатар!» еще долго будет напоминать сторонникам Арафата о вероломстве сирийских «друзей», тем более что сам лидер палестинского сопротивления лишь чудом избежал гибели от рук сирийских спецслужб, и это тоже все знали).

Никто в арабском мире не сомневался в том, что за прикрытием бешеного барабанного боя антиимпериалистической риторики правящие элиты, когда им это нужно, умеют прекрасно сговариваться с западными правительствами, заключать сделки, предавать друг друга. Типичная ситуация возникла в 1990 г., когда иракский диктатор Саддам Хусейн, не сумев выиграть бездарно проводившуюся им войну с Ираном, «отыгрался» на маленьком беззащитном Кувейте. Арабский мир раскололся: Египет, Саудовская Аравия, даже баасистская революционная Сирия примкнули к антисаддамовской коалиции, созданной ООН и возглавлявшейся президентом США Бушем, в то время как иорданский король Хусейн и палестинский лидер Арафат поддержали иракского агрессора. Но раскол был на верхушечном уровне – народные массы повсеместно были на стороне иракского диктатора, отнюдь не из симпатий к нему и к иракцам вообще, а только из-за неприятия любых форм сотрудничества с Западом. Автор этих строк побывал в те дни в Египте и убедился, что люди разных социальных страт и политических взглядов единодушно выступают против международной коалиции, утверждая, что нападение Ирака на Кувейт – это внутреннее дело арабов, и нельзя позволить американцам определять, какой эмир должен править в арабском государстве. Мое замечание о том, что речь идет не об эмире, а о беспардонной агрессии и захвате суверенного государства, ни у кого не находило понимания. И когда король Саудовской Аравии, с ужасом увидевший, что танки Саддама Хусейна оказались на границе его страны, в панике пригласил на помощь американские войска, это вызвало протесты даже в таком забитом и несвободном обществе, как саудовское; многие улемы, исламистские активисты возражали против позиции правящей династии. Власть вынуждена была прибегнуть к репрессиям против протестующих, в том числе против связанного с «Братьями-мусульманами» движения «Сахва».

В сговоре с империалистами и предательстве палестинцев был обвинен египетский президент Анвар Садат, установивший дипломатические отношения с Израилем, чему предшествовала его беспрецедентный, сенсационный визит в Иерусалим, выступление в израильском кнессете (парламенте) и последующее соглашение в Кэмп-Дэвиде под эгидой президента Картера. Египет был изолирован в арабском мире, подвергся бойкоту, возник «Фронт стойкости и сопротивления» во главе с Сирией и ООП и под лозунгом «Похоронить Кэмп-Дэвид!», а Садат был убит непримиримыми египетскими исламистами, отколовшимися от «Братьев-мусульман» (среди заговорщиков был Айман Завахири, ныне возглавляющий «Аль-Каиду» после гибели Усамы бен Ладена).

Усиливавшееся недоверие общества к правящим кругам, подозреваемым в тайном сговоре с западными империалистами, не могло быть устранено даже «соглашениями Осло» и взаимным признанием ООП и Израиля в 1993 г. Общественность в арабских странах не верила (и, как впоследствии выяснилось, совершенно справедливо) в то, что Осло означает прорыв и открывает путь к созданию долгожданного палестинского государства. А «вооруженная интифада», начавшаяся в 2000 г., сопровождавшаяся вторжением израильских танков в палестинские города и показавшая, наконец, что наивно ожидать от правителей Израиля согласия на образование действительно суверенного государства на Западном берегу и в Газе, расширила пропасть между настроениями

общественности и двусмысленной позицией правящих арабских элит. Все больше людей верило в то, что правительства сознательно и демагогически раздувают «палестинскую проблему», чтобы отвлечь внимание народа от внутренних безобразий, коррупции, некомпетентности, причем реально не осмеливаются пойти на какие-либо решительные шаги для помощи палестинцам.

Еще больше накалила атмосферу американская интервенция в Ирак в 2003 г. Городские волнения в различных арабских странах в 1990-е годы были предзнаменованием назревавшего взрыва. Мощным сигналом неблагополучия для египетской элиты было возникновение движения «Кефайя!» («Хватит!») в 2004 г., когда прошел слух, что президент Хосни Мубарак готовится привести на смену себе своего сына Гамалея. А уже в «нулевые годы» XXI столетия качественно новый характер общественным протестам был придан появлением новых информационных технологий, сыгравших впоследствии огромную роль в событиях, которые получили название «Арабской весны».

Еще совсем недавно казалось, что арабские народы находятся в глубоком застое, следовавшем за бурными событиями первых лет независимости. Похоже было, что они способны лишь на борьбу с колонизаторами или на бунты под зеленым знаменем ислама. Теперь наступило пробуждение, всколыхнулся весь арабский мир, да так неожиданно, спонтанно, дружно, что у многих сразу появилась мысль: случайна ли такая синхронность?

Разумеется, никакого заговора внешних сил не было. Нелепо звучат намеки на то, что Вашингтон исподволь готовил смену арабских режимов. Вашингтонские политики – не самые умные в мире, но и не полные глупцы. Им бы в голову не пришло организовывать свержение режима Мубарака, лучше которого для них не было и не будет. По-видимому, сработала теория домино: везде накопился горячий материал, нужна была только спичка, и она вспыхнула. В буквальном смысле слова в руках несчастного тунисского парня...

Не составит труда указать на объективные факторы. Первый из них: 60% населения региона – люди моложе 25 лет, и среди них большой процент образованных, но безработных. Второй – технологическая революция в СМИ: сначала спутниковое телевидение (в первую очередь канал «Аль-Джазира»), затем Интернет, Facebook, и, наконец, мобильный телефон – кардинально изменили информационную ситуацию. Если прежде люди узнавали только то, что власти считала нужным им сообщить, то сейчас они в принципе в состоянии узнавать все и передавать это другим. Как отметил американский аналитик Фарид Закария, раньше информация шла от одного источника к многим, а сейчас – от многих к многим.

Между тем эти объективные факторы образуют лишь фон событий, их предпосылки. Их недостаточно, чтобы объяснить причины вспышки. Почему накопилось столько протеста и воли к действию у молодых людей, вчерашних студентов, учителей, адвокатов, врачей, мелких клерков, т.е. у тех, кто выступил застрельщиками движения? В этом есть что-то не вполне поддающееся объяснению, нечто почти таинственное, как бывает всегда, когда вдруг разражается революция. Настоящая революция всегда бывает «вдруг», планировать можно лишь переворот. Предсказать события было невозможно, хотя все давно знали о гнилости правящих режимов, о произволе и коррупции, фальсификации выборов, свирепости полиции. Жили с этим десятки лет, видели на экранах телевизоров одни и те же лица. Кто сказал, что так нельзя жить и дальше? Если попытаться найти ключевые слова, характеризующие дух арабской революции, то вот они: «Надоело! Не верим! Не боимся!».

Когда авторитарные режимы чувствуют, что земля начинает гореть у них под

ногами, перед ними встает выбор. Первый вариант – силовой: давить, душить, не считаясь с тем, сколько крови надо будет пролить. Главное – держаться и не уступать. Второй – реформаторский: выпускать пар из котла, в чем-то уступить, что-то пообещать, разогнать правительство, расколоть оппозицию. Но дело в том, что если земля действительно горит, не спасет ни один из этих вариантов; вспомним хотя бы последнего шаха Ирана.

Однако заранее ведь никто не может знать, насколько решительно настроена оппозиция, как велика будет ее поддержка в массах. Можно себе представить, как мучительно ломали голову египетские генералы на протяжении восемнадцати дней противостояния, когда сотни тысяч людей не желали уходить с площади Тахрир, а страна впала в паралич. Давить людей танками, расстреливать с вертолетов – означало, если бы даже солдаты пошли на это, навсегда погубить репутацию армии и стать изгоями в глазах всего мира. Пойти на уступки – а кто знает, сколько их понадобится, чтобы утихомирить бунтующих? Стоит дать слабину, и пойдут все новые требования, и дойдет до расследования злоупотреблений прежнего режима, а ведь виллы генералов у всех на виду. Кончилось тем, что пожертвовали Мубараком, чтобы сохранить систему. И в конечном счете – по крайней мере если исходить из того, как выглядит политическая панорама в Египте в 2013 г. – система в общих чертах сохранилась, хотя первое время после свержения Мубарака могло казаться, что страна кардинально изменилась и власть перешла в руки совершенно иных сил, в первую очередь «Братьев-мусульман», победивших на свободных выборах, как парламентских, так и президентских. Но знаменитое «Братство», существовавшее в подполье свыше 80 лет и наконец-то прорвавшееся, причем законным, легитимным путем, к вершинам власти, недолго торжествовало победу.

Одна из причин стремительного падения «Братства» летом 2013 г. была неспособность правившего фактически от имени этой ассоциации президента Мурси и его правительства, где доминировали исламисты, справиться с экономикой. В значительной мере это была не их вина: революционные перемены всегда приводят к экономической дезорганизации, равно как и к социально-политической дестабилизации. Этому учит история, но люди ее не знают и не желают извлекать уроки из исторического опыта.

Скольжение Египта в экономическую пропасть стало очевидным для всех. Некомпетентность плюс самоуправство, стремление монополизировать власть – этого оказалось достаточно для того, чтобы отношение общества к Мурси и «Братьям» резко изменилось. Этого хотели не только простые египтяне, но и так называемое «глубокое государство» – так в Египте называют совокупность тех сил, которые реально управляют делами в стране: бюрократия, силовики, связанные с властью коррумпированные капиталисты. Все эти слои общества опасались установления суровой, безжалостной клерикальной диктатуры. Например, военные: ведь в Египте армия – это не только вооруженные силы, это мощная экономическая корпорация, контролирующая около 30% всего хозяйства страны, начиная от бензоколонок и кончая цементными заводами и туристическими компаниями. Кроме того, более половины губернаторов и многие мэры городов – это отставные военные. При Мубараке генералы обогатились,строили себе особняки и виллы, обзавелись роскошными автомобилями, срослись с чиновничеством и частными компаниями. Естественно, представители «глубокого государства» побаивались того, что со временем «Братья», если они укрепятся и окончательно монополизируют власть, могут начать «раскулачивать» тех, кто создал себе состояния при прежнем режиме.

Весьма неоднозначным можно назвать и отношение Запада к режиму Мурси. Руководители США и стран Западной Европы весной 2011 г. не встали на защиту Мубарака, сообразив, что это уже бесполезно, его дни сочтены и в любом случае придется налаживать контакты с новой властью. Это была вынужденная, но вполне разумная линия поведения, однако она не означала, что Запад решил эту новую власть реально поддерживать. Надо было выждать время. А когда на передний план в результате выборов в конце 2011 г. вышли исламисты («Братья» получили 47% голосов, более радикальная партия «Ан-Нур» – 24%), подозрения и тревоги на Западе только усилились. Правительство Мурси так и не получило обещанного Международным банком кредита на сумму 4,8 миллиарда долларов; на него возлагали большие надежды, поскольку все понимали, что после этого откроется зеленая улица для кредитов и инвестиций, и падение экономики приостановится. Но пришлось пользоваться только помощью арабских стран. Один только Катар, главный союзник, опора и поддержка «Братьев-мусульман», предоставил Египту 8 миллиардов долларов, но вот Запад не торопился.

И в результате комбинированного воздействия всех перечисленных факторов атмосфера сгушалась, явно назревал политический кризис. Усиливались подозрения того, что «Братство» действует прежде всего в своих интересах. И многие люди, прежде не верившие разговорам о том, что рано или поздно «Братья», верные своей идеологии, попытаются превратить Египет в клерикальное государство, если не в теократическое, стали менять свое отношение к исламистам. Клерикальная диктатура выглядит ничуть не привлекательнее, чем военная, особенно для образованных людей в городе.

И когда армия, воспользовавшись вспышкой массового протеста, вновь вышла на авансцену под предлогом предотвращения гражданской войны, большинство населения оказалось не на стороне «Братства». Мощная организация, всего месяцем раньше правившая бал, была быстро обезглавлена и сметена с политической арены.

Как же получилось так, что радикальный политический ислам потерпел историческую неудачу в главной стране арабского мира, стране, бесспорное большинство населения которой составляют набожные мусульмане?

Ислам и исламизм. Какую роль в эволюции арабского мира после достижения независимости играет ислам? Каково соотношение между исламом и исламизмом? Означает ли «Арабская весна», что регион охвачен волной исламизма? Идет ли дело к созданию теократических государств, несовместимых с западной цивилизацией? – все эти вопросы сейчас находятся в центре внимания отнюдь не только арабских мыслителей, но и – иногда кажется, что даже в большей мере – западных авторов.

И результаты «Арабской весны» интерпретируются по-разному. Одни указывают на то, что исламисты практически не играли никакой серьезной роли в «революции Тахира» на первоначальном этапе и примкнули к протестующей молодежи уже, когда стало ясно – Мубарак проиграл. Другие придают решающее значение результатам выборов в Египте и Тунисе, где на лидирующие позиции вышли умеренные исламисты и салафиты. Да и сами эти термины трактуются неодинаково. Можно слышать разговоры о том, что исламисты – это все равно исламисты, пусть умеренные. На чем делать ударение – на существительном (исламисты) или на прилагательном (умеренные) – вот к чему чаще всего сводятся разногласия.

Если исходить из того, что исламизм – это не что иное, как «политический

ислам», т.е. движение, течение или сеть – структуры, выступающие как политические представители мусульманского сообщества в локальном или глобальном масштабе, то неизбежно возникает вопрос: где корни этого феномена? Почему ничего не слышно о политическом христианстве, индуизме или буддизме? Чем так недовольны мусульмане, для чего им понадобились политические организации, отстаивающие их права и интересы? И почему в этом движении, получившем странное название «исланизм», неуклонно выдвигаются на передний план наиболее воинственные, непримиримые, экстремистские и фанатичные борцы? Ради какой цели взрывают себя и тысячи невинных людей эти шахиды, «человеческие торпеды»?

Видимо, только крайне серьезная, кризисная ситуация могла породить такое страшное явление. Кризис – но чего? Религии? Ничего подобного. Сама по себе мусульманская религия, ислам, никакого кризиса не переживает, ни теологического или доктринального – все остается как было тысячу лет тому назад, ни в смысле убедительности и привлекательности для верующих. Напротив, количество мусульман в мире растет, и не только за счет рождаемости (в ряде мусульманских стран она, вопреки распространенному мнению, падает), но и в результате обращения в ислам европейских христиан. Более того, ислам можно, пожалуй, назвать самой сильной религией современности, если брать в качестве критерия степень приверженности людей своей вере и то, какую роль играет Бог в жизни верующего, во всяком случае, по его собственному мнению.

Мусульманские традиции, основанные на Коране и сунне, тщательно и ревниво оберегаются исламскими духовными лицами, бдительно следящими за тем, чтобы нововведения не нанесли ущерб системе ценностей ислама и тем самым всему сообществу правоверных, вся жизнь которых должна этими ценностями определяться. Неизменным и незыблемым остается мнение о безусловном превосходстве ислама как религии и мусульманской общины над всеми остальными конфессиями и человеческими сообществами. Термин «избранное сообщество» в Коране отсутствует, но там есть слова, принадлежащие, как и все коранические тексты, самому Аллаху: «Вы были лучшей из общин, выведенных пред людьми»³³⁴. И мусульмане помнят, что было время, когда по уровню культуры и науки их предки стояли неизмеримо выше всего, что было в Европе. Но все это в прошлом, а сегодня всем миром заправляют неверные. У многих мусульман создается впечатление, что в течение столетий, а особенно в последнее время, некая дьявольская сила сознательно и целенаправленно стремится унижить и даже разрушить исламское общество, навязать ему чуждые ценности, вытравить сам дух ислама. Здесь и появляется почва для исламского радикализма.

Уже давно вошли в обиход термины «исламский фундаментализм», «исланизм», «политический ислам», все чаще говорят и об «исламском терроризме», что совершенно некорректно. Хотя большинство «международных террористов» в современном мире сейчас – это действительно мусульмане, но никто, например, не называет колонизацию Африки в XIX веке «христианской» на том основании, что колонизаторы были выходцами из христианской Европы.

Многие авторы не делают различия между такими понятиями, как исламский фундаментализм, радикализм (исланизм) и экстремизм. На самом деле фундаментализм вовсе не равнозначен политическому радикализму и тем более не порождает сам по себе терроризм. Фундаментализм – призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками. Фундаментализм может быть присущ любой религии. Поборники мусульманского

³³⁴ Коран (перевод И.Ю. Крачковского). 1990. 3:110.

фундаментализма (по-арабски «салафийя», от слова «салаф», предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, исказивших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества.

Можно быть фундаменталистом и в то же время осуждать экстремизм, а тем более терроризм. Ислам как религия не призывает к насилию и террору, не поощряет его и никак не может быть в ответе за преступления террористов. В то же время можно утверждать, что путь к исламистскому (именно не исламскому, а исламистскому) терроризму, как правило, начинается с фундаментализма – разумеется, в головах организаторов, а не исполнителей террористических актов. Это звенья одной цепи: фундаментализм – политический радикализм (ислаимзм) – экстремизм – терроризм. Данная цепочка может прерваться после первого же звена, но может и продолжиться вплоть до «Аль-Каиды» и Усамы бен Ладена.

Исламский радикализм берет свою силу в жгучем ощущении несправедливости, которое испытывают люди в Азии и Африке, особенно же в арабском мире. Отсталость, низкий жизненный уровень, нищета, безработица – это фон, на котором процветает экстремизм. Во всем этом обвиняют старого врага – Запад, вчерашнего колонизатора и хозяина. Мусульмане гордятся своей древней и богатой цивилизацией, но видят, что в мировой иерархии их страны стоят на низшей ступени по сравнению с Западом. Убежденные в превосходстве своей культуры и в том, что только ислам является религией, содержащей истину, они с горечью видят, что в мире властвуют, задают тон другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире – не у них, а у Запада. А Запад сегодня – это прежде всего Америка.

Как писал арабский философ Садик аль-Азм, радикальные исламисты заклеили «культуру, цивилизацию и общество нынешнего столетия как языческую, отступническую, неверную и безбожную»³³⁵. Западная цивилизация была объявлена основанной на секуляризме и индивидуализме, безбожной и языческой. Экстремисты заявляют: «Есть только две партии – Бога и сатаны»³³⁶. Борьбу стали вести на два фронта: против «своих» нечестивых правителей-отступников и против «Большого сатаны» – Запада, в первую очередь Америки (у мусульман сатана – не только захватчик, агрессор, но также, что еще опаснее, великий соблазнитель). На этой идеологической основе возникла сеть транснационального терроризма, обычно ассоциируемого с названием «Аль-Каида».

Как писал российский востоковед Алексей Малашенко, «ислаимзм не болезнь, которая поддается пусть трудному и длительному, но все же лечению. Это клетки самого организма «исламской традиции, исламской политической культуры»³³⁷. Поэтому противостоять распространению радикального ислаимзма чрезвычайно трудно, особенно если его теоретические и идеологические положения будут подпитываться, подкрепляться такими действиями со стороны западных держав, которые могут быть истолкованы в мусульманском мире как агрессия, интервенция, попытка ослабить и разрушить ислам. Известно, какой могучий толчок исламистскому терроризму дали военные интервенции западных держав в Афганистане и особенно Ираке.

Это гораздо важнее, чем опасения фундаменталистов-теоретиков по поводу того, что аморальный Запад своей культурной экспансией сможет размыть и подорвать традиционные исламские ценности. Если можно было бы спросить тех девятнадцать человек, которые участвовали в «акции Манхэттен», как называют

³³⁵ Sadik Al-Azm. *L' Illuminismo islamico*. Roma, 2001. P. 21.

³³⁶ Mohammad Said Al-Ashmawy. *L' Islam politique*. Paris, 2001. P.26.

³³⁷ Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006. С. 60.

последователи Усамы бен Ладена террористическую операцию 11 сентября 2001 г., или тех убийц, которые взрывали себя вместе с жителями Лондона в 2005 г., или десятки других «шахидов», планировавших убийства совершенно невинных и ни к чему не причастных людей в различных странах – что ими движет? Зависть к богатому Западу, как до сих пор полагают некоторые? Смешно: как могут глубоко преданные исламу люди завидовать «презренному, декадентскому, безбожному, растленному» обществу? Жизненные страдания, вызванные нищетой? Ничего подобного, все террористы, как показывают специальные исследования – выходцы из состоятельных семей, обеспеченные люди с хорошей профессией. И вообще надо сказать, что хотя ряды исламистов пополняются в том числе и безработной молодежью, чисто материальные, экономические проблемы никогда не фигурируют среди лозунгов исламистов. Когда вскоре после победы исламской революции в Иране экономическое положение ухудшилось, аятолла Хомейни сказал: «Мы не для того совершили революцию, чтобы снизить цены на дыни».

Борьба против светского устройства общества? Террористы об этом, конечно, не думают, они опять-таки ответили бы, указав на Палестину и Ирак, на конкретные практические примеры «антиисламской политики Запада». Но вот в мотивации тех, кто закладывал идейные и теоретические основы мусульманского фундаментализма, эта проблема занимает центральное место. Ни в коем случае не допустить создания светского государства – вот их кредо.

Опять же здесь можно уйти в сторону, нарисовать картину сопротивления исламской теократии западному секуляристскому порядку. Но ведь настоящей теократии почти никогда и не было в исламском мире. Как отмечает известный американский мыслитель Френсис Фукуяма, «мир ислама был по существу скорее цезаропапистским, чем теократическим: светские правители обладали властью и были, пожалуй, хозяевами по отношению к халифу и улемам, которые осуществляли шариат»³³⁸. Действительно, как доказали историки, власть в мусульманских странах представляла собой альянс султанского (или шахского) дворца с мечетью. И сейчас есть только одно по-настоящему теократическое государство – Иран. Но при всем этом нельзя забывать, что для ревнителей традиционных исламских традиций именно образование светского государства смерти подобно. Таким образом, можно прийти к выводу, что для идеологии исламизма проблема секуляризма имеет первостепенное значение, хотя для «людей действия» – салафитов, джихадистов, ваххабитов – она существует где-то на фоне сознания, а внимание приковано к реальной политике.

Но ведь именно эта проблема неизбежно выходит на передний план, если исламисты приходят к власти или по крайней мере играют первую скрипку в новой системе государственного устройства (сейчас мы это видим в странах, где победила «Арабская весна»). «Братья-мусульмане» в Египте и «Ан-Нахда» в Тунисе видели перед собой такую альтернативу: либо проводить в жизнь свою идейную программу, включая введение шариата в строгом, суровом, пуританском смысле (но это оттолкнет Запад, без помощи которого экономика будет продолжать катиться в пропасть, и власть исламистов в конечном счете рухнет), либо, действуя сугубо в прагматическом ключе, пожертвовать базовыми принципами и, продолжая налаживать сотрудничество с Западом, установить систему власти, по существу мало чем отличающуюся от недавно свергнутой. Но в таком случае доминирующих на политической арене умеренных исламистов подстерегает другая беда: на них обрушатся с обвинениями в предательстве ислама и капитуляции перед Западом

³³⁸ Francis Fukuyama. The Origins of Political Order. London, 2012. P. 279.

совсем уже радикальные исламистские силы, те, кого называют салафитами (что, строго говоря, неверно, так как все исламисты, даже вполне умеренные, привержены идее возвращения к «чистому» исламу предков (салаф)).

Поэтому можно констатировать, что исламисты, за которых на свободных выборах проголосовало больше избирателей, чем за иные политические силы, именно в свой «звездный час» попали в критическое положение. Им в сто раз труднее сейчас, чем тогда, когда они были в оппозиции, в подполье. Но уже ничего не поделаешь.

Разрешить это противоречие исламистам, по крайней мере в Египте, не удалось. Август 2013 г. стал для них черным месяцем, о чем уже было сказано выше, и мы возвращаемся к вопросу: почему?

Дело в том, что времена меняются даже в древней, казалось бы, навсегда застывшей стране Нила. Прежде преобладало крестьянство, слова «египтянин» и «феллах» были почти синонимами, но сейчас выросло городское население, а внутри него – прослойка образованных молодых людей светской и демократической ориентации, не приемлющих идеи государства, в котором безраздельно господствует шариат. Эти группы интеллигентов и были застрельщиками демонстраций в январе 2011 г., они немногочисленны, но за ними, как выяснилось, идут средние слои. И одно дело, когда к малограмотному феллаху или бедняку из низших городских слоев приходит агитатор и говорит: «Ты за ислам или за Америку и евреев? Раз ты мусульманин – голосуй за Братьев». Другое дело – достаточно грамотные и познавшие запах свободы люди, все больше опасющиеся утверждения жесткой, глубоко идеологизированной диктатуры.

Можно ли рассчитывать, что если исламисты, не сумев справиться с описанной выше дилеммой, потеряют власть, или если на Западе возобладают, наконец (после Афганистана, Ирака, Ливии), трезвые антиинтервенционистские настроения, или каким-то образом будет найден компромисс по палестинской проблеме? Все три гипотезы весьма проблематичны. Можно ли в таком случае предполагать, что напряженность в отношениях между воинственным радикальным исламом и западным миром постепенно ослабнет и сойдет на нет? Никто не ответит на этот вопрос.

Существует точка зрения (наиболее ярко и убедительно ее высказывает американский автор Грэм Фуллер в своей новой книге «Мир без ислама»), что Ближний Восток в любом случае находился бы в состоянии перманентного конфликта с Европой независимо от религиозных противоречий. Этот конфликт предшествовал появлению ислама и вообще не связан с религиозными проблемами; глубокая взаимная неприязнь Ближнего Востока и Европы связана, по мнению Фуллера, с историческими обидами, различными взглядами на такие проблемы, как роль церкви, взаимоотношения между государством и церковью (мечетью), секуляризм, равно как с политическими и культурными противоречиями, различием геополитических интересов, соперничеством и т.д. Корни конфронтации отнюдь не в сфере теологии. Проблемы идентичности и власти оказывают большее влияние на ход событий, чем религия. Грэм отмечает, что глубокие корни неприязни к Западу существуют до сих пор и в православной церкви, и это весьма похоже на отношение мусульман к Западу, из чего он делает вывод, что и у ислама, и у православия имеется общий геополитический источник одинаковых или по крайней мере родственных взглядов, подозрений и обид в отношении Запада. «Византийцы даже при последнем издыхании предпочитали быть побежденными турками-мусульманами (надеясь, что при них церковь сохранится), чем римлянами-латинянами (что привело бы к латинизации и гибели православия)». Грэм вообще

убежден, что если бы не возник ислам, Ближний Восток был бы во власти православия, которое «высоко держало бы факел противостояния с Западом»³³⁹.

Такая трактовка истории заслуживает обсуждения, что выходит за рамки данной главы. Но можно согласиться с Грэмом, превосходно знающим и ислам, и Россию, в том, что конфликт между мусульманским сообществом и Западом не носит характер ни «войны религий», ни «столкновения цивилизаций» (что почти одно и то же, поскольку цивилизации обычно основаны на религии).

Арабский мир в любом случае останется преимущественно мусульманским. Много лет тому назад один из видных палестинских марксистов говорил автору этих строк, что причиной фиаско марксизма в арабском мире стала неспособность говорить на языке ислама. И если созреет арабская демократия, это будет демократия исламская, что вовсе не предполагает установления теократии или торжества исламизма в его радикальном виде.

Что показала в этом плане «Арабская весна», что она дала нового?

Один из важнейших ее уроков заключается в следующем: застой под крышей авторитаризма обманчив, он недолговечен и не дает стабильности. Ведь и при нем происходит развитие, идет модернизация, а, следовательно – меняется общество, появляются новые интересы и новые требования. Рано или поздно все вырывается наружу, но в такой форме, которая уже в значительной степени предопределена всем предшествующим историческим развитием, традициями, менталитетом, установившейся системой ценностей. В арабском мире все это сосредоточено вокруг ислама, и революционный взрыв после нескольких этапов промежуточного развития восстанавливает «исламские ценности», находившиеся в тени при господстве более или менее светского деспотизма. Но и это восстановление оказывается лишь преходящим моментом, поскольку общество за время той модернизации, которая происходила при «старом режиме», созрело для бунта не только против этого режима, но и против такой, изжившей себя формы общественного устройства, которую под флагом торжества ислама пытаются установить примкнувшие к восставшим массам вроде бы тоже революционные, но на самом деле ретроградные силы.

Стоит привести мнение российского ученого Дмитрия Травина, работающего в Санкт-Петербурге: «Чем активнее идет модернизация, тем больше она создает оснований для бунта. Ведь быстрое развитие общества выбрасывает из деревни в город все большее число людей, и значит, все большее число теряет старые жизненные устои и начинает идентифицироваться с какими-то новыми группами... Люди, идентифицирующие себя с классом, нацией или верой, идут громить тех, кто идентифицирует себя по-другому»³⁴⁰.

Первоначально казалось, что массовые выступления, инициированные – не будем забывать – образованной, в основном светской молодежью, имеют трансклассовый, транснациональный и трансрелигиозный характер. Наблюдатели обращали внимание на то, что на площади Тахрир практически не слышалось антиамериканских лозунгов, почти не упоминалась обычно столь важная для арабов палестинская проблема, не было призывов исламистского направления. Наряду с мусульманами в протестном движении участвовали и христиане – копты. Не было заметно джихадистов. «Братья-мусульмане» подключились к массовым манифестациям только тогда, когда стал ясен грандиозный, поистине всенародный масштаб протестов.

Но через некоторое время стало ясно, что все это общенародное единство на

³³⁹ Graham E. Fuller. A World without Islam. New York, 2010. Pp. 5, 8, 12, 14, 16, 73, 74, 76.

³⁴⁰ Травин Д. Вечная Арабская весна. // «Независимая газета», 28.08.2013.

безе совместной борьбы против диктатуры, произвола, коррупции и несправедливости – единство, вроде бы гарантировавшее продвижение к демократии – оказалось иллюзией. Революции, как водится, «похитили», и те, кто первыми поднялись на борьбу, оказались оттесненными и маргинализированными. А «похитителями» стали те, кто выражали интересы с е к т ы , конкретно в Египте и Тунисе – интересы исламистов, «Братьев-мусульман» и «Ан-Нахды» соответственно (если, конечно, правомерно применять к этим движениям и организациям понятие «секта»). И вскоре обнаружились глубочайшие противоречия в обществе – не столько классовые или даже религиозные, а тем более этнические – сколько относящиеся к сферам идеологии, традиции, мировосприятия, ценностей. Исламизм стал той силой, которая расколола исламское общество. Как уже отмечалось выше, в Египте за исламистами в конечном счете пошло меньше людей, чем за теми, кто – будучи правоверными мусульманами и нисколько не возражая против закрепления ислама в качестве государственной религии – опасается теократии и считает «шариатское» (в толковании исламистов) устройство общества несовместимым со свободным развитием, в конечном счете – с тем, что принято называть м о д е р н и з а ц и е й .

А если охватить регион более широко, то мы увидим, что было бы ошибкой, говоря об исламе и исламизме, упускать из виду кардинальный факт разделения мусульманской религии на два главных толка – суннизм и шиизм.

Можно сколько угодно удивляться и даже возмущаться: подумать только, разногласия из-за вопроса о том, кто будет наследником «повелителя правоверных» Мухаммеда, сейчас, спустя чуть ли не полторы тысячи лет, порождают такое кошмарное кровопролитие. Но тут уже ничего не поделаешь. Вот уж где, действительно, дело не в религиозных разногласиях или теологических спорах, а в том, что на протяжении всех этих сотен лет у представителей обоих толков ислама накапливалась ненависть друг к другу: дискриминируемое шиитское меньшинство мусульман не простит обид и унижений, а суннитов не заставишь отказаться от внушенного еще в детстве убеждения в том, что шииты – в лучшем случае еретики и отступники, а в худшем – враги ислама. И вот «Арабская весна» вопреки намерениям ее инициаторов продемонстрировала, что так называемые *sectarian identities* никуда не девались, они существовали все время, скрытые и замороженные, и ни освободительная антиимпериалистическая борьба, ни палестинская трагедия, ни общенародное возмущение несменяемой деспотической властью не смогли устранить или даже ослабить это органическое разделение общества. Более того: именно уход колонизаторов (пусть неоднозначный, постепенный, прерывающийся интервенциями Запада) способствовал исчезновению того единства, которое все же существовало, а время от времени бурно себя проявляло на общеарабской националистической, патриотической основе. Отходит в тень давний внешний враг – и на поверхность выходит в н у т р е н н я я борьба.

И если в первоначальных странах, где разразилась «Арабская весна» (Тунис, Египет, Ливия), конфронтация двух толков ислама не актуальна ввиду однородно-суннитского характера населения, то уже в Бахрейне с его шиитским большинством, подавляемым суннитской властью, противостояние проявило себя в полной мере. Если бы не решающее военное вмешательство Саудовской Аравии при негласном поощрении Соединенных Штатов, в Бахрейне могла бы повториться иракская ситуация, когда извечно дискриминируемые шииты опрокидывают правящую суннитскую элиту. Но в законченном (и поистине ужасающем) виде суннитско-шиитский фактор проявился в Сирии. А дальше вступают в силу уже геополитические интересы, выходящие за рамки арабских территорий. Турция и

Иран, многовековые соперники, борются за гегемонию в регионе, в то время как для Саудовской Аравии сопротивление «шиитскому полумесяцу» является вопросом жизни и смерти. На словах для саудовских и иорданских правителей главный враг – это Израиль, а фактически – Иран.

Заключение. Впервые за много столетий арабский мир может хотя бы попытаться самостоятельно определить свой путь развития, не считаясь со Стамбулом, Лондоном, Парижем или Вашингтоном. Уходят, видимо, в прошлое времена, когда в столицах великих державах решали, кто в какой арабской стране будет править, а для несогласных под рукой были канонерки. Сейчас уже и Вашингтон (после Афганистана и особенно Ирака) осознает, насколько горькими могут быть плоды гегемонизма и унилатерализма. Недаром бывший руководитель военного ведомства США Роберт Гэйтс сказал, что любой будущий министр обороны, который посоветует президенту послать американские войска в Азию или Африку, должен быть отправлен на обследование к психиатру. Конечно, это нельзя целиком принимать за чистую монету, но многое все же меняется.

В обозримом будущем США будут в состоянии прекратить импорт нефти с Ближнего Востока, и не все последствия этого могут сегодня быть просчитаны. В любом случае уйти из региона Америка не сможет хотя бы потому, что там находится Израиль, обеспечение безопасности которого является одним из «двупартийных императивов» политики США. Некоторые наблюдатели много лет подряд твердят о том, что Вашингтон рано или поздно отвернется от еврейского государства, приносящего ему одну головную боль. Это глубокое заблуждение: речь даже не столько о геополитике или о влиянии израильского лобби, сколько о том, что на первое место среди христианских конфессий в США выходят евангелисты, верящие, что Израиль создан по воле Бога и должен быть защищен во что бы то ни стало. Следовательно, почва для конфронтации между арабами и Америкой будет сохраняться.

Но сейчас уже видно, что гораздо важнее другая конфронтация – между суннитами и шиитами.

Несколько десятилетий тому назад ключевыми словами в дискурсе на тему о Ближнем Востоке были: на Западе – демократизация, права человека, усвоение универсальных (фактически западных) ценностей, у нас – общедемократическая программа, единый фронт, революционная демократия. Слово «демократия» – и тут и там. Как же все ошибались! Сейчас ключевые слова звучат мрачно и зловеще. Ауспиции для «прогрессивного поступательного развития, процветания арабского мира» в условиях мира и безопасности выглядят весьма неблагоприятными.

И все же стремление создать современное государство, покончить с «постколониальным» внутренним деспотизмом, установленным во второй половине XX века и вместе с тем не допустить возврата к средневековью под личиной «защиты ислама» – это стремление погасить и растоптать невозможно. Как пишет авторитетный знаток арабского мира Дэвид Игнатиус, «несмотря на все тревожения последних нескольких лет, новое поколение предпринимателей изобретает продукты, финансирует производство, везет товары на рынок. Даже мертвящий вес правительственных репрессий и религиозной нетерпимости не остановил эту новую породу людей... база для ускоренного экономического развития существует в арабском мире, пусть и в эмбриональном виде»³⁴¹.

Разумеется, само по себе капиталистическое развитие, пусть форсированное и беспрепятственное, не может служить гарантией создания прогрессивного,

³⁴¹ David Ignatius. Hope for democracy in the Arab world. Washington Post. 10.08.2013.

процветающего и гармоничного общества, в чем мы могли убедиться на примере нашей собственной страны.

В.А. Красильщиков

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ТРУДНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗАВИСИМОСТИ

На фоне бурных событий последних лет на Ближнем Востоке и в Северной Африке, мирового финансово-экономического кризиса, до конца не преодоленного в США и ЕС и поныне, продолжающегося возвышения Китая и обострения ситуации в Восточной Азии Латинская Америка словно отошла на второй план в сводках новостей. О континенте вспомнили лишь в марте-апреле 2013 года – в связи с кончиной президента Венесуэлы Уго Чавеса, человека, который своими действиями во многом придал Латинской Америке ее нынешний общественно-политический облик; и потом, в июне того же года, когда массовые демонстрации под лозунгами «Долой футбол, давай школу!» прокатились по городам Бразилии. Не означает ли это, что Латинскую Америку ожидают новые «сто лет одиночества», как уже однажды казалось в 1990-е годы?³⁴² Ведь именно тогда на континенте воцарилась, как казалось, рыночная рациональность и не просматривалось никаких альтернатив, кроме сугубо теоретических, торжеству неолИБерализма. Но десять лет спустя эта рациональность обернулась «левым поворотом» в масштабах всего континента. Уже одно это обстоятельство не позволяло предположить, что Латинская Америка вступила в новое издание «ста лет одиночества» – прозябания на обочине мирового развития. Сегодня на латиноамериканском континенте протекают процессы, которые могут означать поистине тектонические, эпохальные сдвиги в истории Латинской Америки. Предвосхищая дальнейшие рассуждения, сразу хочу «застолбить» тезис: Латинская Америка начала отходить от модели зависимого развития и консервативной модернизации, которые были присущи ей на протяжении по крайней мере последних двух веков.

Зависимость и догоняющее развитие. В течение первых трёх веков освоения ибероамериканских пространств европейцами, в основном испанцами и португальцами, до конца XVIII – начала XIX вв., судьба континента осуществлялась крестом и мечом – в соответствии с интересами колонизаторов и стоявших за ними абсолютных монахий. Такая историческая эволюция ограничивалась лишь сферой потребления господствующих классов и военным делом. Более того, зависимость Ибероамерики от ее метрополий, Испании и Португалии, была выражена значительно ярче, чем зависимость каких-либо других незападных пространств от покоривших их европейских держав. Вся экономика и система общественных отношений были накрепко привязаны к метрополиям и подчинены им. Эта привязанность сохранялась и после обретения Ибероамерикой политической независимости. Только место бывших метрополий занял мировой экономический гегемон, сначала Великобритания, а затем и Соединенные Штаты Америки.

Сложившийся еще в колониальные времена тип зависимости Латинской Америки просуществовал до 1929 года и обеспечила отдельным городам и весям континента относительное процветание. Он же стал основой их своеобразной модернизации – через подражание стандартам потребления в промышленно

³⁴² См.: Майданик К.Л. Современный системный кризис мирового капитализма и его воздействие на общества Периферии (Латинская Америка)//Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. СС.300-305.

развитых странах. Широкие проспекты с красивыми домами и первый в Латинской Америке метрополитен в Буэнос-Айресе³⁴³ появились именно благодаря такой модернизации за счёт баснословных доходов аргентинской торгово-аграрной олигархии от экспорта зерна и мяса.

Великая депрессия 1929-33 гг. обрушила относительное благополучие латиноамериканских стран, обнажив всю ущербность их экономической зависимости от центров мир-системы. Резкое падение спроса на товары, экспортировавшиеся из Латинской Америки в развитые страны, не позволило импортировать в прежних объемах промышленные товары, прежде всего предметы потребления, как престижного, так и повседневного. Ответом на системный кризис модели экономики, унаследованной с колониальных времен, явилась импортозамещающая индустриализация, призванная заменить импортировавшиеся ранее товары продукцией собственного производства.

Конечно, анклавы местной промышленности стали возникать в отдельных латиноамериканских странах задолго до Великой депрессии. Так, в Бразилии число промышленных (по сути – кустарных и полукустарных) предприятий увеличилось с 200 в 1881 г. до 600 – в 1889-м, когда рухнула бразильская монархия. В 1907 г. в стране насчитывалось 3258 предприятий, а в 1920 г. их число возросло до 13 336.³⁴⁴ Однако в целом импортозамещающая индустриализация, как ответ на коллапс прежней экономической модели, началась раньше, чем полностью созрели для нее внутренние предпосылки. Она началась, в первую очередь, под давлением внешних обстоятельств, а не в результате действия внутренних импульсов развития. И хотя импортозамещающая индустриализация была направлена на то, чтобы ослабить внешнюю зависимость экономик Латинской Америки от промышленно развитых стран, она лишь видоизменила формы этой зависимости.

Во-первых, зависимость продолжала сохраняться в том смысле, что страны Латинской Америки были вынуждены невольно приспосабливаться к логике развития лидеров мировой экономики. Они должны были, в частности, создавать мощный госсектор в ряде отраслей экономики, чтобы поддерживать импортозамещающую индустриализацию, хотя создание такого сектора во многом носило искусственный характер.

Во-вторых, ради самого импортозамещения нужно было ввозить станки, оборудование и материалы для строившихся промышленных предприятий. Для этого, в свою очередь, нужно было что-то экспортировать. Этим «что-то», в первую очередь, были товары традиционного для Латинской Америки экспорта с небольшой добавленной стоимостью: продукция добывающей промышленности и сельского хозяйства. Причем в период, когда импортозамещающая индустриализация достигла, как казалось, своего пика, в 1950-60-е гг., цены на товары латиноамериканского экспорта на мировом рынке пошли вниз. Следовательно, чтобы увеличивать импорт машин и оборудования, требовалось увеличивать физический объем экспорта, а это способствовало дальнейшему снижению цен на экспортируемые товары. Попытки решить эту проблему, увеличивая инвестиции (в т.ч. государственные) в инфраструктуру и тяжелую промышленность, побуждали обращаться к внешним источникам финансирования, иностранным займам и капиталовложениям. Таким образом, даже успешное, на первый взгляд, продвижение по пути индустриализации, нацеленной на внутренний рынок, лишь усиливало внешнюю зависимость латиноамериканских стран.

³⁴³ Метрополитен в Буэнос-Айресе появился в 1912 г., на семь лет раньше, чем в столице бывшей метрополии, в Мадриде.

³⁴⁴ Prado C., junior. *Historia Econômica do Brasil*. 5-a ed. São Paulo, 1959. PP. 265-267.

В-третьих, необходимость поддерживать традиционный экспорт и даже наращивать его физический объём не позволяла провести структурную перестройку экспортного сектора экономики. Он в целом оставался отсталым и в технико-экономическом, и в социальном смысле. Это усугубляло дуализм экономики и общества латиноамериканских стран, когда параллельно сосуществовали современный, индустриально-урбанизированный и традиционный, аграрно-сельский сектора, причем различия между ними усиливались.

Так ускоренное индустриальное развитие под влиянием, прежде всего, внешних факторов оборачивалось развертыванием острого структурного кризиса. В 1960-е гг. импортозамещающая индустриализация столкнулась с серьезными трудностями. Были предприняты попытки преодолеть их путем увеличения нормы накопления. Для этого создавались соответствующие институциональные условия: ограничивались притязания профсоюзов с целью повысить прибыльность производства и сделать промышленность привлекательной для инвестиций, поощрялись иностранные капиталовложения, подавлялась деятельность «деструктивных сил», препятствовавших модернизации. Фактически был взят курс на авторитарную модернизацию. Страны Южного конуса Латинской Америки, наиболее, помимо Мексики, промышленно развитые на континенте, одна за другой накрывались тучами авторитаризма – от «почти просвещенного» в Бразилии до открыто мракобесного в Аргентине.³⁴⁵ Однако нигде попытки авторитарных модернизаций не привели к ожидавшемуся результату и, в лучшем случае, оказались, как в Бразилии, «полу-успешными» (см. ниже).

В 1980-е гг. Латинская Америка столкнулась с действием, по меньшей мере, четырёх внешних факторов, что ускорило кризис модели импортозамещающей индустриализации при активной роли государства. Это: 1) резко возросший объём внешнего финансирования развития, что вело к увеличению задолженности; 2) возросший уровень процента по кредитам на мировом рынке, что способствовало оттоку капиталов из латиноамериканских стран в сочетании с удорожанием и «утяжелением» долгов, которые они должны были выплачивать; 3) уменьшение темпов роста мировой торговли, что сделало весьма проблематичным для стран Латинской Америки расширение их экспорта;³⁴⁶ 4) снижение цен на товары, которые экспортировались из Латинской Америки.

Фактически Латинская Америка попала под двойной удар – со стороны кредитно-финансовой сферы и со стороны технологических перемен (микроэлектронно-информационной революции), которые на мировом рынке обесценили континентальный экспорт и лишили экономики латиноамериканских стран их сравнительных преимуществ, с трудом достигнутых в предыдущие десятилетия (дешёвые ресурсы и дешёвая рабочая сила).³⁴⁷ Новые технологии позволили существенно сократить затраты топлива и сырья на единицу ВВП. Латинская Америка, в отличие от Восточной Азии, оказалась не в состоянии приспособиться к технологическим переменам. Потеря конкурентоспособности

³⁴⁵ При этом следует учесть и контекст холодной войны, распространившейся с победой кубинской революции на Латинскую Америку, и подъём революционного движения на континенте. Реакцией на эти явления, в первую очередь, и стал политический авторитаризм. (См.: *Cardoso F.H. Más allá de la economía: interacciones de la política y desarrollo económico*. - Revista de la CEPAL, N 83, agosto de 2004. P. 9).

³⁴⁶ CEPAL. Políticas de ajuste y renegociación de la deuda externa en América Latina. – In: CEPAL. Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL. Vol. II. 1998. PP. 736-737; CEPAL. Transformación y crisis en América Latina y el Caribe. – *Ibid.*. PP. 807-813.

³⁴⁷ *Fajnzylber F. Sobre la Impostergable Transformación Productiva de América Latina*. – Pensamiento Iberoamericano. Madrid, N 16, Julio-Diciembre de 1989. PP. 97-106.

экономик латиноамериканских стран на мировом рынке усугублялась также протекционистской политикой развитых стран, которые ограничивали доступ промышленных и аграрных товаров из Латинской Америки на свои рынки.

Усилившаяся зависимость Латинской Америки от внешних факторов развития и ее «неприспособляемость» к переменам вызвали всеобщее разочарование в той этатистской, ориентированной вовнутрь модели развития, которая сложилась в рамках импортозамещающей индустриализации. Это создало условия для восприятия неолиберальной экономической политики с ее ставкой на сокращение государственных расходов, приватизацию государственного сектора экономики и дерегулирование рынка. Модель этой политики уже существовала в готовом для употребления виде. Относительные успехи в обуздании инфляции и технологические перемены, достигнутые правительствами М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США делали ее внешне привлекательной, тем более, что в Латинской Америке уже был исторический опыт создания относительного благополучия на основе свободного рынка.

Описанию того, как проходили неолиберальные реформы и какие результаты они принесли в Латинской Америке, посвящено огромное количество книг и статей, поэтому вряд ли имеет смысл вновь возвращаться к этой теме. Однако цена относительного успеха неолиберальных реформ (прежде всего – обуздание инфляции, повышение эффективности ряда предприятий и отраслей промышленности, хотя и в сочетании с деиндустриализацией экономики в целом, заметная модернизация кредитно-финансовой сферы) оказалась огромной. Реформы 90-х не смогли решить ключевые проблемы латиноамериканских стран, которые, собственно, и обусловили кризис этатистской модели развития на базе индустриализации. Сохранились, а в некоторых отношениях даже усугубились такие черты латиноамериканских экономик, связанные во многом с внешней зависимостью, как:

- низкий уровень внутренних инвестиций, недостаток ресурсов для развития;
- колоссальная социальная дифференциация;
- структурная неоднородность (социально-экономическая, культурная, пространственная, институциональная), сосуществование современности и архаики, передовых достижений и обширных зон отсталости в каждой стране;
- неустойчивость экономического роста, сохранение и в чем-то углубление отставания от развитых стран;
- низкое качество рабочей силы, недостаточное развитие образования;
- отсутствие или, в лучшем случае, слабость собственного научно-технологического потенциала, отставание в развитии новых технологий даже на уровне имитации (в отличие от азиатских «тигров»);
- относительная маргинальность Латинской Америки в мировой экономике, низкая политическая «субъектность» региона в мировых делах).³⁴⁸

Следствием нерешённости и, тем более, усугубления названных (и других) проблем явились рост преступности, наркотрафика, коррупции, хрупкость политических демократий, установившихся после избавления от авторитаризма 1960-80-х годов.

В конце 90-х годов Латинская Америка вступила в полосу очередной стагнации и кризисных явлений. Триумф неолиберализма оказался недолгим. Но «пробуксовывание», а затем и упадок неолиберальной модели (на рубеже 2001-02 гг. в Аргентине произошёл самый настоящий её крах в виде дефолта) знаменовали

³⁴⁸ См.: Майданик К.Л. Указ соч. СС. 302-303.

собой также исчерпанность *консервативной модернизации*, которая была присуща Латинской Америке по существу с колониальных времён.

Консервативная модернизация и её пределы в Латинской Америке. На первый взгляд, термин «консервативная модернизация» представляет собой оксюморон, бессмыслицу. Ведь модернизация – это слом всего старого, отжившего, подтягивание общества и его экономики к самым передовым на данный момент рубежам технико-экономического и социального развития, поэтому совместить её с консервацией этого старого, кажется, попросту невозможно.

На самом деле, когда страна вынуждена приступать к модернизации под влиянием скорее внешних обстоятельств, нежели в силу действия внутренних импульсов к переменам, такую модернизацию начинают и осуществляют люди, которые далеко не всегда готовы к радикальным преобразованиям или, в лучшем случае, осознают необходимость таковых изменений, но вынуждены считаться с реальным состоянием общества. Нередко они хотят сознательно сохранить привычные для них порядки, свои привилегии, источники доходов и т.д., приспособившись к веяниям времени. Они избирательно заимствуют те или иные новации у других стран, чтобы в действительности продлить социальную жизнь старым порядкам и отношениям. В частности, по мнению бразильского социолога Франсиску Ферраза, авторитарные модернизации в Германии при Бисмарке, в Японии времён Мейдзи и в России после отмены крепостного права, явились яркими примерами консервативных модернизаций, ибо они были нацелены на то, чтобы сделать соответствующие страны способными соперничать с другими державами за «место под солнцем» и чтобы сохранить, насколько возможно, сложившиеся в них системы правления и общественно-государственные порядки, приспособив их к изменяющимся внешним условиям.³⁴⁹

Модернизация в Латинской Америке изначально носила консервативный характер, поскольку была направлена на удовлетворение нужд узкого привилегированного слоя (модернизация в сфере потребления) при сохранении в целом архаичных порядков и общественных отношений.³⁵⁰ Именно стремление колониальной знати подражать в плане престижного потребления аристократам Европы было основным стимулом и средством продвижения к современности в Иberoамерике. Позже, в XVIII-XIX вв. консервативный характер модернизации в Латинской Америке проявился в особенностях урбанизации на континенте.

С самого начала города в Латинской Америке возникали не как центры ремесла и торговли, а как поселения вокруг крепостей, военно-административных единиц. Со временем они, особенно если были столицами, становились местами престижного проживания для представителей верхнего и верхне-среднего классов, включая выходцев из торгово-аграрной олигархии, военных и гражданских чинов высокого ранга. Это означало, что урбанизация не совпадала с процессом индустриализации, как было в Западной Европе и позже – в Северной Америке. Она порождала отмеченный Фернанду Энрике Кардозу феномен роста городов без горожан (бюргеров), когда городское население, прежде всего городской средний класс, составляло не общность автономных индивидов, а зависело от господствующих олигархических групп, не связанных с городскими видами

³⁴⁹ Ferraz F. A construção da modernidade. – In: J. P. dos Reis Velloso (coord). Modernização Política e Desenvolvimento. Rio de Janeiro, 1990. P. 9.

³⁵⁰ Jaguaribe H., Valle e Silva N. do, Paiva Abreu M. de, Bastos de Ávila F., Fritsch W. Brasil: Reforma ou Caos. Rio de Janeiro, 1989. P. 54

деятельности.³⁵¹ Индустрия приходила в города позже, концентрируясь преимущественно в самых крупных из них, что усугубляло разделение общества на внутренний центр (или центры) и внутреннюю периферию.

Импортзамещающая индустриализация изменила, но не отменила консервативный характер модернизации в Латинской Америке. Она практически не затронула олигархические структуры (исключение – Мексика, где оные были сломаны в ходе революции 1910-17 гг.). Более того, нередко она поддерживалась частью олигархии, осознававшей невозможность сохранить прежнюю модель экономики в изменившихся условиях. Так, выходец из кофейной олигархии Сан-Паулу Жетулиу Варгас оказался во главе политического режима в Бразилии, сознательно проводившего политику индустриализации. Но он не затронул аграрную сферу с ее латифундиями и господством традиционной олигархии – как в силу сопротивления последней, так и по причине пассивности масс крестьян и батраков бразильской деревни, неспособных в то время требовать аграрной реформы. Фактически эти люди были выключены из процесса развития: индустриальная модернизация их не затрагивала, если не считать, конечно, того, что она порождала грёзы о «сладкой жизни» в больших городах (эффект демонстрации). Зато само существование этих людей влияло на ход индустриальной модернизации.

Под влиянием эффекта демонстрации немалая часть сельской бедноты мигрировала в города в поисках счастья. Не обладая ни знаниями, ни квалификацией, а зачастую и не умея писать и читать, эти люди могли претендовать только на самую простую и плохо оплачиваемую работу. В городах они создавали стихийные поселения, барриадас или (в Бразилии) фавелы, становившиеся зонами нищеты и очагами социальных пороков. Очевидно, эти переселенцы были абсолютно непригодны к настоящей индустриализации и работе на современных промышленных предприятиях.³⁵² Их уделом была работа, часто случайная, в кустарных мастерских, сфере обслуживания и небольших фабричках с примитивным оборудованием. Фактически импортзамещающая индустриализация в период своего пика (1950-60-е гг.) сталкивалась с проблемой крайне низкого качества большей части рабочей силы.³⁵³ В то же время, с точки зрения бизнеса, проще всего было использовать ту рабочую силу, которая имела под рукой.

Другими словами, индустрия (экономика) приспосабливалась к человеческому материалу. Так, незаинтересованность старых, традиционных верхов в полномасштабной модернизации дополнялась консерватизмом и отсталостью низов. Неудивительно, что практически нигде в Латинской Америке ускоренный рост индустрии во время импортзамещающей индустриализации не сопровождался бумом инноваций и формированием «инновационной ментальности» среди предпринимательского класса.³⁵⁴ Не способствовала инновационному духу и государственная опека над промышленностью.

Многие предприниматели, вышедшие из старой аграрной олигархии, в соответствии с унаследованными от прошлого привычками смотрели на своих

³⁵¹ *Cardoso F.H. A Cidade e a Política. – Em: Singer P.I., Cardoso F.H. A Cidade e o Campo. (CEBRAP. Caderno 7). São Paulo, 1972. PP. 50-51, 59.*

³⁵² *Fernandes F. Mudanças sociais no Brasil. Aspectos do desenvolvimento da sociedade brasileira. São Paulo, 2008 (1-a ed. – 1960). P. 76-77.*

³⁵³ *Cardoso F.H. Le prolétariat brésilien. Situation et comportement social. – Sociologue du Travail, 1961, t. III, N 4. P. 54-55; Idem. Situação e comportamento social do proletariado. – Em: F. Fernandes (org.). Comunidade e sociedade no Brasil. Leituras básicas de introdução ao estudo macro-sociológico do Brasil. 2-a ed. São Paulo, 1975. P. 481-483.*

³⁵⁴ *Cardoso F.H. Empresário Industrial e Desenvolvimento Econômico no Brasil. 2-a ed. São Paulo, 1972 (1-a ed. – 1964). P.133-168.*

рабочих как на рабов («говорящие орудия труда»), а рабочие, в свою очередь, воспринимали предпринимателей исключительно как господ, добрых или злых. Такое отношение представителей капитала и труда друг к другу было трудно совместимо с использованием передовых практик менеджмента, управленческих технологий, которые бы соответствовали закупаемому по импорту, часто с помощью государства, технически сложному оборудованию. Попытки решить эту проблему, наращивая инвестиции в новую технику, представляли собой в данном случае не что иное, как своеобразное проявление технического фетишизма. Машина, техника представляли как «демиурги процветания», «творцы счастливой жизни». За такими взглядами стояло всё то же пренебрежительное отношение к человеку, работнику, которое было характерно для плантационного рабства. Так традиции прошлого оборачивались вульгарным технократизмом, управленческий консерватизм – кажущейся ультра-современностью.³⁵⁵

Концентрированным выражением консервативной модернизации явились попытки «большого скачка» в будущее под эгидой военно-бюрократических авторитарных режимов в странах Южного конуса континента. Эти попытки оказались лишь отчасти успешными в Бразилии и Чили.

В Бразилии, где режим сам начал политическую «декомпрессию» (*política de abertura*) в 1974 г., ему удалось преуспеть по части технико-экономической, причём весьма выборочной, ограниченной модернизации. Он сумел создать современные производства в ряде отраслей экономики: ядерную энергетику,³⁵⁶ авиастроение, выпуск электронно-вычислительной техники, производство биотоплива. Бразилия модернизировала, пусть и с помощью иностранного капитала, автомобильную промышленность и сельскохозяйственное машиностроение. Наконец, при военном режиме началась модернизация аграрного сектора бразильской экономики, хотя эта модернизация не затрагивала систему латифундий и касалась в основном технических аспектов сельского хозяйства (применение новой техники и удобрений, совершенствование маркетинга и логистики и т.д.).

Однако бесспорные технико-экономические достижения бразильской авторитарной модернизации приносили ощутимые плоды примерно одной трети населения. Ещё одна треть лишь немного возвышалась над уровнем бедности, и треть вообще была исключена из процесса модернизации.³⁵⁷ Фактически такая элитарность модернизации блокировала не только расширение рынка, но и развитие рабочей силы. И хотя режим отнюдь не игнорировал значение профессионального образования рабочих, основная масса бразильских трудящихся не соответствовала задачам модернизации страны и оставалась пригодной лишь к простому труду, не требующему почти никакой подготовки. Это, в свою очередь, отнюдь не стимулировало инновации, побуждая предпринимателей нанимать малограмотных рабочих, «числом поболее, ценою подешевле». Впрочем, именно такие главным образом и имелись в наличии. Стремление компенсировать низкое качество рабочей силы инвестициями в оборудование, в т.ч. за счёт привлечения иностранных капиталов и займов, лишь вело к снижению эффективности производства и росту внешней задолженности. Именно тогда были заложены предпосылки деиндустриализации, которая проявилась в полной мере в 1990-е годы.³⁵⁸

³⁵⁵ Fernandes F. Op. cit. P. 85-86.

³⁵⁶ Стоит заметить, что Бразилия стала одной из немногих стран в мире, овладевших полным циклом ядерных технологий, т.е. стала способной сделать, если понадобится, атомную бомбу.

³⁵⁷ Jaguaribe H., Guilherme dos Santos W., Paiva Abreu M. de, Fritsch W., Bastos de Ávila F. Brasil, 2000.

Para um novo Pacto Social. 3-a ed. Rio de Janeiro, 1986 (1-a ed. – 1985). PP. 17-18, 41-44, 69.

³⁵⁸ Gaulard M. Les causes de la désindustrialisation brésilienne. – *Revue Tiers Monde*, n 205, 2011. PP. 171-190.

Чилийский режим сделал упор не на технологические усовершенствования, а на максимальную либерализацию экономики. Единственное, в чём он преуспел, – это формирование институтов рыночной экономики – от защиты прав собственности до банковской системы. Однако успех был достигнут как ценой жесточайших репрессий в отношении сторонников Народного единства, так и ценой соскальзывания чилийской экономики вниз по лестнице технологических укладов (не говоря уже о колоссальной социальной дифференциации, которая явилась неизбежным следствием действия свободного рынка). Фактически в Чили произошла модернизация старых отраслей экономики, основанных на низких и средних технологиях. Действительно, страна преуспела в выращивании лососей, свежих цветов и винограда на экспорт, в виноделии и пищевой промышленности, полиграфии и химии. По этим позициям Чили стала конкурентоспособной на мировом рынке. Однако уже в начале нового столетия стало ясно, что сложившаяся структура экономики и экспорта не может обеспечить устойчивый рост и поступательное развитие страны.

Что касается попыток модернизации под эгидой военно-бюрократического авторитаризма в Аргентине и Уругвае, то их нужно признать полностью провалившимися и отбросившими обе страны назад по всем параметрам и социально-экономического, и технологического развития.

Неолиберальные реформы 1990-х гг. так или иначе прошли во всех странах континента (в Чили они, как и их неизбежная коррекция, были проведены раньше). При этом, например, в Бразилии они были скорректированы уже в 1994-96 гг. согласно принципу «государство уходит из экономики, но активизируется в социальной сфере». В целом неолиберальная волна, прокатившаяся по Латинской Америке, во-первых, представляла собой реакцию на кризис этатистской модели и истощенность импортозамещающей индустриализации. Во-вторых, она явилась своего рода всплеском консервативной модернизации, отражением ностальгии по «старым добрым временам», когда, например, Аргентина и Уругвай жили припеваючи, экспортируя зерно и мясо без всякой индустриализации, тем более, что социальные силы, заинтересованные в дерегулировании экономики, приватизации госсектора и сокращении социальных расходов, не исчезли и лишь ждали своего часа. И всё же неолиберальные реформы, пережитые практически без исключения всеми странами Латинской Америки в «лихие девяностые», оказались, видимо, лебединой песней консервативной модернизации на континенте.

Рубеж 1990-х – 2000-х гг. знаменовал собой начало качественного сдвига в развитии Латинской Америки. И хотя там не произошло никаких видимых «чудес», подобных восточноазиатскому «чуду» предыдущих десятилетий, события, развернувшиеся на континенте с наступлением нового столетия, будут иметь долгосрочные последствия и для латиноамериканских стран, и, весьма вероятно, для всего мира. Окончательный вывод о значимости этих событий можно будет сделать, однако, не ранее конца первой четверти нынешнего века.

«Левый поворот» континента: повторение пройденного или путь к новой парадигме развития? 1998 год – год экономического застоя, а в ряде стран Латинской Америки – и падения производства, атак финансовых спекулянтов на местные валюты и фондовые рынки, когда на деле рассеялись все иллюзии насчет «чудотворности» неолиберализма. Именно тогда в Латинской Америке наметился политический поворот влево. Именно в 1998 г. рассыпалась двухпартийная политическая система в Венесуэле и началось триумфальное восхождение к вершинам власти Движения V Республики во главе с подполковником спецназа Уго

Чавесом. В Латинской Америке вновь заговорили о социализме – заговорили не «вечные оппозиционеры», а люди, пришедшие к власти.

Правда, четыре года раньше в Бразилии победу на президентских выборах одержал социал-демократ Фернанду Энрике Кардозу, ученый-социолог, известный в прошлом весьма левыми взглядами. Причем победил он не правого, а еще более левого кандидата, Луиса Инасиу Лулу да Силву, лидера Партии трудящихся, для которой красный цвет знамени и лозунги социализма были отнюдь не пропагандистскими уловками. И именно в Бразилии с 1995 г., когда Кардозу вступил в должность, на практике началась социал-демократическая корректировка неолиберальной стратегии в соответствии с принципом «государство уходит из экономики, но активизируется в социальной сфере». В Бразилии, наряду с приватизацией госсектора, унаследованного от периода импортозамещения, отказом государства от многих (но не всех) регулирующих функций в экономике и либерализацией рынков, рост расходов на социальные нужды начал опережать динамику ВВП и бюджета. И именно при Кардозу в стране начал разрываться порочный круг «бедность – неграмотность – бедность», когда дети из бедных семей были вынуждены не учиться, а работать, но, не имея необходимого образования, могли получить лишь плохо оплачиваемую работу, обрекая тем самым себя и своих детей на прозябание в бедности.

С приходом к власти Лулы социальная составляющая политики бразильского государства усилилась. Это не означало, что игнорируются такие «сугубо экономические» проблемы, как объем и эффективность капиталовложений, производительность, сбалансированность бюджета и т.д. Однако именно решение социальных проблем рассматривалось как основа, главное условие всей модернизации страны. Другими словами, коренное улучшение качества человеческого материала стало ключевым, главным направлением преобразований. Огромная роль при этом отводилась развитию образования. И именно сопряженность сильной социальной политики с задачами экономической, технологической, политической модернизации отличала политику латиноамериканских левых начала нового тысячелетия, особенно в Бразилии и Уругвае, от прежнего популизма. Другое важное отличие состояло в том, что нынешняя левая политика направлена не только на городские слои, рабочих и служащих, но и на те группы, которые ранее были вообще исключены из процесса развития, в том числе и на индейское население (меньшинство в Бразилии, большинство – в Боливии). По существу новая стратегия модернизации направлена на ликвидацию внутренней периферии, которая воспроизводилась при популистских режимах эпохи импортозамещения и ускоренного индустриального развития под эгидой государства, не говоря уже о периоде неолиберальных реформ 1990-х гг., когда возникли новые зоны этой периферии вследствие деиндустриализации.

Последнюю черту под неолиберализмом в Латинской Америке в целом подвёл дефолт декабря 2001 – января 2002 гг. в Аргентине, обернувшийся трехкратной девальвацией песо и случаями смерти детей от голода, чего страна не знала на протяжении многих десятилетий. С тех пор ни в одной стране континента ни один политик не выступал открыто под ортодоксальными неолиберальными знаменами, признавая важность и необходимость решения социальных проблем.

Благодаря «левому повороту» в Латинской Америке и вовлечению в процесс социально-экономического развития тех социальных групп, которые ранее были исключены из него, начал размываться и консерватизм низов. Разумеется, этот процесс развивается нелинейно. В разных странах Латинской Америки он зависит и

от общего уровня развития, от социальной и этнической структуры населения, от социокультурных традиций каждой страны.

Так, в программе социально-экономического развития президента Эво Моралеса и его правительства в Боливии явно присутствуют следы традиционных индейских представлений о мироустройстве, о том, что надо жить в единении с природой и не стремиться к наращиванию благосостояния (принцип *Suma Qamaña*). Такое видение альтернативы капитализму (которая сводится к альтернативе неолиберализму) противопоставляется ценностям модерна, культуре и практике западного общества.³⁵⁹ Невольно оно заставляет вспомнить идеи теоретика алжирской революции Франца Фанона (1925-1961) о чуждости западных ценностей и образа жизни культуре африканских народов – или, скажем, идеи Кхье Самфана, ставшего потом идеологом «красных кхмеров» и кровавого режима Пол Пота, о том, что народам Юго-Восточной Азии следует идти своим путем, не обольщаясь теорией и практикой модернизации на западный манер.

Разумеется, ни сами по себе идеи автохтонного развития, ни попытки следовать им на практике еще не ведут к тому, что творили «красные кхмеры» в Кампучии: ведь нередко те или иные идеи могут служить прикрытием для практической политики, которая не имеет с ними ничего общего. В случае Боливии и Венесуэлы идеологическая оболочка автохтонности служит, в первую очередь, примирению традиционности с императивами развития, позволяет облечь эти императивы в привычную для индейского населения форму. Но никто не может поручиться, что в будущем такая автохтонность не приведет к расколу и непримиримой конфронтации в обществе с кровавыми столкновениями. Предотвращение такого сценария во многом будет зависеть и от внутренней ситуации в упомянутых странах, и от мировых цен на углеводороды, экспорт которых жизненно необходим для левых правительств в них, и от того, как будет развиваться Бразилия, ибо, как известно, куда идёт крупнейшая страна Латинской Америки, туда идёт и весь континент.

Привёл ли «левый поворот» в большинстве стран Латинской Америки к ослаблению их зависимости от центров капитала, к большей самостоятельности в плане социально-экономического развития? Ведь на протяжении почти всего XX века казалось, что именно левая, в той или иной степени антикапиталистическая политика ведет к преодолению вековой зависимости Ибероамерики от развитых стран. На деле же всё оказалось не столь однозначно.

Так, в целом по континенту усилились позиции иностранного капитала во многих важных отраслях экономики. Иностранный капитал играет большую роль в горнодобывающей промышленности, нефтедобыче и нефтепереработке, в чёрной металлургии, электроэнергетике, в банковском деле. Что же касается таких современных отраслей как автомобильная промышленность, производство электроники (главным образом бытовой) и телекоммуникации, то в них иностранный капитал занимал доминирующее положение.³⁶⁰ В свете финансово-экономического кризиса 2008-09 гг. и вызванной им общей нестабильности мировой экономики особенно значимой представляется роль, которую играют иностранные банки в экономике Латинской Америки, особенно отдельных латиноамериканских стран. Так, доля иностранных банков в активных операциях на латиноамериканском рынке возросла с 11% в 1995 г. до 35% в 2010 г. Примечательно, что на испанские банки

³⁵⁹ Mejido Costoya M. Latin American Post-Neoliberal Development Thinking: The Bolivian 'Turn' Toward *Suma Qamaña*//The European Journal of Development Research, 2013, 25:2. PP. 213-229.

³⁶⁰ См.: Ключковский Л.Л. Латинская Америка: противоречия посткризисного развития//Латинская Америка, 2012, № 11. С.6.

приходилось 14,7% всех активных операций, совершавшихся на континенте.³⁶¹ Учитывая ситуацию в испанской экономике, банки Испании невольно становятся трансляторами кризисных явлений из Европы в Латинскую Америку.

Другим, возможно, даже более важным, чем банки, каналом передачи кризиса в Латинскую Америку из Европы и США является внешняя торговля. В последние годы заметно ухудшилась структура латиноамериканского экспорта. Доля аграрной продукции и сырья (*primary goods, productos primarios*) в товарном экспорте увеличилась с 41 % в 2002 г. до 53 % в 2009-10 гг., тогда как даже в годы «потерянного десятилетия» 1980-х гг. и неолиберальных реформ 1990-х, т.е. в весьма сложный период новейшей латиноамериканской истории, этот показатель снижался. В 1980 он составлял 82 %, а в 1995 г. был равен 50 %.³⁶² Конечно, ухудшение структуры экспорта во многом связано с быстрым ростом цен и на продовольствие, и на сырье (не в последнюю очередь – из-за ускоренного роста индустрии в Китае и Индии). Но насколько стабильным можно считать произошедшее в докризисные годы (2002-08) увеличение цен на указанные группы товаров? Уже в конце 2009 – первой половине 2010 гг. обнаружились признаки того, что пик благоприятной для экспортёров сырья и продовольствия конъюнктуры, видимо, пройден. Это означает, что возросшая в последние годы зависимость латиноамериканских экономик от экспорта товаров вчерашнего и даже позавчерашнего дня чревата осложнениями, хорошо известными континенту из собственной истории.

Начало нового столетия ознаменовалось существенным изменением географии внешнеэкономических связей латиноамериканских стран. Несмотря на существенный рост торговли с традиционным партнёром, Соединёнными Штатами, а также со странами Евросоюза по сравнению с началом и даже концом 1990-х гг., их доля во внешней торговле континента упала, тогда как увеличилась доля Китая. При этом показатели этой доли заметно отличаются по разным странам. Особенно сильно она изменилась в пользу Китая у стран Меркосур, сохраняясь на высоком уровне у Мексики, стран Центральной Америки и Чили.

Нужно иметь в виду, что ухудшение структуры экспорта латиноамериканских стран неразрывно связано с торговой экспансией Китая и сокращением доли США и ЕС во внешнеэкономических связях Латинской Америки. На протяжении двух-трёх десятилетий увеличивался удельный вес готовых промышленных товаров в латиноамериканском экспорте в США. Взамен страны Латинской Америки получали доступ к новым для себя, пусть и не самым последним технологиям. Китай, чья экономика до сих пор модернизировалась главным образом на основе заимствованных технологий, в принципе не может предложить латиноамериканским странам никаких серьёзных технологических новинок. Зато Китай стремится фактически закрепить континент на положении своей аграрно-сырьевой периферии, экспортируя в Латинскую Америку промышленные товары (одежду, обувь, косметику и парфюмерию, бытовую технику, компьютеры и т.д., а также продукцию чёрной металлургии), которые производят и сами латиноамериканские страны. Это подрывает позиции обрабатывающей промышленности континента. Периферизация экономик латиноамериканских стран под давлением дешёвого импорта из Китая усугубляется кредитно-финансовой экспансией Поднебесной в Латинскую Америку. Достаточно сказать, что объём китайских кредитов, предоставленных Латинской

³⁶¹ Ключковский Л.Л. Указ. соч. С. 6.

³⁶² CEPAL. Anuario estadístico de América Latina y el Caribe 1999/Statistical Yearbook for Latin America and the Caribbean 1999. Santiago de Chile, 2000. P. 98; Anuario estadístico... 2010. Santiago de Chile, 2011. P. 105.

Америке, уже превысил сумму кредитов, выделенных «старожилами» в регионе – Всемирным банком, Межамериканским банком развития и Экспортно-импортным банком США.³⁶³ Причём, как правило, кредиты из Китая предоставляются для сырьевых отраслей и предприятий под товарные поставки. Так кредитно-финансовая экспансия Китая закрепляет сырьевую специализацию Латинской Америки в мировом разделении труда.

Таким образом, активная социальная политика ряда левых и левоцентристских правительств в Латинской Америке подпитывается аграрно-сырьевым, т.е. традиционным экспортом латиноамериканских стран, что делает её крайне уязвимой перед лицом колебаний мировой конъюнктуры.

Единственный выход из сложившейся ситуации для латиноамериканских стран состоит в повышении конкурентоспособности своих экономик на базе образования и коренного улучшения качества «человеческого материала». Действительно, достижения латиноамериканских стран, особенно Бразилии, в сокращении бедности и улучшении образования широких слоёв общества не могли не сказаться на общем качестве рабочей силы. Так, в городах Бразилии доля малограмотных (с образованием не более 5 классов), среди экономически активного населения (от 15 лет и старше) сократилась с 53,6 % в 1993 г. до 23,0 % в 2009 г., а доля тех, кто проучился от 10 до 12 лет, увеличилась с 16,2 до 38,0 % за то же время. В сельской местности доля малограмотных среди экономически активного населения уменьшилась с 86,5 % до 58,7 %, а доля тех, кто учился 1-12 лет, возросла с 3,6 % до 17,4 % соответственно. А общая доля тех, кто учился 10 и более лет, увеличилась в бразильских городах с 23,4 % всего экономически активного населения до 54,8 %, в сельской местности – с 4,3 % в 1993 г. до 20,4 % в 2009 году.³⁶⁴ Можно сказать, что в Бразилии, а также в таких странах, как Уругвай, Чили, Коста-Рика, произошёл качественный скачок в развитии рабочей силы, вполне сопоставимый с тем, который произошёл в Китае за последние два-три десятилетия. Соответственно увеличилась и заработная плата работающих, хотя и поныне ещё сохраняются очень большие различия в заработной плате квалифицированных специалистов и огромной массы мало- и неквалифицированных работников.

Заметное повышение уровня образования и заработной платы – в сочетании с открытием рынков и обострением конкуренции – содействовало появлению внутренних, собственных импульсов к инновациям в экономиках латиноамериканских стран. В связи с этим необходимо отметить, что в Латинской Америке по-прежнему – с начала 1980-х гг. – с завистью смотрят на страны Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Китай, противопоставляя их *success development story* своему опыту сначала догоняющей индустриализации, а затем – неолиберальных реформ и периода 2000-х годов.³⁶⁵ И хотя сегодня признается, что латиноамериканские страны повысили свою конкурентоспособность в последние годы, они не смогли, в отличие от азиатских НИСов, продвинуться в технологически сложных отраслях с высокой добавленной стоимостью.³⁶⁶ Известный французский экономист Пьер Салама объяснял успех стран Восточной Азии, во-первых, их

³⁶³ Ключковский Л.Л. Указ. соч. С. 12.

³⁶⁴ CEPAL. Panorama social de América Latina 2011. Santiago de Chile, 2012. Versión electrónica (formato Excel), cuadro 27 (<http://www.cepal.org/publicaciones/xml/1/45171/PSE2011-Anexo-estadistico.xls>)

³⁶⁵ Одним из первых, кто ещё в начале 1980-х годов увидел в восточноазиатской модернизации альтернативу для Латинской Америки, был Фернандо Файнзилбер (1940-1991) (см.: *Fajnzylber F. La industrialización trunca de América Latina*. México: Editorial Nueva Imagen, 1983. PP. 103-147).

³⁶⁶ Palma G. Stratégies actives et stratégies passives d'exportation en Amérique latine et en Asie orientale: La croissance liée à la composition particulière des produits et à la spécificité des institutions, *Revue Tiers Monde*, 2006, n 186, pp. 250-254, 258, 260-278.

умением лучше приспосабливаться к глобальному спросу, во-вторых, более равномерным распределением плодов экономического роста.³⁶⁷ Эксперты СЕПАЛ, сравнивая в последние годы страны Латинской Америки с НИСами Восточной Азии, подчеркивали более высокую инновационность и больший научно-технологический потенциал «тигров».³⁶⁸ Наконец, в одном из последних документов этого ООНовского органа особо отмечались как образцовые достижения Южной Кореи, которые противопоставлялись весьма скромным результатам технологического развития Латинской Америки.³⁶⁹

Насколько обоснованы такие оценки? Может быть, сегодняшнюю ситуацию в Латинской Америке стоит сравнивать не с тем, что наблюдается в Азии, а с тем, что имело место в самой Латинской Америке ещё два-три десятилетия назад?

Трудный путь инновационного развития. Вплоть до начала 1980-х гг. в странах Латинской Америки, кроме Бразилии, не было цельной и выверенной научно-технической политики. Но когда пришло понимание необходимости такой политики, пришло и время кризиса всей модели импортозамещающей индустриализации («потерянное десятилетие»), во многом обусловленного как раз отсутствием или слабостью потенциала инноваций, которые помогли бы улучшить конкурентоспособность латиноамериканских стран. А в обстановке кризиса решение стратегических задач отступило на задний план, уступив место латанию бюджетных дыр, борьбе с разгоравшейся инфляцией и решению прочих сиюминутных задач. Об инновациях на континенте заговорили лишь в 1990-е гг., когда прошла первая эйфория от обуздания инфляции в ходе неолиберальных реформ, успех которых, как и следовало ожидать, оказался скоротечным и был связан с огромными социальными издержками и деиндустриализацией. И только в конце 1990-х гг., когда встала задача «реформирования реформ», т.е. существенной корректировки неолиберальной социально-экономической политики, в ряде стран Латинской Америки, а не только в Бразилии и Чили, обратили внимание на возрастающее значение научно-технической политики. Подход к проблеме инноваций в странах континента стал обретать комплексный характер – как к проблеме взаимодействия различных субъектов вместо разрозненных, изолированных друг от друга усилий то в сфере научных исследований, то на уровне предприятий. При этом – опять-таки впервые в истории континента – решение технико-экономических задач связывается с социальным развитием, по крайней мере, с развитием образования и расширением доступа к нему тех общественных групп, которые ранее были исключены из процесса развития.

Разумеется, разные страны Латинской Америки ставят перед собой разные задачи – в зависимости от уровня развития, накопленного потенциала, социально-демографического состава населения и собственного опыта модернизации. Реально об инновационном развитии в Латинской Америке и в конечном счёте – об освобождении от внешней зависимости пока можно говорить лишь применительно к Бразилии (это не только континентальный лидер, но и единственная страна Латинской Америки, которая может вести исследования *по всем* направлениям современной науки и техники), Мексике, Чили, Коста-Рике, в меньшей степени –

³⁶⁷ Salama P. Le défi des inégalités. Amérique latine/Asie: Une comparaison économique, Paris: La Découverte, 2006, pp. 51-72, 145-149.

³⁶⁸ CEPAL. La transformación productiva con equidad 20 años después: Viejos problemas, nuevas oportunidades, Santiago de Chile: Naciones Unidas, 2008, págs. 56-57, 76-78, 101-103.

³⁶⁹ CEPAL. Cambio estructural para la igualdad: Una visión integrada del desarrollo. Santiago de Chile: Naciones Unidas, 2012, págs. 42-44, 77-80, 107-112.

Аргентине и Уругваю. Многим странам Латинской Америки предстоит ещё завершить модернизацию, хотя некоторые из них в последнее время всерьёз озаботились созданием собственной научно-технической базы, по крайней мере, по отдельным направлениям науки и новых технологий (Эквадор). Это – единственный путь к тому, чтобы перестать подчиняться логике развития центров мир-экономики и самим стать одним из центров.

Давно установлено, что развитие стран Латинской Америки, как, впрочем, и других развивающихся стран, подчинено логике смены больших кондратьевских циклов, в основе которых лежит определённая технико-экономическая парадигма. При этом для Латинской Америки характерно фазовое запаздывание по сравнению с развитыми странами: когда после периода быстрого роста, фазы «А», развитые страны входят в период замедленного развития, фазу «Б», развивающиеся страны вступают в фазу «А» того же цикла, быстро осваивая технико-технологические достижения данной парадигмы.³⁷⁰ Так, успешный, с точки зрения экономического роста, период 2002-08 гг. для латиноамериканских стран был во многом обусловлен массовым внедрением достижений технико-экономической парадигмы, основанной на микроэлектронике и информатике.³⁷¹ Другими словами, в начале XXI века в развитии Латинской Америки явно просматривались прежние черты имитационности, а по существу – косвенной зависимости от тех процессов, которые протекали в центрах мир-экономики. Однако, в то же время, развитие ряда латиноамериканских стран сейчас стало всё больше подпитываться собственными технологическими разработками, в том числе и теми, которые выходили за рамки технико-экономической парадигмы нынешнего, пятого кондратьевского, и уже, видимо, завершающегося, цикла (микроэлектронно-информационного).

Конечно, в Латинской Америке, особенно в наиболее развитых странах континента, признают значимость информационных технологий, но в общем негласно признают также и то, что в этой сфере вряд ли удастся совершить прорывы глобального характера. Зато Латинская Америка имеет хорошие шансы занять видное место в мире благодаря новому витку технологической революции – на базе биотехнологий и всего комплекса *life sciences*, несмотря на то, что она несколько запоздала на старте этого витка.³⁷² Причём успехи в области биотехнологий сочетаются с достижениями в развитии возобновляемых источников энергии. Так, Бразилия уже давно стала мировым лидером по технологиям производства биоэтанола. Исследования и технологические разработки, которые ведутся в стране в этой области, охватывают широчайший спектр знаний и их практического применения – от изучения различных сортов сахарного тростника (основного исходного сырья для получения биоэтанола) до конструирования моторов, предназначенных для работы на этом топливе.

Биотехнологии находят успешное применение в сельском хозяйстве Бразилии, а также соседней Аргентины.³⁷³ Фактически на наших глазах происходит инверсия процессов модернизации и инноваций. Если раньше, в индустриальную эпоху, инновации были невозможны без предварительной модернизации (как

³⁷⁰ См. подробно: Бобровников А.В. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., 2004.

³⁷¹ CEPAL. La transformación productiva con equidad 20 años después... P. 27.

³⁷² Уже в 2000 г. Корея благодаря активной поддержке государством исследований в области биологии и биотехнологий накопила в 10 раз больше патентов в этой сфере науки и технологий, чем Бразилия, и в 20 раз больше, чем Аргентина. (CEPAL. La transformación productiva con equidad 20 años después... P. 168). Однако в последние годы страны Латинской Америки стали быстро подтягиваться к лидерам этого прорывного направления исследований, а кое-в-чём и сами вышли на лидирующие позиции.

³⁷³ Ibid.. PP. 201-215.

технико-экономической, так и социальной) и встраивались в неё, то ныне они всё больше становятся условием успешного завершения модернизации. Особенно это касается тех стран, в том числе и латиноамериканских, где модернизация ещё не завершилась, где ещё сохраняются реликты доиндустриального и даже традиционного аграрного общества. Можно сказать, что сегодня в ряде стран Латинской Америки начало осуществляться сочетание двух разных процессов, модернизации и постиндустриализации, – сочетание, которое стояло на повестке дня в России ещё в 80-е гг. XX века,³⁷⁴ но так и не воплотилось на практике в широких масштабах.

Важным направлением такого сочетания, которое непосредственно затрагивает благосостояние и качество жизни миллионов людей, стали исследования и разработки в области медицины и фармацевтики.³⁷⁵ Сегодня это направление стало одним из приоритетных в программе «Большая Бразилия» (Brasil Maior) правительства Дилмы Руссефф и в Аргентине – Кристины Фернандес де Киршнер (Plan Estratégico Industrial 2020). Вслед за Бразилией и Аргентиной правительства и некоторых других стран Латинской Америки (в частности, Эквадора и Кубы) пошли по этому пути, провозгласив развитие life sciences, аграрных технологий и аквакультуры своим приоритетом.

Примечательно, что в Латинской Америке, разумеется, в разных странах по-разному, частный сектор начал увеличивать свои расходы на исследования и технологические разработки как абсолютно, так и относительно всех расходов на эти цели. Его доля в финансировании науки и новых технологий возросла с 26-27 % в 1990-91 гг. до 40 % в 2009 году.³⁷⁶ Это по-прежнему значительно меньше, чем в развитых странах, членах ОЭСР, но всё же является большим шагом вперёд по сравнению и с периодом импортозамещающей индустриализации, и с «бурными 90-ми» с их верой во всемогущество рынка. В частности, в Бразилии на частный сектор приходится примерно половина (0,6 из 1,2 % всего ВВП) затрат на науку и технологические разработки, и правительство станы намерено увеличивать эту долю, стимулируя частные инвестиции в науку и новые технологии. Такая динамика, хотя и недостаточная для прорывов на требуемый уровень развития, свидетельствует о том, что часть латиноамериканского предпринимательского класса перестала быть «люмпен-буржуазией», способной только к ущербному, имитационному развитию (А.Г. Франк) и обрела некую «инновационную культуру», отсутствие которой констатировал также Ф.Э. Кардозу в своих исследованиях 1960-70-х годов.³⁷⁷

В последние годы в Латинской Америке возникло новое социально-политическое явление. Речь идёт о возросшей роли неправительственных организаций (НПО) и массовых движений, особенно левого и левоцентристского толка, в формулировании собственных программ социально-экономического развития (как модернизации, так и постиндустриальных прорывов). В частности, бразильское Движение безземельных трудящихся (MST – Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra) активно выступает не только за радикализацию аграрной реформы, но и с далеко идущими требованиями внедрения новых, «зелёных» технологий в сельское хозяйство и производство продовольствия.

³⁷⁴ См.: Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. СС. 100-110.

³⁷⁵ CEPAL. La transformación productiva con equidad 20 años después... PP. 233-234.

³⁷⁶ CEPAL/OCDE. Perspectivas económicas de América Latina 2013: Políticas de PYMES para el cambio estructural. P., Santiago de Chile, 2012. PP. 109-110.

³⁷⁷ См. выше примечание 13.

Фактически тем самым это Движение выдвигает действенную альтернативу программам «модернизации по-старинке», которую осуществляют ТНК и крупный, часто выросший из старых латифундий местный агробизнес, не выходя за рамки индустриальной парадигмы.

Следует заметить, что в некоторых странах Латинской Америки, прежде всего в Бразилии, Уругвае, Коста-Рике, в несколько меньшей степени – в Аргентине и Чили, впервые начал складываться широкий общественно-политический консенсус по поводу важности решения социальных проблем и образования для завершения модернизации и последующего перехода к инновационному развитию. Но при этом сохраняются и даже усиливаются разногласия по поводу содержания образования, его направленности и способов сокращения бедности. В результате возникает ситуация, называемая “la brecha de aplicación”, когда результаты реформ и/или политики развития явным образом отличаются от провозглашённых целей и намерений под влиянием различных «групп интересов».³⁷⁸

На первый взгляд, такие разногласия могут стать серьёзным препятствием для продолжения необходимых странам Латинской Америки реформ – завершения модернизации с перспективой перехода к инновационному развитию. Однако нужно признать, что ныне они касаются не столько целей, сколько путей, тактики модернизации. Необходимость последней как таковой, к тому же с учётом социальных проблем, не ставится под сомнение. А это обстоятельство существенно отличается от той ситуации, которая в прошлом была присуща латиноамериканским странам и которая фактически складывалась на базе конфликта между сторонниками развития и приверженцами «традиций» («аргентинства», «чилийства» и т.д.).³⁷⁹

Таким образом, Латинская Америка в целом начала продвигаться по пути избавления от внешней зависимости в процессе своего развития. Разумеется, речь идёт не о движении к полной автономии от процессов, протекающих на других континентах и в мире в целом. Сегодня такая автономия невозможна ни для одной страны, даже для США. Избавление от зависимости может означать лишь то, что внутренние, собственные импульсы к развитию постепенно становятся более весомыми, более важными, чем внешние факторы, будь то интересы глобального капитала или собственное стремление подражать success stories других стран. Надо полагать, далеко не случайно, что нынешний глава Всемирного банка Джим Йонг Ким в марте 2013 года подписал с министром социального развития Бразилии Терезой Кампеллу и другими руководителями страны меморандум о реализации бразильской инициативы «Знание и инновация для снижения бедности» в глобальном масштабе. Речь идёт о создании открытого для всего мира банка данных, в котором был бы представлен наработанный в стране опыт публичной политики и успешных социальных технологий по снижению бедности.³⁸⁰ Подписание такого меморандума – признание *самостоятельного* вклада Бразилии, а вместе с ней – и всей Латинской Америки в решение глобальных проблем.

³⁷⁸ CEPAL/OCDE. Perspectivas económicas de América Latina 2012: Transformación del Estado para el Desarrollo. P., Santiago de Chile, 2011. PP. 57-58; Dayton-Johnson J., Londoño J., Nieto Parra S. The Process of Reform in Latin America: A Review Essay. (OECD Development Centre Working Paper No 304). P., 2011. PP. 13-24, 38-41.

³⁷⁹ Это, разумеется, не исключало, что оные субъекты соглашались на модернизацию в сфере потребления «благ цивилизованного мира» и, следовательно, на консервацию зависимости, унаследованной от колониального прошлого.

³⁸⁰ www.brasil.gov.br/noticias/arquivos/2013/03/05/brasil-torna-se-exemplo-e-sedia-iniciativa-mundial-de-combate-a-pobreza (05.03-2013).

Конечно, в разных странах континента процесс возрастания роли собственных импульсов к развитию (*desarrollo desde dentro*) протекает с неодинаковой скоростью. Страны Меркосура (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай) добились большей независимости от внешних факторов, страны Центральной Америки, Мексика и многие островные государства Карибского бассейна – меньшей. Однако и там усиливается роль внутренних импульсов к модернизации. Как знать, может быть, в долгосрочной перспективе получится стратегический выигрыш Латинской Америки по сравнению с Восточной Азией, преуспевшей в подражании западным достижениям, но не пока не сумевшей совершить самостоятельных, оригинальных прорывов ни в науке, ни в технологиях, как производственных, так и социальных.

А.И. Салицкий, В.В. Тацуй

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

В первом десятилетии XXI века темпы роста мировой экономики повысились впервые за сорок лет – если вести отсчет от 70-х годов прошлого столетия. При этом и в новом веке продолжилось сокращение темпов роста ВВП в развитых странах³⁸¹. Это означает, что развивающиеся страны (прежде всего государства Азии) начинают сменять развитые в качестве локомотива или, по крайней мере, стимулятора роста в мировой экономике.

Немалый вклад в эту меняющуюся динамику вносит Китай, в котором абсолютные масштабы прироста ВВП теперь таковы, что можно говорить об успешном догоняющем развитии и постепенном сокращении разрыва с развитыми государствами³⁸² – в отличие от большинства развивающихся стран.

Данное обстоятельство – при всех издержках китайского опыта развития – заставляет в очередной раз обратиться к сравнениям с целью выяснения действительных факторов экономического роста в КНР в последние десятилетия. Заметим, что объяснять китайские успехи только переходом этой страны в конце 1970-х годов к политике реформ и открытости не вполне справедливо. Необходимое, как известно, не всегда является достаточным. Многие развивающиеся и переходные государства в прошедший с тех пор период проводили рыночные реформы и либерализацию внешнеэкономической сферы, но немногие добились успехов, сопоставимых с достижениями Китая. Секрет, по-видимому, заключается в том, каким именно образом проводятся эти важнейшие преобразования и насколько они учитывают местные и внешние условия.

Промышленность и экспорт. Для начала заметим, что даже при сравнении среднедушевых показателей Китая с аналогичными индикаторами в динамичных соседях по Восточной Азии (включая ЮВА) китайский рост можно признать феноменальным. В 1980 г. уровень дохода в КНР был ниже, чем в Таиланде в пять раз. Этот же показатель в Индонезии был в три с половиной раза выше китайского, а

³⁸¹ При среднемировых темпах роста ВВП в 2000-2010 гг. в 2,8%, они составили 1,8% в год в развитых и 6,4% – в развивающихся странах. В КНР этот показатель составил 10,8%, Индии – 8%, России – 5,4%, Индонезии – 5,3%. См.: data.worldbank.org

³⁸² Во втором десятилетии XXI в. КНР вышла на ежегодный прирост ВВП примерно в 650-900 млрд. долл. (в зависимости от метода подсчета), медленно, но верно догоняя США и ЕС по абсолютным экономическим параметрам. Понятно, что по среднедушевым показателям разрыв еще очень велик, но он не выглядит непреодолимым в долгосрочной перспективе.

разрыв с Филиппинами был четырехкратным. К 2013 г. Китай догнал Таиланд по уровню среднедушевого дохода, а Индонезию и Филиппины опередил по этому показателю в два – два с половиной раза.

Индии, наращивавшей темпы роста все три последних десятилетия, Китай в 1980 г. уступал по среднедушевому доходу примерно в полтора раза. Теперь он ее превосходит как минимум в два с половиной – три раза. Это сравнение особенно показательно, так как элиминируется фактор масштаба хозяйства Китая и Индии при изначально схожих индикаторах развития азиатских исполинов, не говоря уже о репрезентативности опыта стран, в которых проживает 19 и 17% мирового населения соответственно.

Конечно, по среднедушевым показателям КНР продолжает значительно уступать первой четверке НИС (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). Но практически во всех этих странах и территориях, ставших пионерами экспортной ориентации, географические условия изначально были гораздо более подходящими для международной торговли, становления современной инфраструктуры и ориентированной на внешние рынки обрабатывающей промышленности.

Четверка НИС представлена к тому же относительно некрупными территориальными образованиями, в экономической истории которых внешние факторы сыграли заметную положительную роль. Так, в Южной Корее в 1955-1970 гг. использование внешней помощи обеспечило свыше половины инвестиций в экономику страны, примерно такая же ситуация наблюдалась на Тайване в 1950-е – первой половине 1970-х годов, а в Сингапуре иностранные инвестиции в основные фонды в 1970-1980-е годы составляли 2/3 их общего объема.

Кроме того, индустриальное развитие НИС (как и Японии) в 1950-1960-е годы облегчалось сравнительно невысокими в тот период мировыми ценами на сырье и топливо. В результате страны этого островного и полуостровного пояса могли концентрировать усилия и ресурсы на обрабатывающей промышленности, избегая дорогостоящих вложений в добывающую индустрию и инфраструктуру отдаленных внутриконтинентальных районов.

Вполне вероятно, что именно «облегченная» (неполная) промышленная структура НИС подсказала китайским реформаторам первые шаги (1979-1982 гг.). Они, как известно, состояли в урегулировании экономики и перенесении внимания на товаризацию сельского хозяйства, производство и экспорт потребительской продукции – в том числе за счет значительного сокращения инвестиций в тяжелой промышленности.

Вместе с тем эта передышка, а также скромные поначалу успехи в развитии экспорта готовых изделий и привлечении иностранных инвестиций³⁸³, показали, что полномасштабное перенесение на китайскую почву восточноазиатской экономической модели³⁸⁴ малореально.

Внешние факторы в тот начальный период экономических реформ, конечно же, не могли сыграть ощутимую роль в преобразовании гигантской страны,

³⁸³ В середине 1990-х годов привлечение Китаем иностранных инвестиций некоторые авторы достаточно справедливо квалифицировали как «тактическую линию, лежащую на фундаменте сталинской стратегии опоры на собственные силы и преимущественном внимании к производству средств производства». Chow P.C.Y. Foreign Enterprises in Mainland China: Integration or Isolation// Issues & Studies. 1995. No 7. P. 93.

³⁸⁴ Основные черты восточноазиатской модели и ее *альтернативность* англосаксонской модели капитализма хорошо показаны, в частности, в недавнем исследовании И. Целищева. Многие ее черты воспроизведены и в Китае (прибрежных провинциях), но с существенными отличиями и на другой – менее благоприятной – фазе развития мировой экономики. См.: Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

решившей после некоторых колебаний, покончив с изоляционизмом, все же в основном сохранить верность *принципу опоры на собственные силы*. Примером такого разумного консерватизма стал отказ в середине 1980-х годов от гигантского кредита МБРР (200 млрд. долл.), условия которого сужали экономический суверенитет страны и ее международную специализацию.

Характерно, что, комментируя выступление на сессии ВСНП весной 1986 г. тогдашнего премьера КНР Чжао Цзяна, известный американский исследователь экономики Китая Н. Ларди находил «поразительными» призывы прилагать все усилия к тому, чтобы производить в стране все, что возможно, и максимальному замещению импорта. Для Н. Ларди такая линия выглядела противоречащей обозначенной в докладе Чжао Цзяна задаче повышать конкурентоспособность страны на внешних рынках³⁸⁵.

Стремление к всемерной локализации промышленного производства в качестве одного из компонентов опоры на собственные силы формулировалось в КНР как создание «относительно целостной системы промышленности»³⁸⁶. В этом в период глобализации проявилось одно из главных и ярких отличий китайской индустриализации от «частичных» (неполных) индустриализаций большинства развивающихся стран. В подавляющем большинстве этих государств участие в «глобальных цепочках создания стоимостей» (GVC) и специализация на их трудоемких звеньях зачастую остаются единственным способом внешнеэкономической специализации. Китай, естественно, в этих цепочках тоже участвует, но старается замкнуть их на себя, упорно проводя политику повышения доли добавленной на территории страны стоимости в цене экспортных (и потребляемых в Китае импортных) товаров.

Характерно, что уже в наши дни китайский опыт движения к комплексной промышленной системе получил высокую оценку в странах ЮВА. Тайский аналитик подчеркивает в связи с этим, что в планах АСЕАН теперь содержится положение о создании в перспективе единой производственной базы для 630 млн. жителей этого региона³⁸⁷.

И в новом веке в Китае продолжали движение по пути создания полноотраслевой промышленной структуры, сочетая привычное замещение импорта и развитие экспорта, а также стремясь по возможности локализовать производство по всей технологической цепочке. При этом ведущие промышленные корпорации страны, выйдя на глобальные рынки, пытаются, как и все глобальные игроки (в том числе восточноазиатские концерны), интегрировать апстрим и даунстрим, добиться контроля над наиболее выгодными звеньями разработки, изготовления и распределения продукции.

Постепенно уходит в прошлое преимущественная специализация китайской промышленности на трудоемкой продукции (при сохраняющейся социальной важности массива малых сельских предприятий, образовавшихся в ходе крупномасштабной мануфактуризации деревни в годы реформ).

Индустрия Китая стремительно модернизируется, что хорошо показано в недавнем исследовании компании McKinsey. Ее аналитики провели, в частности, сравнение структуры китайской промышленности (включая предприятия с иностранным участием) с мировой индустрией³⁸⁸. Выяснилось, что по доле *трудоемкой* продукции в добавленной стоимости обрабатывающей

³⁸⁵ Lardy N.R. China's entry into the world economy. N.Y., L.: University Press of America, 1987. P. 44-45.

³⁸⁶ Чжу Жунцзи. Китай, вступающий в XXI век// Общество и экономика. 1999. № 9. С.5.

³⁸⁷ http://europe.chinadaily.com.cn/opinion/2013-08/15/content_16894894.htm

³⁸⁸ http://www.mckinsey.com/insights/manufacturing/a_new_era_for_manufacturing_in_china

промышленности (10%) китайский показатель теперь не очень отличается от глобального индикатора (7%). Удельный вес *технически сложной* массовой продукции, произведенной крупными корпорациями для внутреннего рынка страны, в Китае такой же, как и в среднем по миру (около трети). Среди китайских игроков в этой сфере выделяются Bohai Chemical, ChemChina, China Resources Pharmaceutical Group, First Automotive Works (FAW), Midea, Shanghai Automotive Industry Company (SAIC), Shanghai Electric, Sinochem.

Третья группа, выделенная экспертами McKinsey – *энергоемкие и ресурсоемкие* товары. Их китайская промышленность производит больше (25%), чем в среднем по миру (22%). Основные китайские игроки – Baosteel, Chalco, China Minmetals, China National Petroleum (CNPC), Shandong Chenming Paper, Sinopec.

Четвертую группу образует сравнительно простая *стандартная* продукция, производимая ТНК для местных рынков – продовольствие, напитки, печатная продукция, табачные изделия. Здесь китайская промышленность (20%) значительно уступает мировому индикатору (28%). Крупные китайские производители: China Tobacco, COFCO, Mengniu Dairy, Wahaha.

И, наконец, пятая группа товаров – *высокотехнологичная* продукция. Здесь доля китайской промышленности – такая же, как и среднемировой индикатор (9%). Достойны упоминания Hisense, Huawei, Lenovo, Mindray, Semiconductor Manufacturing International (SMIC), Shinva Medical, Spreadtrum, ZTE. Добавим, что по доле высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности (26%) Китай в конце нулевых годов догнал Южную Корею, превзошел США и Японию (18 и 17%), уступая, впрочем, Малайзии (43%) и Сингапуру (45%).

Иначе говоря, можно смело говорить о решительном и успешном преодолении китайской промышленностью технической отсталости. В свою очередь комплексная промышленная структура в сочетании с масштабом хозяйства и внешней торговли, а также энергичной экспансией китайских корпораций за рубеж дала и другой важнейший итог – преодоление зависимого положения в мировом хозяйстве или, по крайней мере, асимметричной зависимости от промышленно развитых стран и их ТНК. Не менее важно и то, что крупная высококонкурентоспособная промышленность КНР является мощным генератором платежеспособного спроса на разного рода инновации, с одной стороны, и средством их массового тиражирования, с другой³⁸⁹.

Таким образом, индустриальное становление Китая, вписав одну из самых ярких страниц в мировую историю промышленной революции, в известном смысле завершено³⁹⁰. При этом доля обрабатывающей промышленности (наиболее производительного сектора хозяйства) в ВВП КНР составляет 30% (2011) против 24% в Индонезии, 16% в России, 14.5% в Бразилии и лишь 14% в Индии. Возможно, столь высокий показатель – один из основных секретов высокой экономической динамики в КНР.

«Индустриализация нового типа» и сервисизация экономики, развернувшиеся на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., сигнализируют о начале новой крупной фазы в экономической истории страны. Фаза началась в условиях, когда Китай в эти рубежные годы стал крупнейшим мировым изготовителем промышленной продукции, а также ее экспортером (табл. 1).

³⁸⁹ По-видимому, не стоит преувеличивать технологическое превосходство развитых стран; с их переходом на «постиндустриальный» этап выясняется, что разрыв в области сферы услуг (в том числе информационных) можно преодолеть в более короткие сроки, чем отставание в промышленности.

³⁹⁰ Одно из свидетельств – начавшееся сокращение доли промышленности в ВВП Китая.

Таблица 1.

**Доля отдельных стран и групп стран
в мировом экспорте товаров в 1948-2012 гг., %**

	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2012
КНР	0.9	1.2	1.3	1.0	1.2	2.5	5.9	9.9	11.4
Шестерка*	3.4	3.0	2.5	3.6	5.8	9.7	9.6	9.6	12.1
США	21.7	18.8	14.9	12.3	11.2	12.6	9.8	8.7	8.6
Германия	1.4	5.3	9.3	11.7	9.2	10.3	10.2	9.2	7.8
Япония	0.4	1.5	3.5	6.4	8.0	9.9	6.4	4.8	4.9
Великобритания	11.3	9.0	7.8	5.1	5.0	4.9	4.1	2.9	2.6
Индия	2.2	1.3	1.0	0.5	0.5	0.6	0.8	1.3	1.6
СССР/СНГ	2.2	3.5	4.6	3.7	5.0	1.5	2.6	3.7	4.3

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

Рассчитано по: International Trade Statistics 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 14; comtrade.un.org

Перечисленные достижения имеют важные мирохозяйственные и внешнеполитические следствия, на которых мы подробно остановимся в конце раздела. Здесь же обратим внимание еще на два обстоятельства, существенно отличающие экономику КНР от хозяйств некрупных развивающихся и многих восточноазиатских стран. Во-первых, Китай значительно менее зависим от экспорта. Объем экспорта (резэкспорта) в расчете на душу населения в странах и территориях «шестерки» в целом в семь раз выше. В Таиланде (сопоставимым с Китаем по уровню дохода) он выше, чем в КНР, примерно вдвое³⁹¹.

Во-вторых, в китайской внешней торговле неуклонно растет доля продукции, полностью произведенной на территории этой страны. Против мирового показателя примерно в 60%³⁹² доля продукции, произведенной в рамках GVC, составляет во внешней торговле КНР около трети, снизившись за последние семь лет с половины ее объема. В экспорте эта доля составляет 42% (2012) против 55% (2005).

Парадоксальным образом (возможно, в силу масштаба хозяйства) Китаю удается наращивать свое присутствие в мировой экономике одновременно с ослаблением некоторых видов зависимости от нее. Подчеркнем еще один момент: в 2005-2012 гг. курс юаня к доллару повысился на 30%. Одновременно КНР значительно увеличила свой вес в мировой торговле. Стало быть, конкурентоспособность китайской промышленности опирается уже не только на ценовые, но и другие факторы, включая системность и скоординированность местной промышленной структуры.

Иными словами, китайский опыт (в лице этой экономики мы получили *количественно беспрецедентный* в новейшей истории пример успешной и сжатой во времени промышленной революции, который трудно анализировать и прогнозировать по привычным для нас схемам и эконометрическим формулам) выявил, что нет больших противоречий между двумя процессами. Это развитие комплексной, полноотраслевой индустриализации, с одной стороны, и использование на внешнем рынке сравнительных преимуществ в целом ряде

³⁹¹ С другой стороны, КНР по этому показателю примерно в семь раз превосходит Индию, наглядно демонстрируя более высокую (и не только ценовую) конкурентоспособность промышленности.

³⁹² World investment report 2013. Global value chains: Investment and trade for development. UNCTAD: N.Y., Geneva. 2013. P. xiv.

отраслей – с другой. Если угодно, в китайском случае мы имеем Д. Рикардо и И. Фихте «в одном флаконе» гигантского хозяйства.

Накопление и инфраструктура. Беспрецедентно *высокая доля накопления* в ВВП КНР – еще одно важное отличие этой гигантской экономики в новом веке. Заметим также тенденцию к повышению этого показателя в последние двадцать лет – за исключением периода рубежа столетий, когда кабинет Чжу Жунцзи (1998-2003) провел довольно жесткую реформу государственного сектора. В других азиатских странах в этот период снижение накопления, впрочем, было еще более значительным, но в силу внешних причин – и главным образом из-за кризиса 1997-1998 гг. (табл. 2).

Таблица 2.

Норма накопления в отдельных странах Азии в 1980–2012 гг. , %

Страны\ Годы	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2012
КНР	32	36	42	35	42	48	49
Индия	18	26	26	24	35	37	36
Индонезия	26	31	32	22	25	32	35
Вьетнам	-	14	27	30	34	36	27
Таиланд	28	42	43	22	31	26	27
Южная Корея	31	38	37	31	30	30	28

Источник: Key indicators for Asia and the Pacific 2013. Manila: ADB, 2013. P. 216. Данные округлены.

По сравнению с другими азиатскими странами, имеющими или имевшими в прошлом высокие показатели накопления, Китай выделяется также *более высокой долей индустрии в целом* (включая, помимо обрабатывающей промышленности, строительство, энергоснабжение и пр.) в ВВП. В 2012 г. указанный индикатор (начавший, как уже отмечалось, снижение в последние годы) составил 45% против 26% в Индии. Видна, таким образом, очень значительная разница между двумя крупнейшими странами мира. Она гораздо меньше при сравнениях КНР с Восточной Азией: доля индустрии в ВВП составляет 44% в Индонезии, 40% в Таиланде, 39% в Южной Корее³⁹³.

Оба представленных выше рекордных показателя вполне объяснимы, если принять во внимание масштабы инфраструктурного строительства в современном Китае. Бум в этой отрасли, захвативший страну в первом десятилетии нынешнего века, и нередко критикуемый с позиций финансовой эффективности, в том числе, несколько неожиданно для аналитиков, – и в самой КНР после прихода к власти нового руководства в 2012-2013 гг., имел под собой, если вспомнить недавнюю историю, весьма серьезные основания.

К началу века стали, в частности, слишком заметными и социально опасными разрывы в уровне благосостояния прибрежных и внутренних провинций Китая. Кроме того, значительных масштабов достигли сбережения населения в банковской системе – в том числе по причине слабого развития социального обеспечения. Родилась и затем была воплощена в жизнь идея «занять денег у детей и оставить им современную инфраструктуру»³⁹⁴.

³⁹³ Очень высока доля индустрии в ВВП нефтеэкспортеров, но это – иной случай.

³⁹⁴ Ли Цзинвэнь. Дандай Чжунго цзинцзи жэдянь фэнси юй чжаньван (Анализ и прогноз узловых проблем современного Китая). Пекин, 1998. С. 114.

Заметим попутно, что показатели эффективности, принятые в развитых странах (где на остаточную продуктивность факторов производства приходится более половины прироста ВВП), не вполне приемлемы в развивающейся Азии³⁹⁵. В этой части света исключительная острота проблемы аграрного перенаселения снижает цену труда. Набор дешевой рабочей силы из сельской местности в промышленность или услуги оказывается более простым и эффективным способом увеличения выпуска продукции. За счет работы в две-три смены лучше используется оборудование, быстрее происходит его обновление, что дает новые рабочие места и положительную обратную связь между накоплением и занятостью.

Считая экономию капитала и труда признаком «современного» или «интенсивного» роста, теоретически и практически трудно решить проблему обратного превращения высвободившихся денег в реальный производительный капитал: «излишек» в эпоху глобализации, как правило, уходит в финансовую сферу, нередко – за рубеж. Поэтому приложение к экономической политике только критериев финансовой эффективности в долгосрочном плане ведет к снижению реальной заработной платы и/или росту безработицы. Между тем повышение капиталовооруженности труда на ведущих предприятиях одновременно с приростом занятости в экономике в целом – жизненная потребность и, подчеркнем, возможность – если малый и средний бизнес имеют доступ к современной инфраструктуре³⁹⁶.

Китай в последние годы нередко упрекают в принесении потребления в жертву накоплению. Действительно, в последнее десятилетие наблюдается сокращение относительной доли домохозяйств в ВВП КНР. Этот показатель составляет в настоящее время порядка 36% против 45% в начале века. Тем не менее снижение доли потребления в ВВП не мешает динамично расти потреблению в абсолютном выражении – благодаря высоким темпам экономического роста³⁹⁷.

Говоря же об эффективности инвестиций, заметим, что в КНР в 2001-2007 гг. приростная капиталоемкость ВВП³⁹⁸ снижалась (составив в среднем 4.1), достаточно благоприятно выглядит этот показатель и в целом за период 2001-2012 гг. (табл. 3). Заметим практически прямую связь между накоплением и экономическим ростом в Азии в этот период и весьма постепенное ухудшение показателя приростной

³⁹⁵ Впрочем, вклад TFP в экономический рост в КНР во второй половине 1990-х годов достиг 35%.

³⁹⁶ В Китае оправдала себя установка «держат крупное, отпустив мелкое». Малый бизнес в промышленности и услугах поглощает избыток труда, а крупная индустрия, опираясь на госбанки, обеспечивает технический прогресс. При этом в ходе развернутой модернизации с 1990 по 2005 гг. одновременно выросли и доля промышленности (с 43 до 48% ВВП), и доля услуг (с 32 до 40%), при том, что доля промышленности (включая строительство и пр.) в занятости изменилась незначительно (рост с 22 до 24%). В услугах же занятость подросла существенно: с 18 до 31%. В результате добавленная стоимость на одного занятого в промышленности увеличилась с 5,2 тыс. юаней до 48 тыс., а в услугах – с 4,6 тыс. до 30,6 тыс. юаней. Учитывая же выросший массив сельской промышленности с невысокой производительностью труда, можно, опять-таки, заключить, что главная причина успехов КНР в тот период – индустриализация, и в основном – форсированное развитие крупной промышленности (а не только реформы и открытость, которые в 1990 г. насчитывали уже десятилетний стаж). Добавим, что на долю негосударственных предприятий (не только частных) в КНР приходится примерно 65% ВВП и 80% занятости, т.е. госсектор в целом отличается высокой производительностью (а также фондовооруженностью).

³⁹⁷ В пересчете по валютному курсу объем розничных продаж в Китае в 2012 г. составил 3,3 трлн. долл. – против 4,3 трлн. долл. в США. Аналитики Standard and Poor's (S&P) считают возможным преодоление этого разрыва за 5 лет. См.: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-08/15/content_16896830_2.htm.

³⁹⁸ Отношение нормы накопления к темпам прироста ВВП. Чем выше этот показатель, тем дороже рост. В развитых странах он близок к 10.

капиталоемкости по мере роста среднедушевого дохода – если сравнить, например, Таиланд и Южную Корею.

Таблица 3.

Средние показатели за 2001–2012 гг.

	Норма накопления	Прирост ВВП	Капиталоемкость роста ВВП
КНР	44.0	10.1	4.4
<i>Индия</i>	33.0	7.4	4.5
Индонезия	27.2	5.4	5.0
Вьетнам	35.0	6.9	5.1
Таиланд	25.9	4.1	6.3
Южная Корея	29.3	3.9	7.5

Рассчитано по: Key indicators for Asia and the Pacific 2013.

В то же время средний показатель капиталоемкости роста ВВП в Китае за последние три года (5,3), при его ухудшении до 6,2 в 2012 г. вызывает определенную тревогу. Ухудшение, впрочем, имело место и во всех других сравниваемых странах³⁹⁹, чуть лучше китайского этот индикатор был в 2010-2012 гг. только в Индии и Индонезии (5,2).

Между тем уже ясно видно, что китайская экономика теперь качественно превосходит хозяйства этих двух крупных стран по уровню развития «жесткой» инфраструктуры. Как невесело пошутил один индийский коллега, «в Индии строят то, что в Китае уже сносят». При этом мощный строительный комплекс КНР значительно облегчает внешнюю экономическую экспансию этой страны, своеобразное «пристраивание» к ее промышленной системе зарубежных сбытовых сетей, источников природных ресурсов и т.п.⁴⁰⁰

Главные задачи инфраструктурного строительства в крупных развивающихся странах все же преимущественно внутренние. В их числе – консолидация и развитие национального рынка, увеличение занятости и повышение мобильности рабочей силы, а также других факторов производства. Требуя поначалу долгосрочных капиталовложений, а значит и государственной поддержки, создание инфраструктуры в дальнейшем позволяет организовать «глубину развития»: проявить сравнительные преимущества регионов, оптимизировать размещение производительных сил, улучшить экологическую ситуацию на наиболее густонаселенных территориях. В этом смысле КНР, бесспорно, лучше других способна к стратегическому и комплексному планированию экономического развития (и располагает для этого необходимыми институтами, в частности, госкомитетом по развитию и реформам).

Характерно, например, то, что Китай уже давно и смело идет на весьма дорогостоящие вложения в чистые инфраструктурные объекты. В 2010 г. впервые в истории развивающиеся страны опередили развитые государства по стоимости реализованных «зеленых» проектов в энергетике. К ним относят применение энергии ветра, солнца, современных технологий использования биоресурсов и т.п. Суммарные инвестиции развивающихся стран в данную отрасль составили 72 млрд.

³⁹⁹ Существенно лучше оказались в эти три года показатели сравнительно некрупных Малайзии и Тайваня (4,1 и 3,9), практически завершивших создание современной жесткой инфраструктуры.

⁴⁰⁰ Стоит заметить, что подавляющее большинство китайских ТНК (71 китайская корпорация входит в список 500 мировых лидеров) остаются в основном национальными концернами (нередко межотраслевыми), лишь у трех членов списка доля зарубежных операций превышает 50%.

долл., причем на долю Китая пришлось почти 49 млрд. долл. – на 28% больше, чем в 2009 г. Для сравнения можно заметить, что все европейские страны вложили в «зеленые» проекты 35 млрд. долл. – на 22% меньше, чем в 2009 г.⁴⁰¹

Иными словами, КНР примкнула к числу мировых лидеров в важной отрасли перспективного жизнеобеспечения человечества, которая, впрочем, одновременно является крупным рынком реализации новых технологий и сферой острой конкурентной борьбы.

Инфраструктурное строительство при наличии его собственной материальной базы внутри страны способно, как показал недавний китайский опыт, оказаться и важным рычагом преодоления последствий кризисных явлений в мировом (западном) хозяйстве, ликвидации «провалов рынка», стимулирования активности частного капитала и т.п. Понятно, что другим необходимым элементом в такие периоды становится подчинение финансового (банковского) сектора интересам развития реальной экономики, сохранение (удешевление) доступного, в том числе долгосрочного, кредита. Этот важный элемент также присутствует в китайском хозяйственном арсенале.

В целом же можно, по-видимому, констатировать, что в крупных развивающихся государствах задачи инфраструктурного освоения обширных внутренних территорий надолго закрепляют за центральным правительством функции «государства развития» – стадии, которая уже пройдена наиболее развитыми восточноазиатскими странами⁴⁰².

В Китае же незавершенность урбанизации (мыслимой как процесс, нуждающийся в жесткой организации), а также другие причины (включая экологические проблемы, масштаб хозяйства и пр.) заставляют продлевать данную стадию. Другое дело, что все это не мешает КНР по примеру более развитых восточноазиатских соседей постепенно передавать промышленную (инфраструктурную) политику и инновационную функцию в руки крупнейших национальных корпораций (на них в 2012 г. пришлось около 75% всех расходов на НИОКР), в большинстве своем, впрочем, так или иначе контролируемых государством.

Говоря о разнице в нынешнем инфраструктурном обеспечении Китая и Индии, обратим внимание еще на одно обстоятельство. В обеих странах решающую роль в трансформации сбережений в накопления играют крупные государственные банки (в том числе специализированные финансовые институты развития) – при некотором повышении в нулевые годы роли фондовых рынков. Однако в приоритетах банковских стратегий между двумя странами существует ярко выраженное отличие.

В Китае, где одним из алгоритмов рыночных реформ был, повторим, принцип «держат крупное, отпустив мелкое», госбанки в основном сосредоточились на кредитовании крупных государственных корпораций. В последние годы эту политику нередко критикуют, и в ней происходят определенные изменения в сторону большего внимания к частному сектору, потребительскому кредитованию и т.п. Однако в целом картина изменилась незначительно.

В Индии банки, в том числе частные и иностранные, были, наоборот, изначально, причем в законодательном порядке, ориентированы на поддержку малого и среднего бизнеса. Для них регулятором установлен обязательный показатель по кредитованию этого сектора (40% кредитного портфеля).

⁴⁰¹ Global trends in renewable energy investment 2011. UNEP, Frankfurt school of finance and management, Bloomberg new energy finance: Paris, September 2011. P. 9.

⁴⁰² Подробнее см.: Целищев И. С. Указ. соч. С. 16-20.

В какой-то мере эти различия, а также тот факт, что Индия неизменно уступала Китаю по норме накопления, сказались на темпах создания общенациональной инфраструктуры, консолидирующей внутренние рынки и предъявляющей огромный спрос на инвестиционные товары⁴⁰³. Достаточно заметить, что по среднелетнему потреблению электроэнергии КНР ныне превосходит Индию в пять (!) раз⁴⁰⁴.

Заметим и еще один важный момент (также, кстати, отличающий Китай и Индию). Усиление позиций частного сектора в промышленном производстве и экспорте в КНР сопровождается в нынешнем столетии постоянным ростом доли государственных расходов (и доходов) в ВВП. С 16,3% в 2000 г. этот показатель вырос до 18,3% в 2005 г. и 24,2% в 2012 г.⁴⁰⁵

При выросшем в последние четыре года дефиците бюджета КНР удается удерживать инфляцию в пределах 2-5% – параметрах, обычных для наиболее развитых стран Восточной Азии (в Индии, к сожалению, добиться такой стабильности пока не удалось⁴⁰⁶).

Иначе говоря, в Китае повышение нормы накопления и государственных расходов в годы кризиса в западных хозяйствах пока себя оправдывает. Усиление государственного перераспределения, вероятно, является и необходимым звеном политики расширения внутреннего спроса, подтвержденной с особой силой новым руководством Китая. Более равномерное распределение доходов, как известно, теоретически увеличивает массовый спрос, а значит и емкость внутреннего рынка.

Пекинский консенсус или антимодель? Китайский опыт развития часто и во многом справедливо рассматривают как теоретический противовес неолиберальной модели, альтернативу Вашингтонскому консенсусу. Для этого есть вполне надежные основания: естественные, исторические, политические. Колоссальны, например, *естественные* различия в обеспеченности трудовыми и природными ресурсами хозяйств США и Китая. *Исторически* уже восточноазиатская модель (а до нее германская, японская и советская), на которые во многом ориентировались в КНР в годы реформ, во многом были противоположны англосаксонской. Наконец, *политически* китайский опыт развития был еще и искусным преодолением курса на

⁴⁰³ В связи с этим следует отметить еще одно важное преимущество Китая по сравнению с южным соседом: средний уровень ссудного процента в КНР значительно ниже, кроме того, в структуре кредитов выше доля долгосрочных заимствований.

⁴⁰⁴ Впереди Поднебесная и по многим другим, в том числе социальным, показателям.

Продолжительность жизни в Китае составляет 73 года, а в Индии – всего 64. Удельный вес плохо питающихся детей до пятилетнего возраста в Китае всего 5%, а в Индии – 40%. Поэтому не вполне корректно писать о «демографическом дивиденде» Индии по сравнению с КНР. Не проходит при сравнении двух гигантов и «институциональный подход». Согласно ему, в начале реформ Индия была в несравненно более выгодном положении: в стране имелись демократическая система, крупные корпорации, ясное правовое поле для бизнеса, образованная на Западе элита и т.п.

⁴⁰⁵ Это выше, чем в России. Примерно такой же уровень государственных расходов достигнут в Южной Корее и Малайзии, где за последние двенадцать лет они также заметно повысились. Небольшое увеличение показателя отмечено также в Индонезии, Таиланде, Вьетнаме, Гонконге. См.: Key Indicators for Asia and the Pacific 2013. Manila: ADB, 2013. P. 320.

⁴⁰⁶ В Индии в 2012 году правительство М. Сингха пыталось принимать меры по облегчению условий кредитования. Но ситуация с инфляцией оставалась весьма напряженной, и банки медлили с понижением ставок. Стимулирование накопления в Индии затрудняло еще одно обстоятельство: сокращение (даже по абсолютным показателям) сбережений, которые домохозяйства держат в банках: немалая часть населения в Индии предпочла в последние годы «уйти» в традиционно популярный актив – золото, (а также недвижимость), страхуясь от инфляции.

сдерживание развития, фактически проводившегося международными финансовыми институтами в последние четверть века⁴⁰⁷.

Характерно в этом смысле отсутствие у китайских реформаторов⁴⁰⁸ и аналитиков каких-либо иллюзий по поводу характера глобализации. «Вероятность новой мировой войны невелика, однако на наших глазах, проникая во все уголки земного шара, стремительно разворачивается мировая экономическая война – и от нее никуда не денешься», – отмечал в конце 1980-х годов видный китайский международник⁴⁰⁹.

Добавим, что китайский подход к инфляции почти противоположен современному монетаризму: цены на товары и услуги удерживаются не столько за счет ограничения денежного предложения, сколько путем кредитного стимулирования деловой активности, увеличения производства товаров и услуг. К этому прибавляется государственное регулирование цен – не только их административное регламентирование, но и товарные интервенции, серьезные вложения в биржевую инфраструктуру и т.п.

Однако все перечисленные и многие другие особенности китайского хозяйства и управления им вряд ли стоит представлять в виде модели, которую можно легко перенести на почву других развивающихся или переходных стран. Большинству из них, например, просто не хватает масштаба для становления полноотраслевой национальной промышленности и емкого рынка средств производства (отсюда и многочисленные проекты региональной интеграции в современном мире).

Можно, разумеется, расширить сферу противоречий между китайским путем реформ и западной ортодоксией на политико-идеологическую область, обозначив современный Китай в качестве чуждого Западу авторитарного устройства, неудобоваримого государственного капитализма и т.п.⁴¹⁰ Тогда Пекинский консенсус (в силу его успешности) начинает выглядеть еще и удобным инструментом критики западного мира, оказавшегося в последние годы в полосе серьезных кризисов. Однако такая критика не всегда будет конструктивной. Более того, существует опасность, что ею станут прикрывать авторитаризм *per se* – при, добавим, нежелании всерьез воспринять уроки китайского опыта. Он же во многом является сугубо индивидуальным, сборным, содержащим контрастные региональные решения и т.п.⁴¹¹ Его действительное содержание носит принципиально *антимодельный* (мультимодельный) характер, возводя на первое место рационально-практический, конкретный и неторопливый подход к делу, не исключающий, разумеется, заимствования, да и прямого копирования полезных западных образцов в экономике и политике.

⁴⁰⁷ Дж. Стиглиц характеризует эту политику еще и как «экспорт кризисов».

⁴⁰⁸ Хорошо известно высказывание Дэн Сяопина в адрес западных лидеров (1985): «У этих людей на плечах головы старых колониалистов и они хотят нашей смерти».

⁴⁰⁹ Ван Цзикуань. Предисловие к монографии Лу Линьшу: Вай сяньсин цзинцзи юй Чжунго цзинцзи фачжань (Открытые экономики и развитие хозяйства Китая). Пекин, 1988. С. V.

⁴¹⁰ Такого рода оценки игнорируют два важных момента: мирную политическую эволюцию всех без исключения экономически успешных стран Восточной Азии, во-первых, а также растущую открытость (демократизм) современного Китая и действительную коллегиальность руководства в этой стране, во-вторых.

⁴¹¹ В известном смысле «китайскую модель» можно представить даже как существенно различающиеся модели развития отдельных провинций или макрорегионов (Восток, центральные провинции, Запад). Такие контрасты – не редкость в крупных странах, например, в Индии весьма различны социально-экономические модели штатов Гуджарат и Керала. Но не обойтись и без понимания более значимой (и возрастающей в последние полтора десятилетия) роли центра в Китае по сравнению с Индией.

Корни этого подхода можно, на наш взгляд, поискать в самих реалиях огромной страны. Квалифицируя КНР как аграрное общество, многие экономисты вкладывают в это понятие оттенок некой недостаточности этой страны, ее бедности, отсталости и т.п. Забывают о поголовной грамотности китайской деревни, ее традициях самоорганизации, уже существующей реальной выборности местных властей и даже регулярных массовых выступлениях крестьян в защиту своих прав в современном Китае.

Между тем, на наш взгляд, один из секретов успехов Пекина заключается как раз в исконном – крестьянском, глубоко утилитарном, взгляде⁴¹² – на экономическое развитие как процесс, нуждающийся в планировании и расчете, последовательности⁴¹³, относительной стабильности цен, коллективном подходе к решению крупных проблем, в том числе предупреждению катастроф и борьбе с их последствиями.

Не стоит сбрасывать со счетов и универсализм крестьянского взгляда на мир – в противоположность (дополнение) к узкопрофессиональному – городскому. Не забудем привычку к разумному ограничению трудовых затрат и потребностей⁴¹⁴ – то, что в конфуцианском мире называют «сяокан». С сохранением этого взгляда, возможно, следует связывать и успехи, и будущий вклад Китая в действительное благоустройство планеты – не только как промышленного, постиндустриального и агропромышленного, а как рационально-экономного и потому еще и экологичного мира.

Отчасти в этом пункте как раз и заключен, на наш взгляд, действительный узел противоречий между Пекином и Западом. Заземленный на практику «коммунистический Китай» выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его глобальными претензиями. Лицемерной клоунадой выглядят, например, бомбардировки Ливии, едва покинутой китайской китайскими строителями, с последующим обращением «гуманных» европейских лидеров к Пекину с просьбами дать займы. Противоречат духу глобализации и здравому смыслу многочисленные ограничения на инвестиции китайских компаний в экономику развитых стран. Странными выглядят обвинения Пекина в проведении «колониальной» политики в Африке и т.п.

Парадокс нынешнего исторического момента еще и в том, что, если на Западе сложившуюся экономическую систему все чаще атакуют слева, то Китай практическими действиями «критикует» Запад – покупкой (непокупкой) или продажей госдолгов развитых стран, апелляциями к нормам ВТО и т.п.

Имеющиеся успехи – не гарантия их повторения в будущем. Мы далеки от того, чтобы не видеть всей остроты проблем, стоящих перед Пекином – в том числе в социальной области, куда более требовательным становится и китайское общество. Как и везде, здесь кипят страсти по поводу неравномерности

⁴¹² Уместно напомнить, что вернувшиеся во второй половине 1970-х годов из ссылки в деревню (сясян) горожане (и многие руководящие кадры) сыграли важную внутривнутриполитическую роль в повороте страны к реформам. Упомянем и тот факт, что из 25 членов политбюро ЦК КПК, избранных на XVIII съезде (2012), одиннадцать имели в жизни опыт «сясян».

⁴¹³ В китайском опыте привлекает еще и последовательное перенесение центра тяжести с сельского хозяйства на промышленность и лишь затем – на сферу услуг. Между тем в начале-середине нулевых годов многие аналитики не вполне, как выясняется, обоснованно полагали, что «индустриально-облегченная» Индия, раньше других приобщившаяся к постиндустриальным технологиям, имеет немалые преимущества перед Китаем. См., например: *Economic reform in China and India: Development experience in a comparative perspective*. Joseph C. H. Chai, Kartik C. Roy. Northampton, MA: Edward Elgar, 2006.

⁴¹⁴ Здесь вполне уместно вспомнить и о двух типах экономического поведения у Н. Д. Кондратьева: максимизации результата и экономии затрат.

распределения доходов, коррупции и т.п. Упомянутая выше задача расширения внутреннего рынка и спроса, помимо дальнейшего развития инфраструктуры, потребует очень энергичного и масштабного маневра, напоминающего «великое сжатие»⁴¹⁵ в США. К такому маневру Пекин довольно жестко вынуждают и внутренние социально-политические причины, и подчеркнуто государственный взгляд на мир, и уже приобретенные статусные характеристики (но это совсем не означает, что маневр будет удачным).

«Китайская антимодель» – это не учебник по социально-экономическому развитию. Это всего лишь ясно вытекающий из опыта огромной страны имплицитный призыв к творческому подходу к любым теориям и учету национальной специфики, местных условий.

Где-то есть условия для становления высокотехнологичных *укладов* (но не обществ!) или их *сегментов*⁴¹⁶, где-то на повестке дня аграрные реформы, где-то – начальная или повторная индустриализация⁴¹⁷. Где-то стоит либерализовать экономику, где-то пойти по пути приватизации. Где-то, наоборот, не обойтись без национализаций, государственного планирования и государственного капитализма, исторически, кстати, одинаково свойственного Гоминьдану и КПК. Китай же просто освобождает своим примером пространство для эволюционного возвращения к большему разнообразию проектов и инструментов – из сегодняшней лихорадки танцев за доверие «глобальных» инвесторов и высокие оценки рейтинговых агентств (которыми в КНР тоже не пренебрегают). При этом государственный капитализм (если говорить о политическом модусе китайского государства), рыночный социализм или смешанная экономика (если иметь в виду политэкономический базис страны) – вещи, достаточно хорошо известные из опыта многих стран⁴¹⁸.

Все же особо отметим одну из черт китайского опыта, имеющую прямую связь с традицией опоры на собственные силы и явное антимodelное содержание. Это – очевидное нежелание Пекина полностью интегрироваться в международную финансовую систему в качестве ее рядового участника. Китай фактически постепенно строит собственную финансовую систему с глобальным прицелом и многофункциональным треугольником Шанхай – Гонконг – Шэньчжэнь. Интернационализация юаня по своей сути – альтернатива преждевременной полной конвертируемости национальной валюты – как одной из стандартных процедур фиксации зависимости положения слабых стран в мировой экономике. Незадачливые адепты этой схемы, как правило, теряют контроль над национальным капиталом и рано или поздно становятся жертвами политики экспорта кризисов и сомнительных финансовых продуктов.

Китай же, добравшись в середине нулевых годов до стадии капиталодостаточности, уже стал крупнейшим мировым кредитором (если иметь в виду резервы), а в 2012 г. – еще и третьим экспортером прямых инвестиций.

⁴¹⁵ Этим выражением П. Кругман характеризует резкое усиление равномерности в распределении доходов в США в 1940-1950-е годы в результате воплощения идеологии «нового курса». К такому маневру в США наших дней призывают и другие американские экономисты-либералы.

⁴¹⁶ Об очень скромном вкладе высоких технологий в ВВП и занятость даже в США не раз писал П. Кругман. «Цифры о новых рабочих местах в США, – отмечал в сентябре 2011 г. П. Робертс, – не имеют ничего общего с пропагандой о новой экономике».

⁴¹⁷ «У США тоже есть промышленная политика – поддержка финансовой индустрии, которая якобы эффективно распределяет капиталы в наиболее перспективные сектора экономики. В реальности, как мы знаем, все это обернулось лишь раздуванием пузырей на финансовых рынках и в сфере недвижимости», – пишет А. Херш, экономист Центра американского прогресса. По его мнению, Штатам нужна полноценная реиндустриализация.

⁴¹⁸ В наши дни гонконгский аналитик отмечает, что Китаю нужно и больше капитализма (имея в виду эффективность инвестиций), и больше социализма – ввиду отставания социальной сферы.

На растущий торговый и технологический протекционизм Запада Пекин отвечает контролем над притоком капитала (и ссудного, и предпринимательского, который на внутреннем рынке уже тесним частником⁴¹⁹), а также продолжающимся регулированием курса и режима конвертации валюты. Он вполне сознательно затягивает дальнейшее усиление позиций на международных финансовых рынках – в пользу той же внешнеэкономической независимости и по причине растущей достаточности собственного капитала.

Тем временем на просторы мировой экономики вслед за линкорами госкорпораций⁴²⁰ и суверенных фондов начинает выдвигаться флотилия китайского частного капитала, традиционно опирающегося еще и на богатеющую зарубежную диаспору. Над интересами глобальной экономической аристократии нависает грозная тень всеядного китайского предпринимателя.

Вызов или предложение? В ответ на вызовы глобализации КНР за последние три десятка лет создала конкурентоспособную промышленную систему и прочные финансы. В наши дни продолжается обрастание этого комплекса зарубежными активами и интенсивная консолидация внутреннего рынка Китая. Он все чаще оказывают решающее воздействие не только на движение товарных цен на отдельных мировых рынках, но и саму структуру глобального хозяйства – прочно привязывая к экономике КНР крупные сегменты хозяйств стран-партнеров. Притяжение Китая особенно остро чувствуется в сопредельных странах, где его воспринимают и как угрозу, и как возможности.

Но фактически, как отмечает И. С. Целищев, Китай уже стал экономическим интегратором Восточной Азии, «делясь» с соседями высокими темпами экономического роста и нисколько не претендуя на их гибкий экономический суверенитет⁴²¹.

Уточним И.С. Целищева лишь в одном пункте – о роли государства в экономике Китая. Дело в том, что эта роль в Китае с середины 1990-х годов не только модифицируется, но и усиливается: если учитывать финансовую роль центра, мощь (в том числе зарубежные активы) государственных корпораций, долю бюджета в ВВП, активную кредитную политику, инвестицию в науку и т.д. Не исключено, что это – объективная закономерность хода реформ: логика экономического развития на определенном этапе требует от государства не только защиты результатов рыночных реформ, но и вложений в инфраструктуру и усиления перераспределения – для повышения емкости рынка.

Такая стадия реформ, по-видимому, связана с тем, что основным ограничителем роста становится уже не дефицит капитала, а платежеспособный спрос (в Европе схожий этап приходится на рубеж 1950-1960-х годов). Стоит напомнить, что в период 1950-1960-х годов в Европе и Японии господствовали национальные межотраслевые концерны (похожие на нынешние корпорации Китая),

⁴¹⁹ Что не остается незамеченным в остальном мире. Так, из 149 мер инвестиционной политики, проведенных в 2010 г. в 74 странах и проанализированных в докладе ЮНКТАД (World Investment Report 2011), почти треть пришлась на новые ограничения и регламентации, тогда как десять лет назад их доля составляла всего 2%.

⁴²⁰ Заметим, кстати, тот факт, что число и активность государственных ТНК в целом по миру после кризиса 2008-2009 годов существенно возросли. По данным ЮНКТАД, в 2012 г. их численность достигла 845 против 650 в 2010 году. Суммарные же прямые инвестиции государственных корпораций увеличились в 2012 г. до 145 млрд. долл. (примерно 11% всего их потока). В АТР, представленном в основном развивающимися странами, значение государственных ТНК еще выше. См.: World investment report 2013... Geneva. 2013.

⁴²¹ Целищев И. С. Указ. соч. С. 96.

а государство активно регулировало рынок. Именно тогда в европейских странах сложились социально-ориентированные государства, склонные, помимо прочего, к конструктивному сотрудничеству с развивающимся миром и содействию ему в развитии – в том числе для расширения своих будущих рынков сбыта. Зародившиеся тогда и оформленные в 1970-е годы в документах ООН идеи НМЭП до сих пор даже терминологически остаются важной частью официальной внешнеполитической и мирохозяйственной доктрины Китая. И одно из ее недвусмысленных предложений миру – возвращение к тем, возможно, не худшим в истории XX века, временам.

Такое возвращение означало бы частичное восстановление экономических суверенитетов государств, изрядно пострадавших за десятилетия глобализации. И, укрепившись, подобный тренд, помимо прочего, мог бы сообщить мировому хозяйству дополнительный ресурс устойчивости и антикризисный потенциал.

Хозяйство КНР выглядит в настоящее время как нечто особое, сопоставимое и одновременно обособленное от других центров образования. Возможно, такая обособленность Китая (особенно в финансовой сфере) фиксирует и достижение глобализацией некоего предела в своем развитии, во всяком случае, по линии «центр – периферия». Сохранение же относительно высоких темпов роста в азиатских странах в период 2008-2012 годов показало, помимо прочего, то, что современная эконометрика преувеличивает вклад экспорта в экономический рост (а заодно и выгоды от либерализации внешней торговли). Несмотря на тесное переплетение национальных хозяйств в результате глобализации, экономически крупные государства демонстрируют достаточно высокий уровень автономности, способность сохранять и даже повышать темпы роста при вялой динамике в развитых странах.

Опережающее развитие сферы услуг (многие виды которых теснее привязаны к национальной культуре и языку, чем стандартное промышленное производство), ставшее теперь реальностью и в Китае⁴²², усиливает фрагментацию мирового хозяйства⁴²³, его полицентризм, и, опять-таки, стремление к национальному обособлению.

Начавшаяся реиндустриализация в США и призывы к инсорсингу или решорингу (а фактически – к «древнему» замещению импорта) в других развитых странах – еще и дань вызову в промышленном развитии со стороны Китая и Восточной Азии. Иначе говоря, и здесь заметна тенденция к фрагментации мировой экономики, подтверждающая движение планеты к полицентричному устройству, во-первых, и некоторой деглобализации (в том числе за счет регионализации), во-вторых⁴²⁴.

Основное противоречие, выявившееся в ходе глобализации, можно сформулировать как сущностное различие между продолжением модернизации,

⁴²² Тенденция к сервисизации экономики для развивающихся стран в определенном смысле выгодна. Многие виды труда в сфере услуг механизировать и автоматизировать невозможно. Так как производительность труда здесь ниже, чем в промышленности, увеличение числа занятых в секторе услуг для развитых стран означает общее снижение квалификации работников и нередко стагнацию доходов. Наоборот, для населения развивающихся государств занятость в сфере услуг – существенный шаг вперед по сравнению с работой в низкопроизводительном сельском хозяйстве или неформальном секторе.

⁴²³ Симптоматично, что отношение международной торговли услугами (экспорт плюс импорт) к ВВП в 2008-2012 гг. снизилось в КНР с 7,2 до 5,8%, в Индии – с 15,8 до 14%, Японии – с 6,6 до 5,3%, Индонезии – с 8,9 до 6,6%. См.: data.worldbank.org

⁴²⁴ Явно вразрез со стандартами МВФ в части либерализации движения товаров и услуг идут, например, рекомендации развивающимся странам в докладе о торговле и развитии ЮНКТАД 2013 года. См.: <http://www.kommersant.ru/doc/2277845>.

ориентированной на внутренние цели и ресурсы, с одной стороны, и интеграцией в мировую экономику, с другой. Смещение цели и средства, чрезмерный упор на интеграцию чреват срывом модернизационного процесса. Иначе это противоречие можно представить как выбор между самостоятельным и зависимым развитием. Последнее почти неизбежно означает социальное расслоение и углубление анклавности, не оставляя государству достаточных рычагов перераспределения доходов. Усложняет ситуацию и то, что без продуманного участия в глобализации модернизация невозможна.

Критика глобализации, достигшая своего пика после азиатского валютно-финансового кризиса 1997-1998 гг., как представляется, позволила Китаю определить достаточно рациональный баланс между модернизацией, мирохозяйственной интеграцией, внутренним рынком и социальной сферой.

Значительная часть стран Азии, включая, безусловно, Китай, добились существенных результатов в независимом развитии (в том числе коллективном региональном). Это, помимо прочего, снизило роль «глобальных» институтов – МВФ, МБРР и ВТО, сделав их ареной равноправных и острых дискуссий. Повысилось значение регионального сотрудничества, в том числе в финансовой области. Соответственно, расширяются возможности выбора путей развития и для других государств, тем более что валютно-кредитная монополия Запада, а с ней и возможность диктовать стратегии развития фактически становятся достоянием прошлого.

При самом активном участии КНР происходит внешнеполитическое возрождение идей развития, в том числе в деятельности БРИКС, ШОС, региональных организаций развивающихся стран (включая АСЕАН). Критика Запада приобретает конструктивный и деловой характер.

Выясняется, что взаимодействие в мировой экономике целеустремленного современного Востока (Восточной Азии) и постепенно осознающего утрату импульсов развития Запада носит теперь куда более симметричный характер, чем три с половиной десятилетия назад. Следовательно, на повестку дня выходит вопрос о совместном поиске новых рецептов и двигателей прогресса – действительно глобальных по содержанию и приемлемых социально.

И.В.Подберезский

ЮВА КАК ПРОБЛЕМНЫЙ РЕГИОН

ЮВА в XX веке. ЮВА иногда называют «континентом, распыленным на водах». Ее всегда объединяло море, а не суша, и уже одно это затрудняет определение ее центра - хоть географического, хоть политического, хоть культурного. Здесь с давних времен встречались и взаимодействовали различные цивилизации. Ученые ЮВА утверждают, что она с незапамятных времен представляла собой «зону свободной торговли», чуть ли не своего рода «общий рынок».

Из Европы ЮВА виделась как продолжение Индии (отсюда ее прежнее наименование «Дальняя Индия»). Действительно, регион сохранил множество следов индийского влияния: тут и буддизм Таиланда, Бирмы, Лаоса и Камбоджи, и остров Бали в Индонезии как анклав индийской культуры.

В Китае Юго-Восточную Азию называли и называют Наньян, т.е. «Южные моря». Это название применялось для обозначения прилегающих к Китаю земель,

достичь которых можно было только морем. Связи Китая с ЮВА тоже уходят в глубокую древность. Культурная диффузия из Китая в незапамятные времена оформилась в некие торговые маршруты, которые стали также маршрутами передачи культуры. Из Наньяна слали в Срединную империю дары и сами получали их из Поднебесной, и это традиционное для тех времен взаимное одаривание в Китае воспринималось как выплата ему дани и признание его сюзеренитета. Однако в самой ЮВА на это смотрели и смотрят иначе.

В VII-VIII вв. в ЮВА появился ислам. Существенно, что сюда его принесли торговцы, а не завоеватели. Если на запад до Испании и на восток до Индии ислам принесли воины, то в ЮВА – персидские, арабские и другие купцы из мусульманских стран. Сейчас Индонезия является самой большой по численности мусульманской страной (около 240 млн. человек) и активно стремится поднять свою роль в мировой умме. Малайзия и Бруней тоже являются мусульманскими странами. В некоторых других странах ЮВА существует влиятельные мусульманские меньшинства.

В Новое время все страны ЮВА за исключением Таиланда подверглись колониальному завоеванию. Причем здесь побывали практически все колониальные державы: Испания, Португалия, Англия, Франция, Голландия, а США около полувека владели здесь Филиппинами. Нигде вне самого Запада нельзя найти такого разнообразия его представителей, оказавших существенное влияние на все стороны жизни региона. Так, испанцы христианизировали Филиппины, которые доныне остаются преимущественно католическими. Немало католиков и в странах некогда французского Индокитая.

Колониализм расчленил ЮВА: связь со своей метрополией для каждой страны ЮВА была важнее, чем связь с соседями по региону. Но после войны на Тихом океане (тяготы которой познали почти все страны региона) и краха колониальной системы перед всеми странами встали сходные вызовы, и они осознали свою общность, сказывающуюся в сходстве стремлений, симпатий и идиосинкразий.

И все же при таком географическом, историческом и культурном разнообразии, при нехватке общего для всех исторического опыта, трудно было рассматривать регион как единое целое. Только во время Второй мировой войны в международно-политическом обиходе закрепился термин «Юго-Восточная Азия»: первоначально им обозначался театр военных действий вооруженных сил под командованием лорда Маунтбаттена, имевшего ставку в Сингапуре и возглавлявшего *South-East Asia Command*.

Разнообразно и политическое устройство стран ЮВА. Здесь были и есть монархии (Таиланд, Бруней, Малайзия), парламентские и президентские республики, зачастую имеющие мало общего с западными демократиями. Некоторые страны региона, такие как Вьетнам, Таиланд и некоторые другие имели давнюю государственность. Другие (Филиппины) получили ее от колониальных держав. Третьи представляли собой конгломерат мелких княжеств и султанатов, пока однажды не оказались в составе одного государства.

Однако при всем разнообразии политических, экономических и социальных условий, было и нечто общее, объединявшее страны региона помимо географической близости. Оно прослеживается с древнейших времен в социальной организации, но особенно в поведенческой культуре, на которую наложило отпечаток как раз длительное сосуществование разных цивилизаций и религий.

В ЮВА популярны утверждения о том, что в регионе выработан особый «юговостоазиатский способ мышления и (жизне)деятельности», *Southeastern way of thinking and doing things*. Обитатели ЮВА чрезвычайно этим гордятся. Это своего

рода «конвенции мысли и общения», включающие терпение и терпимость, открытость, неагрессивность и особый стиль общения, для которого характерно повышенное внимание к чувствам партнера, стремление ничем не задеть его. И именно эти качества элита ЮВА намерена предложить миру. Можно уловить здесь долю наивности, но такая позиция все же не лишена оснований.

Впрочем, не лишена она и естественного стремления приукрасить действительность. Было время, когда Индонезия открыто стремилась к гегемонии в регионе (эпоха *конфронтаси*). Мир знает не только мягкость и обходительность обитателей ЮВА, но и жестокости подавления коммунистического движения в той же Индонезии в 1965 г. (по разным подсчетам, убили от полумиллиона до миллиона человек), и зверства полпотовцев в Камбодже.

Осознав себя как отдельный регион в системе международных отношений и мировой экономики, ЮВА сразу же столкнулась со сложными проблемами на международной арене. В середине прошлого века мир был разделен на два противостоящих лагеря – как тогда говорили «лагерь мира и социализма» и «лагерь войны и империализма». Некоторые страны (в первую очередь контролируемая коммунистами часть бывшего французского Индокитаю) тяготели к социалистическому лагерю, ориентируясь на СССР и Китай. Причем линия противостояния двух лагерей рассекала Вьетнам на две части, тогда как, скажем, Филиппины открыто и безоговорочно были на стороне США.

Определять свое отношение к мировому противостоянию приходилось и целому ряду стран, не входивших ни в один из лагерей. В 1961 г. они основали движение неприсоединения (*Non-Aligned Movement*). Такие представители ЮВА, как Бирма и Индонезия, сыграли в этом значительную роль. Еще в 1955 г. в Индонезии прошла получившая широкий отклик Бандунгская конференция, в своем роде предвестник Движения. Конференция выступила с позиций антиколониализма и антиимпериализма, выработала 10 принципов мирного сосуществования. Популярный в советское время штамп «дух Бандунга» вполне адекватно отражал чаяния многих стран Третьего мира.

Движение неприсоединения придерживалось принципа неучастия в военных блоках в эпоху, когда США создавали военные блоки по всему миру, в том числе и в ЮВА. В 1954 г. была создана Организация договора стран Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Вместе с Австралией, Великобританией, Новой Зеландией, Пакистаном, Францией и США (не имевшими к ЮВА с точки зрения географии никакого отношения) в СЕАТО вошли Таиланд и Филиппины. В качестве «партнеров по диалогу» выступали Южная Корея и Южный Вьетнам.

Но даже те страны ЮВА, которые придерживались антикоммунистической ориентации, сознавали, что им отведена роль второстепенных игроков в политике великих держав и опасались втягивания в чужие конфликты. Вместе с тем они считали вполне реальной коммунистическую угрозу внутри региона, и с целью противостоять этой угрозе создали в 1967 г. в Бангкоке Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В рамках АСЕАН объединились Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Создание Ассоциации было прямым результатом стремления США создать антикоммунистический фронт на подступах к Индокитаю, где они же развязали жесточайшую войну.

Но в то же время одним «своим составом пятерка основателей АСЕАН подчеркивала, что хочет большей самостоятельности в определении собственных судеб. В ее программных заявлениях приоритет отдавался вопросам экономического развития, а не военного сотрудничества».⁴²⁵

⁴²⁵ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом. М.: «Наука», 2004, с. 75.

Окончание «холодной войны», а вместе с ним и окончание индокитайских войн, создало предпосылки для расширения АСЕАН (в которой еще в 1984 г. появился шестой участник – Бруней). В 1995 г. в АСЕАН вступил Вьетнам, в 1997 г. его примеру последовали Лаос и Мьянма, а в 1999 г. – Камбоджа. На сегодняшний день за рамками Ассоциации остается лишь одно государство ЮВА – Тимор-Лесте, добившийся независимости в самом начале XXI века.

Несомненно, на эти процессы большое влияние оказал распад СССР, вызвавший переоценку многих установок, которыми руководствовались страны ЮВА. В частности, существовали опасения, что в связи с исчезновением «советской угрозы» не останется оснований для сохранения американского военного присутствия в регионе, и что образовавшийся «вакуум силы» в регионе попытаются заполнить Китай и Япония.

Это побудило страны АСЕАН присоединиться к форуму Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, 1989 г.). Страны-члены Ассоциации подчеркивают, что не военное, а экономическое сотрудничество является основой существования АСЕАН, его *raison d'être*. Был выработан «План создания экономического сообщества АСЕАН», согласно которому в пределах Ассоциации отменялись или снижались таможенные пошлины.

Тем не менее, ряд экспертов усматривает в структуре и деятельности АСЕАН хронические недостатки. Едва ли не главным считается слабость механизмов принятия и исполнения решений. Таковые принимаются на основе консенсуса, в чем члены члена Ассоциации опять-таки видят проявление «юговосточноазиатского способа мышления и (жизне)деятельности».

Недоброжелатели же считают этот принцип первопричиной того, что АСЕАН не способна решать по-настоящему серьезные проблемы и является своего рода клубом, члены которого только и умеют, что говорить друг другу приятные слова. Разговоры о постепенном преобразовании АСЕАН в организацию, подобную ЕС, остаются разговорами: не предвидится ни общего парламента, ни чего-то подобного Комиссии ЕС, общего судебного органа и т.д. Ни одна из стран АСЕАН не готова поступиться хотя бы частью своего суверенитета ради создания надгосударственных органов, решения которых будут обязательны для каждой из них.

И все-таки «АСЕАНовская стилистика» – это реальность, и она привлекает многих, в том числе великие державы. Практически все они участвуют во всевозможных мероприятиях АСЕАН и связанных с нею форумах и встречах разных форматов. Такую репутацию заслужить непросто, и АСЕАН дорожит ею, всячески подчеркивая свою роль в углублении и развитии межцивилизационного взаимодействия.

Тесно сотрудничая с США и Японией, страны АСЕАН сумели использовать себе во благо рост мировой экономики, начавшийся в 70-ые годы. Со временем к диалогу с АСЕАН были приглашены и другие ведущие державы, в том числе Китай и Россия (которая с 1996 г. является полноправным партнером по диалогу Ассоциацией). Диалоговое сотрудничество поддерживается совместными комитетами и совещаниями на уровне заместителей министров иностранных дел.

Внутри самой Ассоциации остается немало нерешенных проблем и ее члены не считают безопасность региона обеспеченной. Остаются неурегулированными многие проблемы суверенитета, в том числе пограничные вопросы. Сказывается «отсутствие полномочного органа, отсюда лихорадочный обмен телефонными звонками и множество инициатив *ad hoc*, которые возникают при малейшем кризисе.

Как это ни печально, здесь нет ни интеллектуального согласия, ни институционального механизма, которые помогли бы предвидеть будущее региона».⁴²⁶

Это особенно ярко проявилось во время азиатского финансового кризиса, который зародился в июле 1997 г. в Таиланде. Слишком быстрый рост ряда экономик ЮВА вызвал массивный приток капитала, рост государственных и корпоративных долгов. В этой ситуации таиландский бат подвергся атакам международных финансовых спекулянтов, был девальвирован наполовину, а фондовый рынок Таиланда упал на три четверти. Далее кризис перекинулся на экономики Индонезии и Малайзии, а также Южной Кореи. Меньше пострадали (но тоже были задеты) экономики Филиппин, Вьетнама, Лаоса. Курсы национальных валют упали, выросли долги корпораций, многие из них обанкротились.

Не обошлось и без политических последствий. Хуже всех пришлось Индонезии, где рухнул диктаторский режим Сухарто и начался затяжной кризис, который сами индонезийцы именуют «многомерным» рухнул. В той или иной степени рост внутренней напряженности испытали тогда практически все страны АСЕАН. Но все же после некоторой и сравнительно непродолжительной растерянности они смогли предпринять ответные меры, обеспечившие финансовую стабилизацию и реструктуризацию национальных экономик, а с наступлением XXI и возобновление экономического роста.

ЮВА в XXI веке. В XXI век регион вступил, продолжая бороться с последствиями кризиса и при этом более сплоченным, чем прежде. При справедливости многих критических замечаний в адрес АСЕАН, сам факт ее существования рассматривался в странах ЮВА «как огромная ценность, отказываться от которой не желает никто».⁴²⁷

К концу XX века отчетливо обозначилось смещение центра мировой политики и экономики с берегов Атлантики на берега Тихого океана. Некогда мировая история творилась на берегах Средиземного моря (античность), а в Новое время в Европе и США. В наше время она творится, прежде всего, в странах, имеющих выход к Тихому океану. По имеющимся оценкам там уже производится до двух третей мирового ВВП.

Приветствуя наступление «века Азии», ряд тихоокеанских стран не без тревоги отмечают, что стремительный экономический подъем Китая сопровождается и ростом его политического влияния. Заговорили о необходимости создания новой экономической структуры, призванной объединить их усилия. На этом фоне США заявляют о «возвращении в Азию» – имея в виду смещение центра своей активности из Европы и с Ближнего Востока на Тихий океан.

Создается структура под названием «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП). Вслед за Чили, Новой Зеландией, Сингапуром и Брунеем, основавшими ТТП, к нему присоединяются США, а далее Австралия, Малайзия, Перу, Вьетнам, Канада и Япония. Сейчас, по утверждениям СМИ, переговоры о соглашении, которое приведет к окончательному оформлению ТТП, вступили в завешающую фазу. Если соглашение состоится, то совокупный ВВП его участников составит 40% мирового. Широко распространилось мнение, что «Партнерство» направлено против КНР как лидера азиатской интеграции. Хотя официально Китай не выступает против ТТП,

⁴²⁶ Emmerson D.K.. Defense and dialogue in Southeast Asia // Asia Times, 27.03. 2012, http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/NC27Ae03.html .

⁴²⁷ Мосяков Д. Азия интегрируется без нас – и даже без американцев // Независимая газета, 01.02.2001.

китайские эксперты открыто заявляют, что ТТП представляет собой японо-американский экономический блок с антикитайской подоплекой.

ТПП, по мнению некоторых аналитиков, призвано заменить АТЭС, что, однако встречает противодействие не только Китая. АТЭС уже зарекомендовало себя как эффективная и взаимовыгодная экономическая (и не только) организация, объединяющая страны различного государственного устройства, в том числе Россию. С точки зрения стран ЮВА, АТЭС предоставляет ей куда большую возможность для маневра, тогда как в ТПП ей может быть отведена только роль младшего партнера, не имеющего серьезного потенциала (на долю США и Японии придется около 90% ВВП ТПП).

Видимо, это нашло отражение в намерении АСЕАН сформировать Региональное экономическое партнерство, состоящее из стран Ассоциации, Китая, Индии, Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии. Что характерно, США туда не приглашают.

С конца прошлого века АСЕАН искала новых форм сотрудничества с другими организациями, чтобы сохранить достойное место в глобализирующемся мире. Был создан Региональный форум АСЕАН, занимающийся вопросами безопасности. Возникла структура под названием АСЕАН+3, куда помимо десяти стран ЮВА вошли Китай, Япония и Южная Корея – три страны, имеющие обширные экономические и торговые связи с регионом. В 1999 г. в Маниле было принято «Совместное заявление о сотрудничестве в Восточной Азии», а в 2000 г. в Сингапуре страны АСЕАН и три ее партнера высказались за создание в будущем зоны свободной торговли, путь к которой, однако, оказался непростым.

В 2005 г. было учреждено ежегодное совещание в верхах под названием Восточноазиатский саммит (ВАС), к которому с 2010 года официально присоединились США и Россия.

В период после окончания холодной войны заявил о себе так называемый «новый регионализм». Если раньше региональные объединения основывались, прежде всего, на географической близости, то теперь – на экономической взаимозависимости стран, часто расположенных далеко друг от друга. Стали возможны структуры типа АСЕАН+3 и АТЭС. Ныне в АТЭС входит 21 страна, где проживает 40,5 % населения Земли, производится 55% мирового ВВП и осуществляется 43,7 % объема мировой торговли.

Но «новый регионализм» не сводится только к экономической проблематике. Он представляет собой «корпус идей, ценностей и конкретных целей, направленных на создание, поддержание и совершенствование системы безопасности, благополучия, мира и развития в регионе».⁴²⁸ Это находит понимание в России. В своей статье, опубликованной 17.11.2005 г., президент РФ В.В. Путин писал: «В наших действиях и планах мы исходим из того, что Россия – неотъемлемая часть АТР. Этот регион – не только пространство бурного экономического роста. Здесь проявляется одно из позитивных следствий глобализации – постепенное выравнивание уровней социально-экономического развития различных регионов мира. Еще одна отличительная черта АТР – высокая динамика интеграционных процессов, которые позитивно влияют на формирование нового, более справедливого мироустройства. Для нас такой настрой на коллективный поиск решения региональных проблем важен и ценен».

В АТЭС входят четыре крупнейшие экономики мира (Китай, США, Япония, Россия), однако представлены в ней и развивающиеся страны, которым АТЭС

⁴²⁸ Ramzi Bendebka. APEC's role in 'new regionalism' // Asia Times Online, 28.08.2012, http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/NH28Ae01.html

предоставляет возможность сотрудничества и диалога с развитыми странами. Но АТЭС также – зона обостренного соперничества между великими державами, прежде всего между США и Китаем. Оно проявляется и в Северо-Восточной, и в Юго-Восточной Азии, в него активно вовлечена Япония. Однако еще острее там противостояние Китая и Японии (которую поддерживает США) из-за островов Дяоюйдао (Сенкаку), а также Китая и Тайваня.

В XXI веке перед АСЕАН встали новые проблемы, как внутреннего, так и внешнего свойства, причем последние, как и в XX веке, были главной заботой стран, входящих в Ассоциацию. К внутренним проблемам относятся возросшая угроза терроризма, рост антикитайских настроений и транснациональная преступность, в том числе киберпреступность. Кое-где (в частности, на Филиппинах) все еще действует коммунистическое подполье маоистского толка.

Из мусульманских экстремистских организаций самой активной является Джемаа Исламия. Ее цель – создать в ЮВА мусульманский халифат, куда войдут все территории региона, где издавна укоренился ислам: Малайзия, Индонезия, Бруней, Сингапур, южная часть Филиппин (Минданао и прилегающие острова), а также южные районы Таиланда. Потом этот халифат должен войти во всемирный халифат.

Исламисты устроили мощный взрыв на острове Бали в октябре 2002 г., совершили ряд террористических актов на Филиппинах. Все это побудило президента США Дж. Буша-младшего объявить ЮВА «вторым (после Ближнего и Среднего Востока – *И.П.*) фронтом борьбы с мировым терроризмом», что вызвало недоумение в АСЕАН, и скоро США отказались от преувеличения исламистской угрозы в ЮВА. Тем не менее, эта угроза вполне реальна. Тем более что исламисты же осуществляют пиратскую деятельность в регионе, которая воспринимается как угроза, требующая согласованных ответных действий АСЕАН и их союзников.

Застарелой проблемой для стран ЮВА является отношения с китайской диаспорой. Китайцы селились в ЮВА с незапамятных времен, их иммиграция усилилась в XIV-XV вв., а в XIX веке в ЮВА хлынул поток кули. Со временем в руках китайцев оказалась торговля и вся финансовая сфера. Сейчас именно китайцы и китайские метисы цементируют ЮВА экономически. В Индонезии они составляют 2,8% населения, но контролируют около 75% всего частного капитала, в Таиланде китайскому меньшинству (10% населения) принадлежит 50% частного капитала. Кроме того, существует влиятельная прослойка синотайцев (китайских метисов). Китайцы Филиппин составляют 1,5% населения, но владеют 45% всех капиталов страны. Вдобавок этнические китайцы составляют очень заметную часть квалифицированных специалистов всех областей - инженеров, врачей, управленцев.

Синофобия там распространена довольно широко, и китайские погромы случались не раз. Во время азиатского кризиса малайзийцы обвинили Сингапур в попытках использовать трудности соседей в своих интересах, а индонезийцы свалили вину за возникшие трудности на местных китайцев, и дело опять дошло до китайских погромов. Однако в ЮВА полагают, что в самый острый момент азиатского финансового кризиса именно Китай спас положение, не пойдя на девальвацию юаня, и оказал значительную финансовую помощь для стабилизации экономической ситуации.

Совместная работа по предотвращению угроз побудила страны АСЕАН предпринять ряд шагов, имеющих целью продемонстрировать себе и миру возросшее единение Ассоциации. В 2007 г. был принят Устав АСЕАН, в котором провозглашалась цель постепенного продвижения к созданию более тесного союза.

Был принят девиз Ассоциации («Одно видение, одна идентичность, одно сообщество»), утверждены флаг (на нем десять снопов риса) и гимн.

Как уже говорилось, внешние факторы по-прежнему играют более важную роль в сохранении АСЕАН, чем внутренние. Страны-участницы отчетливо понимают, что вместе они могут заставить считаться с ними таких крупных игроков, как США, как Китай и Япония, соперничество которых во многом определяет ситуацию не только в АТР, но и во всем мире. И в то же время они подозревают, что кто-нибудь из них может пойти на сговор с великими державами в одиночку, чтобы получить больше выгод за счет партнеров по Ассоциации, а потому внимательно следят за действиями друг друга. И бывает, что такие подозрения находят подтверждение.

За полвека, истекшие после создания АСЕАН, в мире и в регионе произошли колоссальные изменения. Утратило смысл деление на первый и второй мир, Вьетнам объединился и вошел в Движение неприсоединения, Россия ушла из Камраня. «Дух Бандунга» несколько выветрился, но ЮВА остается зоной напряженности, хотя теперь другие игроки противостоят здесь друг другу. Если раньше Ассоциация, считала, что угрозу для стран-участниц представляли Россия, Китай и Северный Вьетнам (причем во Вьетнаме шла полномасштабная война), то теперь, по мнению некоторых аналитиков и самих членов АСЕАН, ЮВА становится зоной противостояния между двумя сверхдержавами – США и растущим в экономическом и военном отношении Китаем. Заинтересованность в ЮВА сохраняет Япония, ибо через проливы проходят пути снабжения Японии нефтью. Отношения с ней омрачает память о японской оккупации некоторых стран ЮВА во время войны на Тихом океане, а память у народов этого региона долгая.

Традиционный китайский взгляд на Наньян как на собрание неблагодарных младших родственников, получивших все блага цивилизации от Китая, но не испытывающих достаточного почтения к Срединной империи, во многом сохранился и в наши дни, хотя и не выпячивается. Наоборот – Китай старается представить себя как подлинный защитник интересов стран Ассоциации, что находит отклик в некоторых из них, прежде всего в Камбодже, Лаосе и Бирме.

Надежды некоторых американских политиков и аналитиков на то, что вовлечение Китая в сферу мировой экономики, предоставление ему значительной доли и в мировом производстве, и мировой торговле неизбежно приведет к эволюции Китая в сторону либеральной демократии, не оправдались. Изменения в Китае после Мао Цзэдуна действительно велики, прежде всего, в экономике. Но и в ней, и особенно в политической сфере они осуществляются не путем демократических процедур западного типа, а по проверенным веками и даже тысячелетиями рецептам закулисной борьбы. А соперничество с США только обострилось, в том числе и в ЮВА.

Китай остается чрезвычайно чувствительным к своему статусу великой державы, что проявляется в его отношении к спорным территориям. Перенаселенный Китай обозначил вооруженными конфликтами чуть ли не все границы с соседними государствами, в том числе с Россией. «Земля – это власть», – гласит китайская стратагема, и нынешние властители Китая придерживаются ее неукоснительно, в том числе в ЮВА.

Во времена холодной войны КНР поддерживала коммунистические повстанческие движения в регионе, сейчас упор делается на экономические и дипломатические рычаги. КНР поддерживает авторитарный режим в Мьянме, где Китай строит стратегические дороги, ведущие от границы с КНР к портам на юге страны, речь идет и о строительстве в будущем нефтепроводов. В этом усматривают подготовку к возможному блокированию Малаккского пролива в случае

крупного вооруженного конфликта в Южно-Китайском море, через который идет нефть в Китай, Японию и Южную Корею. Тогда нефть и газ можно будет пустить в Западный Китай по этому маршруту.

Китай открыто выражает свои претензии на спорные территории в Южно-Китайском море. Правда, еще в 2002 г. была принята "Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море", которую тогда же называли «пустой» и о которой никто не вспоминал во время последовавших обострений. Китай открыто заявил о своих претензиях на всю акваторию Южно-Китайского моря. Другие страны ЮВА столь же открыто заявили о том, что многие расположенные там острова и рифы принадлежат им. Имеются в виду острова Спратли, Парасельские и прилегающие к ним рифы и шельфы. По мнению ряда экспертов, там есть запасы углеводородов, сопоставимые с запасами Катара.

Эти территории считают своими также Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней, отдельно претендует на них Тайвань. Претензии Китая иногда обозначаются термином «U-образная линия» или «девятипунктирная линия». Дело в том, что еще в 1948 г., до прихода коммунистов к власти, была опубликована карта Китая, на которой пунктирной линией, состоящей из девяти штрихов, была обозначена «зона суверенитета Китая в Южно-Китайском море», имеющая форму латинской буквы U. В 2009 г. представители КНР включили эту карту в свою ноту, направленную в комиссию ООН по границам континентального шельфа, что вызвало протесты некоторых стран АСЕАН. Для протестов были серьезные юридические основания: в 1948 г. еще не действовала Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS, United Nations Convention on the Law of the Sea), она была принята только в 1994 г. и ратифицирована 161 государством. U-образная линия включала четыре спорные территории: Парасельские острова на северо-западе, на которые также претендует Вьетнам; отмель Скарборо на севере, на которую также претендуют Филиппины; острова Спратли на юге, на которые претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней (в некоторых случаях они выступают друг против друга). На основании Конвенции от 1994 г. суверенные владельцы этих территорий получают право на 200-мильную эксклюзивную экономическую зону, что объясняет остроту проблемы.

Начиная с 90-х гг. Китай все чаще и все резче предъявлял свои претензии, а в первом десятилетии XXI века начались открытые столкновения на грани применения военной силы. Патрульные суда КНР препятствуют рыболовству Филиппин и Вьетнама, мешают работам вьетнамских исследовательских судов, вытесняют филиппинские и вьетнамские суда из спорных территорий в Южно-Китайском море. КНР выразила протест по поводу проводимых Вьетнамом и Индией геологоразведочных работ. Из провинции Хайнань в спорные воды регулярно отправляются китайские рыболовные флотилии. Случалось, что военные суда Китая и Филиппин наводили пушки друг на друга (был случай, когда китайский фрегат сел на мель в спорных водах, и его окружили филиппинские военные суда). Манила установила радарные станции на островах Спратли, которые она считает своими (филиппинцы именуют их «Калайаан», что означает «свобода»).

Резкое обострение ситуации в Южно-Китайском море вызвало повышение китайцами статуса поселения Саньша на Парасельских островах. Его объявили городом, разместили там военный гарнизон. В границы нового муниципального образования включены и другие спорные острова. Китайским сторожевым судам с 2013 г. будет предоставлено право досматривать суда, оказавшиеся в водах, которые Китай считает своими. Растет морская мощь Китая – прежде всего в Северо-Восточной Азии (там дислоцируется первый китайский авианосец, перестроенный из советского корабля «Варяг»), но и в Юго-Восточной тоже.

Все это вызывает тревогу в странах ЮВА, прежде всего тех, кто претендует на спорные территории. Здесь жесткостью своих позиций выделяются Вьетнам и Филиппины, которые считают своими не только острова Спратли, но и рифы и мели к северу от них, вплотную примыкающие к Китаю. При этом Вьетнам включает в свою территорию и Парасельские острова, лежащие между Вьетнамом и островом Хайнань, которые были захвачены китайцами в 1974 у ослабевшего сайгонского режима. Вьетнам и Филиппины довольно демонстративно укрепили свои связи с Японией и Индией, традиционными соперниками Китая в регионе. Кроме того, Вьетнам в 2009 г. представил в комиссию ООН по границам континентального шельфа свои претензии на острова и рифы в Южно-Китайском море. Филиппины же озабочены своими правами на богатую рыбой отмель Скарборо, где дело чуть не дошло до военного столкновения. А Филиппины в августе 2011 г. предложили Китаю передать вопрос о спорных территориях в Южно-Китайском море на рассмотрение Международного трибунала по морскому праву, на что Китай не согласился.

Венцом всех этих действий стало переименование президентом Филиппин Б.Акино своим указом от 5.09.2012 Южно-Китайского моря в Западно-Филиппинское, которое так и именуется теперь на всех филиппинских картах. Он даже попытался найти понимание этого шага со стороны Китая и добивался встречи с Ху Цзиньтао во время саммита АТЭС во Владивостоке, но тот уклонился от встречи.

Китай сочетает резкие шаги с «экономическим пряником», что особенно ярко проявилось во время азиатского кризиса, когда некоторые страны АСЕАН получили значительные кредиты от КНР на льготных условиях. В этой связи начинают рассуждать о перспективе «финляндизации ЮВА».⁴²⁹ Все это сочетается с попытками разделить страны-участницы АСЕАН по вопросу о спорных территориях: Китай явно предпочитает иметь дело с каждой из этих стран по отдельности, нежели вести переговоры с АСЕАН как целым.

В ноябре 2011 г. на Восточноазиатском саммите тогдашний премьер КНР Вэнь Цзябао заявил, что спорные вопросы должны решаться только между спорящими странами, без привлечения АСЕАН как целого, и что вмешательство «других держав» (имеются в виду, прежде всего, США – *И.П.*) совершенно недопустимо. В такой позиции некоторые страны АСЕАН усматривают попытку расчленить Ассоциацию по вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море.

И, надо сказать, иногда это удается. Четыре страны АСЕАН – Мьянма, Таиланд, Лаос и Камбоджа – явно предпочитают двусторонние переговоры с Китаем совместным действиям Ассоциации как единого целого. Две страны – Вьетнам и Филиппины – не выступают против более активного присутствия военно-морских сил США в регионе, в то время как Малайзия и Бруней проявляют гораздо больше сдержанности и предпочитают решать проблему на основе Конвенции ООН по морскому праву. Индонезия и Сингапур выступают за «асеановское решение проблемы», полагая, что можно уговорить Китай согласиться с ним. Некоторые политики в ЮВА ожидают, что смена руководства в Пекине приведет к смягчению позиции Китая в Южно-Китайском море, но произойдет ли оно – сказать с уверенностью никто не может.

Различия в позиции разных стран АСЕАН по проблемам иногда выливаются в открытые споры между ними. Международные СМИ и академические круги выделяют в этом смысле встречу министров иностранных дел стран-участниц АСЕАН в июле 2012 г. в Камбодже. Там Филиппины и Вьетнам предложили включить в заключительное коммюнике изложение своих позиций по

⁴²⁹ Brennan E. Rising Tide of Conflict in the South China Sea // Asia Times Online, 27.08.2013, <http://www.atimes.com/atimes/China/NC03Ad01.html>

территориальным спорам в Южно-Китайском море. Однако представитель Камбоджи, председательствовавший на встрече, выступил категорически против. Такое резкое расхождение во мнениях случилось впервые за почти полувековую историю АСЕАН. «Юго-Восточноазиатский способ мышления и (жизне)деятельности» дал сбой, «терпения и терпимости», о которых с гордостью говорили в Ассоциации, явно не хватило. Это было воспринято прочими странами-участницами и Ассоциацией в целом как потеря лица, сохранение которого столь важно в Азии вообще, а в Юго-Восточной Азии в особенности.

И в регионе, и во всем мире такое поведение Камбоджи было воспринято как результат колоссального давления со стороны Китая. Под угрозу было поставлено и существование зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, учрежденной еще в 2002 г., имидж Китая как благожелательного гегемона в ЮВА и общий имидж АСЕАН как успешной региональной организации. Аналитики говорят о необходимости длительного периода ликвидации последствий этого афронта.

Если Китай признаёт только двусторонние переговоры для решения споров в Южно-Китайском море, то США придерживаются прямо противоположных взглядов. Они полагают, что только АСЕАН как целое может противостоять растущему натиску со стороны КНР. США открыто претендуют на доминирующее положение в регионе и подкрепляют свои претензии военной силой. По мере роста экономической мощи Китая, сопровождающегося и ростом его военного потенциала, США увеличивают свое присутствие, в том числе военное, в регионе ЮВА, что естественно, вызывало и вызывает резко негативную реакцию КНР. Она усилилась после того, как Обама в ноябре 2011 г., выступая в австралийском парламенте, заявил: «Соединенные Штаты приняли продуманное стратегическое решение играть более важную и долговременную роль как тихоокеанская нация в формировании региона и его будущего».⁴³⁰

Для США, как и для Китая, Северо-Восточная Азия, имеет большее значение, чем Юго-Восточная, но и она не забыта в военных планах обеих сверхдержав. В рамках осуществления этого решения США создали военную базу в Дарвине, что вместе с 30 тыс. военнослужащих в Японии, 28 тыс. в Южной Корее и 38 тыс. на Гавайских островах образует полукольцо вокруг Китая. КНР объясняет ужесточение своей позиции по спорным территориям в Южно-Китайском море как раз этим обстоятельством, и объявила их зоной «жизненно важных интересов Китая». Раньше эта формула применялась исключительно для характеристики позиции Китая по Тайваню и Тибету.

Пока США предпочитают действовать «мягкой силой» и всячески ратуют за «свободу мореплавания в Южно-Китайском море». В то же время они оживили свои военные связи с Филиппинами, с которых вынуждены были уйти в 1991 под давлением мощного антиамериканского движения в этой стране. Сосредоточенный в ЮВА военный потенциал США говорит о том, что они готовятся к вероятному ухудшению ситуации и даже возможному военному столкновению.

И политика КНР, и политика США вызывают глубокую озабоченность в странах ЮВА. Их не устраивает ни перспектива доминирования в регионе Китая, ни стремление США насадить капитализм западного типа с гипертрофированной (по их мнению) ролью рынка при ослаблении значения государства. Там еще с середины прошлого века в ходу присловье «дерутся слоны или любят друг друга, все равно они топчут нас». Тот факт, что судьба региона не в руках стран, его образующих, воспринимается в странах ЮВА весьма болезненно и на уровне элит, и в более широких слоях населения.

⁴³⁰ Цит. по: Brennan E. Rising Tide of Conflict in the South China Sea...

Правящие круги в странах АСЕАН считают, что Ассоциация не столько жертва собственной слабости, сколько заложница нового глобального порядка, в котором решающие роли играют США и Китай. Они полагают, что присутствие других великих держав в регионе им стратегически выгодно, так как может дать им большие возможности для маневра. Они не возражают против присутствия в регионе Индии и Японит. Но если Япония все же больше внимания уделяет Северо-Восточной Азии, то Индия проявляет достаточную заинтересованность в сотрудничестве с ЮВА.

Решающее значение тут имеют ее отношения с Китаем. В последнее время они вроде бы улучшаются, но при этом с обеих сторон подспудно ощущаются и неутрачивающие опасения по поводу их будущего. Положение ЮВА между двумя этими гигантами с древнейших времен влияло на ситуацию в регионе, и после краха колониальной системы оно вновь играет определяющую роль.

О претензиях Китая на роль гегемона говорилось выше. Индия не высказывает таких притязаний, но возможный гегемонизм Китая в Юго-Восточной Азии явно ее тревожит и она предпринимает конкретные действия по укреплению своих позиций в ЮВА. Тут можно отметить тесное сотрудничество вьетнамских и индийских компаний по геологоразведке как раз в спорных секторах Южно-Китайского моря, что уже приводило к инцидентам с участием индийских судов. Однако главное здесь – усиление индийских военно-морских сил на северо-западных подступах к Малаккскому проливу, через который осуществляется 90 % перевозок (в первую очередь нефти) в Восточную Азию.

Под предлогом борьбы с пиратством в районе Малаккского пролива в Индии (точнее – на Андаманских островах) создано Дальневосточное военно-морское командование (Far Eastern Navy Command, FENC). Однако почти все аналитики согласны с тем, что этот шаг связан со стремлением Индии обеспечить себе участие в решении будущих судебных международных морских путей вообще и в ЮВА в частности.

Что касается отношения стран АСЕАН к России, то здесь положение не простое. С одной стороны, не лишено оснований мнение, что здесь «очевидна культурная отчужденность от России, которая реально существует в представлениях о нас простых людей, и политэлит стран Восточной и Юго-Восточной Азии. При всем нашем "евразийстве" в этом регионе нам никогда не стать стопроцентно "своими", здесь мы в любом случае будем ощущать определенный "азиатский расизм"».⁴³¹ Но, с другой стороны, практически все страны-участницы АСЕАН убеждены, что присутствие большего числа великих держав в регионе выгодно для Ассоциации, и в целом ее члены отнюдь не против присутствия в регионе России.

С некоторыми из них – например, с Малайзией у России существуют ровные и добрые отношения. Но, конечно, самое тесное сотрудничество у России с Вьетнамом, где хорошо помнят военную и экономическую помощь, в свое время оказанную Советским Союзом этой стране. Успешное экономическое сотрудничество осуществлялось и после распада СССР, особенно в сфере нефтедобычи. Как говорят, здесь у России есть «огромный резервуар благожелательности» и она всегда может рассчитывать на понимание со стороны Вьетнама (хотя, скажем, отношение к вьетнамским мигрантам, приезжающим в Россию, не всегда способствует сохранению добрых отношений между нашими странами).

В июле 2012 г. президент Вьетнама Чыонг Тан Шанг во время визита в Москву заявил о готовности предоставить российской стороне порт Камрань для создания пункта материально-технического обеспечения, и о намерении укреплять в будущем

⁴³¹ Мосяков Д. Восточная Азия интегрируется без нас...

военное сотрудничество между двумя странами. Это не встретило возражений со стороны других стран-участниц АСЕАН, которые, как уже говорилось, приветствуют увеличение числа «крупных игроков» в ЮВА.

В последней редакции Концепции внешней политики Российской Федерации сказано: «Россия рассматривает механизм восточноазиатских саммитов как основную площадку для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия на данном направлении будут подкрепляться активностью в других форматах – форуме «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», диалог Россия – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Региональном форуме АСЕАН безопасности, форуме «Азия- Европа», совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Совещании министров обороны стран АСЕАН с аналогичными партнерами, форум «Диалог по сотрудничеству в Азии».⁴³²

Заявления такого рода встречают благожелательный отклик в ЮВА, и здесь намечаются неплохие перспективы для сотрудничества. Определенный оптимизм вызывает намерение России развивать восточные территории: Сибирь и Дальний Восток. В первую очередь это касается стран Северо-Восточной Азии, предполагается, что они примут участие в этом развитии, и они же получат наибольшую выгоду. Однако и Юго-Восточная Азия заинтересована в экономическом сотрудничестве с Россией. Использование российской транспортной системы для связи Европы и Азии выгодно и ЮВА, так как значительно сокращает пути прохождения товаров, а строительство завода по сжижению природного газа во Владивостоке открывает перспективы для поставок по разумным ценам столь нужного экономика региона топлива из России. Неплохие перспективы откроются при реализации проектов по добыче углеводородов на шельфе Сахалина и с эксплуатацией нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».

Перспективы АСЕАН нельзя назвать слишком радужными, но в принципе страны-участницы Ассоциации могут смотреть в будущее довольно уверенно. Однако главные факторы, влияющие на судьбы региона и политику входящих в него стран, находятся все-таки вне его. Основной проблемой остается противостояние США и Китая – ничто не указывает, что в ближайшем будущем здесь возможно смягчение. Элиты, властвующие сегодня в ЮВА, рассчитывают, что до крайностей дело не дойдет. Они полагают, что для Китая важнее ситуация в Северо-Восточной Азии, территориальные споры с Японией (острова Дяоюйдао) и проблема Тайваня, и только потом дело может дойти (но не хотелось, чтобы дошло) до столкновения в Южно-Китайском море.

Сходного мнения придерживаются многие аналитики, в том числе в России. «...мы предполагаем повышение влияния в мире так называемой мягкой силы над силой военной, что, в свою очередь, позволяет предположить – вероятность какого-то глобального военного столкновения будет минимальной. Снижению такой угрозы, в частности, может способствовать тренд взаимодействия Китая и России в области международной безопасности. Но это не отменяет каких-то региональных всплесков конфронтации изоляционистского, националистического и иного толка».⁴³³

Как ни парадоксально, такому всплеску в Юго-Восточной Азии сейчас препятствует как раз противостояние США и Китая, ибо правящие элиты слишком заняты вопросом о том, как не оказаться между молотом и наковальней. Российские аналитики предсказывают, что уже в 2020-е гг. с кризисом столкнется Китай, тогда как западный мир, и особенно Соединенные Штаты, сделают рывок благодаря

⁴³² Концепция внешней политики Российской Федерации // НГ Дипкурьер, 04.03.2013.

⁴³³ Дынкин А. Услышать будущего зов // Независимая газета, 24.04.2012.

внедрению новых технологий. И лишь к середине века в мире в целом произойдут масштабные структурные изменения, и лидерство США может всерьез оказаться под вопросом.⁴³⁴

Если все так и будет, то странам ЮВА придется всерьез задуматься о стратегии выживания в новых условиях.

Э.Е. Лебедева

СУБСАХАРСКАЯ АФРИКА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

Более полувека назад страны Африки южнее Сахары (АЮС) получили политическую независимость. С исторической точки зрения это срок мизерный, но за такой же отрезок времени ряд азиатских стран, некоторые из которых в конце 50-х годов по уровню ВВП отставали от субсахарских государств (например, Южная Корея от Ганы) совершили колоссальный рывок в социально-экономическом развитии и превратились в новые индустриальные страны (НИС). Подобные амбициозные цели Экономическая комиссия для Африки (ЭКА) и Африканский союз (АС) поставили в начале десятих годов и перед субсахарскими государствами, будучи воодушевлены их экономическими достижениями в нулевые годы и углублением вовлеченности в глобализационные процессы. Насколько оправданы задумки экспертов ЭКА и АС, учитывая, с одной стороны, негативные (по большей части) опыт и результаты предыдущих попыток модернизации государств АЮС на пути догоняющего развития, а, с другой – разнонаправленное влияние на субсахарские государства глобализации, ускоряющейся и расширяющейся?

Глобализация и социально-экономические процессы в АЮС. В конце 2011 г. в журнале *The Economist* появилась знаковая статья под названием «Африка поднимается», которая отразила новый взгляд международных финансовых институтов и бизнес-сообществ на экономическое развитие континента, еще недавно называвшегося ими «безнадежным». Речь главным образом шла об Африке южнее Сахары. Это – 850 млн. человек и 47 государств, весьма разнородных по природно-ресурсному, демографическому и экономическому потенциалу, а также по характеру политического и социокультурного развития. И вот в 2002–2007 гг. этот, казалось бы, застойный ареал демонстрирует беспрецедентный для него экономический подъем (6,5% ВВП в год), впервые устойчиво превысивший рост населения. Несмотря на резкое падение прироста ВВП Субсахарской Африки в 2009 гг. (до 1,6%) из-за мирового финансово-экономического кризиса, в первой половине нынешнего десятилетия прогнозируется тенденция к повышению. Сегодня из пятнадцати экономически наиболее быстро развивающихся стран мира девять являются государствами АЮС. Все это свидетельствует о возрастании мирохозяйственного значения Черного континента с его высоким потенциалом природных ресурсов на Земле. Можно ожидать, что и в дальнейшем этот процесс продолжится, повысится инвестиционная привлекательность субсахарского ареала, обострится конкуренция в освоении его природных богатств и рынков между западными державами и быстрорастущими экономиками (Китай, Индия, Бразилия и др.). Появление новых источников спроса на африканскую продукцию, а также предложения инвестиций и технологий от Китая, Индии, Бразилии и других развивающихся стран уже стимулировали расширение торгового оборота, рост цен

⁴³⁴ Там же

на топливно-энергетические ресурсы и увеличение притока финансовых средств в АЮС. Отсюда – сдвиг во внешнеэкономических связях региона от стран с развитой экономикой к странам-партнерам с формирующимся рынком.

За последнее десятилетие доля экспорта из АЮС в развитые страны сократилась с 70 до 50%, а доля импорта АЮС из них уменьшилась с 60 до 40%⁴³⁵. Что касается притока финансовых ресурсов в Субсахарскую Африку, то он увеличился почти в пять раз – с 27 млрд. в 2000 г. до 126 млрд. долл. в 2010 г., и в определенной мере – в ответ на повышение эффективности государственного управления экономикой и улучшение делового климата. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) впервые в это десятилетие превысил объем официальной помощи развитию, которая выросла с 12,5 млрд. в 2000 г. до 42,3 млрд. долл. в 2009 г., достигнув 35% всей официальной помощи развивающимся странам⁴³⁶. Глобальная аудиторская компания *Ernst and Young* выдвинула следующие предположения: к 2015 г. ПИИ в экономику Черного континента достигнут 150 млрд. долл. (84 млрд. в 2010 г.), ВВП региона вырастет к 2020 г. до 2,6 трлн. долл. (1,6 трлн. в 2008 г.), а потребительские расходы к концу десятилетия повысятся на 62% и составят 1,4 трлн. долл. Наиболее привлекательными секторами для иностранных и местных инвесторов становятся сфера потребительских товаров, строительство, телекоммуникации, финансовые услуги и горно-металлургический комплекс⁴³⁷.

Важным фактором ускорения экономического роста служит и расширение внутреннего спроса, обусловленное увеличением государственных расходов на крупные инфраструктурные проекты, стимулирующих, в свою очередь, производство, особенно в сельском хозяйстве и горнодобывающей индустрии. Ряд экспертов, включая российских, констатируют такие позитивные тенденции, как ускорение развития отраслей, ориентированных на внутренний спрос, и возрастание роли реального сектора экономики в формировании ВВП. Вклад реального сектора экономики превысил, по оценке Л.Л. Фитуни, половину прироста ВВП, и это означает важнейший качественный поворот в экономическом развитии континента⁴³⁸. Прогнозируется увеличение городского населения, которое к 2020 г. составит 44,6% жителей континента (в 2000 г. – 30%). Численность жителей Лагоса в 2025 г. достигнет 15,8 млн. человек, Киншасы – 15, Луанды – 8, Дакара – 4,3 млн. человек. Такие масштабы урбанизации повлекут за собой глубокие изменения импортного спроса в сторону увеличения промышленных товаров высокой и повышенной технологичности. Так, уже в 2009 г. в экспорте стран Западной Европы в Кот-д'Ивуар товары химической промышленности составляли 20%, машиностроения – 23%, продовольствие – 20,6%, электротовары и электроника – 10%⁴³⁹.

Всемирный Банк (ВБ) и другие международные финансовые институты констатируют рост удельного веса среднего класса в населении стран АЮС – к 2010 г. до трети, причем почти 70% его состава – лица моложе 40 лет. Конечно, он не является таковым по стандартам развитых стран или даже стран с быстро развивающимися рынками. Годовой доход представителей африканского среднего класса находится в пределах 1460–7300 долл.⁴⁴⁰, и их спрос распространяется на

⁴³⁵ См.: Сайех А. Качество экономического роста // Финансы и развитие. МВФ. Декабрь 2011. С. 16–17.

⁴³⁶ См.: Фитуни Л. Л. Экономика Африки: вызовы посткризисного развития // Азия и Африка сегодня. М, 2010, № 9. С. 9; Economic Report on Africa 2012. Unleashing Africa's potential as a pole of global growth. Addis-Ababa, 2012. P. 126, 146.

⁴³⁷ См.: Africa Rising // The Economist. 03.12.2011. P. 13.

⁴³⁸ См.: Фитуни Л. Л. Указ. соч. С. 9.

⁴³⁹ См. А.Васильев, Е.Корендясов. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт. http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1858#top

⁴⁴⁰ См.: Джума К. Новый двигатель Африки // Финансы и развитие. МВФ. Декабрь 2011. С. 8.

товары длительного пользования, возведение и благоустройство жилья, транспорт и досуг.

Вышеуказанные сдвиги служат как показателями нынешнего, так и факторами дальнейшего роста экономик стран АЮС, их структурной трансформации. Доказательство тому – стабильное увеличение ВВП стран, не обладающих ни минеральными, ни топливно-энергетическими ресурсами⁴⁴¹.

Такова картина в целом. Регионы и страны АЮС демонстрируют, однако, значительные различия в экономической динамике, которые, несомненно, будут нарастать в предстоящие годы. В одних странах и регионах будет накапливаться необходимый потенциал для политико-экономического «взлета», а в других углубление политической нестабильности может обернуться соматизацией государств (при сохранении их формальной международной субъектности). Это повлечет за собой хозяйственный упадок, массовый голод во многих районах, резкое увеличение миграционных потоков, расширение масштабов теневой, главным образом криминальной, торговли. Наибольшую стабильность, экономическую и политическую состоятельность продемонстрируют, по мнению российских и зарубежных ученых, страны южного конуса континента. Именно среди этих стран появятся первые «африканские львы», пополняя когорту «азиатских тигров и драконов». По прогнозам европейских экспертов, в 2050 г. к этой черте, вероятнее всего, приблизятся 17 субсахарских стран, среди которых: Ботсвана, Буркина-Фасо, Гана, Намибия, Руанда, Танзания, Эфиопия, ЮАР⁴⁴². Однако не надо забывать, что неравномерность втягивания стран и регионов АЮС в процессы глобализации усиливает экономическую дифференциацию и социальную поляризацию не только между ними, но и внутри них. Из четырех регионов Субсахарской Африки Южный во главе с ЮАР обладает самым большим потенциалом экономического развития, но именно в нем наиболее высок разрыв в доходах.

Экономический рост субсахарских стран не конвертировался в социальное развитие и в улучшение качества человеческого капитала. И это наиболее тревожный фактор в плане возможности перехода африканских стран от нынешней ситуации «роста без развития» к устойчивому развитию. Лишь примерно десятке стран (Ботсвана, Гана, Сенегал, Камерун, Кения, Эфиопия, Гамбия и др.) удалось достичь или приблизиться к достижению показателя программы ООН «Цели развития тысячелетия» по сокращению вдвое крайней нищеты к 2015 г. Уменьшение числа крайне бедных происходит очень медленно. Они составляют 51% населения АЮС. При этом жителей субсахарских стран отличает и самый высокий индекс многомерной бедности⁴⁴³ в мире – 66%. Одновременно растет безработица, что закрывает перспективы эффективного использования мобильных трудовых ресурсов в лице выходящих на рынок труда миллионов молодых людей. Во многих странах население крайне плохо обеспечено базовыми социальными услугами.

Существуют и другие серьезные риски для субсахарских стран по мере их втягивания в глобализирующиеся мирохозяйственные и геополитические отношения. Во-первых, это традиционные риски, связанные с чрезвычайной чувствительностью экономик африканских государств, опирающихся на сырьевой сектор, к внешним шокам, но уже в условиях нарастания неопределенности в мировой экономике. Во-вторых, в долговременной перспективе схватка за Африку мировых игроков угрожает критическим истощением ее невозобновляемых

⁴⁴¹ См. Африка южнее Сахары в XXI веке: возможности и риски развития // МЭИМО, М., 2013, № 7.

⁴⁴² См. А.Васильев, Е.Корендясов. Российско-африканские отношения через десять лет: новый старт. http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=1858#top

⁴⁴³ Учитывает, помимо величины дохода, ряд других показателей качества жизни.

природных ресурсов из-за их хищнического использования, нанесением невосполнимого ущерба экологии Субсахарской Африки. С другой стороны, уже в настоящее время страны ареала из-за неспособности местной обрабатывающей промышленности конкурировать с дешевой продукцией азиатских стран на внешних и внутренних рынках могут опасаться дальнейшей деиндустриализации. Несмотря на декларации ведущих государств мира о партнерских отношениях со странами АЮС, последние по-прежнему обладают лишь формальной субъектностью в мирохозяйственных и международно-политических процессах. В-третьих, новые вызовы глобального характера – экономический, экологический и продовольственный кризисы, формирование криминально-террористических сетевых структур, «ресурсные войны» – усиливают традиционные факторы, провоцирующие политическую нестабильность в субсахарских странах, как-то: этнорегиональные и конфессиональные противоречия, слабость государственных институтов, системная коррупция, высокий уровень социального расслоения и т.п.

Стратегии развития. Активизация международных торговых, финансовых, информационных и миграционных потоков в нулевые годы стимулировала ускоренное приобщение африканцев к новым идеям, знаниям, организационным формам сотрудничества. Знакомство с успешным опытом модернизации НИС, Китая, Бразилии подталкивает африканскую политико-интеллектуальную элиту к поиску новых путей развития Африки. Палитра оценок африканскими политиками и интеллектуалами нынешнего и будущего места субсахарских стран в формирующейся полицентричной конфигурации мирового устройства весьма разнообразна – от колонизации Африки ее старыми и новыми экономическими «партнерами» – до возможности через два десятилетия встроить субсахарские государства в меняющиеся мирохозяйственные и геополитические процессы на правах их полноценных субъектов. Последняя позиция нашла отражение в амбициозной стратегии социально-экономического развития континента до 2034 г. под названием «Раскрытие африканского потенциала как полюса глобального роста», выдвинутой ЭКА совместно с Африканским союзом в 2012 г. Авторы стратегии, воодушевленные экономическими успехами африканских стран в 2002–2007 гг., берут за образец модель экспортноориентированной индустриальной модернизации, успешно реализованной – при ключевой роли государства (*developmental state*) – в НИС и Китае.

Нелишне напомнить, что после получения политической независимости многие страны АЮС, особенно социалистически ориентированные, пытались встроиться в индустриально-модернистскую модель общественной эволюции. Ставка делалась на государство, которому отводилась роль главного агента и организатора развития и социальной консолидации. До середины 70-х годов при наличии значительных финансовых ресурсов, полученных благодаря относительно благоприятной конъюнктуре на мировых рынках сырья и большого объема внешних кредитов, в субсахарских странах, где политическая нестабильность не переросла в серьезные и затяжные конфликты, были достигнуты определенные экономические успехи. Особенно были заметны достижения в становлении социальной инфраструктуры, развертывании массовой системы образования и здравоохранения. Однако наметившиеся структурные сдвиги в экономике не приобрели качественного характера. Более того, сырьевая ориентация африканских стран даже усилилась при сохранении очагового характера развития на базе одного-двух видов традиционного сырья. Такое развитие не стимулировало (или стимулировало в ограниченных пределах) модернизацию секторов хозяйства,

работающих на внутреннее потребление и поглощающих основную часть самодостаточного населения.

В этих условиях кризисные явления в мировом капиталистическом хозяйстве середины-конца 70-х гг., относительное падение спроса на африканское сырье при скачкообразном росте внешней задолженности стран АЮС и кризис платежеспособности оказало самое пагубное воздействие на экономику субсахарских государств. Намерение их правящих кругов сменить хозяйственные приоритеты с преимущественного развития экспортного сектора на стимулирование отраслей, ориентированных на внутренний спрос при опоре на собственные силы, не осуществилось. Жесточайший экономический кризис 80-х годов свидетельствовал о крахе надежд и иллюзий концепции «коллективного самообеспечения» и в целом стратегии самостоятельного развития, локомотивом которого является государство. Однако государство, взявшее на себя роль главного агента и организатора данного процесса, априори не могло справиться с поставленной задачей. Сложившиеся политико-государственные структуры являли собой непродуктивный симбиоз архаических властных установок с деформированными на местной почве ценностями и институтами – одновременно демократии и тоталитаризма. Итогом стало преобладание тенденций экономического упадка, политико-идеологического противоборства и межгосударственного противостояния, внутривластной нестабильности и ослабления социокультурных связей.

В ответ на провал этатистской модели модернизации в рамках догоняющего развития с середины 80-х годов в АЮС сформировался сугубо рыночный подход к проблеме развития/модернизации. Он означал либерализацию экономической деятельности, приватизацию госсектора, ограничение государственного вмешательства в функционирование рынка и стимулирование экспортного производства. Более 30 субсахарских стран в той или иной степени участвовали в реализации программ финансовой стабилизации и структурной адаптации (САП), разработанных и финансировавшихся МВФ и МБРР. И к концу 90-х годов наблюдалось некоторое инвестиционное оживление, расширение экспорта, в 15 государствах (57% населения АЮС) улучшилась экономическая динамика. Однако указанные позитивные сдвиги не компенсировали потерь, понесенных странами АЮС до начала 80-х годов. В итоге за 1980-1999 гг. подушевой ВВП этих стран сократился примерно на 20%, а экономический рост ускорился всего в 11 странах. В ходе рыночных реформ не произошло, на что надеялись западные либералы-ортодоксы, и становления местного подлинно предпринимательского класса и его политических организаций, способных существенно повлиять на формирование рыночной экономики и демократизацию государства. От политики приватизации более всего выиграли не предприниматели, а госбюрократия высшего звена и связанная с государством торгово-посредническая буржуазия, заинтересованные в сохранении монополии государства на власть, в том числе и экономическую.

Одновременно с экономической либерализацией происходили процессы либерализации политической, которые обозначили конец эпохи жесткого авторитаризма, становление многопартийности. Но они не привели к существенным изменениям африканского государства. Его базой осталась клиентельная практика, включая патронаж и различные формы «rent-seeking». Власть по-прежнему концентрировалась в руках президента, который и контролировал большинство клиентельных сетей. Патримониальная логика инкорпорировалась в функционирование бюрократических структур.

Насколько же реалистична, учитывая все выше сказанное, установка экспертов ЭКА и АС превратить Африку в «мастерскую мира», конкурирующую с Китаем и НИС? Новая стратегия, на наш взгляд, исходит из одностороннего линейного видения процессов мировой эволюции, снова загоняет страны АЮС в тупик догоняющего развития. Она не увязана с историческими, экономическими, социокультурными и политическими особенностями африканских обществ. Конечно, обеспечение первоочередных жизненных нужд растущего населения Субсахарской Африки, преодоление социально-экономической отсталости стран ареала невозможно без проведения аграрной реформы, индустриального развития и создания промышленной и социальной инфраструктуры. Но при этом важнейшим приоритетом модернизации должно стать достижение, во-первых, баланса между экономическим развитием и окружающей средой и, во-вторых, стабильности государства и общества при сохранении культурно-цивилизационной идентичности.

Страны АЮС нуждаются в самостоятельной оригинальной концепции/стратегии устойчивого развития, опирающейся на имеющиеся у них благоприятные предпосылки – их природно-ресурсный (энергетический, минеральный, сельскохозяйственный, земельный) и демографический потенциалы. Она должна сочетать структурные преобразования на основе диверсификации экономики, столь необходимые для обеспечения экономического роста и подъема благосостояния населения, с рациональным и продуктивным использованием ресурсного богатства. Относительное (конечно, не абсолютное) ослабление зависимости хозяйственного развития субсахарских стран от эксплуатации природных ресурсов, сокращение негативного воздействия модернизационных процессов на хрупкие экосистемы ареала, создание «зеленой экономики» – вот главные условия и императивы устойчивого экономического развития государств АЮС.

В то же время экономическая и технологическая модернизация должна опираться на модернизацию социальную. Необходимы реформы социальные, значительные инвестиции в человеческий капитал, прежде всего в здравоохранение и образование, словом – превращение бедняков в субъектов развития. В то же время, как свидетельствует опыт преобразований НИС и Китая, этого трудно добиться без учета духовных ценностей и социокультурных традиций населения. Вопрос социокультурных оснований модернизации – наиважнейший. Ведь африканская рабочая сила не похожа на рабочую силу НИС, отличавшуюся высокой трудовой этикой, тягой к образованию, дисциплинированностью, что во многом и обеспечило стремительный прогресс в этих странах.

Важным внутренним источником финансирования модернизации в АЮС может стать перераспределение сырьевых доходов, а внешним – инвестиции со стороны потребителей африканского сырья (США, ЕС, Китай и др.) в развитие инфраструктуры, передача развитыми странами технологий для становления «зеленой экономики», а также опыта социальной трансформации отсталых обществ (Бразилия). Но как реализовать на практике эти пожелания? Официальная помощь развитию, идущая на социальные расходы стран АЮС, недостаточна и часто неэффективна. Передача технологий и средств для формирования «зеленой экономики» со стороны стран экономического авангарда пока минимальна. Инвестиции в инфраструктуру идут, но в первую очередь они отвечают интересам потребителей сырья, то есть связывают районы его добычи с портами и не всегда «работают» на цели развития.

Расширение многостороннего сотрудничества по линии Юг–Юг дало африканским государствам определенную свободу рук. Появилась возможность

пересмотреть свои программы развития без масштабного вмешательства правительств и агентств помощи Запада, а также вынудить МВФ и ВБ изменить свою кредитную политику в отношении африканских стран. Они смогли более энергично отстаивать свои интересы в сфере торгово-экономических отношений со странами ЕС.

Но теперь возникла другая проблема – необходимость избавиться от плотной опеки «азиатских друзей». Отношение африканцев к китайской торгово-экономической экспансии нельзя оценивать как однозначно положительное. Китай предоставляет Африке большие возможности, но одновременно несет и угрозы. В их числе – наплыв дешевой китайской продукции, неэквивалентный обмен невозобновляемых природных ресурсов на китайскую конечную продукцию или полуфабрикаты. Недовольство вызывает и несправедливая система оплаты труда африканских рабочих и служащих на китайских предприятиях в АЮС, а также завоз рабочей силы из Китая при переизбытке местных кадров низкой квалификации. К тому же многие страны континента имеют отрицательный баланс внешней торговли с КНР. И, конечно, существуют обоснованные опасения, что все эти кредиты, инвестиции и т.п. служат обогащению местной элиты, а не нуждам широких слоев населения и решению проблем развития африканских стран.

Государство как субъект развития. Сейчас признание ведущей роли государства в модернизации стран Юга стало общим местом. Однако в странах АЮС, за редким исключением (Ботсвана, Эфиопия, Руанда), отсутствуют предпосылки для формирования *developmental state* с национальным проектом социально-экономической трансформации в течение жизни одного поколения и в рамках национального консенсуса. При этом также необходимо, по мнению экспертов ЭКА, наличие эффективной бюрократии и социального контракта между государством, частным сектором и гражданским обществом о взаимной ответственности по реализации этой стратегии.

Лозунг развития, выдвинутый более полувека назад, потерял свой мобилизующий эффект. Это объясняется и неудачами предыдущих стратегий модернизации, в лучшем случае лишь стимулировавших некоторый экономический рост, а также многочисленных национальных программ развития до 2020 г. или 2025 г., по большей части малоуспешных. Разработавшие эти программы элитарные группировки стали – по мере углубления процессов глобализации – частью потребительского западного общества, его интеллектуальных, культурных, деловых прослоек. Их видение перспективы ограничено «догоняющим путем» развития, если они вообще думают о развитии, а не о своих корыстных интересах. Между правящими группами и основной (традиционалистской) частью населения – пропасть; более того, нарастают старые и возникают новые противоречия, усиливающие политическую нестабильность. Почти во всех государствах Субсахарской Африки сохраняется конфликтно-кризисный характер взаимодействия власти с массами. Большинству авторитарных политических режимов, несмотря на пробивающиеся ростки политического плюрализма и гражданского общества, не удастся укрепить государственность и создать эффективные механизмы политического управления. Более того, на фоне экономических успехов первого десятилетия XXI в. растет дестабилизация многих субсахарских стран⁴⁴⁴, что свидетельствует о сохранении/углублении процессов десуверенизации и даже

⁴⁴⁴ См.: Лебедева Э. К югу от Сахары. Страны АЮС в меняющемся мире // Свободная мысль. 2012. № 7–8.

возможной «сомализации» некоторых государств, подтверждая вывод российских ученых об «ускользании» суверенитета из современной политической практики⁴⁴⁵.

Не случайно визитной карточкой АЮС остается феномен «хрупких/гибнущих/несостоявшихся» государств (*fragile/failing/failed states*). Этот феномен возник после окончания холодной войны, когда Африка, бывшая до того важным плацдармом противостояния двух систем, оказалась на периферии внимания мировых держав, что обострило кризисные явления в ряде стран континента южнее Сахары. С первой половины 90-х годов началось обсуждение проблемы «слабых/гибнущих/несостоявшихся государств»⁴⁴⁶, в том числе с точки зрения их негативного влияния на глобальную безопасность. Речь идет об использовании таких государств террористами, криминальными группировками или экстремистскими организациями, о расползании насилия за границы этих государств и об образовании зон «неконтролируемой анархии».

К концу 2000-х годов концепция *fragile/failing/failed state* все более оказывается в центре международного дискурса о развитии, став, в частности, центральной темой первого Европейского доклада по развитию (2009 г.) и доклада ВБ о мировом развитии в 2011 г. До сих пор нет четкого общепринятого определения «хрупких», «гибнущих» или «несостоявшихся» государств. По сути речь идет о годности/умении государства, во-первых, осуществлять законы на всей территории страны и обеспечивать стабильность и безопасность; во-вторых – добиваться общественной лояльности к правящему режиму и его политике; и, в-третьих – предоставлять населению базовые социальные услуги (здравоохранение, образование, социальная защита, регулирование социально-экономической активности) и мобилизовать общественные ресурсы для развития страны⁴⁴⁷. При этом рейтинги «хрупких» государств показывают, что они сталкиваются с разными вызовами и поэтому требуются разные подходы к преодолению проблем этих государств со стороны как правящих элит и общества, так и внешних партнеров.

Состав групп не статичен и не постоянен. Прочно застолбили место в десятке наиболее уязвимых государств ДРК, где центральная власть неспособна положить конец насилию на востоке страны и обеспечить базовые потребности населения, и Сомали, где попытки восстановить государственность пока малоуспешны. Но в категорию «хрупких» государств может переместиться Мали – страна, находящаяся фактически в состоянии распада, а также вновь образованное государство Южный Судан, демонстрирующее свою полную несостоятельность, наряду с Суданом, где наблюдается крайне напряженная ситуация в ряде провинций. Список «хрупких» могут пополнить также и некоторые другие страны АЮС.

Зарубежные ученые уделяют большое внимание вопросам экономических потерь, связанных с последствиями «хрупкости» для развития как самих включенных в эту категорию государств, так и их соседей. По подсчетам директора Центра исследований африканской экономики Оксфордского университета П. Кольера и его коллег, общие потери, вызываемые эффектом «гибнущих» государств, или *failing states* (по классификации ВБ), равны примерно 276 млрд. долл. в год. Это в два раза больше, чем официальная помощь развитию со стороны стран ОЭСР, если бы она равнялась 0,7% их ВВП⁴⁴⁸. Кольер акцентирует внимание и на другом важном

⁴⁴⁵ См. подробнее: Асимметрия мировой системы управления: зоны проблемной государственности. М., 2011.

⁴⁴⁶ Разногласия в терминах не преодолены до сих пор.

⁴⁴⁷ См.: *Fragile States. Causes, costs, and responses*. Oxford, 2011. P. 47.

⁴⁴⁸ Подробнее см.: *Ibid.* P. 18–19, 100, 106.

аспекте, а именно – на проблеме суверенитета «хрупких» государств в ситуации, когда негативное воздействие происходящих там катаклизмов на соседние страны вызывает с их стороны фактическое непризнание суверенитета указанных государств.

Все это влияет на отношение нынешних африканских элит к государственному строительству, к взаимосвязям государства и общества. Внимание фокусируется на проблемах «социальной связанности» (*social cohesion*), формирования чувства общности, национальной идентичности, а значит, и легитимности государства. Ставка делается – особенно в странах, переживших гражданские войны и другие масштабные насильственные конфликты – на государственное строительство «снизу» (*bottom up*). Иначе говоря, на использование отторгнутых было эндогенных (традиционных) институтов и механизмов управления, легитимных в глазах населения, которые нередко «срабатывали» при распаде политико-государственных структур в центре и на местах. Неформальные автохтонные институты берут на себя функции по обеспечению безопасности населения, предоставлению ему социальных услуг, управлению ресурсами. Самый яркий пример – Сомали.

История отношений правящих политико-государственных структур в странах АЮС с традиционными институтами изобилует разнонаправленными трендами – от отторжения последних как символов «отсталости» (вплоть до репрессий против вождей и старейшин) до поисков путей наиболее конструктивного сотрудничества с автохтонными институтами в целях укрепления национальной идентичности и мобилизации населения на проведение реформ.

Более полувека в политических и научных кругах идут дебаты между «традиционалистами» и «модернистами» о роли автохтонных институтов в общественно-политическом развитии стран АЮС. Дискуссия приобрела наиболее острый характер в последние два десятилетия, поскольку процессы политической либерализации и децентрализации управления выдвинули на передний план вопросы власти и легитимности, особенно на локальном уровне. «Модернисты» утверждают, что институциональные формы либеральной демократии универсальны, а традиционная власть геронтократична, авторитарна, шовинистична и т.п., в общем, она является реликтом прошлого и препятствует демократическим переменам. «Традиционалисты», напротив, считают, что традиционные институты являются наиболее адаптивными структурами и, если они даже сильно изменились, сохраняют историческую укорененность в социуме. Они видят в «традиции» – даже оспариваемой – ресурс укрепления сообщества и преодоления многих негативных явлений, связанных с насаждением институтов западной либеральной демократии в Африке. И «модернисты» и «традиционалисты» рассматривают конкуренцию между вождями и избранными политическими акторами как игру с нулевой суммой: укрепление власти традиционного правителя трактуется как ослабление государственной власти и наоборот. Насколько оправдан такой дихотомичный подход?

Главной слабостью этих дебатов является отсутствие солидной эмпирической базы. Поэтому в начале 2000-х г. ученые из Афробарометра (объединение исследователей из Мичиганского госуниверситета (MSU), Института демократии Южной Африки (IDASA) и Центра демократического развития (CDD) Ганы), наконец-то, решили выяснить позицию рядовых африканцев по этой проблеме. Было проведено два тура (1999-2001 и 2002-2003 гг.) социологических опросов населения 15 стран в Западном (Гана, Нигерия, Мали, Сенегал), Восточном (Кения, Танзания, Уганда, Замбия) и Южном (Ботсвана, Лесото, Малави, Намибия, Зимбабве,

Мозамбик, ЮАР) регионах АЮС. Вопросы затрагивали такие проблемы как отношение рядовых африканцев к традиционным политическим системам в качестве альтернативы выборной модели демократии, доверие к вождям и старейшинам, уровень контактов с ними для решения жизненно важных вопросов, в том числе конфликтных ситуаций. По результатам опросов более 40 тысяч респондентов (при всей вариативности их ответов) главный вывод исследователей из Афробарометра таков: для африканцев *сосуществование* традиционных и выборных современных институтов – принимаемая ими реальность. Большинство африканцев, живущих в этой дуальной системе власти, на локальном уровне видят эти институты как две стороны одной медали. Позитивное восприятие вождей может идти рука об руку с позитивным отношением к избранным лидерам. «Вожди и члены местной администрации, султаны и парламентарии, короли и президенты – все они населяют единый, интегрированный политический универсум, который – лучше или хуже – формирует жизнь каждого индивида. В восприятии рядовых африканцев вожди и демократия действительно могут сосуществовать»⁴⁴⁹.

В то же время в ходе опроса населения 15 государств на ключевой вопрос о том, кто, по их мнению, должен управлять страной более половины респондентов (54%) отвергли возможность выполнения этой функции традиционными лидерами. Но еще больше респондентам не нравились однопартийный режим (против него выступили две трети опрошенных, 66%) и, особенно, правление военных и установление президентской диктатуры (по 77%). Существует, однако, значительный разброс мнений по этому вопросу по странам и социально-демографическим группам. Против управления страной традиционными лидерами выступает всего лишь треть респондентов в Мозамбике, главным образом потому, что вожди сыграли важную роль в прекращении многолетней гражданской войны. А в Танзании и Замбии, где при Дж. Ньерере и К. Каунде проводились более или менее жесткие кампании по насаждению национальной идентичности взамен этнической, такой позиции придерживается до трех четвертей опрошенных. Отторгают традиционные политические системы как альтернативу демократии и от половины до трех четвертей опрошенных из числа молодежи, городских жителей, и, особенно, людей, имеющие среднее и высшее образование⁴⁵⁰.

А вот с точки зрения роли различных институтов в повседневной жизни африканцев, определяемой, в частности по количеству их контактов с вождями и старейшинами, с одной стороны, и представителями государственно-политических структур, с другой, последние явно уступают первым. Африканцев волнует эффективность институтов по защите их интересов, в частности управления местными ресурсами (земля, вода), обеспечения безопасности населения, а также возможность высказать свое мнение по жизненно важным для них вопросам и быть услышанными и т.п., а не демократичность/антидемократичность институтов. Наименее востребованными оказались парламентарии (12% опрошенных), затем министерские служащие (15) и партийные функционеры (18), с вождями же и старейшинами контактировало 35% респондентов. В десяти странах из пятнадцати, особенно в Лесото, Кении и Малави, традиционные институты оказались более востребованы и уважаемы, чем в ЮАР, Уганде, Гане, Танзании. Причин тому множество. Так, в Лесото, по мнению исследователей из Афробарометра, решающую роль играет этническая гомогенность населения. В Уганде удалось создать эффективную систему органов местного управления, о чем свидетельствует

⁴⁴⁹ Logan C. Traditional leaders in modern Africa: can democracy and the chief co-exist? // Afrobarometer Working Paper. № 93. P. 2. http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADL326.pdf.

⁴⁵⁰ См.: ibid. P. 8, 9.

то, что к ним для решения своих проблем обращались 71% респондентов, к вождям и старейшинам – 21, партийным функционерам – 9, правительственным служащим и парламентариям – по 16%⁴⁵¹. В этих условиях ключевой проблемой остается преодоление гибридного характера политической культуры африканцев и продуктивный синтез автохтонных и современных институтов управления в целях формирования/укрепления национальной идентичности в этно- и конфессионально гетерогенных африканских государствах.

Укрепить национальное единство пытаются и другими путями. В Ботсване, например, чувство национальной идентичности формируется вокруг языка, традиций и символов тсвана – самого большого и доминирующего в стране этноса. Но в последние годы поднимается волна выступлений этнических меньшинств в защиту своих собственных языков и истории. В этом случае сравнительно справедливое распределение доходов от эксплуатации национальных ресурсов обеспечивает политическую стабильность и возможность представителям меньшинств, получившим соответствующее образование, занимать места в управленческом аппарате. В Гане, Танзании, ЮАР более или менее успешно реализуется политика формирования «нации наций» путем снятия противопоставления национальной и этнической/расовой идентичностей. Гана, одна из стран с наибольшим чувством общности, уже несколько десятилетий активно проводит политику национальной интеграции. Делаются инвестиции в инфраструктуру, образование и здравоохранение в беднейших северных районах, поддерживаются обучение и использование телевидения и радио на всех крупных местных языках, запрещено формирование партий на этнической, религиозной и региональной почве. И в итоге – обеспечивается этнорегиональный баланс в политической сфере.

В одном за другим государствах АЮС расширяется участие низкостатусных слоев населения, в первую очередь женщин, в политической жизни. Для них, к примеру, резервируются места в законодательных органах власти, в местном и центральном управлении. Пионером здесь является Руанда, где женщины составляют 38% министров, 36 – сенаторов, 56 – депутатов нижней палаты парламента, 40 – губернаторов и 36% – судей. К середине 2012 г. еще семь субсахарских стран, а именно Сейшель, ЮАР, Мозамбик, Ангола, Уганда, Танзания и Бурунди оказались в топ-списке 30 государств мира, в парламентах которых почти треть депутатов – женщины⁴⁵². И хотя во многих случаях участие женщин в законотворчестве и управлении на разных уровнях носит формальный характер, наблюдается явный тренд к повышению социально-экономического статуса женщин и изменению политической культуры африканских обществ.

На повестке дня – вопрос об адекватности унитарной формы государственности в условиях фактического разделения на клановой, этноконфессиональной и региональной основе многих стран, в частности, на отсталый мусульманский север и развитый христианский юг. В Сомали преодоление клановой раздробленности страны видят в строительстве федеративной государственности, а в Нигерии идет обсуждение путей реформирования нынешнего федеративного устройства. Все эти меры имеют определенный успех в укреплении легитимности правящих режимов, горизонтальных и вертикальных связей, но преодолеть кризис модели национальной государственности все же не удается.

Перспективы регионализма. Наиболее перспективный путь комплексного решения проблем, касающихся развития стран АЮС, состоит в укреплении

⁴⁵¹ См.: *ibid.* P. 10.

⁴⁵² См.: *Political Studies Review*. September 2012. P. 374.

региональной интеграции в соответствующих четырех (западный, восточный, центральный и южный) культурно-географических регионах и в субсахарском ареале в целом. Новое поколение африканских лидеров рассматривает регионализм как ключевой элемент в решении проблем безопасности (политической, продовольственной, экологической) и экономического развития (в первую очередь создания транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры), а также миграции и демографии. Ведь отдельные государства, особенно «хрупкие», а их в АЮС большинство, сами не имеют возможности справиться с этими проблемами. В своей стратегии содействия африканским странам ЕС, ВБ и другие международные институты, наряду с помощью «хрупким» государствам, все большую ставку делают на регионализм. С 2007 г. ВБ увеличил с 1,8 млрд. до 3,6 млрд. долл. ассигнования на программы поддержки континентальной интеграции при создании транспортной, энергетической, коммуникационной и трансграничной водной инфраструктуры. Эти отрасли услуг, по мнению ВБ, критически важны для обеспечения экономического роста, повышения конкурентоспособности стран АЮС в глобальной экономике, увеличения занятости и преодоления бедности.

Проводниками интеграции несколько десятилетий служили, но без особого успеха, региональные экономические сообщества (РЭС). Ситуация начала меняться в 2000-е годы по мере включения африканских стран в глобализационные процессы с их стремительным нарастанием интеграции в мировой экономике. Развитие торгово-экономических отношений Восточноафриканского сообщества (EAC), Сообщества стран общего рынка Восточной и Южной Африки (COMESA), Южноафриканского сообщества развития (SADC) в различных форматах с нерегиональными традиционными и новыми акторами дало определенные результаты. В COMESA объем взаимной торговли между странами-участницами в 2009 г. достиг 5,7 млрд. против 665 млн. долл. в 1999 г. Правда, его экспорт (2009 г.) в неафриканские страны составил 108 млрд. долл. В 2000–2010 гг. внутрирегиональный экспорт EAC вырос втрое – с почти 700 млн. долл. до почти 2 млрд. долл. и лишь немного уступает общему объему экспорта в зону евро⁴⁵³.

Тем не менее существует много факторов экономического, организационно-институционального, социокультурного, политического и иного характера, препятствующих становлению РЭС и региональной интеграции. И вообще регионализм в его классическом, пространственно ограниченном виде, ориентирующемся на «жесткие» интеграционные форматы постепенно уходит в прошлое. Он во многом исчерпал свой экономический и геополитический ресурс, а практика интеграции все более удаляется от «жестких» форм, предполагающих наднациональное регулирование⁴⁵⁴. Поэтому образование интеграционных мегаблоков, таких, например, как Африканское экономическое сообщество, задуманное еще в 1981 г., вряд ли возможно и целесообразно. Нереальным видится и возможность слияния, как это предложено Африканским союзом и ЭКА еще в 2006 г., существующих на континенте 14 группировок и образование вместо них пяти региональных сообществ. Более конструктивной выглядит идея координации деятельности отдельных РЭС в целях формирования зон свободной торговли. Хотя выполнение решения саммита АС (январь 2012 г.) создать к 2017 г. континентальную свободную зону вряд ли будет реализовано.

Называясь экономическими сообществами, EAC, SADC, Экономическое сообщество стран Западной Африки (ECOWAS) формировались как политико-экономические группировки. В них, по примеру Африканского союза, были

⁴⁵³ См.: Финансы и развитие. МВФ. Декабрь 2011. С. 56.

⁴⁵⁴ См.: Спартак А. Современный регионализм // МЭМО. 2011. № 1.

образованы парламенты, что свидетельствует о стремлении сформировать широкую демократическую базу объединений путем вовлечения в интеграционный процесс гражданского общества, политических партий, экономических игроков. Более того, в документах ECOWAS и EAC присутствует идея создания на основе этих объединений федеративных государств. Однако данная идея вряд ли имеет шансы быть реализованной даже в долгосрочной перспективе. Ведь эти и другие регионы АЮС, как показано выше, остаются зонами проблемной государственности с тенденцией дальнейшей десоверенизации.

«Эта ситуация требует переосмысления самого понятия суверенитета в тесной связке с концептом и практикой коллективного суверенитета, который представляется единственно вероятной альтернативой, если африканские государства не хотят лишиться даже формального суверенитета, унаследованного от колониальной эпохи»⁴⁵⁵, – пишет Ж. Мангала, директор африканских исследовательской программы в *Grand Valley State University* (Мичиган, США). Коллективный суверенитет потребует, считает он, независимого регионализма, нацеленного на интеграцию в глобальную систему, но при опоре на стратегию развития, учитывающую интересы африканских стран. Однако проблема делегирования части суверенитета региональным наднациональным структурам остается наиболее чувствительным моментом для государств-членов РЭС. Поэтому, по всей видимости, данная проблема будет решаться путем межправительственных согласований в рамках РЭС. Это уже происходит в плане обеспечения мира и стабильности, а также поддержания конституционного порядка в государствах-членах ECOWAS и SADC. В перспективе концепция коллективного суверенитета найдет признание, поскольку предполагает сохранение и укрепление государственного суверенитета африканских стран в рамках экономических сообществ и одновременно становление РЭСов как субъектов международно-политических процессов. Таким образом, Субсахарская Африка поднимается, но этот процесс носит крайне противоречивый и неравномерный характер. В этих условиях наиболее предпочтительным является, на мой взгляд, стратегическое прогнозирование развития в масштабах регионов, которое учитывало бы их местные возможности и риски, а также последствия активного включения африканских стран в процессы глобализации.

* * *

Небывалый экономический подъем 2000-х годов в АЮС может остаться заметным феноменом «роста без развития», а может стать прологом к социально-экономической модернизации региона, если африканцы извлекут уроки из своего опыта. Субсахарские страны опробовали различные модели модернизации на пути догоняющего развития. Тем не менее в большинстве стран АЮС не сложился ведущий субъект модернизации в лице современных классов либо государства. Экономический подъем в АЮС начала XXI века, главным субъектом которого является иностранный капитал, стимулировал определенное расширение среднего класса и активизацию местного частного сектора, где важную роль начинают играть молодые предприниматели, работающие в сфере освоения новых технологий. Они уже становятся агентами развития. В то же время правительства стран АЮС с конца 90-х годов начали проводить политику привлечения членов африканских диаспор, которых насчитывается примерно 30 млн. человек и которые переводят на родину

⁴⁵⁵ Africa and the New Globalization. Aldershot, Burlington, 2008. P. 114.
255

(учитывая неформальные переводы) около 60 млрд. долл. ежегодно. В первую очередь это относится к квалифицированным кадрам. Лидеры субсахарских стран, не ослабляя усилий по их возвращению на родину, пытаются использовать не только их средства, но знания и глобальные связи в целях экономического развития. Ведь высококвалифицированные и, вообще, высокооплачиваемые мигранты большую часть переводов стремятся инвестировать в производительный сектор экономики стран своего происхождения. К тому же появилось новое поколение африканских предпринимателей, получивших образование за границей, занятых, в частности, в сфере коммуникаций и высоких технологий и вышедших на международный уровень.

Итак, проблема ведущего субъекта модернизации стран АЮС пока остается открытой. Однако это не отменяет основного вывода: Субсахарская Африка, не имеющая шансов – да и не желающая этого – остаться вне процессов глобализации и, естественно, модернизации, нуждается в выработке собственной стратегии развития, адекватной ее внутренним потребностям и возможностям и одновременно отвечающей на вызовы XXI века. К африканцам уже приходит осознание необходимости сочетать структурные преобразования на основе диверсификации экономики, столь необходимые для обеспечения экономического роста и подъема благосостояния населения, с рациональным и продуктивным использованием ресурсного потенциала. И, главное, понимание того, что экономическая и технологическая модернизация должна опираться на модернизацию социальную, повышающую качество человеческого капитала. Без этого невозможно добиться устойчивого развития.

В.Г. Хорос

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Вместо» – поскольку авторский коллектив не претендует на какие-то окончательные выводы и категоричные заключения. Не только в силу сложности и неоднозначности рассматриваемой темы, но и потому, что в современном мире заметны черты переходности, и результаты тех или иных процессов кристаллизуются, более четко проявляются через какое-то время.

Тем не менее, сегодня уже несомненно, что главным катализатором изменений в мире является процесс глобализации с его амбивалентными, противоречивыми последствиями – в том числе для отношений Центра, Периферии и Полупериферии, между странами Севера (Запада) и Юга (Востока). Стимулированная научно-технической революцией, бурным ростом электронных технологий, глобализация в мировой экономике выдвигает на лидирующие позиции транснациональные корпорации (преимущественно из стран Центра), наднациональные финансовые институты (служащие опять-таки в первую очередь интересам Запада). Создается по-настоящему планетарное рыночное пространство. Вместе с тем уменьшается роль национальных государств и их возможностей экономического регулирования; усиливается глобальная и региональная экономическая и политическая нестабильность; обостряются неравномерности – не только между развитыми и более отсталыми странами, но и внутри них. К этому можно прибавить проявления так называемой «негативной глобализации» – международную преступность, наркотрафик, терроризм.

В процессе глобализации обозначилась *новая линия размежевания* между Центром и Периферией. Страны Севера (Запада) в целом завершили модернизацию (создание индустриального общества массового потребления) и перешли на постиндустриальную стадию. Последняя характеризуется формированием «экономики знаний» на базе информационного хай-тека, уменьшения значения и доли в ВВП индустриального производства и роста сферы услуг, которая в некоторых странах Запада абсорбирует почти три четверти занятого населения. Производство индустриальной продукции все в большей мере сосредотачивается в странах Периферии и Полупериферии, где именно сегодня по-настоящему разворачивается *этап индустриализации*. Происходит это либо путем прямого переноса значительной части индустриального сектора из стран Севера (Запада) в страны Юга (Востока), либо посредством прямых инвестиций и предоставления рынков сбыта под соответствующие товары.

Процесс этот берет начало несколько десятилетий назад, когда сначала Японии, а затем четырем «драконам» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) был предоставлен «режим наибольшего благоприятствования» для промышленного рывка (так называемое *development by invitation*, развитие по приглашению), и указанные страны сумели прекрасно воспользоваться этим шансом. Тогда данная политика была продиктована главным образом геополитическими соображениями, необходимостью противопоставить опыт «успеха капитализма» коммунистическому влиянию в Азии. Но в дальнейшем стимулирование индустриализации в странах Периферии и Полупериферии диктовалось уже интересами создающегося постиндустриального общества в Центре (перенос на Юг и Восток как правило трудоемких и экологически «грязных» производств с выигрышем от несравненно меньших издержек на оплату труда).

Таким образом, в мировой экономике происходит *значительный сдвиг в международном разделении труда*. Поскольку индустриальная продукция менее развитых стран идет на рынки стран развитых, можно говорить о *появившейся взаимозависимости* между Центром и Периферией. Но, во-первых, далеко не все страны Юга (Востока) входят в такую кооперацию. Лишь немногие из них (прежде всего Китай, а также Индия, Бразилия, Мексика и некоторые другие) становятся своего рода «мастерскими мира» и даже в той или иной мере приобщаются к высокотехнологичной продукции. Во-вторых, индустриальные предприятия в этих «передовых» менее развитых странах являются во многих случаях филиалами ТНК и занимаются большей частью сборкой изделий, так что технологическое «первородство» и превосходство остается за странами Запада. И в этом смысле можно говорить о *видоизменении форм зависимости* Периферии или Полупериферии от Центра. Хотя сырьевая ориентация и соответствующий тип зависимости от развитых стран для ряда стран Юга и Востока остается.

Помимо технологической зависимости стран Периферии от Центра, сегодня можно говорить также о *финансовой зависимости*. Постиндустриальная стадия в развитых странах принесла беспрецедентное разбухание финансовой сферы, которая через посредство международных финансовых организаций (МВФ, МБРР, ВТО и др.) приобрела какие-то функции наднационального управления (или воздействия). С этим в значительной мере были связаны участвовавшие финансовые кризисы в странах Юга и Востока, а также обременительные долговые проблемы в этих странах.

В целом за прошедшие десятилетия существенно усилилась дифференциация между странами бывшего «третьего мира», поскольку к существовавшим и ранее различиям между ними добавились различия по принципу *большей или меньшей встроенности в глобализацию*, получения выгод или проигрышей для нее. В этом плане преуспели немногие индустриальные страны-гиганты (Китай, Индия, Бразилия), а также некоторые НИСы (Малайзия, Таиланд и пр.), не говоря уж о первых «драконах» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), которые из развивающихся превратились в развитые государства. Что же касается подавляющего большинства других стран Востока и Юга, то они по существу остаются на обочине развития, что свидетельствует о несостоятельности расхожего идеологического тезиса о мнимом равенстве всех перед глобализацией.

Хотя общая доля экономики незападного мира растет (уже сейчас, например, объем азиатских экономик превышает экономический «вал» стран ОЭСР), но рост этот происходит за счет все тех же немногих стран-гигантов (прежде всего Китая), а технологический «лаг» между ними и Западом сохраняется. По мнению ряда экспертов, даже Китай и Индия не смогут перейти на постиндустриальную фазу развития «в обозримом будущем» (С.И. Лунев). Что же касается других параметров, в частности, такого ключевого показателя как ВВП на душу населения, то несмотря на его постоянный рост во многих периферийных странах, разрыв между ними и развитым миром за прошедшие десятилетия «практически не изменился» (А.Я. Эльянов). И это опять-таки свидетельствует об относительности успехов развития на мировой Периферии и Полупериферии.

Помимо внешних факторов, развитие в этих странах наталкивается на различные тормозящие обстоятельства или препятствия. В большинстве указанных стран медленно происходит формирование *среднего класса*, который способен стать локомотивом развития. За исключением некоторых обществ Северо-Восточной Азии и наиболее зрелых латиноамериканских социумов становление среднего класса в бывшем «третьем мире» носит очаговый характер (А.Г. Володин).

В социальной структуре стран Юга и Востока по-прежнему велики маргинальные слои, образующие громадный сектор *теневой экономики* (в некоторых странах – до половины и более населения). И хотя этот массив теневой занятости позволяет как-то поддерживать «на плаву» большой сектор общества, он же составляет барьер на пути экономического и социального прогресса, своего рода консервацией отсталости. Ликвидация или хотя бы смягчение данной проблемы может занять не одно десятилетие (Е.А. Брагина).

В свое время подключение к общемировому процессу модернизации бывших колоний и зависимых территорий Азии, Африки и Латинской Америки («третьего эшелона») совпало с обнаружением глобальных проблем, вставших перед человечеством и обозначивших для указанных регионов определенные ограничители развития. К числу таких глобальных ограничителей относится и *экологическая проблема*. Воздействие ее начинает ощущаться все более в странах Юга и Востока с их уязвимой окружающей средой – особенно там, где разворачивается интенсивная индустриализация (Китай, Индия, Бразилия и др.). И хотя необходимость перехода на программы «зеленого развития» в этих странах постепенно осознается, перехода пока не произошло в силу как определенной инерции мышления, так и нехватки средств – финансовых и технических. В принципе как технологическая, так и финансовая помощь могла бы придти от развитых стран, на которые экологические осложнения в регионах Юга (например, сведение тропических лесов в Южной Америке или Африке) также могут оказать негативное воздействие. Однако серьезного приступа к решению экологических проблем не происходит, – без чего непрочное и вряд ли возможно «устойчивое развитие», программа которого в свое время была провозглашена ООН (Н.Г. Рогожина).

Дифференциация среди менее развитых государств проходит как между странами, так и регионами. О «передовиках» Азии уже шла речь. Латинская Америка, – имея в виду не только таких лидеров как Бразилия, но и ряд других стран континента, – наконец, начала продвигаться к избавлению от внешней зависимости в процессе развития (В.А. Красильщиков). В наиболее сложном положении находится Тропическая Африка. Хотя в последние десятилетия наблюдается определенный экономический рост, он не конвертируется в социальный прогресс, что может обернуться продолжением «роста без развития», особенно характерного для этого континента (Э.Е. Лебедева).

Эпоха глобализации наложила отпечаток и на политическую жизнь незападных стран. Возник новый тренд: расслоение политических элит в странах Юга и Востока на апологетов глобализации, прозападно настроенных сторонников неолиберализма и «безбрежного» рынка – и национально ориентированных политиков и представителей бизнеса, отстаивающих национальные интересы, гарантом которых выступает государство. Например, в Китае и в экспертном сообществе, и в высшем руководстве есть «новые правые», выступающие за дальнейшее расширение рыночных факторов в экономике. Против них выступают «новые левые», хотя и не отрицающие рыночной экономики, но настаивающие на ее коррекции, придании ей большей социальной направленности, улучшении положения широких слоев трудящегося населения, учете особенностей Китая в контексте глобализации. До наглядности очевидно противостояние между «либеральным» и «национально-патриотическим» или «государственническим» направлением во властной среде и в обществе в современной России, где радикальные рыночные реформы проводились по западным рекомендациям в духе Вашингтонского консенсуса. И подобный водораздел в той или иной мере представлен практически в любой стране Юга и Востока.

Предыдущие десятилетия в этих странах проходили в соперничестве авторитарных и демократических форм правления. Авторитаризм и демократия остаются в этих регионах и сегодня (при определенном сдвиге в сторону внешних атрибутов демократии). Но как таковые институты авторитаризма и демократии играют все меньшую роль, уступая реальные властные функции неформальным, олигархическим и клановым структурам и будучи при этом все более подвержены коррупции. И это вполне объяснимо в эпоху всевластия денег, стимулированного процессами глобализации.

В ходе глобализации меняется конфигурация международных отношений в центрo-периферийной системе мира. Долгое время осью мировой политики была биполярность, соперничество сил вокруг «полюсов» СССР и США. С крушением мирового социализма мир на какое-то время стал выстраиваться на основе однополярности, гегемонии США и западного блока в целом.

Казалось бы, после эпохи «холодной войны» планета должна была стать более стабильной и безопасной, но этого не произошло. Заметной тенденцией международной жизни стала повышенная внешнеполитическая активность и различные формы экспансии Запада, включая силовые (расширение НАТО, перекройка карты Балкан и бомбардировки Югославии, вторжения в Ирак, Ливию, Афганистан и пр.), в то время как сдерживающие механизмы времен биполярности были утрачены. Эти политические и военные акции были дополнением экономической глобализации, наднационального дирижизма международных организаций (МБРР, МВФ, ВТО и др.).

Всякое действие рождает противодействие. В ответ на доминирование Запада в мировой экономике и политике стали усиливаться тенденции *регионализации* (Д.Б. Малышева), различные объединения стран в рамках тех или иных континентов, нацеленные на защиту своих региональных и национальных интересов (Меркосур, АСЕАН, ЛАГ, ШОС и др.). Возникают и надрегиональные альянсы, в частности БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). В каком-то смысле эти объединения напоминают Движение неприсоединения, в свое время имевшее определенное влияние в мировых делах. Но сегодня указанные союзы на международной арене играют более заметную роль, ибо их образуют государства, набравшие значительный экономический и политический «вес». И это является свидетельством того, что однополярный мир изживает себя, движется к многополярности.

Однако равновесную многополярную систему международных отношений еще предстоит создать. Пока же возникновение тех или иных «полюсов» чревато новыми осложнениями. Это в первую очередь относится к исламскому региону, в котором все более накапливается конфликтный потенциал. Будучи в каком-то смысле реакцией на проблемы глобализации и последствия политики Запада, исламские фундаменталистские движения становятся организаторами многочисленных межнациональных и межэтнических конфликтов и столкновений.

С другой стороны, и сами страны Центра далеки от стабильности. Свидетельством этого является мировой кризис 2008 г. и последовавший за ним долговой кризис в Европе. Возрастающая конфликтность современного мира, таким образом, многопричинна. Поэтому, по мнению некоторых авторов, ближайшее десятилетие с большей долей вероятности ознаменуется целым рядом серьезных геополитических и военных конфликтов в различных регионах Азии и Африки и с тем или иным участием западных держав (В.И. Пантин, В.В. Лапкин).

Глобализация оказывает на мир противоречивое воздействие и в идейно-культурном плане. Лозунги демократии, свободы, прав человека и т.д.

«срабатывают» все меньше – зачастую из-за двойных стандартов в их применении со стороны правящих элит самих западных стран. Хотя до «войны цивилизаций», если использовать термин С. Хантингтона, дело не доходит, тем не менее можно констатировать оживление и, так сказать, рост амбициозности цивилизаций Юга и Востока, что в определенной мере можно расценить как реакцию на унифицирующее-нивелирующий характер глобализации с ее лозунгами «единой мировой цивилизации» и «общечеловеческих ценностей». С этим связан и современный так называемый «религиозный ренессанс», рост активности мировых религий и религиозных движений (особенно в мусульманском мире) с их неоднозначными последствиями (Е.Б. Рашковский).

Новая эпоха создает необходимость коррекции или уточнения исследовательского инструментария в изучении центрo-периферийных отношений и самой «материи развития». Хотя термин «развивающиеся страны» еще продолжает употребляться по инерции в научной литературе, он, как представляется, уже не отражает истинной реальности. Но только потому, что большинство развивающихся стран практически «не развиваются»⁴⁵⁶, но потому, что указанные страны уже трудно подвести под некоторый общий знаменатель. Поэтому появляются различные уточняющие обозначения – «новые индустриальные страны», «индустриальные страны-гиганты», «нефтедобывающие страны», «наименее развитые страны», «традиционный Юг», «глубокий Юг» и другие. Очевидно, что этот процесс уточнения будет продолжаться.

Вызывает сомнения категория «догоняющего развития». Не потому, что для тех или иных незападных стран достичь уровня техники и обустройства жизни стран Запада в принципе невозможно – ведь сделали же это Япония, Южная Корея или Сингапур. Но, во-первых, это особый случай относительно небольших стран, успехам которых сопутствовали благоприятные исторические предпосылки. Но вряд ли возможно достижение Китаем или Индией с их гигантским населением уровня жизни США или Германии – для этого просто не хватит мировых ресурсов. Во-вторых, – и это главное – это и не нужно, ибо заданный западными стандартами культ избыточного потребительства изживает себя. Вопрос в другом: сможет ли какая-либо страна Юга или Востока предложить иную модель общества, альтернативную западной? Китай, например, похоже претендует на это. Но реальность пока далека от претензий.

Нуждается в осмыслении сама категория «развитие», тем более, что в последнее время она в немалой мере лишилась своей значимости (вместо нее стали говорить об «адаптации», «эффективности», «росте» и пр.). В нашем центре проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН действует межинститутский семинар «Современные проблемы развития», на котором мы имели возможность убедиться в существовании весьма различных, порой экстравагантных толкований понятия «развитие», – например, что оно может быть нисходящим, тупиковым, разрушающим и т.п.⁴⁵⁷ Конечно, понятие «развитие» – многоаспектное, широкое, но не безбрежное. Оно сконцентрировано, во-первых, вокруг развития человека, его деятельностных потенций, прогресса материальных и интеллектуально-духовных компонентов его бытия. Во-вторых, поскольку имеется в виду прогресс не

⁴⁵⁶ По расчетам известного экономического эксперта Освальдо де Риверо, работавшего в структурах ГАТТ, ВТО и ООН, из 134 стран Юга и Востока в 96 ежегодный рост за полвека (1960-2008 гг.) не превышал 2,6%, а в 37 составлял лишь 3%, что не выводит их из границ слаборазвитости (Oswaldo de Rivero. The Myth of Development. Non-viable economies and the crisis of civilization. L. a. N.Y.: Zed books.

⁴⁵⁷ Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара. М.: ИМЭМО РАН, 2010, с. 15, 36 и др.

отдельного человека, но общества, то развитие предполагает распространение его на значительную массу, а то и большинство общества (хотя эти пропорции в разных странах и эпохах могут варьироваться). Если же плодами экономического роста пользуются немногие, политическое участие большинства общества отсутствует, система образования элитарна и т.п., то реального развития не происходит. И в этом плане глобализация далеко не всегда способствует развитию.

И последнее – о месте и интересах России в контексте центрo-периферийных отношений. К сожалению, за постсоветские десятилетия Россия в ходе поспешных рыночных реформ, обернувшихся тенденциями деиндустриализации и сырьевой ориентацией экономики, эволюционировала в сторону «периферийности», хотя некоторые признаки развитой страны у нее остались (уровень вооружений, заделы в сфере науки и пр.). Вопрос в том, куда пойдет движение от этой развилки. Сегодня Россия сумела вернуться в большую политику. Однако провозглашенный курс на модернизацию пока не реализуется на деле. Постиндустриальное общество и инновационная экономика не могут существовать анклавами, они вырастают лишь на развитой индустриальной базе (в случае нашей страны – на базе реиндустриализации и завершения модернизации, осуществлявшейся в советский период). Раз уже не получилось быстро «стать Европой», как провозглашалось в 90-е годы, в ходе «непродуманных и неэффективных реформ, России необходимо изучать и активно использовать (разумеется, с учетом специфики и собственных традиций) опыт США, стран ЕС, Китая, Бразилии, Индии, Южной Кореи и других успешно развивающихся государств, т.е. тесно взаимодействовать со странами, представляющими в современном мире различные модели политического и социально-экономического устройства» (В.И. Пантин, В.В. Лапкин).